

И ЗАЛПЫ
БАШЕННЫХ ОРУДИЙ...

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

И ЗАЛПЫ
БАШЕННЫХ ОРУДИЙ...

Жаба порой не только душил, но и стреляет из всех башенных орудий. Младший командор рейдера «Гладиус» Виктор Середа убедился в этом на собственной шкуре, когда вместе с оставшимися в живых членами экипажа Копаныгиным и Таппи вынужден был срочно катапультироваться на планету Гаганда. Причем делать это пришлось под шквальным огнем вескусианского крейсера. Вескусиане оказались негуманоидами и больше всего напоминали серо-буро-малиновых жаб, за что и получили прозвище себумы. Но с жаб какой спрос? Их надо мочить! Из всех башенных и безбашенных орудий и до полной зачистки! Правда, себумы с этим не спешили соглашаться. И как ни странно, с этим были не согласны и некоторые земляне. Предатели-пацифисты умудрились проникнуть даже в состав спешно созданного Добровольческого флота. Ну, с этими у Середы разговор был особенно краток...

Валерий Большаков

И залпы башенных орудий...

Меня дико раздражает людская привычка придавать вселенский масштаб своим мелким дрызгам и заварушкам. Так и хочется заорать: «Человечество! Чего ты пыжишься?!»

Да ты хоть раз в жизни на небо в телескоп глядело? Ну и что? Не проняло? Не дошло до тебя?

В Галактике, дорогое человечество, сто миллиардов звезд! И у каждой второй целый выводок планет! Ты подсчитало, сколько на них копошится всяких цивилизаций? А сколько таких же, как ты, гуманоидных и не слишком гуманоидных рас колотят себя в грудь руками, лапами и псевдоподиями, до колик доводя космос утверждениями о собственной божественной избранности и великом предназначении? Устал я от тебя, человечество...

Вот кончилась война с себумами. И что? Слышали уже, как ее назвали? Первая Галактическая война! Тьфу! Меня это просто бесит! Ну какая она к черту Галактическая?! Ну порезвились мы маленько в десятке звездных систем. Ну наследили в радиусе ста пятидесяти световых лет. И что с того? Да девяносто девять процентов разумных во всем Млечном Пути даже знать не знали о наших разборках и ведать не ведали о том, что деется в нашем спиральном рукаве, на галактическом отшибе! Хотите иметь понятие об истинном масштабе той войны? Так вот, больше всего она была похожа на драку в одной из бесчисленных подворотен колоссального мегаполиса.

Только не считайте меня циником, оплевывающим славу героев! Хотите честно? Я преклоняюсь перед их подвигами. Наши показали тогда себумам, что значит задевать землян! Просто не люблю я, когда мои однопланетники придают своим деяниям космический размах. Нет, люди-человеки, мы пока слишком незначительны, слишком убоги, чтобы хоть как-то влиять на судьбы Галактики, и будем пребывать в убожестве своем еще тысячи лет. Скромнее надо быть, вот что.

Хм. Я ж совсем не о том речь заводил — это вы меня с мысли сбили!

Короче говоря, пока я исходил желчью, отслеживая, как хомо себя расхваливают и превозносят, у меня мелькнула мысль рассказать о самом начале той войны, первой и, дай бог, последней. Рассказать все по правде! Ну, историю вы, надеюсь, проходили. Небось и учителя своего радовали правильными ответами по теме «Положение в Солнечной системе и на Периферии в период Большого Конфликта 2224 – 2229 годов».

Трудно тогда, конечно, пришлось. Жена моя до сих пор вздрагивает, припоминая очереди той поры, бесплатные хлорелловые супы, Москву в развалинах, радиоактивные кратеры... Вечно энергии не хватало, зимой мерзли, летом задыхались от жары, каждый второй был болен, каждый третий маялся от ран... Ужас!

А как жилось бойцам Доброфлота — постоянно на линии атаки, на линии огня?! Вот об этом-то я и расскажу — как нам жилось. Потому что сам все это видел, испытал и прочувствовал.

Давно это было. Сейчас мне сто сорок, сто сорок первый пошел, а тогда я едва тридцатник разменял. Молодой был, здоровый. Зубастый, крепкий и жадный. До всего жадный — до работы, до женских ласк, до приключений на свою голову и задницу. Постоянно я во что-то вступал, добивался справедливости, боролся и преодолевал. Да-а... Хорошее было время довоенное. Его теперь называют в той же идиотской манере — то эпохой Нового Фронта, то периодом галактической экспансии. Не смешили бы хоть

потомков и чужих! Экспансия... Еле добрались до десятка светил, а туда же! Ну, ладно, эмоции в сторону. Садитесь поудобнее, девочки и мальчики, и слушайте, как дяди и тети давали сдачи коварным негуманоидам...

Глава 1

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Лучи лазеров-гигаваттников, бившие из черноты космоса, были неразличимы в вакууме, но оставляли в броне «Дюранго» углубления, бурлившие металлопластовым кипятком. Виктор машинально втянул голову в плечи, глазами обшаривая панорамный экран. Вот они где!

Космоистребители инсектоидов замельтешили по левому борту, выполняя фронтальный заход. Легкие машинки, одноместные корабли-истребители подчиненного класса, похожие на хлебные караваи, так и вились, плюясь когерентным огнем. — Пост УАС! [□](#) — рывкнул интерком.

— Есть пост УАС! — браво ответил Виктор.

— Готовность!

— Есть готовность!

— Огонь!

Виктор бросил обе руки на пульт, словно музыкант за скрипко-роялем, и активировал сразу пару пакетных лазеров. Если бы дело происходило в атмосфере, то лучи красиво скрестились бы — зеленые с лиловыми. Один из истребителей-пустотников вспух крутящейся, бледно-фиолетовой сферой.

— Заполучи, фашист, гранату! — мстительно пробормотал Виктор.

А вот и целое звено закувыркалось, сгорая в сверхсолнечном пламени.

Инсектоиды мигом отозвали истребители, и те порскнули в стороны, заворачивая виражи. Теперь на «Дюранго» пер крейсер-матка. Имея на борту тысячи две истребителей, штурмовиков и десантных ботов, разумные птицы все равно не желали их терять.

Крейсер, похожий на трехлопастной наконечник копья, поперечно-полосатый от боевых палуб, величественно разворачивался, выдвигая решетчатые мачты-штанги с шаровыми излучателями антиматерии. Корабль был еще далеко, лупить с такого расстояния антипротонами — только энергию зря тратить, но Виктор не собирался дожидаться опасного сближения. Резко подавшись к левой консоли пульта, он хлопнул по кнопке-грибку, задействовав коллапсарный генератор. Чудо-оружие не подвело. «Дюранго» сотрясся, а пространство слева по борту повелось, колыхнулось, звезды заплясали, разгораясь то кроваво-красным, то мертвенно-синим светом.

Крейсер-матка так и не успел до упора выдвинуть мачты с аннигиляторами — «оружие возмездия» сработало. Корабль инсектоидов начало корежить и плющить, сминая в ком переборки и палубы. Приборы на пульте замигали в панике, показывая искривление в три тысячи риманов, пять тысяч, семь с половиной... Сам момент коллапса Виктор снова пропустил — моргнул, а крейсера-матки уже и нет. Чудовищная сила сжала звездолет чужих и уронила в черную дыру, только хлипкий джет брызнул, фонтанчиком унося гамма-излучение.

— Выход! — послышалось в наушниках.

Виктор досадливо поморщился. Пошарил рукою в воздухе и наткнулся на невидимый рычажок. Перевел его в положение «Откл.». Мир тут же начал таять, поплыл панорамный экран, начался сброс детализации. С отчетливым щелчком ушел вверх колпак

биопсихомодуля. Виртуальная баталия завершилась победой.

— Враг будет разбит, — пробормотал Виктор, — победа будет за нами...

Вздыхнув, он выбрался из модуля и спрыгнул на палубу. Старший офицер-инструктор стоял рядом. Смешно оттопырив нижнюю губу, он всматривался в рабочие экраны и мелко кивал.

— Середа, — сказал он, — вам зачет.

— Рады стараться, вашбродь! — буркнул Виктор.

Инструктор посмотрел на него с холодным удивлением и пожал плечами.

— Следующая тренировка ровно в шестнадцать ноль-ноль, — сухо проговорил он.

Виктор Середа вяло козырнул и направился к выходу.

В кольцевом коридоре его догнал Таппи Нупуру Замбо, австралиец-абориген, бронзовокожий кибернетист, с коротко стриженными курчавыми волосами и приплюснутым широким носом. Но улыбка его была еще шире.

— Витек, здорово! — проорал Таппи. — Как твоя хреновая жизнь?

— В полосочку, — ворчливо ответил Середа.

— А как твои успехи в боевой и политической подготовке? — жизнерадостно продолжал або.

— В клеточку... «Улей» закатал, получил зачет.

— Так радоваться надо! — воскликнул Таппи.

— Чему? — мрачно спросил Виктор.

— Что за минор, Витек?! Или ты забыл, как давеча схлопотал от «Улья»? Ух, и размазало ж тебя тогда! Ух, и рассеяло!

— Это называется, — усмехнулся Виктор, — радоваться за товарища?

— Витек, ну ты же знаешь, люблю я взрывы на аннигиляцию! А ты разлетался тогда такими рясными пи-мезончиками, такими спеленькими гамма-квантиками... Картина маслом!

Смачно чавкнув, лопнула мембрана-перепонка отсека, и в коридор выбрался Мишка Копаныгин — огромный, дочерна загорелый, косматый, с торчащими вперед, словно у кота, усами.

— Вы что, поели уже? — спросил он.

— Кто о чем, — ухмыльнулся Нупуру, — а Михайло о еде!

— А что есмь человек? — философически заметил Копаныгин и сам же ответил: — Человек есмь биохимическая машина для переработки продуктов питания в продукты жизнедеятельности. Так пойдемте же, люди, и переработаем хлеб наш насущный! — Сменив тон, Михаил добавил: — Я сегодня столько инсектоидов пустил в расход, что мне полагается двойная порция.

— А Витек «курятник» закатал! — похвастался Таппи. — И теперь его совесть мучает — птичек жалко!

— Идите вы... — процедил Середа.

— Видишь? — скорбно подчеркнул Нупуру.

— А я ни разу еще до «курятника» не добирался, — признался Копаныгин, — только с истребителями свяжусь, тут-то они меня и валят. И чем ты им перья выщипывал?

— Коллапсаром, — мрачно улыбнулся Виктор, с трудом сдерживая рвущееся наружу раздражение.

— Правильно! — оценил Копаныгин. — Самое то.

Среда внезапно успокоился.

— Что — правильно? — спросил он. — Мы на боевом корабле, а играем в дурацкие игры! «Закатал «курятник»!» — передразнил Виктор австралийца. — А если бы мне такой попался в реальности, как бы я тогда с ним сладил? А? Лазерами бы лупил изо всех пакетников? А у крейсера броня из мезовещества. В пять слоев! И ему мои лазеры, что слону щекотка! А чем мне его еще взять? Аннигиляторами?

— Ну, хотя бы... — молвил Таппи неуверенно.

— Тогда почему мы в виртуалке такие могучие? Вот и бились бы тем, что есть. А то — коллапсар! Да вы хоть раз видели настоящий коллапсарный генератор? Его на Церере клепают — здоровенная такая дура, полкилометра в поперечнике. На тот коллапсар работает целый комбинат плюс пяток энергостанций. А сжимает он пока что малюсенькие такие платиновые кубики, и не в космосе, а в специальной камере, где-то в своем нутре. И что с него толку? Такой коллапсар физикам интересен да гравитологам разным, а нам он зачем? В утешение? Мол, и мы кой-чего можем? Если бы...

— Ты что, — нахмурился Копаныгин, — серьезно так думаешь?

— Я много чего думаю, — пробурчал Виктор.

— И выводы делаешь? — с интересом спросил Таппи. — Поделись!

— Выводы тебе? Вот тебе основной вывод: Земля абсолютно не готова к возможному вторжению пришельцев из космоса. «Если завтра война, если завтра в поход», то у нас ни кораблей нет нормальных, ни оружия стоящего, ни бойцов подготовленных!

Нупуру Замбо настолько растерялся, что даже не нашел, что ответить. Копаныгин насупился и сказал:

— Ты забыл добавить последнее: «...и ни врагов реальных!» Может, ты и прав насчет техники, и наши лоханки — полный отстой, а только с кем сражаться? Кто на нас собирается нападать? — Михаил, обычно сдержанный и добродушный, потихоньку заводился: — И чего зря чушь нести?!

Только тут он заметил, что послушать их спор остановились еще трое из кубрика 2-А, и пробурчал:

— Пошли в столовую!

Виктор пожал плечами и двинулся следом за Копаныгиным.

Малый атмосферный крейсер «Дюранго» и в самом деле был невелик — агрегатные отсеки в кормовом отделении, рубки, ходовые и боевые в носовой части и еще четыре яруса с общим атриумом. Всего на МАКе обитало шестьдесят девять человек — семидесятому члену экипажа пришлось бы ночевать в коридоре. И столовая была одна на всех — и на инженеров, и на операторов, и на офицеров, и на рядовой состав. Виктор, инженер-контролер по образованию, еще прошлой осенью сдал экзамены в Высшей школе Космогации. Ему выдали диплом пилота-космогатора и повысили в звании до младшего командора. На большом корабле вроде «Доннара» или «Йомалатинтиса» дорога его вела бы в столовую офицерского сектора, но на МАКе приходилось опрощаться и демократично топтать со всеми вместе — по атриуму вниз, до кают-компания второго яруса.

Копаныгин, сердито сопя, дошагал до шахты атриума и прыгнул вниз. Локальная гравитустановка мягко погасила инерцию и подпихнула Михайлу в овальный люк второго яруса.

Виктор шагнул следом, ощутив мимолетное чувство падения. «Дюранго» шел с ускорением десять метров в секунду за секунду, и этого хватило бы, чтобы переломать ноги

на дне атриума. Но слава гравитехникам — эти спецы дело знали туго. Младший командор завис напротив овального проема, и будто мягчайшие пуховые подушки надавили ему в спину, заботливо вталкивая в круговой коридор второго яруса. Середа привычно оперся на ноги, вспоминая, как он корячился и падал на колени в первый месяц. Потом привык. Со временем ко всему привыкаешь...

В кают-компаний было пусто, только Петер Зенер, инженер-пилот, блестел в уголке бритым черепом, доедая вторую порцию.

— Здоров, Петро, — обронил Копаныгин.

— Здоров, Михайло, — поднял Зенер задумчивый взгляд. — Что вывело тебя из равновесия, Михайло? Что нарушило баланс между торможением и возбуждением?

— Да есть тут один... — проворчал Копаныгин, ожесточенно давя клавиши блока доставки.

Виктор промолчал. Михаил передал экспресс-обед Таппи, тот передал Середе. Потом взял себе, Копаныгин разжился третьим пищевым рационом.

По-прежнему ничего не говоря, Виктор уселся за столик и распечатал экспресс-обед. Недурственно. Жаркое сы-бао, что-то изысканно-французское из артишоков и компот.

— Да здравствует интернационал! — потер руки Таппи, не зная, за что хвататься прежде — за вилку или за палочки.

Копаныгин хлебнул компота из прозрачного стакана и сказал:

— Продолжим наш разговор. Так на чем мы остановились?

— Ты шказал му,— проговорил Таппи с набитым ртом, — што негде вжать врагов!

— Ага! И что вы на это имеете ответить, господин младший командор?

— Господин командор, — обратился Виктор к Михаилу по званию, — а вам не кажется странной одна интересная подробность наших виртуальных сражений? Мы всегда бьемся или с инсектоидами, или с орнитоидами. Почему, спрашивается? Не потому ли, что таких рас пока не обнаружено? Мы никогда не били зеленые чешуйчатые морды — как же, а вдруг рептилоиды с Эпсилон Тукана обидятся? Мы никогда не завязывали в узел черные щупальца — а вдруг себумы с Вескуса неправильно нас поймут? Видите? Я ничего плохого не скажу о кхацкхах — у них биологическая цивилизация, они там слились с природой и так далеко ушли по пути нравственного совершенствования, что с любого кхацкха можно икону писать. Но! Пока умные дяди из Бюро межпланетных отношений размазывают политкорректные сопли и шаркают ножками, хором уверяя разумные расы в нашем исключительном миролюбии, почему тем же самым заняты и военные? Или нам всем повылазило, и мы в упор не замечаем мощные боевые флоты и у себумов, и у рептилоидов? А вы видали хоть раз планетарный крейсер вескусиан? Это диск поперечником в десять километров! И какое, интересно мне знать, оружие стоит на его палубах? Это мы пускаем себумов на наши корабли, словно гордимся собственным убожеством, а вот на их планетарники нашим инспекторам хода нет!

— Короче! — оборвал его Михаил. — Ты считаешь, что себумы могут напасть на нас?

— Я считаю, что себумы — это прямая и явная угроза. И не считаться с нею могут либо дураки, либо пацифисты.

— Да перестаньте вы! — воскликнул Таппи, дожевывая кусок. — Что вы как маленькие? Особенно ты, Витек! Вот сам подумай — ну кому нужна война? Что нам с теми же себумами делить?

— Планеты. Что же еще делить в космосе? — спокойно ответил Виктор. — Вот ты

представь себе: нашли мы планету земного типа, годную для колонизации. Высаживаемся. Тут же финиширует корабль себумов, выкатывается вескусианин, расплывается тушей, потрясает щупальцами и заявляет: «Это наша планета! Убирайтесь!» Твои действия?

— Мои? — переспросил Таппи. — Ну-у... Тут два варианта: либо мы убираемся, либо договариваемся и делим планету пополам.

— Молодец! — похвалил его Виктор. — Только оба твои варианта негодны. Если мы уберемся, если уступим найденную нами планету, то где гарантия, что нас таким же макаром не попрут и с остальных наших миров? Выпрут со всей Периферии, а потом заявятся на Землю и скажут: «Выметайтесь! Это тоже наша планета!» А уж договариваться... Таппи, ты почитай историю, там все расписано. Множество войн начиналось именно из-за пограничных конфликтов. Когда обе стороны желают получить все, они не удовлетворятся половиной, и даже большая часть желаемого их не устроит. Нет, Таппи, когда кто-то приходит и нагло требует отдать небесное тело, принадлежащее тебе по праву, надо этому кому-то показать кукиш или иную, адекватную фигуру из щупальца. Если же это не поможет, тогда надо отвесить наглецу ха-арошего пинка!

— Термоядерного? — усмехнулся Копаныгин. — Или аннигиляционного?

— Всеми активными средствами, — медленно проговорил Виктор. — Если землян бьют по левой ягодице, надо не правую подставлять, а открывать огонь на поражение.

— Да я согласен! — вскричал Таппи. — На все сто! Только кто ж нас лупит по ягодице? Где неприятель?!

— А тебе не страшно, Таппи? — спросил Виктор неожиданно.

— Страшно? — изумился Нупуру. — А чего мне бояться?!

— Борьбы миров! — ухмыльнулся Копаныгин. — Звездных войн!

— Миша, — серьезно проговорил Виктор, — а что ты нашел в этом смешного? Поймите вы, я не войны миров боюсь, а нашего в ней поражения! Да меня порой просто оторопь берет, до чего же мы беззащитны. И потрясающе беспечны! Чем, к примеру, занимается наша славная Объединенная Космическая Эскадра? Заметьте, не флот даже, а эскадра! Сто пятьдесят кораблей — ломь и старье. Мы мужественно отражаем атаки блудных астероидов — вон уже два или три раскокали. Мы героически спасаем туристов, потерявших в льдах Европы или в степях Теллуса. Мы сурово обрушиваем огонь бортовых плазменных излучателей на «глаз бури», нагревая в нем воздух, и уничтожаем ураган в зародыше. Мы браво бомбим Перешеек Коа на Авроре, за три секунды прорывая канал между Жемчужным морем и заливом Сильвер-бей. Великие небеса, чего мы только ни делаем! Одним мы пока не занимаемся — не крепим обороноспособность доминанты Земли. Хау, — поднял он руку по индейскому обычаю, — я все сказал.

Поднявшись из-за стола, Виктор покинул кают-компанию. Странно он себя чувствовал. Ему и полегчало, и одновременно стало тошно. Выговориться-то он выговорился, а толку? Перед кем он ставил вопросы? Что его друзья могут поделывать? Как им повлиять на политиков, дружно орущих: «Мы за мир во всем мире!» Его предкам довелось поучаствовать в операциях по демилитаризации, они навели порядок на «проблемных» континентах Земли, установили мир и благоволение во человецех. Почет им и слава!

Сколько существует Периферия, столько же лет не случалось в колониях вооруженных конфликтов. Ура. Но что проку орать: «Миру — мир!», выйдя на галактические просторы? Человечество с его куцым опытом азартно занялось астрополитикой, наивно полагая, что уж астрополитику никак нельзя вести иными средствами...

— Хочешь мира, — усмехнулся Виктор, — готовься к войне...

Отстояв вахту, он вернулся к себе в каюту — ему, как младшему командору, полагалась отдельная каюта, то есть закуток два на полтора метра с выдвигаемым диваном, встроенным шкафчиком и откидным столиком. Вот за ним-то Виктор и примостился, вытягивая ноги вбок, ко входной сегментной перепонке. Минут пять он сидел, бездумно пялясь на стереофотку, прилепленную к переборке напротив. На фотке была изображена Варя Кутейщикова на лоне. Варя была голая. Она то поворачивалась лицом и приподнимала ладонями груди, всем видом выказывая истому, то поворачивалась спиной, опускалась на колени, прямо в травку-муравку, и прогибалась спинку, выпячивая роскошную попу. Потом Варя вставала, потягивалась, и весь цикл начинался сначала.

Виктор тяжело вздохнул. Варя подарила ему это фото перед самым отлетом, чтобы помнил и не отвлекался на иные прелести. Он и не замечал никого... Если правы те, кто считает любовь хворью, то он тяжело болен. Неизлечим. Находится при смерти.

Самое паршивое заключалось в том, что они с Варей еще никогда не занимались любовью. Ни разу! Встречались они с год или даже больше. Варя позволяла себя целовать, но только в губы. Они частенько выезжали на Истру, купались, загорали, и какое же мучение было смотреть на Варин загорелый задик, на то, как подпрыгивают ее груди, когда девушка отбивала мяч! А еще они гуляли по окрестностям. Варя гордо вышагивала в одних босоножках, подшучивая над его «перпендикуляром». Он и на колени падал, пытаясь поцеловать ее бедра, но Варя увертывалась. Даже плечи ее, даже шея были недоступны для его губ. Кутейщикову так и прозвали на курсе — Полюс Недоступности. А он, выходит, полярник?

Почувствовав злость, Виктор протянул руку, чтобы сорвать фотку, но задержал движение. Какая же она все-таки красивая... Варя выезжала за город с подругами, он познакомился со всеми. Хорошие девчонки. И хорошенькие. Наташа — высокая, стройная, у нее длинные ноги, тонкая талия, но маленькая грудь. У Марины грудь на загляденье, но талия широковата. У Цили и бедра крутые, и талия в обжимочку, и груди высокие, но она из принципа не удаляет волосы на лобке... Как-то это... «не очень так, чтобы очень». А вот Варя совершенна. В ней все на диво — и ушко, и эта прядка волос завитком, и напряженный розовый сосок на фоне темной ареолы, и... Да все!

Виктор вздохнул еще тяжелее и решил отвлечься — включил обзорный экран над столиком.

Обзорник зачернился глубокой темнотой космоса с одиночными точечками звезд. Потом сбоку всплыл Плутон, наполовину покрывая голубоватый Харон. Поверхность Плутона была смутно различима — светлые и темные пятна вразброс. Лишь на экваторе сияла ярко-голубая точка — это светилась база «Старый Восток».

Виктор подумал и коснулся сенсора внизу. Тут же заработал фонатор:

— ...Прибываем. Есть зональный захват!

— «Дюранго», видим вас, пароль опознан, примите данные на швартовку.

— Принимаем.

МАК подходил к СПУ «Плутон-2», здоровой бандуре из цилиндров, шаров и торцов удерживаемых вместе туннелями переходников и решетчатыми фермами. Один из цилиндров — причальный док — развернулся плоским торцом. Вернее, это «Дюранго» так сманеврировал. Плавно разошлась диафрагма шлюза, МАК медленно всплыл внутрь и вздрогнул всем корпусом — сработал гравизахват. Створки шлюза сомкнулись, из решеток,

опушенных инеем, забили парящие струи воздуха. К внешним люкам всех шести секций МАКа присосались стыковочные рукава-галереи. «Размяться, что ли?» — подумал Виктор, и в этот самый момент сухо щелкнул интерком. Секретарь-автомат официальным голосом произнес:

— Младшего командора Середу к капитану! — и добавил для верности: — Срочно!

— Вечно у них... — пробормотал Виктор, сгибаясь, выворачиваясь и просовываясь в коридор.

Каюта капитана находилась в носовой секции, рядом с рубками, ходовой и боевой. Гадая, что подвигло капитана на срочный вызов, Виктор ткнул пальцем в мембрану со строгой надписью «Павел КОЗЕЛКОВ, капитан МАК «Дюранго», ОКЭ», мембрана лопнула и он переступил высокий комингс.

Каюта капитана была обширна — три на три! — и обставлена по флотскому стандарту, то есть все было выдвигаемым, откидным и встроенным. Все, кроме узкого стола-пульта, за которым и восседал кэп, сухощавый пожилой человек с раздутыми ноздрями мясистого носа. Злая усмешка дергала его губы.

— Садитесь, Середка, — церемонно обратился к нему Козелков и указал па переборку.

Виктор выдвинул из нее и разложил маленькое креслице. Сел и положил руки на колени, как всякий примерный мальчик.

— Догадываетесь, почему я вас вызвал? — осведомился капитан.

— Не слишком, — признался Виктор.

Капитан крякнул с досады и встал. Середка тоже начал подниматься, но Козелков сделал нетерпеливый жест.

— Сидите!

Походив по каюте — три шага по диагонали туда, три обратно, — Козелков остановился и резко спросил:

— Я хочу знать, почему младший командор подвержен пораженческим настроениям? Почему он ведет среди экипажа подрывную работу и сеет сомнения в правильности курса земной администрации? Отвечайте!

— По порядку? — спросил Виктор, чувствуя подступающее бешенство.

— Без разницы! — рявкнул капитан.

— Отвечаю. Я не пораженец! Наоборот, капитан. Я — единственный на этом корабле, кто хочет служить на военном флоте и защищать человечество от угрозы из космоса. А подрывной работой, капитан, занята как раз земная администрация, курс которой ведет человечество к гибели!

Капитан ошеломленно откинулся к переборке.

— Вы что, Середка, совсем с ума сошли?! — выговорил он осипшим голосом.

— Я человек! — сказал Виктор со всем жаром молодости и правоты. — Я землянин и хочу, чтобы мою планету, мою расу уважали все прочие!

— Ах, уважали... — протянул капитан. — То есть, чтобы они нас боялись? Да?

— А на чем, по-вашему, зиждется уважение? Сильный никогда не будет уважать слабого.

— Стоп! — крикнул Козелков. — Скажите, Середка, вы что, располагаете фактами, что себумы или там рептилоиды готовят вторжение?

— Капитан, но вы же сами участвовали в экспедиции на Пандору и видели там сбитый корабль чужих. Боевой корабль! И кто-то уничтожил его неким сверхмощным оружием,

причем совершенно непонятного действия. Похоже, вокруг корабля резко менялась метрика пространства...

— О чем вы говорите?! — разозлился капитан. — Тому кораблю десять миллионов лет! И раса, создавшая его, давно исчезла! Мой вам совет, Середа: бросьте читать боевики! Ознакомились бы лучше с отчетом этого ксенотехнолога... как бишь его... Тоётоми Хидэёси. Его гипотеза все объясняет. Тот корабль был научным, и аппараты, которые эти дурачки из «Либериума» называли палубными генераторами нелинейности, на самом деле были научными приборами...

— Да ну?

— Да! — выкрикнул капитан в запале. — Они исследовали... Откуда мне знать, что они там исследовали! Деформацию кольцевой волны каппа-пространства, скажем, или ундуляцию антимира. Вот и попали под удар... Да!

— Капитан, — тихо спросил Середа, — вы сами-то верите во всю эту ерунду? Ну, ладно, политики — те помешаны на идеалах галактического братства и мечтают о Великом Кольце, но вы! Вы же практик, вы же реалист!

Козелков внезапно увял. Шаркающей походкой он удалился за стол-пульт. Помолчал, потом глухо проговорил:

— Ах, Витя... Вы ходите по кораблю, кривите губы, ругаете власти и мните себя зрячим в царстве слепых...

— А это не так? — негромко спросил Середа, поражаясь самому тону Козелкова.

— Не так, Витя... Вы наивны и ни-че-го не понимаете...

— А вы объясните! — предложил Виктор задиристо.

— Объяснить? А почему бы и нет? Скажите, Витя, вы никогда не задумывались над тем, почему мы, флотские, уходя в отпуск или в увольнительную, должны обязательно регистрироваться по месту пребывания?

— Ну, как... — удивился Виктор. — Чтобы командование знало, где нас искать в случае чего...

— И вы скушали эту сказочку! — удовлетворенно кивнул Козелков. — А дело-то в ином, Витя. Только здесь, в открытом космосе, мы свободны от негласной опеки Психологического Надзора. Высаживаетесь вы на Землю или на другую планету нашего Сообщества и сразу оказываетесь под колпаком...

— Погодите, — произнес Виктор растерянно. — Вы о чем говорите? При чем тут какой-то ПНОИ?

— Какой-то! — хохотнул капитан. — А вот скажите мне тогда: зачем вообще существует ПНОИ?

— Ну как? — запутался Виктор. — Психологический Надзор за Отдельными Индивидами... Осуществляет тщательную сортировку и фильтрацию людей... Причем занимаются этим не какие-нибудь чиновники. Все по-честному, интрапсихическая техника работает, не придерешься... Диссекторы психосущности и... что там еще у них? Мониторинг ведут — молекулярные детекторы, ген-регистраторы... ПНОИ изолирует всех индивидов с искривленной психикой, то есть подонков и мерзавцев, в зонах спецкарантина... Там они живут, работают, лечатся... Ну, есть разные методы — позитивная реморализация, решетчатая трансформация индивида... И тут тоже без «человеческого фактора» обошлись — решение об изоляции или трансформации индивида принимает Административный Кибернетический Центр. Так что... «В результате деятельности ПНОИ, — процитировал он

— численность «негативной формации человечества резко сократилась, преступников, даже потенциальных, сейчас — один на миллион! И все они — в зонах полного отчуждения...»

— Bravo... — грустно проронил капитан. — Наизусть заучили параграф... Это, Витя, еще одна сказочка, которую вам благополучно скормили, а вы хорошо усвоили.

— Не понимаю...

— Скажите мне, а с чего вы взяли, что в зонах спецкарантина сплошь мерзавцы и подонки?

— А это не так?

— Не так! Просто у тех, на зоне, гены перетасованы по-особому, вот и возникает у них потенция к негативу. Они настолько активны, энергичны, эгоистичны, агрессивны, предприимчивы, что никакое воспитание не способно подавить в них инстинкты, связать и стреножить научной моралью. Да, кое-кто из них преступал закон, но большинство из «негативной формации» лишь способно к насилию, такая уж у них натура. Вот их и отправили в спецкарантин, от греха подальше с такими потенциями...

— Я не понимаю... Зачем вы мне все это рассказываете?

— А до вас еще не дошло? — горько усмехнулся капитан. — Вы тоже относитесь к «негативной формации». И я. И все, кто служит в Объединенной Космической. Мы все — потенциальные убийцы! Мы все способны к силовым акциям! А в зоне спецкарантина мы только потому не оказались, что из нас с детства готовили солдат — звездолетчиков, космопехов, десантников. Ну, что? Доходит?

— Подождите, подождите... — бормотал Виктор, отыскивая хоть какую-то слабинку в беспощадно-логичных построениях капитана Козелкова. — Но ведь я сам выбрал космонавтику! Сам поступил во флот!

— Это вам так кажется, Витя. Воспитание — это могучая сила! Вас никто не заставлял не ломал ваш характер. Вас последовательно вели — сначала родители и няня, потом воспитатели в детском саду, потом учителя в школе, преподаватели, наставники... Я не говорю, что это плохо! Нет, это здорово, что в подростке раскрывают его талант и пестуют всячески, развивают, возвращают. Это просто замечательно! И ведь вы счастливы тоже, ведь ваше образование, ваша работа полностью совпадают с вашими наклонностями. Я просто объясняю вам, почему вы здесь. И где вы можете оказаться впоследствии, если не прикусите свой язык. Я сказал уже, что в космосе мы как бы вне поля зрения ПНОИ. Это не совсем так... В Космофлоте работают десятки людей с имплантированным мозгодатчиком...

— Но их вживляют только настоящим преступникам!

— Или преступникам потенциальным. Таким, как мы. Человек с имплантом не может ударить другого — подобное желание моментально гасится. Он даже обругать никого не способен. Творить — да, работать — сколько угодно. Но, как только такой человек перестает быть «хорошим», имплант выдает противоимпульс...

— И такой человек служит на «Дюранго»? — тихо спросил Виктор.

— Да.

— Это он меня заложил?

— Да. Но он не мог иначе! Соккрытие преступника или другая нелояльность — это то, что у него в голове не умещается. В буквальном смысле.

— И... если я не заткнусь и не стану смирным, кротким и лояльным, то такой мозгодатчик могут имплантировать и мне?

— Вполне. Для профилактики. Или сразу отправят в зону СК. Теперь вам все понятно?

— Теперь — да, — твердо ответил Виктор и встал. — Разрешите идти?

— Ступайте... И вот что еще. Вам я скажу первому — через месяц начнутся маневры под кодовым названием «Зеркало». Многих из вас переведут на время операции в экипажи других кораблей эскадры... Вам понятен мой намек?

— Молчать и не высовываться, — сказал Виктор без тени улыбки.

— Вы меня поняли, Середа...

Виктор вышел и зарастил за собой перепонку двери. Он был по-настоящему потрясен. С самого детства Витя Середа жил в Новом мире — прекрасном, чистом, добром, ласковом, безопасном. И вдруг такое... Оказывается, в его Мире Справедливости царит «электронный фашизм»!

«Я ждал врагов извне, — подумал Середа, — а их и внутри полным-полно... Н-да. Задача-то, оказывается, в два действия... Ничего... И внешних укоротим, и внутренних скрутим! Я вам еще устрою...»

Глава 2

ПЕРВЫЙ БОЙ

Рейдер был огромен — диск под восемьсот метров в диаметре. Он походил на круглый торт, утыканный кремовыми розочками — куполками и башенками боевых постов, полосатыми панелями радиаторов, решетчатыми блюдами антенн и прочим корабельным имуществом. Ну, это если смотреть на верхи, а если глянуть пониже...

Зеленое брюхо корабля из ноздреватой биокерамики грузно проседало, почти касаясь сухой щетинистой «травы», но полностью осесть на горячую почву днищу мешали три кольца усиленных опор. Будто пирог ко дню рождения перевернули и опрокинули на свечки...

Виктор поморщился: что у него сегодня за ассоциации? С самого утра так. Подлетали к Гаданде — ему привиделось, что горный хребет, покрытый лесом, будто хреном васаби намазан или той зеленой дрянью, какой их с Варей потчевали в японском ресторанчике — из водорослей ее состряпали, что ли? А океан был коричневым, как пепси. Он и вправду такой — от мути. В земных океанах планктон проживает, он все пылинки заглатывает, переваривает и отправляет на дно. Если бы не эта плавучая мелюзга, от всей той дряни, которую выносят в него реки, океан давно бы превратился в болото. В такое, как на Гаданде, — в здешней мутной водичке планктона не водилось, а реки были — ого-го какие! Широкие, как Нил или Амазонка. И хоть бы одна с прозрачной водой! Нет, все речные потоки или коричневые, как навозная жижа, или вовсе черные, или красные, или цвета кофе с молоком. Зато каньоны они нарезали — куда тому Колорадо! Самый большой — в десять километров глубины. Стоишь на дне, а стены почти сходятся вверху, небо снизу тонкой, изгибистой полоской кажется. Темно вокруг и холодно, но не тихо — река ревет, грохочет, камни ворочает, а эхо так и гуляет, донимает слух со всех сторон. Стереозэффект, будь он неладен.

Живность океанская только поверху жила, в верхних слоях, самых отстоявшихся. Хотя, кто ее знает, эту живность! Может, она и на глубине шарится. Правда, там такой ил... Сверху просто грязная вода, ниже она превращается в глинистый раствор. Автобатискаф спускали. Он погружался, погружался... Муть с плотностью кефира на глубине двести метров загустела до консистенции сметаны. А еще через сто метров аппарат застрял. Называется — приплыли.

Сощурившись, Виктор осмотрелся. В изумрудном небе Гаданды пылало ее солнце, окруженное тройным гало. Местные называли светило Садирой — такое имечко дали Эпсилон Эридана арабы. Аль-Садира. В принципе звучит...

Космодром был невелик — три серебристые посадочные полосы с удобной рубчатой поверхностью. Одну из них занимал линейный рейдер «Гладиус» и какой-то бот-планетарник, две другие были пусты. Все космодромные постройки сгрудились с восточной стороны — одинокая башенка диспетчерской, павильон космопорта, собранный из пластконструкций, грузовой терминал, заправочная станция под плоской темно-зеленой крышей.

В щелях между зданиями проглядывал поселок — белые купола и призмочки. К югу и к северу желтела и зеленела степь, а на западе отсвечивало море. Прибыв на Гаданду, Середа хотел было наведаться на бережок, но местное население ему отсоветовало — здешний пляж представлял собой топкую, блестящую на солнце полосу ила, плодородного и дюже

вонючего, а добираться до берега надо было по широкой, почти километровой полосе засохшей грязи, растрескавшейся, как солончак. Иногда твердая корка проламывалась под ногами, и вы до пояса или по колено — как повезет — проваливались в густейший рассол... Середа подумал-подумал и решил, что искупается как-нибудь потом.

— И долго мне вас ждать? — проворчал Виктор, прикладывая ко лбу ладонь козырьком. Идут вроде...

Двери космопорта разъехались, и на солнце вышли Таппи и Мишка Копаныгин — этих тоже направили на рейдер.

— Чего стоим?! — возопил Таппи. — Кого ждем?

— Тебя, — буркнул Виктор. — Ты что, всю дорогу полз?

— Я летел! — пылко возразил Нупуру. — Я мчался, как... как... как не знаю кто!

— Как tortuga, — подсказал Копаныгин.

— Да! — согласился Таппи и спросил: — А это что за птица?

— Это черепаха.

— Ну ты и нахал! — с упреком в голосе воскликнул Таппи.

Достоинство ответить Копаныгину не дали — «Гладиус» опоясался зелеными огнями, и над космодромом завывала сирена.

— Пошли скорее, — проворчал Виктор, — а то и я тут с вами останусь...

Все трое подхватили заплечные мешки и быстро потопали к трапу.

— Живенько, живенько! — загремел над космодромом громкоговоритель всеобщего оповещения.

— Да мы и так... — пропыхтел Таппи, топоча сапогами по блестящему трапу.

Роботы-заправщики уже поволокли пустые топливные накопители обратно на станцию. Аварийные киберы, облазив всю обшивку, тоже спустились на моховище. Серый робот-матка, словно курица, собирал «под крыло» дюжину маленьких машин-анализаторов — объявили предстартовую готовность.

Козыряя встречным офицерам, Виктор прошагал половину радиального коридора, свернул на пандус и поднялся по нему в свой сектор. Расселили их по каютам-двухместкам, и тут Виктору выпала двойка пик — его соседом оказался Таппи Нупуру, очень живой носитель разума, очень активный и непоседливый, доминантой характера которого являлась бестолковость.

— Чур, верхняя — моя! — заорал Таппи, едва попав в каюту. Опустив верхнюю полку, он забросил на нее свой мешок и шлепнул ладонью по сенсору интеркома.

— Общий контроль систем! — послышался строгий голос командира.

— Все системы работают нормально.

— Навигационные системы линии А.

— Первый блок — норма, второй блок — норма, третий блок — норма.

— Линия Б...

Виктор заглянул в санитарный блок и ополоснул лицо. Вытер руки, взглянул в маленькое зеркальце над раковиной. Оттуда на него смотрело мужественное лицо — твердые черты, плотно сжатые губы. Вот только глаза подкачали. К этой морде да серо-стальные бы, с ледяным взглядом... А у него ни то ни се — карие и какие-то добрые. В общем, не мачо, а мякиш...

Вернувшись в каюту, он рухнул на диванчик. Фонатор продолжал бубнить:

— Заправка окончена. Модуль отстыкован.

- Предстартовый тест!
- Запущен... Норма.
- Энергонакопители.
- Норма.
- Сопряжение!
- Норма.
- Дублирование!
- Норма.
- Готовность два.
- Контроль!
- Норма.
- Дублирование контроля!
- Норма.
- Земля — борт!
- Готовность раз!
- Гравизащитные системы!
- Норма.
- Гравигенные!
- Норма!
- Кораблю — взлет!
- Есть! Готовность ноль! Старт!
- Подъем!

Виктор ничего не почувствовал — гравикомпенсаторы погасили перегрузку. Нупуру свесился со своей полки и дотянулся до клавиши внешнего обзора. На экране разостлалась желто-зеленая степь с редкими полосами карликового кустарника, тускло взблескивали солончаки.

- Активировать двигательные установки.
- Есть! Синхронизация включена, тест — норма.
- Двигатели на разгон! Ускорение тройное.
- Пуск!

Из космоса Гаданда напоминала шар, выточенный из зеленого мрамора с белыми прожилками — тонкие спирали циклонов пушились над Восточным океаном, затягивая побережье. Скоро там польет, каждый солончак, любая выемка заполнятся водой, превратятся в озера. Водоемы станут расти, начнут смыкаться между собою, пока вся степь не заблестит зеркалом наводнения. Птицы улетят — если этих голошеих тварей с перепончатыми крыльями можно так называть, — а редкие возвышенности превратятся в островки-общежития для краснух, ползунов и цапней. Они будут толпиться, как пингвины на льдине, но грызться не станут, и даже попыток не предпримут, дабы полакомиться друг другом — в половодье у них перемирие. Потом небо очистится, вода спадет, и мириады спор лишайников и мхов, коих несведущие в биологии зовут травой, зашевелиятся, закопошатся в теплой грязи, дадут ростки. Молодая поросль жадно накинется на прошлогодний сухостой, уже здорово подгнивший, и отошавшие цапни завяжут с диетой, пойдут лакомиться нежными побегами и набирать вес...

— Слушайте все! — загремел интерком, обрывая размышления. — Объявляется боеготовность номер два! Всем офицерам, свободным от вахты, явиться в салон сектора «Ц»!

Виктор поднялся и оправил комбинезон.

— Сиди тут, понял? — сказал он Таппи.

Тот вскочил и вытаращил глаза от усердия.

— Яволь, майн фюрер!

— Схлопочешь когда-нибудь...

В каюту заглянул Копаныгин.

— Ты идешь? — спросил он.

— Нет, — проворчал Виктор, — я собрался поспать... Идем!

«Гладиус» делился на секторы, как торт — на куски клинышками. Каждый сектор слоился на девять или десять палуб — это были коржи и крем...

До салона добрались по радиусу и вошли в овальный зал со сводчатым куполом. Полукругом, в два ряда, стояли кресла, уже почти все занятые. Перед огромным экраном, за столом-пультом, выгнутым дугой, восседали несколько старших офицеров и сам капитан-командор Каспар Тендер.

Виктор огляделся, не находя ни одного знакомого лица, и присел с краю. Копаныгин, сопя, разместился рядом. Середа набычился и стал глядеть на экран за спиною Тендера. Экран работал в фоновом режиме и показывал удаляющуюся Гаданду с двумя ее спутниками, серенькими кругляшками. Скучно. Виктор опустил глаза на Тендера, на седые волосы ежиком, брыластые щеки, на острые уши, словно у пожилого эльфа.

— Все собрались? — брюзгливо спросил капитан-командор. Он выпрямился на сиденье и пробубнил: — С момента старта для нас начались... э-э... маневры. Такая деталь. Напомню, что операция «Зеркало» преследует одну цель: отработать взаимодействие кораблей в ходе... э-э... возможной агрессии извне. Я имею в виду — в ходе отражения этой самой агрессии. Такая деталь — система Эпсилон Эридана, как известно, состоит из семи планет и двух поясов — пыли и астероидов. Первая планета относится... э-э... относится к классу «горячих юпитеров». Вторая — это Гаданда, а все прочие скорее... э-э... планетоиды, диаметром от тысячи километров до двух тысяч с хвостиком. Ясно, что вторгаться чужим имеет смысл лишь на Гаданду. Наша задача заключается в патрулировании той области пространства, что непосредственно прилегает... э-э... к Гаданде. Будем отслеживать все возможные финиши Д-космолетов, и... э-э... препятствовать их высадке.

— Разрешите вопрос! — громко произнес Виктор.

Весь зал оглянулся на нарушителя дисциплины, а Тендер навалился на стол и буркнул:

— Да! Слушаю...

— Как именно мы должны препятствовать высадке чужих? — спросил Виктор, вставая. — Будут ли применяться активные средства? Или только пассивные?

— Вы будете исполнять отданный вам приказ! — отрезал Тендер, посопел и добавил: — Такая деталь. Если чужой корабль не ляжет в дрейф по нашему требованию, а окажет сопротивление, мы применим активные средства. И откроем огонь на поражение.

Зал загудел.

— Вы удовлетворены? — глянул Тендер на Середу.

— Так точно, — ответил тот.

— В таком случае я объявляю боеготовность номер один. По местам!

Виктору достался пост УАС в его секторе. Две зенитные ПМП^[2] и полушаровой аннигилятор.

Середа уселся в кресло, поерзал, пристраиваясь, включил круговой экран, вырубил

автоматику ПМП и заблокировал излучатель янтиматерии. За его спиной негромко переговаривались Копаныгин и Нупуру — Таппи сидел на посту броневой защиты, а Михаил занял место инженера аннигиляционных установок.

— Пристегнуться! — скомандовал Виктор. — Привести в готовность излучатель-антимат!

— Есть... — ворчливо ответил командор Копаныгин. Таппи хихикнул.

Середа покрутил верньеры ручной наводки, и космическое пространство съехало куда-то вбок, только звезды замельтешили косым дождиком за черным перекрестием.

— А вот у кхацкхов на кораблях стоят эмиттеры поля отталкивания, — заговорил Таппи, — и это их защитное поле никаким аннигилятором не пробьешь. Картина маслом!

— Нам бы такое... — вздохнул Михаил.

— И не говори!

— Но это пассивное средство, — возразил Виктор. — Корабль этим полем экранировать можно, а как тогда стрелять?

— Ха! А они, думаешь, стреляют? Кхацкхи за тыщу лет до нас выдумали принцип бескровного воздействия! У них все оружие или парализующее, или усыпляющее. И еще эти есть, гипноиндукторы. Мощные штуки! Направленные психоизлучатели, понял? Они их на свои корабли как раз и ставят, типа главные боевые установки. Шарахнут из такого по нашему крейсеру, и мы все в отключке!

— Ерунда это все, — сказал Виктор.

— Почему это ерунда? — оскорбился кибернетист.

— А потому, что эти твои гипноиндукторы не действуют на негуманоидов. У тех же себумов нет мозга или нервов, у них по два цереброида на особь и двухуровневая сигнальная сеть. И им психоизлучатели — до одного места!

— Ну, все равно... — протянул Таппи.

— А почему они себумы? — поинтересовался Копаныгин. — Я везде смотрел, но информатории такого слова вообще не знают, все только вескусиане да вескусиане...

— Это их так кто-то из ксенологов назвал, — усмехнулся Середа. — Сокращенно от «серо-буро-малиновый». У себумов ложнокожа как раз такого цвета.

Потянулась вахта. Виктор поначалу радовался своему участию в маневрах, но теперь к нему пришло разочарование, и начинала подступать злость. Какие такие корабли им придется задерживать? Что за атаку отражать? Небось в штабе додумались какой-нибудь старый грузовик-автомат заслать к Эпсилон Эридана, чтоб не жалко было открывать огонь на поражение. Вот уж подвиг так подвиг! А какая выучка экипажу — вдоволь настреляться по старому, давно списанному транспорту! Идиотство...

Первыми сигнал опасности подали приборы — тренькнул звоночек, отмечая момент квазиперехода. Где-то в пространстве, совсем рядом, наметилось локальное искривление. Если бы Вселенная была двухмерной, то эта точечная кривизна напомнила бы вздутие, словно кто-то продавливал гибкую пленку. Представить себе подобное в трехмерном мире не удавалось, приходилось верить индикаторам — метрика гнулась. Чей-то корабль выходил из деритринитации. Интересно бы знать, чей?

— Кто это к нам лезет? — пробормотал Копаныгин. — Ни хрена себе! Вы гляньте только, какая масса прет! Сотни мегатонн!

— Великие небеса, — проронил Таппи потрясенно, — черные и голубые!

В черноте космоса полыхнула яркая сиреневая вспышка. Когда Середа проморгался, то

увидел дрейфующий дискоид. Диск двигался ребром, сближаясь с «Гладиусом».

— Это штурмовой планетарный крейсер себумов! — воскликнул Нупуру. — Ну, ничего себе!

Чем ближе подходил крейсер, тем больше он становился, расплываясь сначала во весь экран, а после уходя за его края. Шел он без ускорения, не быстрее, чем корабль, изготовившийся к стыковке. А потом по обресту диска раздвинулись вакуум-створы, и грянул залп из лазерных пушек. Лучи чудовищной мощности проткнули броню «Гладиуса» и пронизали его нутро, сжигая переборки и людей. Завыла сирена, заполошно замигали табло, предупреждая о разгерметизации.

— Огонь! — проорал Виктор, судорожно хватаясь за рукоятки обеих ПМП. Надвинул перекрестие визира на крейсер себумов, он выпустил два импульса подряд, накрывая боевой пост. — Мишка! Ты чего ждешь?!

— Не было приказа открывать огонь!

— Какой тебе еще на хрен приказ нужен?! Ты что, не видишь?! Они напали на нас!

Целый поток антипротонов пролился с планетарника, поражая «Гладиус». Середа с ужасом проследил, как блок-схема линейного рейдера на пульте теряет сектор за сектором — себумы выедали «торт»...

— Гады! — зарычал Копаныгин, врубая аннигилятор. — Жабы!

Круговой экран заполнился слоями бурлящего огня и светящегося дыма, исчерченного радиантами разлетавшихся осколков. Из-за дверей поста УАС доносился неумолчный, то слабевший, то нараставший грохот, пол сотрясался, будто в агонии.

— Скафандры надеть! — прокричал Виктор. — Быстро!

— Одевайтесь! — рявкнул Михаил. — Я щас!

Полушаровой аннигилятор дотянул заряд до вражеского крейсера, и экран запылал, вспыхнул ужасной, режущей глаза белизной, зарядил каскадом взрывов — волна антиматерии уничтожала все подряд. Газы, обломки, броня, живые существа — все это, обратившись в жесткое излучение, разлеталось бурлящими огненными вихрями.

— Скафандры! — просипел Виктор, обильно потея — на посту становилось все жарче.

Копаныгин рывком поднялся и взлетел под потолок — локальные гравустановки отказали, образовалась зона нулевой гравитации, как в атриуме. Невесомость. Ругаясь, Михаил оттолкнулся от потолка, долетел до бокса и уцепился за шторку, упираясь ногами в пол. Шторка поддалась. Кряхтя, Копаныгин залез в скафандр, нацепил шлем и захлопнул лицевой щиток.

— Готов!

— Таппи!

— И я!

Виктор последним облачился в скафандр, замечая, как гаснет круговой экран. Биокерамическая оболочка «Гладиуса» уже накалилась до вишневого свечения, и Виктор видел лишь плотное облако дыма и газа, сквозь которое пульсировал сгусток голубого огня. Вдруг он погас, и туча медленно рассеялась.

Показался крейсер себумов, походивший на корж, чуть-чуть объединенный с краем. «Корж» удалялся.

— Драпают! — вскричал Таппи. — Ага!

Диск готовился к уходу в подпространство, но перед стартом из его объемистого шлюза выплыл цилиндр с пристыкованной к нему сферой. Он медленно вращался, занимая

стационарную орбиту над Гадандой.

— Это боевая станция, — пробормотал Нупуру, — охранный спутник. Себумы ставят их везде, около каждой своей планеты... Что же это такое?..

— Это война, — сухо ответил Виктор. — Идем!

С трудом открыв сегментный люк, он выбрался в коридор... и увидел впереди звездное небо.

— А где все? — растерянно проговорил Таппи.

Они долго бродили по коридорам, радиальным и круговым, перешагивали наплывы металлокерамики, заглядывали в сквозные зияния пробоин, но ни одного живого человека так и не нашли. Попадались им только трупы обожженных или задохнувшихся. Обращенных в лед. А трех четвертей рейдера не существовало вовсе — лишь оплавленные обломки тянулись за кораблем, как хвост кометы.

— А ты говоришь — драпают... — с горечью произнес Копаныгин. — Да они раздолбали нас на хрен и уши!

— К аварийному боту! — приказал Середа.

И они пошли к боту. На душе у Середы было тягостно. Паршиво было. Месяца не прошло с того дня, когда он стоял в каюте капитана Козелкова и предрекал беду. Выходит, накаркал?

Всего аварийных ботов должно было быть восемь, но с краю палубы чернела громадная пробоина — грузовик проедет — и загибалась внутрь затвердевшими струями металлопласта.

— Тысяча двести рентген, — сумрачно сообщил Копаныгин.

Виктор не ответил, он проводил техконтроль. Один из двух ботов был цел и невредим, только борт опалило огнем атомного распада.

— Забираемся!

— Может, еще наших поищем? — робко предложил Таппи.

— Где? Мы уже все обыскали! Выйдем в космос, посмотрим. Может, кто в скафандре?

Бот отстыковался от огрызка рейдера легко. Отплыл подальше и легонько столкнулся с трупом себума. Черный раздутый шар с торчащими выростами прополз по экрану, напоминая старинную морскую мину.

— А вон еще один! — воскликнул Нупуру возбужденно. — Этот в скафандре!

— Мишка! — крикнул Виктор Копаныгину, занявшему место пилота. — Подойди поближе, возьмем этого гада на борт!

— Да зачем он нам?

— Если живой, будет «языком»! Если сдох... Ты веди давай, потом разберемся!

Виктор пробрался в кессон и открыл внешний люк. Себум в пленочном скафандре выглядел, как блок «условно-живого» мяса в упаковке. Копаныгин медленно подвел бот и наехал на тушу, вылавливая ее кессоном, как сачком.

— Готово! — крикнул Виктор.

— А чего орать? — послышалось в наушниках. — Оглушил совсем... Люк заблокируй!

— Сейчас я...

Закрыв внешний люк, Виктор с болезненным любопытством оглядел себума. Его — или ее? — скафандр был прозрачен и герметичен, не позволяя организму раздуться в вакууме. Вескусианин напоминал кожаный мешок, коричневый и склизкий, весь в складках, с выростами разной длины. Три темных глаза смотрели стеклянисто, мертво и зло.

— Зачем же ты, гад, приперся сюда? — процедил Виктор сквозь зубы.

— Это ты кому? — поинтересовался Копаныгин.

— Это я себуму.

— А-а... Поднимайся, а то я запускаю рейсовый.

— Сейчас...

Аварийный бот не развивал большой скорости, и обратный путь до Гаданды растянулся на сутки. Но вот пухлый зеленый шар лег под аварийный бот и медленно покатился, занимая полнеба водянистым горбом.

— Начали спуск, — сказал Копаныгин. Говорить ему в принципе и не надо было, но привычка повторять команды вслух осталась еще с дипломных перелетов в ВШК, ее не вытравишь. Да и зачем?

— Высота сорок пять. Двигатели на торможении...

Навалилась тяжесть — среди оборудования аварийных ботов гравикомпенсаторы предусмотрены не были.

Облачность внизу не клубилась, пухлые белоснежные тучи, в западинах отливавшие малахитом, кучились на востоке. Мглистая дымка вилась вокруг, размывая виды. Хотя что увидишь с такой высоты?

Виктор заметил, что Таппи в скафандре сильно вздрагивает.

— Эй, ты чего? — встревожился он.

— Н-ничего... — выдавил Нупуру. — П-просто к-колотит всего...

— Ты часом не заболел?

— Отстань от него, — посоветовал Копаныгин. — При чем тут болезнь? У Таппи нервная реакция пошла... Знаешь, сколько длился наш бой? Ровно восемь минут! И за эти восемь минут...

— Я понял, — буркнул Виктор.

— Высота двадцать один. Перехожу в горизонталь!

Горизонт приподнялся, покосился и опустился ниже тупого носа бота.

— Во! — обрадовался Михаил. — Пеленг пошел! Сяду-ка я на киберпилоте, вот что...

Аварийный бот прошел над городом-портом и встал на дыбы. Со звонким щелчком вышли три посадочные опоры.

— Полная мощность на оси!

— Выполняется, — ответил киберпилот монотонным голосом.

— Половина мощности на оси!

— Выполняется...

— Реактор на холостой ход! Холодная тяга.

— Иду на посадку холодной тягой.

— Реактор — ноль! Стоп при стыке!

— Ноль-ноль.

— Двигатель стоп!

Бот качнулся, приседая, и замер. И тишина...

— Приехали... — прокряхтел Копаныгин.

Виктор первым прошагал в кессон. Брезгливо перешагнул себума, отпер внутренний и внешний люки. Выглянул и замер с колотящимся сердцем.

Города-порта больше не было. На месте космодрома парила километровая проплешина остекленевшего шлака. От зданий космопорта остались только фундаменты — щербатые,

совсем черные, они блестели, словно облитые толстым слоем глазури. Было очень тихо, только потрескивание остывавшего пластолита слышалось в наушниках да унылое посвистывание ветра. А потом за спиной Виктора, в отсеке, зазвенел, захлебываясь, сигнал радиологической тревоги.

Глава 3

ПЕРЕДОВАЯ

— Жабы и здесь уже побывали, — глухо проговорил Копаныгин. — Т-твари...

— Вот теперь я тебя понимаю от и до, — высказался Нупуру.

Середа только отмахнулся — не до того.

— Пошли, — сказал он. — Поищем. Может, кто остался...

Он спустился с пологого откоса на стекломассовое шоссе, покрытое вздувшимися пузырями, и пошагал к городу. Пузыри под ногами лопались и противно хрустели. Чем ближе он подходил, тем больше деталей бедствия замечал — стены, припорошенные жирным черным пеплом; скрученные от жара решетчатые мачты микропогодников; остовы куполов-капониоров — только дуги обгорелые торчат, с них грязные сосульки свисают, отражаясь в лужах расплавленного спектрогласа. Виктор потрогал пяткой сапога — поверхность лужи не прогнулась, спектроглас давно застыл.

— Трупов не видать пока, — с надеждой заметил Нупуру.

— Здесь знаешь какая температурка была? — вздохнул Копаныгин, обходя перевернутый вездеход с потекшими от жара эластичными гусеницами.

— Но не все же сразу! — отчаянно воззвал Таппи.

— Может, и не все, — сжалился над ним. Михаил.

Искали до самого обеда, но никаких следов уцелевших так и не нашли. Даже Нупуру угас.

— Пошли, — буркнул Копаныгин, — поедим...

И в этот момент до слуха Виктора донесся глухой свист.

— Ти-хо! — крикнул он и прислушался.

— Вон они! — заорал Таппи, подпрыгивая от возбуждения. — Вон! Я же говорил! А вы не верили!

Он захохотал, хлопая себя по ляжкам и тыча пальцем в сторону моря. Оттуда, стелясь над грязными волнами, подлетали пять или шесть глайдеров-антигравов. Они сделали круг над разрушенным городом и сели за околицей, с наветренной стороны.

— Правильно! — оценил Копаныгин. — А то нанесет активного пепла, и лечись потом целую неделю...

Виктор стремительно пошагал к месту посадки глайдеров. Народу из них повылезло много, человек тридцать, и Середа повеселел — в Порт-Гаданде всего-то числилось тридцать семь человек планетологов и космозоологов. Подойдя ближе, он заметил и присутствие женщин.

— Кто вы? — крикнула одна из них, шатенка в автоном-комплекте не по размеру.

Виктор опустил щиток и отдал честь, прикладывая руку к шлему:

— Младший командор Середа, честь имею!

— Командор Копаныгин! — отрекомендовался Михаил.

— Кибернетист Нупуру, — представился Таппи.

— Так вы с корабля?! — обрадовался сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати. — Он на орбите, да?

— Ага! — весело согласился Копаныгин.

— А скоро сядет?

— Скоро! И года не пройдет, как все его обломки выпадут вдоль экватора!

Лицо сухощавого вытянулось.

— Они и вас... тоже? — выговорил он.

Копаныгин хмуρο кивнул.

— А как вы умудрились выжить?

— А мы вовремя умотали на острова! — воскликнула рыжая девушка с пронзительно-зелеными глазами.

Сухощавый вздохнул и протянул руку Виктору:

— Ксенолог Чак Кэссиди, по совместительству — начальник базы... Бывшей базы.

Виктор снял перчатку и пожал ему руку.

Монтировать временный лагерь закончили уже в темноте — две луны висели в черно-зеленом небе, и еще три десятка звездочек размытыми пятнышками света мерцали в зените, складываясь в незнакомые созвездия. Лагерь собирали из надувных куполов, которыми был набит отсек аварийного бота. Купола делались из силикета, не пропускавшего радиацию, и за их тонкими стенками можно было снять наконец чертовы скафандры и освободиться от автоном-комплектов.

Тишина над полем стояла полнейшая — ничего ползучего, летучего, бегучего не появлялось в окрестностях «космодрома». Таппи еще сыскал в себе силы поухаживать за шатенкой, космозоологом Васнецовой, которую он через пять минут после знакомства уже называл Дашенькой, а Виктор заполз в спальный отсек.

Было невыразимо приятно лежать на чистой простыне, глядеть сквозь гибкий иллюминатор в вогнутой стене на луны и чувствовать, как сон властно подчиняет себе твое тело, начинает путать мысли в голове, отдаляет негромкие голоса, доносящиеся из главного купола, и отвлекает от мыслей о случившемся. О войне...

Утро выдалось пасмурным. Садира висела над степью и заливала развалины и лагерь берилловым светом, выделяя лучами четкие круги и квадраты фундаментов, вытягивая за куполами длинные тени. Середя протер глаза, зевнул, перевел ленивый взгляд в сторону от светила, еще не жалящего зрение, на нижние иллюминаторы и сильно вздрогнул.

— Чего ты? — сонно проговорила Васнецова, прилегшая в том же отсеке.

— Посмотри! — произнес Виктор напряженным голосом и показал в иллюминатор на северо-восток, где моховища редели, почва истончалась, и степь растекалась пустыней. Над барханами, высоко в небе, выдувался гигантский полупрозрачный пузырь — радужный, нестойкий, зыбкий, все более мерцающий сиреневым. Загрохотал гром. Даша рывком села и кулачками протерла глаза.

— Что это?! — громко прошептала она.

Виктор искоса глянул на обнажившиеся груди и вскочил, заметался по отсеку в поисках одежды.

— Что-то новенькое... — проговорил он, облачившись за сорок пять секунд. — Ох, не нравится мне этот пузырь...

«Пузырь» подозрительно напоминал сгущения, которыми сопровождалась финиши кораблей, выходящих из подпространства. Обычно это были сферы, волчки или конусы. Но финишировать в атмосфере?!

Середя выбежал в главный купол, вспугнув Таппи, самозабвенно прикипшего к губам рыжеволосой девушки. Скомандовав: «Подъем!», натянул автоном-комплект и выскочил на

поле.

«Пузырь» будто лопнул — налетел жгучий шквал, засвистал, швыряясь песком, зашуршал по округлым стенам купола, опалил лицо горячим воздухом.

— Что это?! — крикнул Чак.

— Похоже на финиш! — крикнул Копаныгин.

— Они что там, чокнулись?!

Заслоняясь рукой от сильного ветра, Середа поглядел на растаявшую сферу, разогнавшую тучки. Небо вокруг колебалось, струилось и расслаивалось. Дюны шатались и вытягивались, меняя желто-белый цвет на красный и зеленый. И где-то в самой середине круга, очерченного валиком бегущих туч, за муаровым дрожанием и бледно-фиолетовой дымкой начало проявляться конусовидное тело метров семидесяти в высоту. Да, это было вполне материальное тело, а не какое-нибудь атмосферное явление, и его постепенно отвердевающие формы узнавались знатоками вроде Таппи.

— Да это рейдер! — завопил кибернетист. — Класса «Доннар»! Я на таком практику проходил!

«Похоже...» — мелькнуло у Виктора.

— Наши! — заорал Кэссиди.

— Ура! — подхватил Таппи.

Волна восторга окатила всех. Ученые, инженеры, звездолетчики забегали и запрыгали, испытывая понятное человеческое счастье спасительной встречи со своими.

— Смотрите! — голос Даши перебил радостный гул. — Там еще кто-то! Да вы не туда смотрите! На востоке!

Середа посмотрел, куда протягивалась рука девушки, и радость его поутихла, сбиваясь под накатом новых тревог. На востоке творилось нечто пугающее. Небо в той стороне исходило белесыми, свинцово-серыми и иссиня-черными вихрями, бешено клубящиеся облака расцветивались то желтым, то зеленым, то густо-вишневым, то светло-лиловым. И весь этот катаклизм надвигался, близился, грозил.

Шлейф бурлящих туч расползся от края до края, и был прочерчен горизонтальной линией, все набухавшей и набухавшей. По тому, как текучие клубы туч сверкали белизной сверху и сгущали сумрак понизу, Середа догадался о форме летающего объекта. К ним приближался колоссальный диск.

— Себумы! — вскричал Нупуру.

— А ну! — гаркнул Виктор. — Все в купола, быстро! Они с камуфляжем!

Все бросились к надувным тамбурам, набиваясь в хлипкое убежище.

Линия на горизонте превратилась в объемный, сильно вытянутый овал, и уже все глаза воспринимали НЛО как гигантский диск. Его диаметр равнялся примерно десяти километрам.

— Господи! — вскрикнула Даша. — Они сейчас столкнутся!

Исполинский диск был совсем близко от земного корабля, когда с его края сорвались оранжевые струи пламени.

Выпустив бледные султаны огня, конус «Доннара» распался.

Окаменевший Виктор разглядел старт маленького аварийного бота — и тут инопланетный диск закрыл солнце.

Заклубились прах и пепел, пригнулись, закивали шпильями перекрученные мачты микропогодных установок. Чудовищный ураган обрушился на лагерь. Середа упал и схватил

за руку Дашу.

— Держись! — крикнул он, перебарывая рев ветрового потока.

— Держусь... — пискнула девушка.

А сизое брюхо корабля-диска все проплывало и проплывало поверху и никак не могло кончиться. Днище не было гладким, на нем выделялись выступы, сегменты, пазы, но все эти детали не запоминались, сливаясь в серое мельтешение.

И вот показался край диска. Необъятная тень скользнула по земле, и прихлынуло солнце. Но на душе было тускло.

Середа встал на колени и проводил глазами миновавшую их прямую и явную угрозу.

— Чак! — закричал он. — Заводи глайдеры!

Все антигравы, набитые битком, понеслись к дальним дюнам. В этих местах никто из людей не бывал — пустыня никого особо не тянула. Сверху Виктор разглядел севший бот — матово блестящее яйцо острым концом вверх, косо вставшее на три лапы-упора. Люк бота был раскрыт, и несколько фигур металась по песку, видимо, готовясь к отражению атаки. «Встретились, называется!» — горько усмехнулся Середа. Он посадил глайдер на склон дюны и откинул прозрачный колпак, поднимая руки.

— Эй, вы там! — крикнул Виктор. — Не стрелять! Свои!

Люди у корабля-бота перестали метаться и двинулись навстречу. Они все были в легких пленочных скафандрах и в круглых шлемах. Середа разглядел самые обыкновенные лица, в меру красивые, в меру курносые и приметные, три белых и одно коричневое. И с одинаковым выражением на всех — полнейшего изумления.

— Кто вы?! — крикнул он.

— А вы? — спросил светловолосый мужчина в скафандре.

— Мы-то? — усмехнулся Середа. — Сбили нас! Могу даже себума показать — в скафандре, только дохлого!

— Так и нас тоже подбили! Мы с Алты!

Светловолосый поднялся на бархан и оказался седым.

— Профессор Вайнштейн! — представился он. — Я физик-нулевик, у нас на Алте целая лаборатория... была, и вдруг эти прилетели! Все плазмой выжгли!

Еще двое членов экипажа пожали Виктору руку, пилот Федосеев и бортиженер Григорян, а четвертый оказался не человеком, а гуманоидом. Семигуманоидом, как он сам уточнил позже. Пока же к Виктору подошел крупный лысый мужик и протянул четырехпалую руку, по странному сгибая длинные многосуставные пальцы.

— Гумм, — прогудел он, — из-з рода Вз-зат.

Он улыбнулся совершенно по-человечески — добродушно и словно смущаясь своей внешности. А внешность была приметная — у семигуманоида почти отсутствовали уши, голый череп распирали бугры, похожие на шишки после хорошего удара, и узловатые гребенчатые выступы. Лицо у него было белое, безгубый рот смешно прикрывался клапаном мягкой кожи, похожей на нос. Круглые, будто у совы, глаза обведены кольцами серебристого пуха.

— Семигуманоиды проживают на планете Вариана, — объяснил Вайнштейн, — это третья планета в системе альфа Кассиопеи, звезды Шедар...

— Вернее будет с-сказ-зять, — выговорил Гумм, — проживали...

— Его планету захватили себумы, — объяснил Григорян. — К нам на Алту галактисты с Варианы прилетели, точнее — эвакуировались, и он был с ними. Все раненые...

Середа угрюмо покивал.

— А мы, — подхватил Федосеев, — сразу на космодром. Там три «Доннара» стояли. Мы их мигом протестировали, подняли — и в бой! Хотя... Северную базу нам уже было не спасти, а до южной мы так и не добрались...

— Вы говорили о трех кораблях, — напомнил Виктор. — Один я видел, а где другие два?

Григорян охнул и побледнел.

— Ч-черт... — простонал он. — Наши ж еще не финишировали! Леха! Активируй систему слежения!

— Есть! — крикнул Федосеев и понесся к боту.

— Вот черт... — продолжал горевать Григорян. — Мы едва прорвались через волну себумских истребителей и только взялись втроем за их эсминец, как появился вескусианский крейсер... Вы его видели — это тот диск. Мы чухнули сюда, а он за нами! И доконал-таки! А наши должны финишировать в ближайшие сутки — мы двигались по трем разным векторам разгона...

Прибежал Федосеев.

— Крейсер вышел из подпространства, — доложил он. — Беда в том, что жабы оставили охранный спутник! Если на нем стоит этот их генератор нелинейности — нашим хана придет! Это как засада!

— Повоевали! — скривился Григорян. — Сначала наш грохнули, а потом и «Тенгри» достанут с «Перуном» на пару!

Звездолетчики, инженеры, ученые молча, вздохами и взглядами выражали сочувствие.

— А этот ваш бот, — спокойно спросил Середа и кивнул в сторону матового яйца, — он способен долететь до их спутника?

— А толку? — буркнул Григорян. — На нем не стоит даже ПМП! Вообще никаких активных средств!

— Да по фигу мне ваши активные средства! — отмахнулся Виктор и обратился к Чаку Кэссиди: — Ты говорил, у тебя в загорелке взрывчатка имеется?

— Имеется! — энергично кивнул экс-начальник. — Мы ею скалы рвали на островах, еще кусочка осталась — хватит, чтобы разорвать этот бот!

— Отлично! — довольно произнес Виктор. — Значит, будем делать бомбу.

— Бомбу? — растерянно спросил Вайнштейн.

— Бомбу, бомбу! А доставить ее на спутник придется вручную.

— Да, — кивнул Григорян, — ракету они отобьют.

— Так и человека могут почикать! — возразил Федосеев. — С той же легкостью!

— А что делать? Дождаться, пока ваши финишируют, и почтить их минутой молчания?

— Ладно, — вмешался Таппи, — давайте взрывчатку, помаракую над «взрывным устройством»...

Экипаж бота растерянно вертел головами.

— Займись, Таппи, сделай хорошее дело, — сказал Середа. — Ну, чего стоим? Поехали, некогда! Гумм, садись ко мне в кабину!

— А можно с-сказать? — поднял семигуманоид руку. — Вы говорили, что захватили с-себума в с-скафандре? Ес-сли этот с-скафандр надеть, то их с-спутник пропус-стит кос-смонавта.

— Молодец, Гумм, — похвалил его Виктор, — сообразил!

Семигуманоид радостно ухмыльнулся, оскаливая зубные пластины, и пошагал, сильно косолапя, к глайдеру. Середа двинулся за ним. «Свой-чужой, — подумал он. — Вроде бы и не человек, а нашенький. А то, что не по образу и подобию, так это пустяки, дело житейское! В военном госпитале такого, бывает, насмотришься... Куда там шишкам с гребнями!»

Глава 4

АБОРДАЖ

— Наш-ша планета крас-сивая... — говорил Гумм. — Оч-чень...

Семигуманоид сидел у костра, подложив под себя ногу, и огненные отсветы скрывали инаковость его лица. А бугорки с гребешками на голом черепе казались прической.

— Это вы, хомо, наз-зываете ее Вариана, — продолжал Гумм, — мы привыкли... — он шумно вздохнул. — На ней один Приполярный материк, с-с с-севера он с-спускается до экватора и дальи-ше... Полуос-стровами. Между ними — теплые моря. И Млечный океан... У нас-с много с-степей, они раз-зные, плос-ские или волнами... Мой род вс-егда жил в с-тепи, с-с начала времен. У нас-с не так, как у вас-с, когда мужчина с-с женщиной. У нас-с вс-се вместе, моя с-семья — это род. Нас-с было много, но теперь вес-сь мой род — это я. Один. Больш-ше не осталос-сь...

...Гумм-на-Взат стоял на вершине плоского холма и глядел вдаль. От холма до самого горизонта тянулась плоская равнина, покрытая блестящей травой. Ветер клонил ее широкими разливами, то серебристыми, то темно-зелеными. Маленькое белое солнце горело в белесом небе, нагоняло влажный жар, и Гумм всей грудью вдыхал густой травяной дух.

За его спиной сбивались в рощу деревья с плоскими кронами, там были тень и свежесть, и высоко били холодные ключи, наполняя зеленое озеро, но Гумму нравилось терпеть жару и духоту. Он — воин. Нежиться в прохладе — удел подруг и жен, а ему надо оставаться сильным и стойким. Всегда. И везде. Уже две зимовки провел он на Дальнем Севере, там, где вода каменеет и поднимается голубыми морозными горами. По весне их склоны тают и оплывают влагой, начинают журчать ручьи, собираясь в реки. Чистая вода Севера поит травы Юга.

А зимой там очень холодно и всюду лежит глубокий снег. Белый мех бедолангов, или мимикрозавров, как их называют хомо, сливается со снегом — зверя не увидишь, пока не наступишь. И тогда сугробы взорвутся коловращением когтей на всех шести лапах, и снег окропит красная кровь раззявы-охотника. Но надо, надо плести снегоступы и ходить на охоту, иначе не добыть вкусного мяса и теплых шкур — нечего будет есть и не во что кутаться, когда буран, и сухой, колючий снег заносит тебя, завернутого в теплую шкуру бедоланга...

Гумм фыркнул и пошел к реке, рукой ведя по пушистым конусам зеленых цветов.

За рекою раскинулся Халог — главный город сразу четырех родов, его широкие улицы застроены рядами высоких куполообразных зданий. Гумм довольно фыркнул — все эти купола возводили мастера из его рода. Давно уже, сотни циклов тому назад.

Он прошагал по средней улице, раскланиваясь со встречными родичами, и вышел на необозримую площадь, обведенную кругом самых высоких куполов. Гумм направился к тому, перед которым вразброс стоял десяток глайдеров, а со двора выглядывали лопасти вертолета. Это была база КМО^[3] Земли, на ней жил его друг Миккель и здесь работал он сам — проводником. Эти хомо такие смешные! Гумм фыркнул, вспоминая, как Миккель все пытался узнать, какому богу они поклоняются. Старейшины не поняли его слов. Что значит «поклоняться»? Кланяться? А что такое «бог»? Миккель объяснил, и все смеялись. Был

весело — многие сочли, что Миккель пошутил. Нет, ну в самом деле — как же это кланяться существу, которое — выдумка?! Верить надо в удачу, в себя, в товарища... Только так.

Гумм вошел в прохладный холл и по обычаю рода снял с себя оружие — кинжал, откованный ко дню Посвящения, и земной бластер. Бласт, как небрежно называл Миккель плазменный излучатель, был куда мощнее варианских иглометов. Игла, если выстрелить в упор, пробивала стальной лист толщиной в полпальца. Бласт просаживал броню в ладонь.

На лестнице Гумм столкнулся с Коггой из рода Ста. Оба были воинами и приветствовали друг друга, как Посвященные, — коснувшись большим пальцем лба и рта.

— Спешешь, мой Когга? — спросил Гумм.

— Очень, мой Гумм, — с достоинством отвечал Когга-на-Ста. — Корабли чужих на орбите.

— Много?

— Да.

— Будет война?

Когга обмахнулся большим пальцем и выдавил:

— Будет...

Со второго уровня сбежал встрепанный Миккель, планетарный координатор.

— Мой Гумм! — вскричал он. — Как же ты кстати! Слушай, собирай воинов своей сотни и обходите все дома города! Женщин и детей надо срочно эвакуировать!

— Эвакуировать? — нахмурился Гумм.

— Уводить! — нетерпеливо растолковал Миккель.

— В лес? — уточнил Гумм.

— Нет, лучше в Пещерный город!

Гумм согласно покивал. Пещерный город очень древний — его строили три тысячи циклов назад. В то давнее время астрономы из рода Кги увидели небесную гору, которая могла ударить по городам, как ядро, пущенное из баллисты, и предупредили Степь. Все роды тогда послали своих мастеров в горы Комо — расширять тамошние пещеры, укреплять их и рыть новые. В них все и укрылись, переживая падение горы. Великую дрожь земли вытерпел Пещерный город, никто не был погребен под обломками сводов — мастера строили крепко. И вот опять на равнину падает тень с неба...

— Я иду, мой Миккель! — сказал Гумм. Повесив на пояс кинжал, а на плечо — бласт, он вышел в город. Его догнал Миккель, по паспорту — Михаил Северцев, галактист.

— Я с тобой, мой Гумм! — заявил Миккель и зашагал рядом.

— Кто они, грозящие из тьмы? — спросил Гумм.

— Себумы негуманоиды, — ответил хомо. — Они похожи на длинные, локтя в три-четыре, кожаные мешки. Блестят, как намазанные маслом, и формы не имеют. Такие, знаешь, шевелящиеся студенистые туши, противные очень. Они из любого места выбрасывают, когда им это нужно, по два мясистых отростка — вместо рук — или больше. У них огромные глаза, то ли два, то ли три... И они совсем другие, не как мы! У нас и у вас есть женщины, они рожают нам детей, а эти — бесполое, и размножаются почкованием, как ваши болотные элу!

— Мерзос-сть... — сказал Гумм. Третья, рудиментарная пара конечностей, спрятанная под рубахой, рефлекторно дернулась.

— И еще какая! Мы их еще называем вескусианами. Или жабами. Они живут на Вескусе, это их прародина, их материнская планета...

— А почему ж-жабами?

— Ну, это как бы презрительное сравнение, мы называем такие слова бранью. Жабы — это такие твари, они вроде ваших элу, только без шерсти.

— Понятно, — сказал Гумм. — Но з-зачем им наша с-степь?

— Если бы одна степь... — уныло протянул Мик-кель. — Жабам подавай всю планету разом! И не вы первые... Себумы уже захватили Тиссу, Наиру, Рубелу, Нериану, Рутанию и Биссеру — все колонии кхацкхов! Они не трогают поля и леса, но города, энергостанции, заводы, дороги, порты, короче, все построенное, сжигают плазмой! Зачем, спросишь ты, мой Гумм? Жабам не хватает «жизненного пространства»! Хоть они и почкуются, но их уже двадцать миллиардов, а селятся они исключительно по берегам теплых морей, и то не везде — лишь там, где мелко! А если у этих морей уже есть хозяева, то тем хуже для хозяев — жабы их истребят, чтобы не мешали вволю плодиться и размножаться... Я только что со станции Д-связи, передал рапорт на Землю, но прибудет ли помощь? И какая? Сейчас на орбите два наших сигма-Д-звездолета сверхдальнего действия, я приказал им уходить, но их командиры послали меня куда подальше...

— И ты на них не сердись? Ты улыбаешься?

— Я горд, мой Гумм! Это настоящие люди, понимаешь?

— Они воины?

— Они стали воинами...

К вечеру сотни Гумма, Когги и Атты обошли все жилые купола. Вестники на глайдерах разлетелись по городам и ранчо. Стада буллов перегонялись к горам Комо, тысячи беженцев двигались туда же.

Завечерело. Лиловые краски заката померкли, свод небес украсился россыпями звезд. Когда совсем стемнело, взошли четыре луны в разных фазах. Но глаза Гумма следили за кораблями чужих, круглыми или овальными пятнами света в черноте — явный признак того, что вескусианские крейсера и линкоры имеют размеры большие, чем пять тысяч шагов. Пятна плавно скользили по орбитам, маневрировали и перестраивались.

Стержень коммуникатора в кармане расшитой жилетки Гумма курлыкнул, толкаясь в слуховые перепонки, и семигуманоид сказал, наклонив голову:

— С-слушаю!

— Мой Гумм! — раздалось из коммуникатора; — Это Михаил... Миккель! Слышишь?

— С-слышу, мой Миккель.

— Так вот, наши Д-космолеты вступают в бой! У них на каждом всего по три-четыре ПМП, но и этим можно знаешь как врезать?! Мы...

Связь прервалась, а подвижные огоньки наверху закружились оживленной. Заблестали ослепительные вспышки, расходясь огненными смерчками, расплываясь мерцающими туманностями, бросая багровые и голубые отсветы на степь. Десятки подбитых истребителей вошши в плотные слои атмосферы и прогорели желтыми болидами, распадаясь в воздухе и рушась в болота Кли.

Небо пылало, гигантские пятна призрачного света пробежали по равнине, а потом грянул гром громов, и голубой столб энергии ударил по городу Халог. Купола взорвались все одновременно — вспыхнули красно-лиловыми факелами, и грохот прокатился по степи. На убежище накатила волна горячего воздуха, пыли и горячей травы.

А небо полыхало зловещим белым пламенем, облака то и дело пронизывали фиолетовые лучи лазеров, выжигая в степи глубокие рвы.

— Падают! — закричал, подбегая, Миккель. — Сбили!

По-над горизонтом означилась огненная полоса, очерчивая округлую массу вескусианского истребителейеносца. Корабль падал. Он летел в атмосфере, поднимая бури и расшвыривая снопы молний, от него отламывались куски размером в сотни шагов и низвергались на равнину сотнями радужных вспышек. Истребителейеносец рухнул поблизости от Халоба. Земля зашаталась, когда сигара в десять тысяч шагов вонзилась в холмы, срезая их, как нож срезает сладкий нарост на дереве дао. Корабль раскололся, из трещин забили струи бледного огня.

И тут в небесах вошло второе солнце — взорвался еще один корабль себумов — транспорт.

— Второй! — заорал Миккель. — Ур-ра!

— Что з-значит «Ур-ра»? — спросил Гумм.

— Это клич победы!

— Ур-ра! — подхватил Гумм-на-Взат, и его крик умножили Когга, Атта, Хитта, Барра, все десятки и сотни ополчения...

— ...Это с-случилос-сь две руки дней наз-зад, — закончил свое горестное повествование Гумм. — Вс-се Д-кос-смолеты погибли в том бою, а мы... Кто с-смог, укрылс-ся в горах Кома. С-с ними осталис-сь Когга и Атта. Кхитта погиб в с-схватке с-с десантом с-себумов на Берегу Тао, а я с-стал первым кос-смонавтом Варианы...

Середа кивнул, понимая и разделяя чувства семигуманоида. Вроде и странно ему было, и в то же время обычно. Раньше почему-то думалось так: внеземная цивилизация — это нечто абсолютно чуждое и человеческому уму, и образу жизни, и той, почти неуловимой и трудно определяемой сущности, именуемой душой. Но вот сидит напротив него представитель этой самой ВЦ, и что? Гумм так же греет у огня руки, как и он, и вся разница между ними в том, что у ладони воина из рода Взат на один палец меньше...

Середа оглянулся. Круглый бок бота четко выделялся в лиловых сполохах сварки, шипенье и треск нарушали тишину ночи, одинокие искры пролетали и гасли — Копаныгин мастерила оболочку для бомбы.

Со стороны дюн донесся свист двигателя, потом гребень бархана очертился в дрожащем свете фар, и на склон сел глайдер. Из кабины показался Нупуру. Увидев Середу, он закричал:

— Я скафандр привез!

Соскочив с трапа, он подбежал к костру.

— С дыркой, правда, — загараторил Нупуру, — но мы ее залепим! Да и не лезть же в него голышом! Сначала в свой скафандр законопачусь, а потом уже в жабий — он здоровый, почти круглый, как чуть сдутый мяч!

— И куда ж это ты намылился, Таппи? — ласково спросил Середа.

— Как куда?! — изумился Нупуру. — На спутник!

— Увы тебе, — притворно вздохнул Виктор, — на спутник отправятся младший командор и командор. С ними пойдут два пилота и воин из рода Взат. Верно, Гумм?

— Так точно, Викк! — расплылся в страшенькой улыбке семигуманоид.

— А как же я? — растерялся Таппи.

— Командование возлагает на тебя ответственную задачу — держать оборону базы, защищать женщин и гражданское население. Проникся?

— Проникся... — уныло откликнулся Нупуру.

— Не горюй, кибернетист, — усмехнулся Середа, — навоюешься еще!

— Буду надеяться... — сморщился Таппи.

— Готово! — крикнул Копаныгин из-за бота и загремел чем-то металлическим.

Вдвоем с Федосеевым они вынесли обрезок титановой трубы, заваренный с обоих торцов.

— Заряд внутри, — доложил Михаил, — взрыватель вставлен самим Таппи Нупуру Замбо! Сработает от радиосигнала!

— Очень на это надеюсь, — улыбнулся Середа. — Пошли!

— А слезы прощания лить не будем? — поинтересовался Копаныгин.

— Времени нет! Да и не хочется никого будить... Я лучше потом понаблюдаю слезы встречи! Когда вернемся...

— Если вернемся... — уточнил Михаил.

— На войне, как на войне, — пожал плечами Середа. — Всяко бывает...

Конечно, это была поза. Полная неизвестность пугала, собственный план казался Виктору авантюрой, и хоть какая-то убежденность в победе отсутствовала напрочь. А когда бывало иначе? Всегда так — рассчитываешь на себя, прикидываешь варианты и гадаешь: чет-нечет, выйдет не выйдет?

Подошел Григорян.

— Готово? — спросил он, несколько нервничая.

— Готово, — сказал Середа. — Вперед!

— Удачи! — крикнул Кэссиди.

— Ждем! — добавил Вайнштейн.

— Мы только туда и обратно! — невесело оскалился Середа, чувствуя себя камикадзе-любителем, отправляющимся в свой последний полет. Ну уж, на фиг!

Фары глайдера отразились от мутного зеркала бота. Таппи ждал экипаж у трапа.

— Мы с Федосом бросили жребий, — оскалился он, — и выпало мне! Картина маслом!

— Смухлевал небось? — проворчал Середа.

По тому, как Таппи изобразил оскорбленную невинность, Виктор понял — без мухляжа не обошлось.

— Ладно, забираемся! — скомандовал он. — И стартуем! Время на исходе...

Середа миновал тесный шлюз, поднялся в небольшую кабину пилота и лег в кресло. Рядом примостился Копаныгин, за ним все остальные.

— Пятеро на одного! — натужно пошутил Середа и приказал: — Предстартовый тест!

— Норма! — крикнул Григорян, подняв руки и чего-то там касаясь на пульте.

— Энергетика!

— Норма!

— Биоприставки!

— Норма!

— Сопряжение!

— Норма!

— Дублирование!

— Норма!

— Контроль!

— Норма!

— Готовность!

— Есть готовность!

— Гравипривод активировать!

— Есть!

— Старт!

Копаныгин не ответил, он повернул ключ и нажал красную ребристую клавишу. Тяжкий выдох огласил пустыню, и откатный луч гравитатора чуть примял разворошенные барханы.

— Отрыв. Двигатель на разгон!

— Есть! Пошло ускорение!

Середа с интересом смотрел на панорамный экран. Поверхность Гаданды заметно округлилась, опадая вниз размытым светло-зеленым шаром. Одна за другой «включались» звезды, складываясь в непривычные сочетания. Потерянными мячами зависли луны.

— Долго еще? — поинтересовался Середа.

— Да нет... Успеть бы только до финиша наших...

Середа поразился, до чего же быстро он привык к военному положению. Он совершенно спокоен, хотя прекрасно понимает, что его ждут бои и чьи-то смерти. Очень может быть, что и его не минует безноса с косой...

— Подходим, — сказал Копаныгин, напрягаясь. — Вот он!

Середа пригляделся и рассмотрел маленький блестящий шарик.

— Остановись на безопасной дистанции, — распорядился он.

— Понял... Может, все же мне пойти? — неуверенно предложил Копаныгин.

Середа покачал головой.

— Ты пилот куда лучший, чем я или Таппи, у тебя налетано ого-го, — возразил он. — Кто, в случае чего, возьмет на себя управление ботом?

Михаил вздохнул. Таппи ничего не сказал, углубленно всматриваясь в показания приборов.

— Пойду, — пробормотал Середа, отстегивая пояс. — Пока влезу во все скафандры...

— Я помогу, — предложил Таппи.

Вдвоем они спустились в шлюзовой отсек, и Таппи достал из шкафа гибкий спецкостюм.

— Вот вырез, где шея, — объяснил он, — влезай в него ногами...

Середа влез, просунул руки в рукава, ноги в штанины, кончавшиеся безразмерными сапогами, и нацепил на голову шлем, серебристый снаружи, прозрачный изнутри. Таппи помог ему пристроить к поясу модуль СЖО^[4] размером с тарелку, а на сапоги он прицепил «шпоры» — миниатюрные сингулярные гравидвижители, каждый больше самого сапога втрое.

— А теперь... Вот! — жестом фокусника Таппи развернул что-то вроде огромного мешка, сшитого из черной блестящей пленки. — Пустотный спецкостюм жабы!

— Кошмар какой-то... — проворчал Середа и полез в мешок. — Давай бомбу! Не забыл, надеюсь?

— Что ты, как можно?! — вытаращился Таппи и протянул Виктору весьма увесистое «взрывное устройство». Тот сунул бомбу в скафандр-мешок и неуклюже шагнул к внешнему люку. «Полет в мешках, — подумал он угрюмо, — до такого массовики-затейники не додумались...»

— Все, — сказал он и добавил: — Закрой за мной...

Крышка люка уехала в пазы. Звезды полезли в шлюз, посыпались колючей пылью. Середа вывалился в открытый космос, чувствуя, как внутри все сжимается и скручивается.

Матерясь про себя, он растопырил ноги, направляя тягу сингулярников. Представил, какой смешной раскорякой выглядит на панорамном экране, и выматерился. Вслух.

Переговорное устройство скафандра тут же ожило и поинтересовалось голосом Копаныгина:

— Ты кого там так сильно? Нельзя ругаться в космическом пространстве...

— Не выеживайся... — мрачно откликнулся Середа. Его повело вбок, и он согнул ногу в колене. — Гашу боковую скорость, понял?

— Ага... — сказал Копаныгин. Помолчал и добавил: — Все идет штатно, командор... Пробьемся!

Середа промолчал. Вывернув голени, он подправил курс. Спутник вескусиан вырос на глазах. Был он не велик и не мал — метров ста пятидесяти в длину и полста поперек. Бочка плюс сфера. Правда, форму и размер чужепланетного дива Середа воспринимал отстраненно, в последнюю очередь. Куда больше его заботил иной вопрос: шлепнут его или нет? Таппи утверждал, что датчик «свой-чужой» встроен в пленку «жабьего» скафандра. Но он не давал гарантии, что этот датчик сработает... А если и сработает, но выдаст, что внутри «своего» скафандра прячется «чужой» диверсант?.. Вот лети и думай...

На боку спутника, который был освещен солнцем, в цилиндрической части открылся большой люк. Значит, он опознан! Середа чуть согнул ноги в коленях, развел и сразу свел их. Массивная рама люка объяла его и уплыла назад. Попал! И упал — пол ощутимо притягивал. Середа задергался, пытаясь перевернуться на живот, и с третьей попытки это ему удалось. Опасливо разведя шов скафандра себумов, вынул бомбу и пристроил ее в уголок. Всё, линияем...

Выпрыгнув из люка, он развел ноги и поплыл. Люк задвинулся. «Вот будет номер, — подумал Середа, — если корпус не пропустит сигнал!» Ну, попытка номер один...

Попытки номер два не потребовалось — нажав кнопку на передатчике, Середа тут же увидел последствия. Освещенную сторону спутника раздуло, а потом нарыв лопнул, разбрызгивая снопы искр.

— Есть! — заорал в наушниках Копаныгин. — Готов!

— Я проверю, как там и что, — сказал Середа, поворачивая к спутнику.

— Мы тоже! — заявил Михаил.

— Не спеши, командор, не лезь поперед батьки в пекло...

Середа приблизился к спутнику, и большой люк снова открылся — до половины, дальше не пускал деформированный корпус.

Виктор проник внутрь и поразился масштабам разрушений. Вот это рвануло так рвануло!

— Витька! — взвыл заполошный голос Копаныгина. — Крейсер возвращается! Слышишь? Жабы финишировали в мегаметре от нас! Быстро на борт, будем тикать!

— Куда тикать? — рассердился Середа.

— На базу!

— Хочешь на хвосте чужих привести?

— А что ж тогда?!

— Двигайте ко мне! Все! Прямо на боте! Должен влезть!

— Витек, — еле сдерживаясь, проговорил Копаныгин, — они наверняка получили сигнал со спутника и захотят поглядеть, что с их игрушкой случилось. Они выводили его на орбиту из ангара и, наверное, вернут обратно в ангар. Ты что, хочешь оказаться в плену? Так

жабы пленных не берут!

— Ты прав наполовину, Михаил, — холодно ответил Середа. — Я действительно намерен оказаться на борту крейсера, но вовсе не для того, чтобы попасть в плен.

— А для чего?! — сорвался Копаныгин.

Середа усмехнулся:

— Хочу захватить планетарник!

— Командо-ор... — в голосе Копаныгина появились нотки снисхождения.

— Молчать! — рявкнул Середа. — Приказываю немедленно стартовать! Чтоб через десять секунд были в шлюзе!

— Есть... — растерянно пролепетал Копаныгин.

— Р-распустились! — рычал Середа. — Еще бы нас не били жабы, если мы каждый приказ обсуждаем и прикидываем, а стоит ли его исполнять! Долго ты там будешь возиться?

Копаныгин только засопел в две дырки. Бот сдвинулся с места и поплыл к охранному спутнику. Генераторы нелинейности и прочие фокусы чужих не срабатывали, видать, взрывчатка здорово попортила системы сателлоида. Люк задвинулся за ботом, но не до конца — осталась щель шириной в метр. «Сойдет...»

— Выходите! — скомандовал Середа. — Анастас, ты за ужином хвалился, что знаком с планировкой вескусианских крейсеров?

— Да не то чтобы знаком... — затыкнул Григорян. — Просто полазил по мидель-носовой части, ее отломило в том бою у Варианы...

— Неважно! Поведешь нас, если попадем к жабам на борт...

Один за другим люди выбрались из бота. Середа вспомнил, что он до сих пор в наряде «от себум», и выбрался из «мешка». В щель между створом и корпусом Виктор увидел приближавшийся планетарный крейсер. Освещенный Садирой, гигантский корабль отливал синим и серым. Он надвигался медленным и неумолимым колоссом — даже на кромке диска, плоской лентой опоясывавшей линкор, с легкостью разместилась бы пара стадионов. Поперек.

Край диска прошел над спутником, и в необозримом днище отверзлась пасть сегментного шлюза. Сателлоид покачнулся, его повело, медленно затягивая в створ.

— Гравитационный захват... — пробормотал Григорян.

— Скажи лучше, — перебил его Середа, — что это за шлюз. Это грузовой отсек или что?

Анастас напрягся.

— Это... — он припомнил чертежи. — Это, должно быть, нулевой шлюз!

— Нулевой, говоришь? — пробормотал Середа. — Ла-адно...

Спутник втянуло в шлюз полностью, и створки стали медленно закрываться. Едва они сомкнулись, из круглых решеток в стенах повалил густой пар — ну, в точности как на «Плутоне-2». Вскоре давление поднялось настолько, что Середа расслышал по внешней акустике вой и гул нагнетаемой дыхательной смеси. Вой вскоре прекратился, перед спутником, ставшим гнездом для яйца-бота, раздвинулись вторые створки, и гравизахват ввел сателлоид в док. Это была огромная полость, никак не меньше полукилометра от стены к стене и от пола до потолка. К переборке, обращенной внутрь корабля, примыкала целая «этажерка» из причальных площадок.

К сателлоиду протянулось коленчатое щупальце, ухватило за него и подвело вплотную к верхней площадке причала.

— Быстро выходим! — скомандовал Середа. — Анастас! Веди! Нам нужна капитанская рубка или что тут у них вместо нее! Только веди тайком!

— Тогда нам сюда! — показал Григорян вниз и бегом спустился на площадку уровнем ниже, куда вел удобный пандус. — Здесь должен быть вход в ремзону...

Он осторожно коснулся двери на входе-выходе, и та зашипела, расходясь.

— Ремзона! — радостно объявил Анастас.

Пропустив всех, он закрыл дверь.

— Твое оружие, командор! — буркнул Копаныгин и протянул Виктору тяжелый пистолет-дезинтегратор. Это был «Мьелнир», двухпоточный фузионный бластер.

Середа глянул — индикатор зарядов показывал «50».

— Нормально! — оценил он. — Выдвигаемся!

Глава 5

ЗАХВАТ

Сразу за переборкой, отделяющей ремзону от дока, помещались пакгаузы. Широкий и низкий коридор тянулся, сколько хватал взгляд, и стягивался в точку перспективы, а по обе стороны его шли ворота из полупрозрачного волокнистого материала кремового цвета с янтарными переливами. И свет, заливавший коридор, тоже был теплого желтого оттенка.

Экипаж бота (Середа впереди, Гумм прикрывал тыл, остальные — между) пробежал стометровку и свернул в поперечный коридор. Тут, как утверждал Анастас, находятся сервис-центры корабля, модули авторемонта и внутреннего контроля.

Здесь их и застучали. Из потайных боксов появились десятки охранных роботов, похожих на половинки шаров. Завизжав на срыве в ультразвук, полусферы кинулись на поиски незваных гостей. Гумм замешкался, какой-то из роботов засек его и тут же выпустил по нарушителю лиловую молнию разряда. Прогремел короткий гром, семигуманоид едва увернулся, пропустив ярко-фиолетовый перун над самым плечом.

Середа опробовал бластер. Струя перегретой плазмы вошла в работа, проделав в корпусе его дыру, и кибернетический громовержец перестал функционировать. Еще два заряда, выпущенные Гуммом и Копаныгиным, пробиты свои цели. Коридор наполнился черным и сизым дымом, и тут уж сработали пожарные автоматы — стали устранять очаги возгорания.

— Бежим! — крикнул Середа. — Анастас!

— Сюда! — позвал Григорян, большими скачками поспешая в транзитный транспортный рукав, круглый, облицованный серым шероховатым металлопластом. Пробежав изгибами рукава, вся компания очутилась в секторе складских помещений. Тут царил тишина, а в глубоких нишах застыли авторазгрузчики, замершие, как рыцари в музее.

— И далеко еще? — поинтересовался Середа.

— Ой, далеко... — вздохнул Григорян. — Тут этих коридоров... Радиальные и кольцевые, строжневые и поперечные, на десятке уровней, и все это соединяется шахтами и пандусами... Минотавр бы чокнулся давно!

— Ты мне скажи, где рубка?

— А в центре почти! Пять кэмэ по прямой! Где-то тут должен быть...

— Ты что ищешь? — сумрачно поинтересовался Середа.

— Ну ты же сам сказал, — расширил глаза Анастас, — двигаться тайком, чтоб никто не увидел! Ага, вот!

Григорян подбежал к вентиляционной трубе толщиной в обхват и рывком выдернул решетку.

— Полезайте!

— И куда? — хмыкнул Середа. — Вверх, вниз?

— Вниз на пару уровней!

Внутри трубы ощутимо дуло, но спускаться было несложно — стенки были ребристыми. Только вниз смотреть неприятно — труба отвесно уходила на полкилометра. Упадешь — «Скорую» не тревожь...

Двумя уровнями ниже «абордажная команда» попала в буфер между строжневым и ремонтным горизонтами. Здесь царил полумрак, а потолок касался шлемов.

— Не пойдет! — решительно заявил Середа. — Пока мы тут будем в прятки и салочки играть, земные корабли финишируют и попадут на прицел! Анастас! У них что тут, все пешком ходят?

— Ну, нет, конечно! Есть транспортные капсулы на радиальных и кольцевых линиях...

— Тогда бегом к ближайшему радиусу! Ловим капсулу — и внутрь!

— Это опасно! — предупредил Григорян.

— Ничего, — буркнул Середа. — Мы рисковать обучены... Бегом!

— Понял!

Анастас сориентировался и побежал. За третьим поворотом он забрался в трубу-потерну. Середа, шепча энергичные выражения, полез следом и затопал, клоня голову, в полутьме, пока не выбрался в огромную сферическую полость-распределитель, где перекрещивались, свивались и ветвились многоуровневые развязки. В транспортном рукав-тупичке стояли три свободные капсулы — круглые, прозрачные и с чем-то вроде мягких пуфиков внутри. У них не было колес — капсулы просто висели в воздухе в полуметре от пола.

— Залезаем!

Все уместились в одну капсулу, и Анастас склонился над ключом управления, торчащим из пола.

— Внутренний комплекс... — бормотал Григорян. — Внешний комплекс... Нет, нам внутренний. По Среднему кольцу до стрежневого радиуса...

— Анастас, — не выдержал Середа, — быстрее можно?

— Нельзя! — отрезал Григорян. — Не мешай...

Он повернул и зафиксировал разноцветные наборные колечки ключа, и транспортная капсула тронулась. Влетев в прозрачные трубы развязки, она крутанулась и вывернула в кольцевой туннель, к жилым секторам. Пронеслась на такой скорости, что все видимое смазилось, и шмыгнула в радиальный коридор. Разогналась, тормознула, подлетела к платформе, замерла. Зашуршал, сдвигаясь, прозрачный сектор дверцы.

Середа вылез последним и тут же скомандовал:

— Ложись!

Команда бросилась на пружинящий пол. А Середа впервые увидел живого себума — или живого себуму? Как правильно? А, как ни скажи, все — жаба...

Себумы не ходили и не бегали, они разъезжали на маленьких платформочках-дисках, похожие на маслянистые коричневые бурдюки. У ближнего из них были открыты три влажных глаза, у дальнего — ни одного, зато торчали пять мясистых отростков, коротких и напряженных, рождая ассоциацию с коровьим выменем.

— Ушли! — шепнул Таппи.

— Куда теперь? — спросил Середа.

— Сюда! — указал Анастас на проход в стене. — Их кэп тут!

— Вперед!

Охраны за проходом не стояло никакой — то ли не дошло до себумов, что на корабль пробрались чужие, то ли вескусиане не сочли опасным людское присутствие. Тем хуже для них...

Григорян пошарил по стене, нажал на шишечку-выступ, и в стене открылся прямоугольный проем. Середа, дергая дулом бласта, ворвался в просторное помещение, залитое мягким бестеневым светом. Стены были привычной уже янтарной и кремовой

расцветки, а в центре медом отливал круглый бассейн, в котором нежился капитан крейсера — здоровенная, бесформенная туша, встопорщенная напряженными отростками, слегка покачивавшимся в такт пульсу отвратного существа.

— С-са! — взвизгнул Гумм, знающий язык себумов в объеме военного разговорника. — Су х-ха, ас-тессу гассо ассаф! Ссам! Ссам!

Капитан забулькал, выпуская два гибких отростка и цепляясь ими за борта бассейна. И вдруг раздался голос. Он шел ниоткуда, глухой, утробный, свистящий. Никакого ротового отверстия не открылось на туше себума, но натянутая кожа под парой гибких отростков вздрагивала в такт словам, будто диафрагма акустической колонки. И говорил голос по-русски.

— Не увечьте переговорность Вескуса, хомо, — просипел капитан. — Я познал убогое средство общения вас. Какая ваша нужда?

Середа шагнул вперед и спросил:

— Первый шлюз пуст?

— Так, хомо, — хлюпнул вескусианин.

— Сколько вас на корабле?

— Я нехорошо усвоил счет у вас, — признался капитан, — он примитивность... Нас такое исчисление, какое тождествует количеству отростков на нижних и верхних конечностях у помещающихся хомо и на этом псевдохомо... — вескусианин вытянул отросток в сторону Гумма.

— Сса! — презрительно проронил Гумм. — Пуссо сса!

Середа поднял руку, утихомиривая семигуманоида.

— Тридцать шесть шгук? — недоверчиво протянул он. — На весь корабль?

— Врет! — заявил Григорян с ненавистью. — На линкоре базируется под тысячу истребителей и штурмовиков! И где тогда пилоты?!

— Вескусиане ни в какое время не врут, — возразил капитан с оттенком горделивости. — Ложь представляет признак низшей расы и показатель недоразвития. В текущем времени пилоты наказывают нелояльность обитателей планеты Алта, — пояснил себум. — Корабль пришел в систему этой звезды на время ведения силовой акции, наша бывшая задача — нейтрализация земных кораблей. В текущее время поимелась нужда в осмотрении охранного спутника и транспортировке его в ремонтное состояние. Мы не имеем здесь долгого задержания...

— А придется поиметь! — усмехнулся Середа. — Теперь слушай меня и помни: если не выполнишь в точности то, что я тебе прикажу, мы превратим этот бассейн в выгребную яму, в которой будут гнить твои останки! Дошло?

— Так, — коротко ответил себум.

— Отлично, — кивнул Середа. — Тогда выполни следующее — прикажи всем членам экипажа немедленно собраться в первом шлюзе! Давай, действуй! И помни о том, что я тебе сказал!

Себум молча выбрался из бассейна, переваливаясь и колыхаясь. Опершись на коротенькие отростки, он просеменил к пульту, сунул в круглые отверстия три длинных щупальца и просвистел-прошипел приказ по кораблю. Середа посмотрел на Гумма. Семигуманоид успокаивающе кивнул ему — всё путем!

— Шлюз блокируется? — спросил Виктор у Анастаса, копавшегося у просторного пульта с россыпями пластин (надо полагать, заменявших себумам кнопки), и большими

круглыми экранами в ряд.

— Да, — кивнул Григорян. — Сейчас...

Анастас нерешительно повел рукою над пультом и тронул одну из пластин. Средний гемисферный экран осветился и показал внутренность шлюза, похожего на нулевой, только поменьше. Было видно, как дисциплинированные себумы сбиваются на причальной площадке.

— Все там? — поинтересовался Середа.

— Щас... — Григорян подключил датчик дислокации и сказал: — Двух не хватает. Ну, один здесь, — он указал на капитана, — а... Все, явился, не запылелся! Я блокирую?

— Блокируй! — сказал Середа. — Таппи! Найди тут подходящее место под изолятор.

— Уже! — сказал Таппи. — Тут, напротив, камера-хранилище.

— Уведите капитана пока туда и запирайте. Ты и Мишка.

— Есть!

— А в рубку как тут пройти?

— Какую? Если в ходовую, то — следующий портал!

Середа поманил Григоряна за собой, и они вместе покинули капитанскую каюту. Дверь в следующем портале протаяла привычным земным прямоугольником, разве что косяка не хватало для антуража.

Ходовая рубка представляла собой огромный круглый зал с полусферическим потолком. Между сводом и полом стекленел панорамный экран — вид во все стороны открывался роскошный. Слева пламенела Садира, распушившая жемчужную корону, справа внизу сиял шар Гаданды — малахит со сливками циклонов. Две луны — одна маленькая и серая, другая побольше, песчаного цвета. И звезды — россыпи звезд, искристые облака звезд, разметанные на килопарсеки.

У отрезка панорамника, что открывался напротив дверей, дугою выгибался пульт — будто корабль и не себумы строили, уж больно все антропное. Григорян сразу бросился искать пункт связи.

— Роскошь какая... — бормотал он. — Богатство...

На одном из экранов повторилась картинка, транслируемая с первого шлюза, — себумы на причальной площадке. Похоже было на лежбище тюленей.

— Ну, и что будем с ними делать? — спросил Середа. — Сразу в расход или потом?

— Ты что?! — удивился Григорян. — Они ж пленные!

— Во-первых, — терпеливо проговорил Середа, — никто из них в плен не сдавался. И они сами — ты, по-моему, об этом упоминал? — наших в плен не берут. Считаю, что эти себумы, — он кивнул на экран, — попали в окружение...

— Все равно, — настаивал Григорян. — Мы ведь гуманоиды...

— Ну-ну... — усмехнулся Середа. — Ты звездолетчик? И где работал?

— Сменным пилотом... На рейсовом звездолете...

— Оно и видно.

Незаметно вошел Таппи, бледный и потерянный. За ним шагал угрюмый Копаныгин.

— Что случилось? — насторожился Середа.

Таппи открыл рот и тут же скривился в рвотном позыве.

— Пойдем, командир, — негромко сказал Копаныгин, — покажу кое-что...

Вместе они вышли из рубки, за ними увязался встревоженный Григорян, оставив Таппи разбираться с системами связи. Копаныгин пересек коридор и провел Середу в светлый

квадратный зал. Младший командор остановился, и у него по телу мурашки прошли.

Это была лаборатория, здесь себумы изучали биологию и анатомию вида хомо сапиенс. В прозрачных цилиндрах плавали освежеванные тела — мужчин, женщин, детей. Стекланные кубы с синеватым газом хранили внутренние органы — печени, сердца, легкие. Около десятка мозгов, больших и маленьких. Было заметно, что у бесполок себумов особый интерес вызывали детородные органы.

Середа, оледенев, прошелся между чистенькими голубыми столиками. На одном лежало годовалое дитя, предмет чьих-то недавних забот и ласк, не вскрытое даже, а грубо разделанное, как тушка поросенка. А соседний столик занимало чучело пятилетней девочки — таксидермист очень старательно передал изумление в расширенных глазенках. Девочка стояла, выпятив животик и раскинув ручки, две короткие косички забавно торчали в стороны.

— Боже! — охнул Григорян. — Она еще живая!

Середа бросился к пилоту и будто споткнулся о взгляд женщины, распростертой на металлическом столе. В круглых яблоках глаз меркла бесконечная мука, а то, что глядела женщина, понять можно было не сразу — на теле отсутствовала кожа. Совсем. Крови тоже не было — вескусианские умельцы так грамотно удалили эпителий, что не повредили ни единого сосуда. Блестели красные мышцы, проглядывали сизые связки, оскал беззубых челюстей пугал.

— Ей же больно! — орал Григорян. — Таппи! Таппи!

В дверях замаячил Нупуру.

— Таппи! — завопил Анастас. — Мигом в бот! Волоки реанимационный блок! Большой! И включи витализационную камеру, пусть входит в режим! В капсуле наберешь два белых колечка — подряд, синее и красное!

— Понял! — донеслось из коридора, куда пулей выскочил Таппи.

— Боже, боже... — стонал Григорян, хватая себя за щеки.

— С-себумы — не воины, — вынес вердикт Гумм.

— Гумм, — попросил Середа, с трудом разжимая стиснутые зубы, — будь другом, сними все это на мета-визирку. Пусть все наши долбаные миротворцы увидят, с кем они не желают воевать!

Примчался Таппи. Хватая воздух ртом, протянул реанимационный блок. Григорян торопливо разложил его, блок надулся в прозрачный цилиндр, по его стенкам потек целебный раствор.

— Виктор... — слабым голосом позвал Анастас.

— Иду, — откликнулся Середа.

Вдвоем с пилотом он освободил руки и ноги несчастной женщины от фиксаторов и осторожно поднял трепещущее тело. В горле подопытной забулькало, между зубов просочилась кровь с языка, искусанного в приступах язвящей боли.

— Ма-ма... — прохрипела женщина. — Т-таня... м-ня... Та-ня...

— Потерпи, миленькая, — шептал Середа, — потерпи... Сейчас тебе станет легче... Вон, какое сердечко здоровое... Сейчас, Танечка...

Вряд ли женщина различала его слова, но сам тон ее успокоил. А может, подействовала родная речь?

Григорян с Середой уложили женщину в реанимационный блок и закрыли его. Раствор побежал живее, обволакивая судорожно вздрагивающие мышцы, обезболивая и унимая

трепет истерзанного тела.

Таппи махом настроил блок и вывел на экранчик зеленые зигзаги и синие мнемोगрафики.

— Такая боль... — пробормотал он.

Середа шагнул к двери и поманил за собой Григоряна.

— Пошли, гуманоид, — произнес он ровным голосом.

Вернувшись в ходовую рубку, Виктор спросил приплевшегося пилота:

— Как открыть первый шлюз?

— Вы имеете в виду — разблокировать? — беспомощно пробормотал Григорян.

— Я имею в виду — открыть! Наружу!

Совершенно потерявшись, Анастас указал на две клавиши. Середа поочередно их нажал. Сначала на экране ничего не происходило, только себумы заволновались, зашебуршились. А потом возникающая при разгерметизации тяга начала их отрывать от причала, закручивать в туманном вихре вырывавшегося воздуха и выбрасывать в открытый космос.

Середе было хорошо видно, как коричневые бурдюки раздувались в шары, увеличиваясь втрое, и во все стороны торчали короткие, тупые выросты, делая себумов похожими на морские мины. А потом мины стали лопаться, и в разрывы ударяли фонтанчики зеленовато-бурой жидкости, мгновенно превращавшейся в мутные льдинки.

Григорян сдавленно охнул, а Копаныгин мрачно улыбнулся.

— Вот это по-нашему, командир, — произнес он одобрительно.

— Ты их убил... — еле выговорил Григорян. — Всех...

— Я уничтожил врагов, — холодно поправил его Середа. — И отомстил за тех, кого действительно убили и замучили эти твари. Утри слезы, пилот, и учись! Учись делить мир на своих и чужих. Учись бить врагов и заступаться за друзей. Не прощать палачей и добивать поверженного неприятеля. Истреблять его всеми активными средствами! Пока ты этого не усвоишь, ты — не воин, и Посвящение тебе не светит...

Гумм и Копаныгин синхронно кивнули. Григорян молчал, подавленно и прибито.

— Не впадай в отчаяние, пилот, — негромко добавил Середа. — Ты не трус, и голова у тебя как надо прикручена. А об издержках гуманизма и высоких морально-этических норм ты не горюй — все эти красивые перышки скоро облетят. Война опалит всех нас, помни мое слово...

Анастас вдруг вздрогнул и показал на звезды.

— Наши финишируют! Вон и вон!

Середа заметил в глубине панорамного экрана два сиреневых сполоха, вздувшихся шариками огня, — прошло вторичное излучение.

— Дай увеличение! — сказал он Григоряну.

Тот послушно включил отдельный монитор, на котором звезды плясали, проходя через все цвета спектра. Потом взбаламученное пространство подуспокоилось, и в черноте загорелись две яркие точки. Из них протек лиловый свет, окатываясь прозрачными конусами. Свет наполнил оба объема, отвердел, застыл и померк. Конусы перестали быть полупрозрачными, теперь в космосе парили массивные сооружения, словно покрытые длинной черной шерстью, и будто кто гладил по этой шерсти, пускал волны от вершин к основаниям.

— Вызываю «Тенгри»! — закричал Григорян, наклоняясь к пульту. — Вызываю «Перуна»!

— Кто спрашивает? — щелкнуло металлом из звучателя.

Анастас неуверенно оглянулся на Середу. Виктор нагнулся к диафрагме спикера и твердо произнес:

— Младший командор Середка, командир крейсера «Доннар».

В ответ — тишина, только шипит передающий канал.

— Да вы подгребайте, подгребайте, — усмехнулся Середка.

— Мы захватили себумский крейсер, понятно?! — радостно проорал Таппи. — Двигайте к нам, я открою шлюзы первый и нулевой!

В звучателе слышались невнятные восклицания.

— А себумы где? — донесся членораздельный вопрос.

— Вы их скоро увидите, — склонился Григорян к звукоприемнику и кривовато усмехнулся: — На войне, как на войне...

Глава 6

СОВЕТ

Гигантский диск крейсера спустился над Восточным океаном и двинулся на закат. Пассаты дули и на Гаданде, подгоняли экваториальное течение — светло-бурые завитки на темно-коричневом фоне. Шоколадные валы неугомымо катились на запад, поднимая и опуская гирлянды каких-то пузырей с торчащими во все стороны усами-удочками, здорового псевдоспрута, разморенно покачивавшего щупальцами, и что-то вроде ряски, колыхавшейся на волнах подобием красной икры. Ряску подьедал мегасимбионт — громадный живой остров, купавший в мутной воде бесчисленные мохнатые псевдоподии. Хорошая в принципе планета!

Середа смотрел сквозь прозрачный пол ходовой рубки и любовался мелькавшими внизу хозяевами гидросферы. Конечно, это был не совсем пол, и прямо под ним слоились палубы, отсеки, зоны, но пока ко всему этому привыкнешь... А по сторонам не посмотришь. Перед тобой диск гонит атмосферный фронт — там бешено клубятся тучи, сине-багровым валом катясь по ходу крейсера. Тучи стреляют молниями, крутятся вихрями, хлещут конденсатом. А сзади стелется мощнейший инверсионный след, рваной ватой закладывая чистое зеленое небо. «Вот ты, господин младший командор, и в звездную войну ввязался... — подумал Середа. — Командир штурмового планетарного крейсера! Что бы ты понимал в крейсерах!.. Тут на борту куча трофейного чудо-оружия, а что с ним делать? Ума не приложу... Держать под сиделищем? Дурость и предательство. Передать этим непротивленцам с Земли? Дурость и предательство в квадрате... Думки есть?..» Думки были.

На горизонте прорисовалась толстая зеленая черта.

— Земля! — крикнул Коллиган, кибернетист с «Перуна».

— Бедные девчонки, — посочувствовал Копаныгин. — Опять диск! Подумают, что это уж точно по их души!

— Ничего... — улыбнулся Середа. — Мы постараемся побыстрее развеять страхи...

Под брюхом крейсера проплыли курящиеся дюны, и гигантский корабль замедлил полет. Тучи, брошенные впереди, побурлили и стали рассеиваться. А вот и база — внизу показались стеклянистые плечи и черные гари. Людей видно не было — попрятались.

Крейсер, закрыв полнеба, остановился.

— Нам в самый низ! — сказал Григорян и поспешил к пандусу.

С палубы на палубу Середа спустился к трюмам. Посреди обширного зала, квадратного в плане, зияло круглое отверстие. Оно светилось ярко-лиловым и при этом низко гудело.

— Гравилифт! — объяснил Анастас и прыгнул в лиловое зияние.

— Прыгаем на счет «два»! — сказал Таппи и последовал за пилотом.

Середа сосчитал до двух. Прыгать было страшно. Непонятное пугало — на Земле до таких лифтов еще не додумались, но не показывать же испуг? Младший командор шагнул в лиловое и провалился. Такое ощущение было, словно спускаешься по гибкой трубе — стенки ее тебя обволакивают и не дают упасть. Почувствовав под ногами твердую поверхность, Середа выдохнул и отшагнул в сторону. Рядом, плохо различимый за синим свечением, опустился Копаныгин.

— И-и-и! — от куполов неслась Даша.

Середа расставил руки и поймал девушку.

— Ты?! — кричала она. — Как? Вы? Они тебя отпустили? Да? Насовсем?

Середа засмеялся и не смог удержаться — стал целовать взволнованное лицо девушки.

— Теперь это наш крейсер! — объяснил он в перерыве между поцелуями. — Трофей!

— Все сюда! — кричал Копаныгин. — Грузимся!

Люди выходили из куполов, со страхом глядя на темное брюхо инопланетного чудища, расцвеченное огнями — габаритными, индикаторными, навигационными. Григорян шел рядом с Вайнштейном и что-то горячо объяснял профессору. Тот только растерянно кивал. Стороною брел Федосеев — переживал, наверное, что вообще согласился бросать жребий.

— Люди! — крикнул Середа. — Все здесь? Значит, так...

Кратко поведав новости дня — одного дня! — он сказал:

— Мы, возможно, еще вернемся сюда, на Гаданду. Будем строить на ней города, разведем планктон, чтоб воду процеживал! Это все обязательно будет, если мы сделаем то, что просто должны сделать... Идет война! Страшный враг грозит Земле, каждому, кто ее населяет. Себумы уготовили людям одно — поголовное истребление! Абсолютное уничтожение! Если себумы победят, то через сто лет только какие-нибудь чужаки-археологи смогут сказать: да, дескать, жили разумные двуногие на третьей планете в системе желтого карлика... Мы такого будущего не хотим!

— А что конкретно надо делать? — перебил его Шанкар, инженер координатор с «Тенгри». — Воевать? Так мы готовы!

— Земля не готова, вот что плохо! — рубанул Середа. — С нами ведут войну, и мы будем воевать. Должны! Обязаны! Только поймите меня правильно — я никому не могу приказывать это делать! Вы уж сами определите, каждый для себя. И я пойму, если кто-то из вас предпочтет переждать трудные времена и удалится на покой. Я пойму, но не поймут себумы! Не дадут они нам покоя! В общем, решайте. Только решать будете в полете. Грузимся и стартуем!

— Тогда я пошел! — сказал Шанкар и пошагал к дрожащему столбу гравифта.

Переглядываясь и переговариваясь, люди двинулись в ту же сторону.

— Все на борт! — гаркнул Середа.

Вайнштейн, Фаворский, Федосеев, Таппи, Копаныгин, Лобанов, Говорков, Гумм-на-Взат, Васнецова, Сибиряков — все размытыми синими тенями воспарили внутри гравифта. Середа оглядел брошенные глайдеры, тускло отблескивавшие купола, вздохнул — вот и еще одна частичка жизни оставлена, перевернута очередная страничка в книге бытия — и вошел в световой столб.

В трюме его подждал только Нупуру.

— Все уже поднялись, — доложил он.

— Погнали! — махнул рукой Середа.

Колоссальный корабль готовился к отлету. Все пульты в ходовой рубке высвечивались наперебой. Григорян буквой «зю» согнулся у пилотского терминала и колдовал над клавишами и информтабло.

В рубку вбежал взмыленный Чарльз Кэссиди, ухватил Федосеева и повлек в коридор. Федосеев не сопротивлялся.

— Мы тут в твое отсутствие развели немного самостоятельности, — стал оправдываться Григорян, — переводим крейсер в боевой режим!

— Переводи, переводи, — кивнул Середа. — Некогда носок тянуть и равняться на середину...

Еще десять минут длилась кутерьма, а затем Григорян объявил старт.

— Гадские жабы! — пожаловался он. — Все биоуправление по дыркам попрятали. У меня уже пальцы болят!

Крейсер прошел над степью, проплыл над пологими горами.

Атмосфера поредела, опала вниз, уступая место черноте и звездам.

Погребальный обряд провели так, как принято у звездолетчиков. Все собрались на причальной площадке шестого шлюза, к которому примыкала одна из десантных палуб. Середа и Вайнштейн, Григорян, Гумм-на-Взат, Таппи, команды «Тенгри» и «Перуна», планетологи и космозоологи выстроились в два ряда, и Копаныгин, как старший по званию, скомандовал:

— Смирно!

Киберперевозчики пронесли сквозь строй погребальную ракету с останками замученных и невинно убиенных. За краем причала ракета попала в зону нулевой гравитации. Подхваченная сквозняком, она медленно выплыла в створ шлюза. Пластметалловая штора тут же опустилась, и через нее донесся шум уходящего воздуха — это раздвинулись наружные плиты брони, выпуская печальный «груз 200» в космос. На большом круглом экране было видно, как сигарообразная ракета начала разгон, целясь в горящий шар Садиры — похоронный костер для тех, кто сгинул в вескусианских лабораториях. И название-то им другое просилось на язык. Какие уж там лаборатории... Самые настоящие пыточные камеры.

Середа хмуро проводил ракету, теряющуюся в звездовороте, и сказал:

— Надо собрать Совет и все как следует обмозговать.

— Здесь, сразу за палубой, должно быть что-то вроде салона, — припомнил Григорян. — Можно там.

— Веди, — обронил Середа.

Анастас повел. Десантная палуба, девятая сверху, была пуста, лишь один-единственный пустотный штурмовик стоял здесь в гордом одиночестве. Многорукие роботы-ремонтники суетились вокруг него, как муравьи на дохлой гусенице.

Отшагав с полкилометра, военные и гражданские свернули в поперечный коридор и попали в гигантский зал, где впору было бы концерты устраивать. Повсюду раскиданы пухлые круглые матрасы, заменявшие себумам кресла и диваны. На робостоликах оставались неубранными квадратные блюда с жевательными палочками, пластмассовыми мешочками с сосками, из которых выдавливалась густая пахучая паста, и прочими себумскими яствами.

— Надо сегодня же перепрограммировать синтезаторы, — проворчал Григорян. — У нас другая жратва...

Середа отметил, что после уничтожения вескусианского экипажа пилот словно нарочно огрублял свою речь, заимствуя соленые выражения из речи Копаныгина.

Сложив из матрасов стопки повыше, новая команда крейсера расселась в ожидании Совета.

— Гумм-на-Взат, — начал Середа, чувствуя себя не то главнокомандующим в Ставке, не то военным вождем племени гуронов, — ты допрашивал предводителя себумов. Что он открыл тебе?

Гумм встал.

— С-себум с-сказал, что их флот велик и могуч, — степенно заговорил он, — в нем больше двух тыс-сяч с-средних и больших кораблей, на каждые с-сто дес-строеров,

истребителенос-сцев и эс-сминцев приходится-ся один-два крейсера, таких, как этот. Сейчас весь флот с-себумов занят планетами кхацкхов — полным ходом идут вторжения, планетарные подавления, зачис-стки. Порядка с-ста пятидес-сяти миллионов кхацкхов уничтожено, час-стично разрушены экономические комплексы метрополии и колоний. В этом году с-себумы намерены приступить к начальному терраформированию з-захваченных планет, биозачис-сткам и колониз-зации — транспорты с-с переселенцами уже с-стартовали с Вескус-са... План ос-своевия назван «Прос-стор», он коснется и Варианы... С-следующая цель — Сообщество З-земли, ее молодая Периферия — Тау Кита, Лаланд 21185, Росс 614, Вольф 424А... У меня вс-се.

Гумм сел, и руку тут же поднял Гинзбург, ксенолог из экипажа «Тенгри».

— Прошу, — разрешил Середа.

— Хочу сказать вот о чем, — заговорил, волнуясь, Гинзбург. — Мы плохо знаем своего врага и подчас меряем себумов своею, человеческой меркой. Это в корне неверно! Мы давно пользуемся термином «чужие», но по-настоящему приложим он как раз к себумам! Они чужие и нам, хомо, и варианянам, и кхацкхам, и даже таоте-рептилоидам с Эпсилон Тукана! Почему? Да потому что мы все двуполы, а себумы вовсе не имеют пола! Это ультраважно! Секс, любовь, семья, дети — суть, основа основ формирования разума нашего типа и, главное, становления души! У нас, у людей, и, скажем, у кхацкхов или семигуманоидов разные взгляды, разная история, разные табу. У нас много разного! Но одно у нас общее — это душа! Мы все одинаково бываем счастливы от любви, смерть близкого для нас всегда горе, а дети — радость. Двуполость — это первооснова нашего бытия, нашей культуры, нашей цивилизации. Себумы иные, у них нет души! Вескусиане — носители разума, они мыслящие существа, но понятие духа к ним неприменимо! Конечно, и они не лишены эмоций. К примеру, новое открытие или хорошо сделанная работа вызывают у них удовлетворение. И чувство долга у них есть, и желание принести пользу, а выражения вроде «неэффективно», «неполезно» — это что-то типа ругательств. Кстати, один мой коллега упирал на такое обстоятельство — себумы никогда не убивают своих. Им чуждо понятие убийства, понятие лжи, понятие кражи, понятие предательства. Это прекрасно! Но и мук совести они тоже не испытывают. Себумы не ведают жалости, им не присуща наша склонность к защите слабого и беспомощного, к самопожертвованию, к сочувствию. Что такое дружба, товарищество, взаимопомощь, они в принципе неспособны понять и даже презирают нас за подобные отношения, полагая, что эти отношения «нефункциональны» и «неоптимальны»... Я могу еще долго говорить, но смысл, кажется, ясен: нельзя проводить параллелей между нами и ними — эти линии никогда не пересекутся...

— А вести войну — это эффективно? — поинтересовался Середа.

— Для них — да! — с готовностью ответил Гинзбург. — Война для себумов — не агрессия и даже не продолжение политики насильственными средствами. Это только мы так говорим — война. А для себумов это единственный способ расширения жизненного пространства и космической экспансии. Мы, прибывая на другую планету, тоже боремся с трудностями — расчищаем джунгли под города, истребляем вредителей вроде крыс... Себумы поступают похоже, разве что заносят в разряд мелких грызунов и всех разумных. Мы для них представляем опасность, следовательно, подлежим тотальному истреблению и биозачистке. И точка! Никаким прогрессорством, никакой цивилизаторской деятельностью себумы заниматься не будут — это «неоптимально»! Себумы — это галактический рак, товарищи, и наша задача — удалить очаги заболевания, пока метастазы не пошли по всем

рукавам Млечного Пути!

Гинзбург сел и нервно потер руки.

— Хорошо, — склонил голову Середа, — а теперь зададим себе вопрос: что земляне могут противопоставить штурму и натиску себумов? Готово ли Содружество Земли к войне?

— Я перед отлетом скачал пакет новостей, — пробурчал Григорян. — Земная администрация вообще никак не готовится. Они постоянно врут себе и людям! Мелькнет иногда в новостях, звездолет кхацкхов, митинг какой-нибудь покажут... Но ни один труп еще не попал в фокус! Слово «война» вообще не в ходу. Вторжение на планеты кхацкхов называют «расширением зоны временной нестабильности»...

— Да ладно бы кхацкхам не помогали, — заговорил Шанкар Гупта, — а то ведь и своих бросают! Людей предают! Уже тысяч двадцать погибло на Авроре, на Алте, на Теллусе. И что? Хоть один рейдер был послан? Нет! То же благочиние по Мировой Сети! Вон когда на Вариану напали, наши с Д-космолетов оказали сопротивление. И что вы думаете? Их осудили «за провокационные действия»! И даже посмертно не наградили! Правильно! А с кем тут воевать? С «умеренными процессами дестабилизации»?

— Можно мне? — поднял руку Вайнштейн. — С нашими миротворцами не все ясно. И не все чисто. Да, нынешний Председатель Всемирного Совета Рогир ван Вейден — пацифист, «паци», как их прозывают. А вы знаете, что еще пять лет назад именно ван Вейден организовал секретную базу «Умбон»? Это где-то у Трансплутона... Там, на громадных орбитальных верфях, строились суперкрейсера класса «Конунг» — под стать этому планетарнику! Но два года назад весь проект был заморожен, а верфи законсервированы...

— Разберемся! — прогудел Копаныгин. — И расконсервируем!

— Что — корабли? — вступил в разговор Гинзбург. — Этого мало! Люди нужны! Нас тут полсотни всего, мы с трудом можем вести крейсер, а если на нас нападут? Нас просто не хватит на два дела сразу!

Середа дослушал и встал.

— Давайте сделаем так, — сказал он. — Не хочет земная администрация воевать — не надо. Организуем международное ополчение и сами выйдем на бой! Соберем корабли в Добровольческий флот, а этот, — он обвел рукой вокруг, — будет нашим флагманом! Кто «за»?

Присутствующие загудели и дружно вскинули руки.

— Единогласно!

— Теперь давайте выберем флагмана Доброфлота! — внес предложение Копаныгин. — Мы с Нупуру выдвигаем кандидатуру Середы! Кто «за»?

Лес рук был ответом. Виктор почувствовал, как заколотилось его сердце. Он не испытывал в этот момент ни восторга, ни веса ответственности. Он четко знал — спокойная жизнь, устроенная и предсказуемая, прошла. Судьба заломила такой крутой поворот, что дух захватывало. И что там, в будущем? Победа? Слава? Смерть? Бог весть...

Он оглядел лица поверивших в него людей и медленно заговорил:

— Я не стану благодарить вас за оказанное доверие, но и снимать с себя полномочия тоже не стану. Хочу только дать вам всем понять, насколько громадна, глобальна та задача, которую мы взялись решать. Потому как ополчение ополчением, а только без мощной экономики войну не выиграть! Значит, надо или заставить Всемирный Совет и его Председателя мобилизовать все силы для победы в войне, или скинуть ван Вейдена к

чертовой матери и посадить на его место нужного человека!

Нет, я прекрасно понимаю, как все это сложно, почти невыполнимо, но поймите и вы — враг идет на нас! Страшный враг! Безжалостный! Если мы проиграем, то потеряем все! Войны бывали всегда. И люди гибли, и города рушились. Но теперь речь идет о гибели всего человечества! Всей нашей расы! Земля погибнет, цивилизации кранты! Тогда что же, все зря? Миллиарды людей жили и сошли в могилы, оставив после себя «Войну и мир», «Джоконду», Тадж-Махал, — зря? Погибнете вы, мы, все, кто живет ныне! С нами погибнут и предки наши, и потомки, у человечества не будет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Ничего не будет! Никогда! Разве можно допустить такое?! Конечно, нет! И я не знаю, что у нас получится, что — нет, но если мы не сделаем попытку и не вступим в войну, история нам этого Не простит! Точнее, некому будет прощать — история человечества закончится!

Чуть помолчав, Виктор добавил:

— Как флагман, объявляю первое назначение. Командор Копаныгин назначается капитаном крейсера «Доннар». Так что готовься, капитан, — улыбнулся Середа растерянному Копаныгину, — придется нам спасти мир!

— Есть спасти мир! — козырнул Копаныгин.

Крейсер медленно дрейфовал в плоскости эклиптики. Гаданда уже успела превратиться в зеленый шар с двумя белыми горошинками по бокам.

Десятки и сотни секторов, палуб, отсеков, постов требовали человеческого присутствия, колоссальное хозяйство диска нуждалось в постоянном присмотре и толковом управлении.

Еще на орбите Гаданды инженеры кое-как активировали все модули авторемонта, задействовали синтезаторы, перепрограммировали всех роботов — огромное киберстадо. Надо было в кратчайшие сроки привести все органы управления кораблем к человеческим стандартам. Люди пахали в четыре смены, переделывая чужое и осваивая «смежные специальности». Пилот и инженер-контролер Федосеев один заведовал шестью основными шлюзами. Планетолог Фаворский приноравливался к палубным искривителям пространства или, как их еще называли, генераторам нелинейности. Фаворский один сидел в секторальном посту УАС, и надо было ему, в случае чего, оборонить весь мидель-сегмент корабля. Планетологу помогал инженер Толик Вишнеvский, он занял боевой пост неподалеку и с энтузиазмом овладевал наукой побеждать в космическом бою. С его пульта управлялась целая батарея аннигиляторов, ужасающих излучателей антиматерии. Одним импульсом Толик мог бы сжечь МАК «Дюранго».

Даша Васнецова стала оператором систем внутреннего транспорта, зеленоглазая Маруся Трофимова следила за сервис-центром и одновременно наводила порядок в жилых секторах на второй палубе. Лена Попова, чью фамилию многие мужчины приносили с ударением на первом слоге, увлеченно занималась госпиталем и строго спрашивала за несоблюдение санитарно-гигиенических норм. Дело нашлось всем без исключения. Пристроили даже молоденькую Женю, недавней школьнице доверили корабельную гидросистему и кислородные синтезаторы.

А Середа с утра до вечера пропадал то в ходовой, то в боевой рубке. Флагману Доброфлота приходилось туго, ему надо было поспеть везде и одновременно.

Миновали три дня. Старшие офицеры — Середа, Копаныгин, Нупуру, Гупта — собрались, «посоветались с товарищами» и постановили выходить в подпространство.

— Я предлагаю стартовать к Алте, — сказал Середа, — надо глянуть, что там и как. Может, еще удастся хоть кому-то помочь?

На этом прения закончились.

— Приготовиться! — разнеслось по кораблю. — Через час выходим в подпространство! Все по местам посадочного расписания! Готовность один! Внимание! Все по местам! Двигатели на разгон!

Громадный корабль, освещенный Садирой, открыл решетки гравитаторов и резко ускорил движение. Гигант уносился в пустоту, все разгоняя и разгоняя свои мегатонны, пока ярчайшая сиреневая вспышка не полыхнула в точке нахождения «Доннара». Крейсер пронзил пространственно-временной континуум и вышел в подпространство.

Финишировал корабль в трех мегаметрах от пункта назначения. Росс 248, ярко-алое солнце Алты полыхало вдали, распуская космы протуберанцев и путаясь в серебристо-жемчужной мантии, а планета-цель, повернутая дневной стороной, катилась по своей орбите густо-синим шариком, местами Алта отдавала фиолетовым. Такое смещение спектра

от веселеньких цветов, вроде голубого и зеленого, поневоле вызывало зябкость, словно от планеты тянуло сквозняком.

«Доннар», поднятый над плоскостью эклиптики, сориентировался и откорректировал траекторию полета.

— Поздравляю экипаж с первым Д-переходом! — сказал Середа по интеркому.

Звучатели псевдомозга навигационной системы, докладывавшего индексы дрейф-момента и степень остаточной нелинейности, вдруг затихли, и по кораблю проревело:

— Боевая тревога!

Середа бросился к пульту и рявкнул:

— Сканировщики! Спите?!

— Никак нет! — зачастил Нупуру. — Наблюдаем корабли себумов на орбите! Шесть эсминцев, большой десантный транспорт, штурмовики и орбитальные бомбардировщики!

— Что с планетой? — спросил Середа.

— Там должны быть две базы! — крикнул Вайнштейн.

— Я помню! — сердито отозвался Таппи. — Так... Регистрируются обширные лесные пожары на северных материках. Отмечены точечные подъемы уровня радиации. Стоп... Пошел запрос от себумов! Это флот прикрытия, командир! Жабы захватили Алту! Все станции планетарной защиты на поверхности подавлены, высажен десант, идет наземная зачистка!

— Рубка связи! — вызвал Середа.

— Есть рубка связи!

— Провесить канал до себумов! Григорян, картинку с изолятора на пульт. Живо! Погоним им «дезу»...

Анастас бросился к терминалу, и на мониторе показался бывший капитан крейсера, посаженный в камеру-хранилище.

— Связь! По каналу давать видео с камеры, аудио с рубки!

— Есть!

— Гумм! Ко мне! Будешь изображать капитана!

Гумм-на-Взат, за минувшую неделю подтянувший свои познания в себумском, быстро подсел к пульту.

— Надо в срочном порядке уничтожить их флот! — развоевался Григорян.

— Отставить, — буркнул Середа. — Не о том думаешь... Гумм, давай!

Гумм-на-Взат длинным пальцем прижал усик спикера и заговорил:

— Сса цзо! Х-хо ссуа осс тсса!

— Цзо сса! — откликнулся невидимый капитан себумского эсминца, веретенообразный корпус которого четко выделялся на фоне алтианской облачности. — А-тсс ссам ссуо!

— Он приветствует с-собрата по оружию, — перевел Гумм. — Что ему с-сказать еще?

— Спроси, — сузил глаза Середа, — все ли поселки и гарнизоны хомо они зачистили?

Гумм спросил, так сильно открывая клювообразный рот, что стал виден режущий роговой край нижней челюсти.

— Ссоа х-хао, а-тсс! — ответил себум. — Аиу схо-схо сса ассаф х-хомо, ас-су суо тасс!

— Он говорит, — заволновался Гумм, — что южная баз-за хомо была атакована с-с орбиты, но дес-сант туда они не выс-саживали.

— Очень хорошо. Скажи, что мы сами зачистим южную базу!

— Сса ассаф х-хомо, — передал Гумм, — А-тсс соа хао, тасс суа сса!

— Ис сиу, а-тсс! — просвистело в селекторе. — Ус-сум х-хомо сса, ассаф!

Зеленый огонек погас. Гумм отвалился в кресле и выдал перевод:

— Они выразили радос-сть, благодарнос-сть и пожелания вс-сеобщего оптимала!

— Огромное им спасибо, — серьезно проговорил Середа. — Так, конец связи! Всем боевым постам — готовность ноль! Даша, Лена, Чак! Подготовить госпиталь и жилые отсеки! Выходим на орбиту, курс — южная база!

С орбиты Алта уже не казалась темно-синей. На панорамном экране проплывали коричневые равнины, кое-где прорезанные складками красных гор. Реки и озера казались почти черными, с золотистым отливом, моря на крайнем севере и юге приобретали свинцовый цвет, а в тропиках — густо-аметистовый. На Алте было девять материков, северная база землян располагалась на самом крупном, размером с Бразилию, а на юге колонисты облюбовали субтропики и обосновались на континенте Кьюри величиной с Мадагаскар или Борнео.

Опорную станцию базы Середа высмотрел сразу — ее отмечали два вытянутых белых треугольника. Так из космоса выглядят лесные пожары.

— Снижаемся!

Крейсер пошел на спуск, Григорян и Шанкар напряглись за пультом, держа пальцы на контактах биоуправления и стараясь закончить переход в стационарное состояние как можно скорее. Диск перешел в горизонталь и понесся над обширной равниной, унылой и безрадостной, как земные торфяные болота. Внизу мелькали осклизлые гряды бурого камня, покрытые извилистыми космами грязно-коричневой поросли — длинными, стелющимися клоками и плетями, вытянутыми по ветру. Стремительно пронеслись по экрану очертания скал, песчаных наметов, каменного крошева, коричневых чащ. И вдруг маленький космодром показался из бурых лугов и перелесков, а за куполами зданий в ряд псевдоживые конусы-звездолеты типа «Призрак». Потом и поселок поднялся из шоколадного вельда. Слепо таращились круглые окна приземистых зданий, горбились ангары, похожие на половинки серых бочек. Угрюмо чернели ямы на местах четырех боевых станций — их себумы выжгли в первую очередь.

— Полная мощность на оси! — проговорил Григорян. — Малая статическая тяга!

— Гравипривод — норма! — сказал Копаныгин.

— Малой тягой на посадку!

— Ноль-ноль. Гравитаторы в нейтраль!

— Внешнее отражательное поле ставить по надиру! — приказал Середа и добавил: — Могут и пальнуть...

Исполинский диск покрыл своей тенью всю базу, и пусть теперь себумы на орбите гадают, какую такую изошренную тактику биозачистки применит капитан крейсера — точечную, локально-выборочную, тотальную? Гадайте, земноводные, гадайте...

Ослепительные ярко-фиолетовые вспышки ударили снизу, потянув по экрану огненные шлейфы. Защитное поле отразило удар.

— Они били из ПМП! — воскликнул Григорян.

— Значит, живы, — сделал вывод Середа. — Связисты! Мигом наладить контакт! Каналы тянуть приватные или секретные!

— Есть! — донеслось из рубки связи. — Готово!

— Экипажам земных кораблей! — заговорил Середа. — Всему персоналу базы! Над вами висит бывший крейсер себумов! На его борту — люди! Мы захватили крейсер! Теперь

это наш корабль! Немедленно покидайте укрытия и поднимайтесь к нам на борт, пока себумы не очухались! Сейчас мы выйдем, только, пожалуйста, сначала смотрите, а потом уже стреляйте!

Середа выпрямился и махнул рукой Копаныгину.

— Давай дуй на поверхность, — велел он. — А впрочем, пошли вместе! Бегом, бегом!

Они выскочили из рубки и помчались к центральному транспортному терминалу, по дороге собирая добровольцев. Вбежали в подъемник и покинули кабину на нижней десантной палубе. Жерла гравелифтов уже мерцали синими линзами. Спустившись на грунт, добровольцы рассыпались и залегли, резко поводя дулами бластов. Кто их знает, этих себумов, может, специально заманили?

— Туда! — показал Середа, вытягивая руку к главному зданию базы, четким прямоугольником врезанному в лиловое небо Алты.

Пятерка сорвалась и побежала, прикрывая флагмана Доброфлота с тыла и защищая фланги.

Было тепло и сыро, но Середа сразу пожалел, что вышел без скафандра и, главное, без шлема, — пахло гарью, несло мертвечиной, нос забивало душным запахом пережженного грунта. От гарнизона ничего не осталось, только покореженные жаром костяки куполов пыжили радиусы из земли, заляпанной стекшим пластиком. А городок, в котором жили, учились и работали более тысячи людей, свелся к двум-трем капонирам в центре. Жилые дома снесло плазмой, по обгорелым пенькам угадывались насаждения, а ближе к центру начали попадаться обгоревшие трупы.

— Что ж вы творите, гады... — просипел Копаныгин. — Жабы...

— Пойдем, глянем у главного здания, — хмуро произнес Середа.

Здание, самое первое и самое большое, было цело, даже окна не расплавились.

— Там кто-то есть! — крикнул Копаныгин.

Из главного входа вышел человек в тонком одеянии вроде блестящего черного трико и замахал белой тряпкой.

— Не стрелять! — на всякий случай сказал Копаныгин.

Человек приблизился. Был он долговяз, выгоревшие волосы его торчали щеткой над длинным коричневым лицом.

— Кто вы?! — крикнул он.

— На борт давай! — резко ответил Середа. — Спрашивать он еще будет!

— Да откуда ж я знаю, что вы свой?! — плачущим голосом откликнулся парламентар.

— А у вас что, — усмехнулся Виктор, — есть выбор?

— Вы правы... — покорился долговязый и представился: — Координатор Бюро межпланетных отношений на планете Алта Жерар Москвичев.

— Собирайте всех, Жеже! Да, и пусть эти доблестные пушкари загоняют свои звездолеты в ангары! Миша, распорядись!

Копаныгин вытащил из кармана стержень коммуникатора и скомандовал:

— Федосеев! Отворяй второй и третий шлюзы!

— Айн момент! — послышался писклявый ответ, и в днище диска образовались два отверстия, тут же окаймившиеся зелеными огнями.

— Всем «Призракам»! — заговорил в радиотелефон планетарный координатор. — ПМП деактивировать! Следуйте, куда вам было сказано!

Один из конусов послушался сразу — он бесшумно поднялся, а под самым днищем

крейсера его подхватил гравизахват и втянул в док.

— У вас много людей? — спросил Середа.

— Четыреста... — вздохнул Москвичев и тут же поправился: — Триста двадцать шесть человек и семьдесят два кхацкха. Это беженцы с Биссеры, их корабль был подбит и едва смог финишировать... Отсюда его не видно.

— Понял, — кивнул Середа. — Давайте всех на борт, и в темпе! Места у нас много! Раненые есть?

— Человек двадцать, — ответил приободрившийся координатор, начавший верить в неожиданное спасение.

— Выносите всех! Женщины, раненые и дети — вперед! И быстро! Иначе нам всем каюк!

От главного входа потянулась колонна людей. Мужчины бежали, подгоняя женщин, мамы и бабушки спешили, держа за руки детей, маленьких несли на руках. Чада почти не ревели, таранились только вверх, на диск, застывший все небо. Роботы медслужбы рысили, волоча раненых. Тяжелых — в универсальных регенерационных блоках, лежащих — в экспедиционных медбоксах. Ходячие ковыляли сами — много было сломанных рук в пластмассовых коконах, ожогов, наспех заклеенных заживляющими тампопластырями. А потом Середа увидел первого кхацкха: Гуманоида. Мощная лысая голова, огромные, совершенно круглые глаза и тоже круглый рот, только маленький. Пипочка носа еще меньше. Ушей нет, как у Гумма, зато на руках аж по шесть пальцев. Ростом кхацкхи не вышли, рядом со здоровенными звездолетчиками они смотрелись отроками, хрупкими и белокожими, даже малость с засинью. Миниатюрные, глазастые... Одеты кхацкхи были в рубахи до пояса и короткие белые штаны. В руках они бережно несли прозрачные сферы-садки с личинками. Личинки гнулись буквой «С» и вытягивались, а где у них зад, где перед, помогали понять два черных блестящих кругляша — глаза. Под зенками — мигавшие кружочки ртов. Надо полагать, личинки испытывали чувство голода... Двое кхацкхов тащили прозрачную... бочку? Стенки ее покрывали капельки мутного конденсата, а внутри горкой были сложены кожистые яйца. Чад спасают, догадался Середа. Один из кхацкхов, обнявший садок аж с двумя личинками (двойняшки?), повернул голову к Середе и сказал:

— Тао... Н'наа ту ира нао...

Флагман Доброфлота неловко улыбнулся и на всякий случай кивнул. Кхацкх тоже склонил голую белую голову и побрел к гравифлифту.

— Все! — подбежал запыхавшийся Москвичев. — Никого не осталось, я проверил!

— Уходим! — кивнул Середа, махнул рукой Копаныгину и поспешил сам, прикрикнув на координатора, чтобы тот бежал порезвее.

База опустела. Гравифлифты погасли. Закрылись шлюзы. Крейсер плавно поднялся в небо — розовые облака вспухли вверх и разошлись кольцевым валом, словно при наземном термоядерном взрыве.

Середа поднялся на главную палубу и сразу окунулся в шум и гам, плач и рев, крик и стон. Женщины металась в поисках своих «крохотулек», дети бегали, потеряв из виду родителей, мужчины бестолково суетились, не ведая, чем заняться. Кхацкх с садком в руках жался к стене с таким видом, словно готовился упасть в обморок.

— Тихо! — гаркнул Середа. Толпа беженцев затихла — будто кто звук выключил.

— Попова! Кэссиди! — рывкнул Середа. — Раненых в госпиталь!

— Будет исполнено! — бойко ответила Лена и повела под руки сразу двух полуголых

мужиков с обширными пластырями на обожженных местах.

— Коллиган, обеспечь роботов медслужбы! Женщины с детьми и дети без родителей!

Все — в жилые отсеки! Это прямо и направо! Даша, обеспечь расселение!

— Есть! — откликнулась Даша, как заправский квартирмейстер.

— А мужчин от шестнадцати до шестидесяти попрошу остаться! У нас не хватает канониров и летного состава! Кто из вас звездолетки? Выйти из строя!

Шагнуло сразу человек сто.

— Порядок! — обрадовался Середа. Поступаете в распоряжение капитана Копаныгина!

— А если я против войны? — агрессивно выступил крепенький старичок с розовой лысиной и малоподвижным лицом.

— Ну, если уничтожение ваших друзей и соседей ничему вас не научило, то... — Середа развел руками. — Отправим вас назад! Будете встречать себумов цветами и хлебом-солью!

— Я не шучу! — озлился старикан.

— И мне не до шуток! — отрезал Середа. — Я — офицер, и собрал вас здесь вовсе не для того, чтобы просить об одолжении! Мне с вами нянькаться некогда. Я приказываю, а вы будете выполнять мои приказания! Ясно?

— А если я не подчинюсь? — задиристо осведомился старпер (толпа с интересом ждала ответа).

— Тогда я прикажу расстрелять вас на месте, — холодно ответил Середа. — По закону военного времени. Вопросы есть?

— Вопросов нет! — смиренно проронил старпер и вернулся в строй.

— Так вы по-настоящему воевали? — спросил юноша с горящими глазами. — Расскажите!

— Боюсь, милостивые судари, — усмехнулся Середа, — что возможность «воевать по-настоящему» представится и вам самим. И очень скоро!

Да, на орбите их уже ждали. Шесть эсминцев, истребителей-носителей десантного транспорта совершали угрожающие эволюции, сотни штурмовиков и истребителей-пустотников вились вокруг, словно мухи над желанной добычей.

Гумм-на-Взат, озабоченно шевеля нижней челюстью, подошел к Середе и сказал:

— Командир, с-себумы лютуют, они с-сильно возбуждены и пос-тоянно с-спрашивают: почему биозачистку территории южной базы мы провели «неэффективно» и «неоптимально» ис-спользовали ресурсы крейсера? Они требуют дос-мотра корабля!

— Много хотят, — хмыкнул Середа, — но мало получают! Крейсер в боевом режиме?

— Так точно! — уставно ответил Григорян. И когда успел научиться?..

— Распредели народ по специальностям, — велел Середа, — и возвращайся. Я буду в боевой рубке!

— Скажите, командир, — на чистом русском языке спросил кхацкх с садком, — а мы тоже мобилизованы?

Середа нахмурился.

— А почему нет? — сказал он. — Или вы тоже против войны?

— Я не хочу убивать, — серьезно ответил кхацкх, — но я буду это делать. Себумы сожгли три мои семьи, у меня на руках умер родной муж моих младших жен в подклане. Гибель врагов не вернет моих близких, но пусть себумы умрут...

— Кто вы по специальности? — поинтересовался Середа, чужая эхо легкого потрясения в глубине сознания: это же инопланетянин! А ты его пытаешь на предмет профессиональных

показаний, словно начальник отдела кадров...

— Я инженер, — ответил кхацкх, — работал с эмиттерами защитных полей и могу вам пригодиться... Вы возьмете меня в экипаж, командир?

— С радостью! — воскликнул Середа. — У нас ни одного филлера на крейсере! Как мне называть вас?

— Меня зовут Паа Такет, — поклонился кхацкх. — Паа — клановое имя, Такет — личное. Можете называть меня просто Така.

— Командир! — закричал Гумм. — Эсминцы в атакующем построении!

— За мной, Така! — бросил Середа и бегом кинулся в боевую рубку.

Эсминцы себумов выстроились клином и медленно приближались. Множество космоистребителей группировались двумя крыльями по обе стороны от эсминцев. Десантный транспорт и корабль-матка держались в стороне.

— Маневровая готовность! — крикнул Середа.

— Есть маневровая готовность! — ответил неизвестный парень, веснушчатый и угрюмоватый, согнувшийся за пилотским терминалом.

— Гравикомпенсаторы — на максимум! Поле по фронту! Посты УАС — к бою! Полной тягой по хорде!

Крейсер окутался фронтальным полем отталкивания и бросился на вражеский клин. Ближайшие три эсминца оказались в активном фокусе орудий «Доннара».

— Огонь! — грянул Середа.

Эсминцы попытались выставить защитные поля, но удар батарей крейсера сокрушил эти радужные пленочки. Корабли противника поражались сразу во многих местах, раздувались сферами атомного огня, ломались, вспухали бортами и лопались, швыряя стуски пламени.

Эскадрилья истребителей совершила заход с левого фланга, но Вайнштейн вовремя врубил искривитель пространства. Это было похоже на прозрачный занавес — он колыхнулся так, что звезды за его незримой плоскостью закачались, меняя цвета от красного до голубого и обратно, и маленькие космоатмосферники налетели на него. И пропали, распались на кварки в области нелинейности, оставив по себе лишь слабое излучение.

— Истребители слева! — заметалось по боевой рубке. — Мидель-батарея — пли!

Прорвавшиеся истребители построились «рефлектором» и одновременно испустили лазерные лучи, складывая их в пучок. Така замешкался, и лучевой шнур ощутимо задел мидель-сегмент, покрыв внешнюю броню сотнями каверн, кипящих изжелта-белой биокерамикой.

— Два эсминца прорвались! — закричал веснушчатый. — Атака по надире!

— Ставлю по диаметру! — резко произнес Паа Такет.

Середа увидел, как пара вражеских эсминцев зашла крейсеру под днище. Если работают их главные боевые установки, то сразу две области нелинейности лизнут «Доннар», и уже никакое поле не спасет — когда трещит метрика, материи приходит конец...

Сильно сплюснутые сфероиды сверху надстроек эсминцев развернулись и перекошились.

— Така! — завопил Середа. — Стукни их полем!

Кхацкх понял. Эмиттеры заглотили энергии столько, что чуть не подавились ею, и резко выбросили секторальные защитные поля вниз. Одно поле ударило правый из эсминцев по

надстройке и переломило себумский генератор нелинейности надвое, как пряник, а другое опрокинуло левый корабль на борт, и сгенерированная область нелинейности поглотила его.

Залп батареи Вишневого добил опрокинутый эсминец.

Последний из уцелевших кораблей кинулся наутек, но уйти из нормального пространства ему не дали — «Доннар» бросился следом, как разъяренный медведь за нахальной лайкой, и расплосовал эсминец аннигиляторами. Истребитель-носитель, маячивший вдалеке, тоже решил уйти в подпространство. Середа понял это по поведению космоистребителей — те всем роем метнулись за стартовавшим кораблем-маткой.

— Догнать! — закричал Середа. — Нельзя позволить им уйти. Наведут на нас весь флот!

Ходовая и боевая рубка зашумела на десятки голосов, торопливо отдающих команды по нисходящей. Истребитель-носитель резко увеличился на панорамном экране и попал в активный фокус. То, что вырвалось из орудий крейсера, в вакууме видно не было, но результат воздействия украсил космос ярко-фиолетовым шаром пламени и мерцающей голубой туманностью между расходящимися кормой и носом корабля-матки. А вот большой десантный транспорт решил соригинальничать и вошел в атмосферу Алты. «Доннар» добил его над северной базой — корабль расплзся огненным облаком.

— Всё, — устало проронил Середа. Он усмехнулся и оглядел рубку. — Поздравляю, друзья, с первой победой...

— Спасибо! — вразнойбой ответили новобранцы.

— Спасибо скажете теще, — ухмыльнулся Копаныгин, — когда она угостит вас блинами. В Космофлоте положено отвечать: «Служим Земле!» Ну-ка!

— Служим Земле! — рявкнули хомо, кхацкхи и один семигуманоид.

— То-то! — довольно улыбнулся капитан.

Глава 8

ПРОРЫВ

Почти пятьсот человек «прописались» на крейсере, из них в экипаж попало чуть больше половины. А требовалось тысяч шесть — пилотов, канониров, инженеров, операторов. Не хватало ни рук, ни голов.

Виктор не спал уже четвертые сутки, держался на одном спорамине, а что было делать? По бортовому времени в сутках двадцать четыре часа, ему же не хватило бы и тридцати. Работали все, путая день с ночью, но флагману приходилось тяжелее прочих. Таков был его пост. Его долг. Да и нужда была.

На ходу проглотив бутерброд, Середа запил его компотом. Он стоял у панорамника в ходовой рубке и любовался звездами, погруженными в глубочайшую пучину темноты. Такого неба из Солнечной системы не увидишь, мешают темные завесы холодной материи — если бы их можно было раздвинуть, то земные ночи казались бы не черными, а пепельными.

Слева, похожая на клуб светящегося дыма, испещренная черными провалами, висела туманность — словно облако разметало по мраку. Сверху от нее уходили тусклые серые ключья, постепенно растворявшиеся в бездонных межзвездных пропастях.

А справа, выглядывая над облаком темной пыли, сияла плотная светящаяся масса из неисчислимых роев звезд — ядро Галактики...

— Флагман! — послышался голос Таппи.

Середа вздохнул и сказал:

— Слушаю.

— Себум исчез! — растерянно доложил Нупуру.

— Что-о?! Как это — исчез?

Таппи развел руками.

— Да так вот! Мне надо было к нему в камеру зайти, датчик поменять. Открываю дверь, а там пусто!

Середа стремительно покинул рубку. Камера-хранилище, куда поместили бывшего капитана крейсера, находилась рядом, на той стороне коридора. Виктор откатил дверь и вошел внутрь. В камере никого не было. На полу валялся поднос с остатками рыбных палочек и емкость с водой, в воздухе витал неприятный едкий запах.

Середа выцепил плашку коммуникатора и рявкнул:

— Гумм-на-Взат! Срочно в ходовую рубку!

— Есть! — откликнулся семигуманоид.

Правильно понимая суть слова «срочно», Гумм-на-Взат прибыл через две минуты.

— Я здесь, мой Викк! — доложил он, застывая в позе почтения.

— Ты когда в последний раз кормил себуму? — спросил Середа.

Гумм замешкался, соображая, и ответил:

— Три дня назад.

— А после?

— А пос-сле себумой занимался Никк... как это... Ник-китос.

— Никита? — переспросил Середа, припоминая юношу, интересовавшегося его боевыми подвигами. — А почему он?

— Никк просил меня показать ему с-себуму, и я тогда сказал: хочешь смотреть на врага? Тогда корми его вместо меня, я з-занят, а ты нет. И Никк взял на с-себя кормежку себумы... Я не понял, мой Викк, а почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому, мой Гумм, что себум исчез!

Бледные щеки семигуманоида заголубели.

— Виноват... — проговорил он, хлопая круглыми глазами.

— Брось! — отмахнулся Середа. — Где Никита? Веди к нему!

Гумм бросился по коридору к жилым отсекам. Середа и Нупуру поспешили следом. Миновав поперечник, они вышли в бесконечный радиальный коридор, где былолюдно — десятки мужчин и женщин отдыхали, прогуливаясь или сидя на круглых себумских матрасиках. Было время обеденного перерыва.

Гумм-на-Взат повернулся к стене, тронул пальцем узел сопряжения, и перед ними открылся прямоугольный проем. Середа сам заглянул в каюту — небольшая комната с закругленными углами, два спальных мешка на полу, на выступе стены — концертная хориола.

— Сосед Никитоса недурно играет, — прокомментировал увиденное Нупуру.

— А вы кого ищете? — спросили из коридора.

Середа оглянулся и увидел тощего подростка в мешковатом комбинезоне серебристого цвета, но босого. Впрочем, теплый и пружинящий пол на корабле не требовал обуви.

— Как звать? — поинтересовался Середа.

— Илья, флагман! — вытянулся отрок.

— С Никитой соседствуешь?

— Ага!

— А где он?

— Не знаю... Был с утра... Ушел куда-то... Он вообще какой-то странный стал!

— И давно?

— Да дня два уже. Раньше болтал — не остановишь, а тут второй день — ни слова! Я думал, он обиделся... Хотя за что? Мы с ним не ругались...

— Если увидишь его, — сказал Середа, — дай мне знать!

— Хорошо...

Пружинящим шагом Середа вернулся в рубку. Огляделся, будто себум мог тут прятаться. Но в сплюсненном сфероиде ходовой рубки находились лишь вахтенные. Выше пультов и дверей рубку обегал синеватый экран, образуя полное кольцо. А в самом верху, в ячейках потолка, сплетались трубы, поперечины, кабели, волноводы, пучки псевдонервов.

— Этот Никитос — предатель, или дурак, или пацы, — перечислял варианты Нупуру.

— Нам от этого не легче! — сказал Середа. — Если себум на воле, он мог что угодно натворить! Бежать с корабля, дать сигнал своим, заблокировать на хрен все системы...

— Только не бежать, — затряс головой Таппи, — все шлюзы открываются из рубки, а сюда он точно не заявлялся!

— Сейчас разберемся, — буркнул Середа и утопил клавишу внутренней связи: — Вахта, прием!

С экрана глянул Сартаков, инженер-гастроном с базы «Гаданда».

— Вахта административно-технического сектора на приеме! — молодецкато отрапортовал он. — Слушаю, флагман.

— Полную схему дислокации на экран информатора!

— Есть! Готово, флагман! Полная расшифровка по всем секциям!

Продолговатый экран расчертился концентрическими кругами — планами уровней линкора. Под каждым кругом замельтешили цифры, раскладываясь по колонкам.

— Сколько было человек на борту после старта с Алты? — спросил Середа.

— Включая инопланетян?

— Да, всех!

— Четыреста девяносто два существа, флагман!

— А сейчас сколько?

— Четыреста девяносто два, — с оттенком удивления ответил Сартаков.

— Свободен! Конец связи.

Середа прошелся вдоль экрана информатора.

— Значит, эта тварь на борту, — бормотал он. — Гляди, Таппи, — почти все скопились на четвертой и пятой палубах, на шестой двое, на третьей — всего один...

— Вы кого-то потеряли, флагман? — спросил Вайнштейн, заглядывая в рубку.

— Ага, себума.

— Что-о?!

— Профессор, вы удивительно точно повторили мою собственную реакцию.

Профессор хотел что-то сказать, но тут взвыла сирена.

— Боевая тревога! — заревели звучатели.

Виктор, проклиная на все лады себума-капитана и всю гадскую расу вескусиан, рванул в боевую рубку — просторный сферический зал по соседству. Копаныгин прокричал доклад, не покидая кресла за дугой пульта:

— Семнадцать кораблей финишировали! Выстроились сферой, окружили со всех сторон! Будто кто им выдал наши координаты!

— Себум выдал! — проорал Таппи. — Эта жаба сбежала!

— По местам! — прикрикнул Середа. — Дайте сигналы готовности по секциям!

Зеленые огни готовности секций вспыхивали чередой выше пультов, как гирлянда на новогодней елке.

Да, в такую западню он еще не попадал... Виктор облизал пересохшие губы и обшарил взглядом экран. Корабли себумов перекрыли все пути отхода, они занимали позиции и спереди, и сзади, с боков, сверху и снизу. Классическая сфера, адекватная кольцу окружения на плоской равнине. Значит, надо как-то из этого окружения выходить...

— Идем на прорыв! — скомандовал Середа. — Григорян, готовься выходить в подпространство.

— Есть!

Середа приник к обзорнику. Себумские корабли еще далеко, глазами их не увидишь, но те, что были впереди и шли встречным курсом, выглядели сверкающими точками. А сверкать на таком расстоянии могли только большие корабли... Очень большие.

— Анастас! — крикнул Середа. — Я не пойму... Какая у них длина?

— Это мегадестроеры, флагман! Оба по сорок километров!

— По сколько?! Точно, что ли? Ну, ни хрена себе...

Перебрав три степени изумления, Середа стал анализировать.

— Так... — проговорил он. — Тут сфера реже всего — эта парочка накрывает целую четверть... Вот туда и разгон! Григорян, держи строго между ними!

— Есть!

— Копаныгин! Вайнштейн! Гупта! Нупуру! Хватайте своих и бегом на боевые палубы миделя и центра! Задействуйте секторальные искривители пространства по обоим бортам, по всему носу!

— Есть!

— Энергетики! Кварк-реакторы вывести на полную мощность! Всем резервным энергонакопителям — готовность один! Фидеры — на цикл!

— Есть!

Чем ближе подходили мегадестроеры, тем крупнее казались. Оба себумских корабля имели форму шаров, простроченных пунктирами и расчерченных в мелкую полосочку, что делало их похожими на школьные глобусы.

— Батареем мидель-сегмента — готовность ноль!

— Есть!

— Григорян, экстренный разгон! Гравикомпенсаторы на максимум!

— Двигатели на разгон!

У левого «глобуса» с полюсов будто искристая пыль ссыпалась — это стартовали истребители.

— Регистрируются истребители! — тут же доложил компьютер. — Две тысячи пятьсот шестьдесят две машины!

— Така! — гаркнул Середа. — Поле — фронтально! Двумя сегментами с прогалом по центру!

— К постановке поля готов, — доложил кхакцх. — Рекомендую прогал горизонтальный и вертикальный...

— Принимается! Батареем мидель-сегмента — готовность ноль! Открывать огонь по истребителям в прогалы поля! Бейте гадов на дальних подступах!

— Есть!

А вот и правый мегадестроер выпустил рой истребителей...

Две металлопластовые тучи сошлись в космосе, устремляясь навстречу разгонявшемуся крейсеру. Тяжелого оружия истребители нести не могли, только обычное, типа лазерных пушек или излучателей антиматерии. Но и этого хватало.

Два плоских крапчатых облака слились и замерцали импульсами — так ночная трибуна стадиона сверкает фотовспышками.

Парные шары себумских истребителей, похожие на кукол-неваляшек, вертелись и кружились в карусели боя, сходились и расходились, разили импульсами. Лазерных лучей или антипротонных пучков видно не было, зато выплескивались красными и желто-белыми цветами вспышки разрывов, вспухали сферы ядерного пламени, цвиркали заряды плазмы, мерцали радужной пленкой энергетические щиты, но даже килотонные сполохи в вакууме не рождали адского грохота, лишь приборы регистрировали всплески гамма-излучения.

— Флагман! — возопил кто-то из пилотов. — Разреши вылет!

— Парни, вы в курсе, что на истребителях — асы? Справитесь?

— Да дай ты нам влупить им хоть разочек!

— Летите, чтоб вас...

— Ур-ра-а...

Сразу семь звездолетов средней дальности класса «Призрак» выскользнули из трюмов крейсера. «Призраки», приспособленные для полетов в кольцах Сатурна, годились и для боя в пустоте — в маневрах «Зеркало» они возглавляли атаки истребителей, стремясь связать

боем корабли прикрытия условного противника, и выполняли функцию штурмовиков.

«Призраки» живенько переломили ход боя на ближней дистанции. Подвижные, вооруженные пятью ПМП, бессильными против мегадестроеров, но вполне пригодными для «истребления истребителей», «Призраки» шныряли в туче конусов, овалов и двойных шаров, как щуки в стае мальков. В эфире воцарился содом:

- Отход! Маневровая готовность!
- Заяц, куда прешь?! За...
- Первый, третий, четвертый! Фронтальный заход!
- Ким подбит!
- Медпомощь нужна?
- Кому?! Атомам?!
- Залп!
- Обходят! С фланга!
- Перс! Сзади!
- Вижу... Поздно...
- Перс! Перс!!!
- А-а-а!

Сбитые себумские кораблики разлетались гаснущими искрами, но численное превосходство было чересчур велико. «Ваньки-встаньки» себумов внезапно отступили на левом фланге, огрызаясь и прикрывая своих недобитков. Это была ловушка. Один из «Призраков» бросился в погоню, но не учел опасной близости мегадестроера.

Середа увидел действие искривителя пространства — от «глобуса» мегадестроера словно горячим воздухом пыхнуло. Звезды заплясали, то изменяя белый свет до красного, то раскаляясь фиолетовым. Муар окружил «Призрака», и на какую-то секунду звездолет превратился в свое отражение на волнах — его конический корпус заколыхался и распался на атомы, отсалютовав по самому себе бледной вспышкой вторичного излучения.

- На сближение! — рявкнул Середа.
- Есть на сближение!
- ПГН [\[5\]](#) — готовность ноль!
- Есть готовность ноль!

А мегадестроеры лениво разворачивались, готовясь накрыть боевой нелинейностью свой бывший крейсер, по нелепому недоразумению доставшийся убогим хомо. Они сближались, как шаровидные тиски.

— Так и держитесь! — заорал Нупуру, приплясывая от возбуждения. — Как идут, а?! Словно в тире! Флагман!

- Не мешай! — процедил Середа. — Григорян, двигатели стоп!
- Есть!
- К выходу в подпространство!
- Есть!

Середе было больно от ожидания. Он почти благословлял себумов, напустивших на него свои истребители, ибо, пока «ваньки-встаньки» крутятся перед носом крейсера, мегадестроеры не активируют ПГН — своих они щадят...

Мегадестроеры дали залп из мощных лазеров, и по защитным полям «Доннара» прошли красивые кольцевые радуги, изламываясь и двоясь. Истребители порскнули в стороны и полетели двумя роями к родным «ульям».

— Палубные генераторы нелинейности — на максимум! «Призракам» срочный возврат! Вернулись лишь два «Призрака»...

— Григорян! Экстренное торможение! Надо зависнуть между мегадестроерами!

— Понял!

Крейсер задрожал, перебарывая чудовищную силу инерции, и стал осаживать, пока не остановился между мегадестроерами, как третий лишний, лишая себумов маневра — как гнуть и ломать пространство, когда сосед — на линии атаки?!

Середа оценил дистанцию. Та-ак... До левого «глобуса» ближе... Мегадестроер впечатлял величиною, но за десятками километров в обхвате скрывалась хрупкость — даже резкое торможение было способно покорежить гигантский корабль, его так и пойдет плющить от инерции. А попробуй-ка скомпенсируй такую-то массу!

— Коллапсары левого борта... Пуск!

В это самое время сработали себумские излучатели-антиматы, но было поздно — нечеловеческая сила уже комкала левый мегадестроер. Приборы в рубке скачками меняли показания: две тысячи риманов на секунду... три тысячи... десять тысяч...

Пространство скручивалось вокруг мегадестроера, а тот стремительно падал внутрь себя, уминая нейтроны, ломая ядра атомов, схлопывался, стягивался в точку... Замешкавшиеся истребители себумов не смогли уберечься, их подхватило, как щепки, и утянуло в гравитационный Мальстрем.

— Григорян! Полная тяга по вектору!

Да, чудовищная «черная дырка», в которую превратился себумский корабль, грозила захватить и крейсер — «Доннара» ощутимо тянуло к сингулярной точке. Но недолго. Минуло секунд пятнадцать-двадцать, и из «черной дырки» забили струи кварков. Искусственный коллапсар рассосался. Но правый мегадестроер был еще в строю.

— Генераторы нелинейности правого борта — пуск!

Пространство между уцелевшим мегадестроером и «Доннаром» вскипело, по нему прошли невидимые волны, заколыхавшие звезды. На крейсер накатывала волна нелинейности. А в ответ «Доннар» выпустил свою... Две нелинейности интерферировали, погасив друг друга и выпустив спонтанные «лепестки». Нормальное пространство разошлось, распоролось, проглянула абсолютная чернота гипера. Длина, высота и ширина спутались, скомкались в клубок, стали двоиться и троиться — метрика сошла с ума.

Искривление было настолько сильно, что мегадестроер на четверть расплылся, перешел в беспорядочное излучение и начал медленно разворачиваться, роняя в пустоту содержимое разверстых отсеков.

— Григорян! — зарычал Середа в звукоприемник. — Полной тягой по вектору! На сближение!

Он разогнулся и глянул на обгрызенный шар мегадестроера, готового развернуться и ударить уцелевшими ПГН. Если сблизиться с ним вплотную, себумы не решатся пустить в ход оружие, кромсающее пространство...

— Ну, суки, — процедил флагман, — ну, погодите... Григорян! Продолжать сближение! Батарейм правого борта — огонь! Така, ставь поле хотя бы сегментарно!

— Приказ понял...

Середа, уже не в силах ни устоять, ни усидеть на месте, покинул рубку и бросился к ближайшему боевому посту. За ним потопал Нупуру.

Ближе всего оказался 13-й пост УАС со спаренным излучателем антиматерии.

Дежурного, прыщавого паренька с шевроном строителя-энергетика, Середа удалил мановением руки и сел за боевой пульт.

Мегадестроер наплывал, расходясь в стороны громадой покатога борта, пупырчатого от башен лучевых орудий. Они били залпами, но пузыри защитных полей крейсера пока держали, красиво переливаясь при попаданиях.

У Середы руки чесались включить оба аннигилятора, но тут у себумов сдали нервы или что там у них сдает — они вырвались с линии огня на колоссальном ускорении, при котором организмы размазываются в желе. По огромному корпусу мегадестроера пошли волны и складки от деформаций, а в сторону «Доннара» развернулся незримый рулон нелинейности.

— Суки! — гаркнул Середа.

Крейсер трянуло так, что непривязанного Таппи подбросило с полу и впечатало в потолок. Освещение погасло, пульт «сдох». Середа с рычанием отер кровь с разбитого лица, на ощупь отыскал нужную клавишу и хлопнул по ней ладонью. Боевой пост залил зеленоватый аварийный свет, замерцал обзорный экран и выдал черно-белую картинку.

Борт мегадестроера приблизился почти вплотную, но лишь парочка орудий еще постреливала, остальные молчали. «Видать, и жабам досталось», — мелькнуло у Середы.

В следующий момент, рукавом промокнув кровь, заливавшую глаза, он вручную навел оба аннигилятора и включил их.

До «глобуса» оставалось меньше километра. Два потока антипротонов слились в одной точке. Борт мегадестроера вспух мертвенно-синим волдырем, его разворотило, пережигая броневые плиты в бледно-лиловом потустороннем сиянии.

— Так их, командир... — прохрипел Нупуру.

— Живой? — спросил Середа.

— Ты ж знаешь, нас доконать трудно...

Таппи с трудом поднялся на колени и уцепился за край пульта. Сфокусировал глаза на экране.

А за экраном был ад. Ручьи антиматерии хлестали в пролом, испаряя переборки и палубы, превращая живую силу и боевую технику противника в жесткое излучение и кварковую пыль.

— Таппи, — гаркнул Середа, — бегом в рубку! Выходим в подпространство. Понял?!

— Ага... — не по-уставному ответил Нупуру.

— Пулей!

Мегадестроер, продолжая дрейф, ткнулся в борт крейсера, и по обшивке прошел слабый отзвук того чудовищного грохота, что рвал слуховые перепонки уцелевшим себумам. Приборы на пульте, регистрирующие гамма-всплески, зашкалило, а потом буйство аннигиляции добралось до двигательных систем мегадестроера, и навстречу антипротонам рванулась миллиардоградусная кварковая плазма из раскуроченного реактора.

— Ох ты! — выдохнул Середа, вжимаясь в кресло.

Экран выбелила ослепительная вспышка, он погас, и тут же на крейсер обрушился могучий удар.

Середа, на грани тающего сознания, увидел, как мигнул малый монитор, показывая клубящуюся сферу белого огня на месте мегадестроера, и разлет запредельно горячего облака, а потом грозное зрелище ушло за нижний край экрана — «Доннара» отбросило взрывом, закидывая в сальто-мортале.

— Сигма-Д... — прохрипел Середа в последнем усилии. — Григорян...

И откинулся в кресле, полумертвый, как и весь флагманский корабль, только тусклая панель аварийного освещения бликовала на кровавой коросте, покрывавшей половину бледного лица.

По экрану все сыпались и сыпались звезды да раз за разом восходила лиловая туча, уже подостывшая, но все еще куда более горячая, чем фотосфера звезды Росс 248. А потом все мониторы залил сиреневый сполох — крейсер вышел в подпространство.

Глава 9

ЧУЖОЙ

Очнулся Середа в госпитале. Левую щеку стягивал тампопластырь, голова обмотана стерильным эластиком. Он чуть повернулся и увидел робота медслужбы, готовящего очередную процедуру.

— Где мы? — спросил его Середа.

— Мы находимся в медцентре крейсера... — занудил робот.

— Где находится крейсер, балда!

— Крейсер финишировал в облаке Оорта...

Кряхтя, Середа сел, опустил ноги на теплый пол и попытался встать.

— Вам нельзя! — всполошился кибер.

— Заткнись, — посоветовал ему Виктор и поднялся с третьей попытки. Палата несколько покачивалась, в голове шумело, но ноги держали.

В коридоре Середа наткнулся на Таппи.

— Себума нашли? — спросил его Виктор.

— Нет еще, — покачал Нупуру тоже забинтованной головой.

— А чего ждете? Помогите добраться до рубки...

Кое-как они доковыляли до центрального поста управления. Здесь находились Григорян, Копаныгин, Вайнштейн, Кэссиди, Гумм-на-Взат.

— Флагман! — заорал Анастас. — Ты его уделал!

— Что с крейсером?

— Четыре сектора небоеспособны, запущен авторемонт.

— Живо ловим себума! — приказал Середа. — Или он снова вызовет своих и наведет их на нас! Что там на схеме?

— На шестой и третьей палубах — по одному... не понять, кто!

— Вооружаемся! Что там в арсенале есть убойного? Бластеры, скорчеры... Григорян! Поведешь капсулу!

— Слушаюсь! Да мы бы и сами...

Середа так посмотрел на Анастаса, что тот мигом онемел.

В капсулу за Григоряном влезли Михаил, Виктор, профессор, Чак и семигуманоид. Анастас мигом разобрался в управлении и направил капсулу на шестую палубу.

Капсула просвистела по радиусу, крутанулась на пандусе и вынеслась к жилым отсекам.

— Дальше она не пойдет, — виновато произнес Григорян.

— Нет, и не надо. Выдвигаемся!

Середа двинулся впереди «группы захвата», поглаживая тяжелый длинноствольный скорчер. Нащупав регулятор, он перевел его на непрерывный разряд и спустил предохранитель.

Виктор как вышел из палаты, так и шагал босиком — времени обуваться не нашлось, да и к чему? Шума меньше...

Выглянув из-за угла на перекрестке поперечного коридора с радиальным, он увидел пустынный туннель, залитый ярким голубоватым светом.

— За мной! — бросил он.

Перебежав через радиус наискосок, он спросил по коммуникатору Сартакова:

— Видишь нас на схеме?

— Так точно! Вы рядом с целью! Идите вперед до поперечника и направо! Оно там!

Серeda грузно потрусил по радиусу и свернул, вскидывая скорчер. И медленно опустил его — в пяти шагах от него, прямо на полу, сидел мальчишка лет семи и с ужасом глядел на толпу вооруженных людей.

— Ты кто? — устало спросил Серeda.

— Я-то? — пролепетал мальчиш, кривя губы, но сдерживая слезы. — Лешка я... — и зачастил: — Мы в прятки играли, я спрятался в такой круглой штуке, а она как поедет! Потом остановилась, я пошел искать, никого не нашел...

— Родители есть?

— Есть... Мама...

— Пошли, отведем тебя, чучело мелкое... Нашел где прятаться!

Охотники скорым шагом вернулись к капсуле, кое-как втиснулись.

— Трогай!

Капсула понеслась... Передав возле ЦПУ блудного сына счастливой маме, охотники двинулись на нижние горизонты — себум должен быть там. Не в толпе же он ошивается?

— Сартаков! — позвал Серeda по коммуникатору. — Нас видишь?

— Вижу! Правильно идете! Это в конце второго радиуса, слева! Три километра по прямой!

— Ясно...

— Флагман! Тут этого нашли, Никиту!

— Ну?! Что он говорит?

— А он не говорит! Молчит и тупо пялится перед собой!

И тут дернулся Вайнштейн.

— Я все понял! — закричал он фальцетом. — Флагман! Скажите им, чтобы держали этого Никиту! Он не человек!

Серeda передал пожелание Вайнштейна и повернулся к профессору.

— Может, объясните?

— Скоро, флагман! — сложил тот ладони в молитвенном жесте. — Давайте сначала отыщем этого... ну, за кем мы охотимся!

— Гони! — буркнул Серeda.

На нижней палубе свет отсутствовал. Неудивительно — в бою серьезно пострадали пять секторов, задело три палубы, семь процентов объема крейсера распались на атомы. Семнадцать человек убиты, и только девятых удалось реанимировать...

— Фонари у всех? — спросил Серeda.

— У меня только, — ответил Гумм-на-Взат виноватым тоном.

— Учитесь! — буркнул Серeda.

Охотники потопали за метавшимся конусом света. Фонарь выхватывал из тьмы глухие проемы, покатые стены кремового цвета, черные провалы поперечников.

— Это здесь! — сказал Таппи, тыча в секторальный сервис-центр.

Серeda прислонился к стене и нащупал узел сопряжения.

— Врываемся следом за Гуммом! — приказал он.

Проход словно протаял в стене, и семигуманоид ломанулся вперед. За ним бросились Копаньгин и Вайнштейн.

— А что я говорил! — возликовал профессор.

Середа вошел и увидел возле стены связанного Никиту.

— Их что, двое?! — вскричал Нупуру.

— А это как сказать! — лучился Вайнштейн. — Скорее всего, это — настоящий Никита, человек. А тот, которого задержали наверху — его двойник!

— А где тогда себум? — озадачился Середа.

— А его нет! И не было! Капитан крейсера был не себумом, а гетероморфом!

— ...Никто толком не знает, где находится материнская планета гетероморфов, — торопливо рассказывал профессор, забираясь в капсулу, — да они и сами уже не в курсе, наверное. Гетероморфы — космические кочевники, они пристраиваются то к одной, то к другой цивилизации, так и не создавая своей собственной. Вот и к себумам напросились на службу...

— Ага, — сказал Середа. В голове у него все смешалось. — Трогай, Анастас...

Возле ЦПУ их уже ждали. Когда из капсулы показался красный от смущения Никита, женщины ахнули.

Середа вышел следом и проворчал:

— Рассказывай, Никитос...

— Да я почти ничего не помню... — закричал тот. — Зашел во второй раз к себуму, принес воды... Он на меня смотрит и вдруг как выбросит руки! И в горло как вцепится! Человеческие руки, понимаете?! И все, и я в отключке...

— Точно, гетероморф, — деловито покивал Вайнштейн и громко приказал: — Тащите Лженикиту вниз, на «Тенгри» или «Перун»! Надо провести ему глубокое ментоскопирование!

Середа проследил, как Кэссиди с Копаныгиным поволокли бледного двойника, и потопал следом — было интересно.

В нулевом шлюзе пол был холодный, и он сразу пожалел, что не обулся. Но палуба «Тенгри» снова встретила его теплом. Лженикиту завели в медотсек и зафиксировали в стендовом кресле. Надвинули сверху колпак ментоскопа. Вайнштейн оживил рабочие экраны и вывел на них узорчатую ментограмму.

— Вот, флагман! — гордо заявил он. — Смотрите!

— Куда? — спросил флагман.

Профессор обвел пальцем затейливую загогулину, похожую на две буквы «К», если одну из них дать в зеркальном отражении.

— Видите? Это ментальный аттрактор! У человека он почти не виден, у прочих рас аттрактор смазан или ламинарен, и только у гетероморфов выделяется на схеме! Это как ментальное клеймо, по нему легко узнать гетероморфа, неважно, в каком он обличье предстанет!

— Так гетероморфы могут принимать любое обличье? — спросил Середа.

— Любое, примерно равное им по объему. Для биотрансформации им хватает трех-четырех дней. Этот просто не успел: создав внешность Никиты, он не подготовил внутренние органы, те же голосовые связки. Но сообщить себумам наше местоположение смог!

— Ясно, — глухо проговорил Середа.

В этот момент раздался писклявый голос гетероморфа. Лженикита сказал:

— Я требую связаться с ближайшим координатором БМО! Немедленно! Мне нужно увидеться с ним! И учтите: я буду жаловаться во Всемирный Совет!

Середа покачал головой и заверил врага:

— Не будешь.— Повернувшись, чтобы уйти, он бросил через плечо: — Расстрелять его.

Что останется — в утилизатор.

Гетероморф обезумел от ужаса, а когда Копаныгин поволок его к кессону, завизжал, цепляясь за переборку. Кэссиди каблуком ударил по скрюченным пальцам, и Михаил вытолкнул гетероморфа в шлюз. Поросячий визг заметался эхом по гигантскому шлюзу, но недолго длился противный сверлящий звук — полыхнула красно-лиловая вспышка и прокатился короткий гром от выстрела из скорчера.

— А где тут утилизатор? — гулко разнесся баритон Чака.

— А вон! — ответил ему бас Копаныгина. — Ты бери нижнюю половину, а я верхнюю потащу...

Середа почувствовал смертельную усталость. «На киберпилоте» добрался он до своей каюты и упал на диван. В огромном обзорнике чернело облако Оорта, колоссальное вместилище для миллиардов комет. Одна такая летела в сотне километров от крейсера — громадный «снежок» изо льда, пыли и замерзших газов. А сбоку экрана светилась яркая звезда, почти неотличимая от других, озарявших обзорник своим сиянием. Это было Солнце.

— Налей еще грамульку...— Тенин пододвинул свой бокал с магнитным ободком и застенчиво улыбнулся. Тенину было стыдно.

— Может, хватит уже? — вздохнул Токмаков, наваливаясь на стойку.

Тенин вздохнул еще тяжелее. Токмаков испустил и вовсе душераздирающий вздох и плеснул в бокал на два пальца джина. Тенин мотнул нечесаной головой, выражая благодарность, и медленно поглотил выпивку. Он быстро захмелел, и его глаза, страдающие глаза брошенной собаки, обесмыслились. Тенин подпер ладонью вялый подбородок, смешно перекосив лицо, и уставился куда-то за стойку, в Зазеркалье, отражающее ряды бутылок с известными напитками. Взор его блуждал.

«Эх!..» Токмаков перестал протирать бокалы — извечное занятие бармена — и скрылся в подсобке, буркнув:

— Я прогуляться...

Но Тенин его не слышал — он раскачивался на табурете и мычал что-то насчет шума в камышах. Бармен быстро облачился в пустотный комплект, отшлюзовался и покинул столовую.

Солнце — маленькое спящее пятнышко — и не грело, и светило слабо, но тени отбрасывало, нечетко выделяя всю автономную систему искусственных спутников Цербера, именуемую транскосмической звездолетной базой «Умбон». Верфи, обсерватории, мастерские, космические ангары, заправочные станции, черные цистерны плантации с хлореллой, оранжереи, обитаемые тороидальные блоки, стеклянные сады отдыха соединялись между собой тросами и причальными штангами и обращались вокруг Цербера, совершая виток за тридцать с лишним часов.

Внизу проплывала бурая равнина этой заплутоновой планетки, кружащейся на границе между Поясом Койпера и Облаком Оорта. Местами кирпичную унылость ее поверхности освежали желтовато-розовые пятна — замерзшая органика. Солнце отсюда смотрелось яркой звездой, погруженной в пылевое облако.

Токмаков включил магнитные подковки на башмаках и зацокотал по решетчатому мостику. Локальная гравитустановка действовала, но береженого бог бережет.

Токмаков прошел метров десять и остановился, выйдя из тени Большой Антенны. Он всегда здесь останавливался. Отсюда открывался хороший вид — все планеты Солнечной системы можно было разглядеть. Вон Нептун кажется голубой крапинкой, а там Сатурн, Юпитер... Землю, конечно, не увидишь без телескопа — отсюда до Солнца восемьдесят астроединиц. Зато небо какое! Столько звезд с внутренней зоны не узришь — пылевые облака мешают. Токмаков вздохнул и двинулся дальше. Прогулки его не успокаивали, но настраивали на философический лад, с действительностью не примиряя, лишь пополняя запас терпения.

Токмаков прошел стеклянной круглой галереей и выбрался к верфям. На стапелях тянулись, тая в пустоте, колоссальные диски суперкрейсеров, заложенных пять лет назад, а в позапрошлом году законсервированных. Виден был только один, необъятным бортом закрывавший Млечный Путь, остальные два можно было только представить — каждый суперкрейсер расплывался в поперечнике на шесть, а то и на все восемь кэмэ. Толстая решетчатая ферма причала устремлялась в бесконечность на добрых двести километров, но так далеко Токмаков никогда не уходил. Да и зачем?

Потоптавшись на перекрестке двух мостиков, он повернул обратно. Что-то сегодня никакая философия не лезет в голову. До чего ж все обрыдло...

Токмаков, сколько себя помнил, всегда любил готовить. На базу «Умбон» летели люди, страдающие избытком энтузиазма и дурной романтики, они хотели быть поближе к звездам, ну, хотя бы к царству комет, которыми набито Облако Оорта, а Токмаков, инженер-гастроном со стажем, прибыл сюда, чтобы кормить работников вкусно и сытно. Но вот уже второй год подряд он их только поит... Его столовая превратилась в космический салун, куда изредка забредают агротехники из оранжерей или инженеры-сборщики, так и не улетевшие обратно на Землю. «Зачем?» — бурчат они, заходя остограмниться. Что они забыли на Планете? Им обещали интересную работу, у них был шанс построить самые могучие боевые корабли в Рукаве Стрельца! А потом всего этого богатства их лишили, обобрали душу, гады... Крючкотворы, волокитчики, рыла кувшинные...

Протяжно и тоскливо вздохнув, Токмаков поплелся в «салун».

Скинув скафандр, он прошел в зал. Тридцать столиков были сдвинуты к стенам, скатерти покрывали только парочку из них. За крайним столом почивал Тенин, свесив левую руку до пола, а правую используя на манер подушки. Развесив слюнявые губы, Тенин постанывал во сне и дергал ногами под стулом.

— Эх-хе-хе... — высказался Токмаков и подумал: «Может, и самому клюкнуть?»

С дегенеративных мыслей его сбило топанье в тамбуре шлюза. Токмаков и удивился, и обрадовался. Никак инженеры-агрологи пожаловали! А может, и пилоты с рейсового — эти заглядывали «на огонек» раз в квартал, редко чаще.

Звякнула дверь шлюза, и в столовую вошел незнакомый мужчина, рослый и плечистый, со странной короткой стрижкой — нынче в моде у мужеска полу была длинная волосня а-ля хиппи. Одет гость тоже был удивительным образом — в серебристый комбинезон непривычной модели. Создавалось впечатление, что он сшит из отдельных частей — даже швы выделялись. На рукаве краснел шеврон-прямоугольник с буквами «ДОБРОФЛОТ», ; нагрудный карман нес планку с фамилией. На ней значилось: «СЕРЕДА». А уж лицо у этого Середы было... Да-а... Токмакову сразу вспомнились виртуальные сериалы из жизни великолепных 60-х — «Наблюдатель», «Седьмое небо», «Первооткрыватели». Такой же тип — мужественный, твердый, сдержанный, уверенный в себе на тысячу процентов.

— Добро пожаловать! — залучился Токмаков. — Рад гостю в нашем захолустье!

— А гостям? — улыбнулся Середа.

— Еще больше! — воскликнул Токмаков. — А что, вас много?

— Ну-у... — задумался гость. — Меньше пятисот, но больше четырех сотен. Включая одного семигуманоида и семьдесят кхацкхов.

Токмаков недоверчиво покачал головой.

— Так вы что... — пробормотал он. — На лайнере, что ли, прибыли?

— Нет, — спокойно ответил Середа, — на планетарном крейсере. Трофейном. Мы с

друзьями захватили его в системе Эпсилон Эридана...

Токмаков сердито засопел. Что его тут, за мальчика из провинции держат?! Подойдя к терминалу, он хлопнул по клавише, и в стереоэкране открылась доковая палуба. Глаза инженера-гастронома порыскали в поисках маленького лохматого конуса, но зрачки упорно натыкались на гигантский диск. Исполинский корж того же размерчика, что и суперкрейсера на верфях. Да нет, этот побольше будет...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это... как? — пролепетал Токмаков.

— Да так вот... — развел руками Середа.

— Так это... правда?!

— Чистая, — подтвердил Середа, — беспримесная.

— Кушать будете? — ляпнул Токмаков.

— А что есть? — оживился гость.

— Да у нас по-простому, — смутился инженер-гастроном, — борщик, пюре с котлеткой, салатик...

— Давай! — потер ладони Середа.

— Давно я повара не перепрограммировал, — все оправдывался Токмаков, разводя суету вокруг кибер-кухни.

— Пустяки, — молвил Середа, — дело житейское... А что тут за база?

— Вы не знаете? — удивился Токмаков. — Ну да... Ну да, конечно... Кому мы тут нужны, на задворках-то...

— Не прибедняйтесь, — улыбнулся Середа. — И не обижайтесь. Просто хочу знать, сколько народу еще не разбежалось.

— Ну-у... С тысчонку еще осталось, — протянул Токмаков. — Щас я, борщик поспел!

Он направился к киберкухне и вскоре вернулся, волоча поднос с тарелками.

— Вот, угощайтесь! — сказал инженер-гастроном.

Середа хлебнул борща.

— М-м-м! Вкусно! Да еще с пампушками... Эх, давно я такого борщика не едал!

Токмаков гордо заулыбался. Что бы там ни говорили снобы-гурмэ, а только от киберкухни не все зависит! Можно и стандарт запрограммировать, а можно и с выдумкой...

— Значит, — осторожно спросил Токмаков, — все эти басни про «зону временной нестабильности» — брехня?

— Полная! — подтвердил Середа, стремительно уничтожая первое.

Минут десять он рассказывал, уплетая борщ, солянку из марсианской фиолетовой капусты, салат из помидоров и компот из плодов дерева гам, эндемика с планеты Теллус.

— Вот такие у нас дела... — закончил Середа и отставил пустую тарелку. Оглянувшись, он заметил Тенина и спросил:

— А это кто?

— Это гений, — сказал Токмаков.

— Хм, — выразил сомнение Середа. — Знаете, он больше смахивает на...

Токмаков закивал понятливо.

— Сломали его, — объяснил он. — Николая Тенин — настоящее светило, только разбрасывался сильно. То он в нуль-проблематику залезал, то хронодинамикой увлекался...

— А здесь он что делает?

— Работал он тут... Горел, пылал! А его так срамно потушили... Николая изобрел

коллапсарный генератор. Это такая штука... Короче, если его активировать, генератор мог бы эсминец себумов сжать в точку! В черную дырку превратить! Конечно, в нестабильную — на десятой секунде после гравитационного коллапса то, что осталось от эсминца, вывернуло бы наружу. Так, пару тонн мелкой дисперсной пыли выбросило бы плюс рентгеновское и гамма излучение...

— Коллапсарный генератор... — проговорил Середа. — Дельно! И куда бы их ставили?

— Как куда? — удивился Токмаков. — На суперкрейсера! Ну, вы же пролетали мимо них! Такие здоровенные, двояковыпуклые диски! Сломятник наш и не приметили?

— Так это были корабли?

— Вот именно, — мрачно подтвердил Токмаков. — Были! Три года тут все крутилось-вертелось, сам ван Вейден прилетал пару раз...

— Ни хрена себе...

— Да, а что вы удивляетесь? Это он сейчас такой, а раньше... — Токмаков покачал головой. — Это ж его идея была — строить суперкрейсера! Опасался председатель вторжения себумов. Да, вот на этом самом месте сидел и постукивал бокалом по столу: «Хочешь мира, Вася, готовься к войне!» Это он меня Васей называл...

— Так что же случилось? — нахмурился Середа. — Почему он передумал?

— Не знаю я... Но уже два года, как все тут стоит колом!

Середа глубоко задумался. Потом медленно, словно оттягивая решение, достал коммуникатор и вызвал Копаныгина.

— Миха, — сказал он, — эта база нам подходит! Видел те штуки? Ты еще спрашивал, что за дуры? Эти дуры, Мишка, суперкрейсера! Да... Да, да! Выводи людей и займись расселением... Кто будет против? А куда еще им деваться? Какое безопасное место? Нету сейчас безопасных мест в Галактике! И не будет, пока не одолеем жаб! Вот так им всем и объясни... Я в столовой. Ага... Давай...

Сунув коммуникатор обратно в нагрудный карман, Середа пружинисто встал и подсел к Тенину.

— Эй, Миколай Батькович! — потряс он того за плечо. — Проснись, красавец, проснись!

Тенин промычал нечто невразумительное.

— Проект коллапсарного генератора готов? — спросил Середа громким голосом в ухо.

Тенин вздрогнул и открыл мутные глаза.

— Г-готов... — выговорил он.

— Долго его строить?

— С м-месяц...

— За неделю справишься?

— Уп... — Тенин выпучил глаза. — А ты кто такой?!

— Это флагман, — ответил из-за стойки Токмаков. — Он воевал с себумами!

— Короче! — Середа плеснул в бокал граммов сто джина и пододвинул емкость Тенину. — Выпей!

Тенин сглотнул порцию и выдохнул, закашлялся.

— Всё, — твердо сказал Середа, отбирая бокал, — это последняя выпивка в твоей жизни! Понял? Ты нам нужен трезвый!

— К-кому — нам? — осведомился Тенин.

— Мне, — ответил Середа, — моим людям, человечеству Земли, Варианы... и как там

метрополию кхацкхов именуют?

— Саргол! — подсказал Токмаков.

— Во-во, и им тоже. Вставай, пошли!

— К-куда? — вытаращился Тенин.

— Крепить обороноспособность! Достроим эти суперкрейсера, заложим другие. Наберем добровольцев... А ты будешь нам ковать оружие победы — коллапсарные генераторы! Кстати, мой крейсер — трофейный, мы его захватили, вместе, с палубными генераторами нелинейности. Хочешь глянуть?

— Спрашиваете! — совершенно протрезвел Тенин.

— Тогда пошли! А еще там есть себумские коллапсары... Будет с чем сравнивать!

В шлюзовой затопало множество сапог, загалдели голоса, донесся женский смех и даже детские визги. Токмаков тихо засмеялся и кинулся расставлять столики — жизнь возвращалась на базу. Скоро... Да не скоро, а уже кипит работа! Подтянутся работнички с баз на Плутоне, комплексные машины-предприятия определяют оптимальные варианты синтеза материалов и станут выплевывать один коллапсарный генератор за другим, инженеры-сборщики из тора «В» опохмелятся и доведут до ума завод эмбриосистем. И пойдет заводик «нести» яйца механозародышей — будущих космоистребителей, штурмовиков, десантных ботов...

Токмаков глубоко и длинно вздохнул. С надеждой вздохнул и с радостным облегчением.

2

База «Умбон» ожила. В добровольцы записались все до единого — романтики давно улетели на Землю, остались те, кто реально хотел видеть свою Планету сильной, а таким прямая дорога была в Доброфлот. Нашлись, правда, колеблющиеся, но стоило им посмотреть ужасную хронику, заснятую Гумм-на-Взатом в лабораториях крейсера, на Гаданде и Алте, как сомнения покидали их — слишком уж страшна была правда и грозна опасность.

Заработали орбитальные заводы — полевые синтезаторы выдавали сырье, универсальные форматоры превращали его в готовые изделия, мультипликаторы размножали их. Скорчерами, бластерами, запасными батареями затаривали пластмассовые ящики, киберы собирали их в контейнеры и набивали секторы дисковидных складов. По коридорам базы роботы и люди катили шары эмбриосистем, в доках механозародыши, потчующие метеоритным и кометным веществом, развивались в истребители, штурмовики, десантные боты, танки высшей защиты.

Тенин развернулся вовсю — из стандартных технологических модулей собирались киберкомплексы и пристыковывались к центральному блоку базы. Там изготавливались коллапсарные генераторы, куда более мощные, чем у себумов. Деловитые киберсборщики волокли генераторы на верфи, распределяли по кораблям и монтировали на палубах.

Прошло совсем немного времени, а уже целых три суперкрейсера — «Рюрик», «Хакан» и «Бравлин» — названные в честь древних русских конунгов, были готовы к ходовым испытаниям. Но кому их вести? Кто займет свои места по боевому расписанию? Флот был, хотя и в зачатке, а экипажей — увы...

Ночью — днем просто не было времени — Середа собрал совещание.

— Нужны люди, — хлопнул он ладонью по столу, — просто необходимы! Они сейчас даже важнее кораблей, ибо корабли без экипажей — это просто килотонны бесполезной массы. Я тут подумал, посоветовался кое с кем и решил разослать уполномоченных по всему Внеземелью.

— Верный ход! — оценил Вайнштейн. — Люди, живущие вне Земли, куда более пригодны для Доброфлота! Они все первоклассные спецы, ребята спортивные, закаленные, не трусы и не слабаки. И кого куда?

— Вас я не посылаю никуда, — улыбнулся Середа, — профессор Вайнштейн нужен здесь. Вы ведь работали и с Сусуму Окада, и с Саблиным. По вашему учебнику «Д-проницаемость в сигма-смысле» я сдавал зачет. Короче, Тенину нужны ваши консультации.

Профессор польщенно улыбнулся.

— Итак, — сказал Середа, оглядывая собравшихся. — Тебе, Кэссиди, поручаются ближние к нам станции и базы — на Плутоне, Обероне и Тритоне. Прогуляешься по ним на «Призраке».

Чак серьезно кивнул.

— Ты, Даша, посетишь систему Сатурна. Народу там много, особенно на Кольце и на Титане. Одна справишься? Можешь помощника взять.

— Возьму, — улыбнулась Васнецова.

— Ты, Анастас, отправишься к Юпитеру. Собери, кого сможешь уговорить, с Амальтеи, Европы, Ганимеда... На Европе будь осторожен, там работает отделение ПНОИ.

— Понятно, — кивнул Григорян. — Когда вылетать? Утром?

— Сейчас же, Анастас. Отоспишься в полете.

— Понял, — ухмыльнулся Григорян.

— А вам, Жеже, — повернулся Середа к Москвичеву, — поручается самое ответственное задание — миссия на Марс.

Жерар Москвичев сразу подтянулся.

— Всю планету вам не охватить, и не надо. Ваша задача — вести пропаганду и агитацию в Евразийском секторе освоения, от Олимпа до Изиды.

— Сделаем, — солидно заверил флагмана планетный координатор.

— Тогда желаю всем удачи... и спокойной плазмы!

Середа совершенно умотался, бегая по бесконечным палубам «Рюрика». Сам себе он напоминал циркача-эквилибриста, готовившего небывалый номер — жонглирование сотней мячиков и колец всеми конечностями, включая и голову. Номер не получался, тут требовался гекантохейр, сторукий титан, а у Середы была всего одна левая и одна правая рука.

Профессор Вайнштейн связался с Мировой Сетью и передал в экстренном импульсе хронику Гумма — пускай увидит человечество, кто грозит ему из тьмы! Середа отнесся к этому с великим скепсисом.

— Профессор, — хмыкнул он, — вы думаете, что это в самом деле покажут? Да вы что! Как можно травмировать нежные души землежителей! Пусть уж сидят в своем теплом болотце и пузыри пускают. Уши у них клейкие, развесистые, как раз для лапши про «зону временной нестабильности»...

— Вы совсем не уважаете своих однопланетников, — с осуждением заметил Вайнштейн.

— А за что мне их уважать? — холодно откликнулся Середа. — Уважение надо заслужить, его не выдают вместе с дипломами.

— Люди построили высшую форму общества, — защищал землян профессор. — и получили право жить так, как хотят! Вам не нравится, что миллиарды киберов заняты производством, а миллиарды людей занимаются любимым делом? Это вы называете болотом? А вам известно, сколько нынче ученых на Земле? Сотни миллионов! А художников, артистов, музыкантов, скульпторов? Их миллионы!

— Высшая форма общества! — издевательски засмеялся Середа. — Здорово! А почему же вы не вспомнили о других машинах?! О тех, которые сортируют людей, фильтруют их и делят на агнцев и козлищ? А потом пассивное, но кроткое большинство занимается любимыми делами под бдительным присмотром ПНОИ, а активное меньшинство, эту противную «негативную формацию», загоняют в концлагеря, в резервации, красиво названные «зонами спецкарантина»! И эту форму общества вы называете высшей?! Да это обыкновенный «электронный фашизм»!

Вайнштейн посопел и сердито произнес:

— Экий вы... торопыга! ПНОИ ему не нравится, видите ли. Сортировка его унижает и оскорбляет! А что вы хотите? Как еще вы предлагаете жить тем, кого дети называют «плохими» и «хорошими»? Ввести бетризацию, как это было у Лема? Или подвесить на орбите гипноиндукторы, чтобы всю жизнь внушали нам примерное поведение? Поймите вы, нам нельзя находиться рядом с преступниками, даже потенциальными, иначе снова придется вводить суд присяжных и полицейские участки! Вы хотите выпустить контингент зон СК в Большой Мир? Отлично! А кому тогда брать на себя ответственность за тот беспредел, который они учинят? За волну убийств, изнасилований, терактов, разбойных нападений? Вы готовы ответить за всю ту массу горя и несчастий, которую «негативная формация» принесет людям?

— А те, кто сидит в зонах СК, уже не люди? — спросил Середа, криво усмехаясь.

— Нас, — отчеканил Вайнштейн, — почти пятнадцать миллиардов, а «негативная формация» — это от силы тысяч сто человек! Чуете разницу?

— Чую! — процедил сквозь зубы Середа. — Еще как чую! И все же это несправедливо!

— Согласен! — вскричал профессор. — Я полностью с вами согласен! Несправедливо! И меня тоже с души воротит от этой морально-этической сегрегации! Но что делать-то? Как нам еще жить? Вместе нам нельзя, повторяю, поскольку каждому — свое, вот и приходится сосуществовать рядом!

— Может, вы в чем-то и правы, — произнес Середа утомленно. — Не обижайтесь на меня за резкость, просто для меня это болезненная тема, я ведь и сам принадлежу к «негативной формации»... И скажу так: если человек совершил преступление, его следует наказать — физически удалить на далекую планету или приговорить к ментальной деструкции, к «полной переделке», как ее называют. Или к имплантации мозгодатчика... Пусть так! Но как можно осуждать человека всего лишь за то, что он способен сделать, но не совершал?!

Вайнштейн вздохнул.

— Я не знаю, что вам ответить, Виктор, — признался он, — иногда я думаю даже, что эта задача вообще не имеет решения. Ведь человека не переделать, а если браться за «полную переделку», то кому? По какому праву? И что это будут за люди в результате? И люди ли?

Дальнейший спор прервался: дверь жилого отсека, в котором поселили профессора, резко укатилась в пазы, и порог перепрыгнули несколько человек в масках. Тот, кто стоял впереди, смахивал на Никиту Воронина, недавнюю жертву гетероморфа.

— Именем человечества! — пафосно провозгласил неизвестный голосом Никиты, и вскинул станнер.

Середа попытался рвануться, но бело-голубой парализующий луч остановил флагмана Доброфлота, погружая его в цветущую мглу.

Глава 11

ПОХИЩЕНИЕ

1

Профессора Вайнштейна и Середу крепко связали и вынесли в длинных контейнерах из-под ульмотронов. Похитители протащили их, ни у кого не вызвав подозрений, — вся база выполняла похожие манипуляции. Выйдя в док, Никита огляделся и выбрал транспортное средство — звездолет «Тенгри». Пнув перепонку внешнего люка, он тут же погладил корабль по теплому борту, словно извиняясь или успокаивая огромное домашнее животное. «Тенгри» был совсем еще молодым рабочим звездолетом, с норовом и выбрыками — мог иногда вместо обычной воды подать в гидросистему нарзан или не заращивал входные мембраны до конца, оставляя дыры «для вентиляции». А вздрючишь эту квазиорганическую скотину, еще и обидеться может и так утолстит перепонки, что лопнут лишь после хорошего пинка. Шанкар Гупта говаривал, что это у него возрастное. Перебесится...

«Тенгри» покинул док, не запрашивая контрольную станцию. Заговорщики укрыли похищенных в безынерционных камерах, задали киберпилоту программу предстоящего перелета, вошли в камеры сами и дали «Тенгри» команду на переход в подпространство.

В корабле стояла тишина, только еле-еле шелестела гравистановка. Никита пролез в люк на верхнюю палубу и попал в круглый зал кают-компания, по периферии которого шли восемь кают. Он протиснулся в свою, переоделся, подумал-подумал и забрался на самый верх звездолета-конуса. В рубку.

Там было тесно. Бортинженер Алик Басевич сидел на корточках возле контрольно-комбайна, настраивал гравираспределитель и насвистывал легкий мотивчик. Штурман Рома Пегов, возложив ноги в башмаках сорок последнего размера на золотой шар компенсатора, валялся в кресле и читал старинную книгу — «Геном» некоего С.Лукияненко, подаренную ему на двадцатый день рождения. Штурман ерзал, хмыкал, фыркал, по-всякому наводя критику. Порой он одобрительно кричал.

Командир Оуэн Чэнси сидел спиной к пульту и пил кофе из кукольной чашечки, жеманно отводя мизинец.

— Здравия желаю, товарищ комиссар! — расплылся он в улыбке. — Как душик? Вертикальный бассейн пробовали?

— Пробовали, — буркнул Никита. — Чуть бульки не пустил!

Басевич прыснул, Оуэн коротко хохотнул, а штурман воскликнул:

— Ну, дает!

Но возглас его относился не к теме разговора, а к похождениям главного героя.

— Как пленные? — спросил Никита.

— Все у порядке! — ответил Рома, дурачась. — Мы их с Аликом привязали к креслам, еда рядом, на столике. Захотят — дотянутся ртом.

— Пойду, гляну...

— Привет им от нас передай! — крикнул Алик, и вся троица гулко захохотала.

Никита спустился вниз и отпер каюту номер четыре. Пленные сидели по разные стороны от откидного столика. Вайнштейн делал вид, что ему все равно, и глядел в обзорник, где голубел земной шарик, а Середа спокойно смаковал персиковый сок, время от времени наклоняясь к столику и посасывая из биоупаковки.

Никита уселся в углу на диване. Его переполняло торжество. Получилось!

Первым заговорил Середа.

— Надеюсь, ты не гетероморф? — поинтересовался он.

— Нет! — ответил Никита, гордо задирая голову. — Я комиссар Пацифистской Унии!

— Да ну? — лениво проронил Середа. — Вон оно как... Тогда мне придется изменить мнение о пацане. Я их раньше считал предателями и коллаборационистами, а оказывается, пацан — это банальные идиоты! Сопляки-отморозки вроде тебя!

— Замолчи! — повысил голос Никита.

— Да пошел ты...

— Вы в зеркало смотрелись, юноша? — чопорно произнес профессор. — Весь ваш облик — просто мечта педераста!

Середа рассмеялся, хлопая ладонями по подлокотникам, — выше руки были прихвачены фиксаторами. Никита вскочил, сжимая кулаки, но не бить же пленных?

— Ответь мне на один вопрос, — поднял на него глаза Середа. — За что вы так верно служите себумам? Почему подались в прихвостники к чужим? Или вы ожидаете от них подачек? Уверяю тебя, себумам безразличны как воины, так и пацифисты, они превратят в удобрение и нас, и вас! Так чего для?

Никита высокомерно усмехнулся.

— Вам не понять, — надменно проговорил он.

— Да уж куда нам... — негромко обронил Вайнштейн.

— Сами подумайте, — снисходительно произнес Никита, — какой смысл в войне против себумов, если все расы Галактики неизбежно сольются и их домом станет Вселенная?! Синтез Разумов — вот наша цель! Мировой Разум — вот наше будущее!

— Да сливайтесь вы на здоровье, алиенофилы драные! — ухмыльнулся Середа. — Хоть с себумами, хоть с кем. Куда ж вам без Мирового Разума? Своего-то нет!

— Юноша, — церемонно изрек Вайнштейн, — а вас не страшит подобное будущее? Раствориться, стать частью целого... Да это хуже, чем положение пчелы в рое!

— Вы не понимаете, это же вечная жизнь и здоровье, это новые грани восприятия мира, новые эмоции, ощущения! Мы будем, как боги, как демиурги, творить миры!

— А ты лично чем собираешься быть? — осведомился Середа. — Прыщом на заднице демиурга? Ладно, хватит несмешные анекдоты травить. Мы куда летим, гнойный прыщ?

Никита стерпел и это оскорбление. Ему ли, носителю разума, готового к переходу в монокосмический организм, обращать внимание на жалкого хомо, чей удел — старость и тлен?!

— Мы финишируем на Земле, — усмехнулся он, — где и передадим вас сотрудникам ПНОИ.

— Так вы еще и двурушники?! — восхитился Виктор. — А ну выйди, и затвори дверь! От тебя несет, как из помойки!

Никита, бледный от ярости, шагнул к Середе и наткнулся на ледяной взгляд флагмана. «Комиссар» резко развернулся и выскочил вон.

Земля застила полнеба своим бело-голубым полыханием, когда «Тенгри» вошел в зону станций. Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Тэта — их было много, они громоздили мегатонны торцов, шаров, цилиндров, двигая их по высоким и низким орбитам. Целый выводок космических энергостанций простирал необъятные поля гелиоконцентраторов, просвечивавших на солнце, а «Оранжереи» подставляли стеклянные бока светилу, питая сады и огороды. БОП^[6] вращался в паре с Большим Складом, топыря в пространство причальные доки и колоссальные ангары.

— Главная Диспетчерская капитану Чэнси! — прозвучал высокий, звонкий голос с пульта селектора. — Вам разрешается финиш на космодроме «Москва-2»!

— До дзо аригато, Фумико-тян! — весело заорал в ответ Оуэн, видимо, неплохо знавший обладательницу взволнованного голоса. — Охайо годзаимас!

— Да ну тебя! — фыркнула в эфире Фумико.

«Тенгри» прошел мимо гигантского телескопа, расплывшись в Главном Зеркале, и начал торможение. Это был тот момент, когда вы уже не в космосе, но еще не в атмосфере — звезды блекнут, их становится все меньше, а горизонт постепенно выпрямляется, утрачивая планетную закругленность.

Середа сидел в каюте и неотрывно смотрел в обзорник. Он узнал «собаку» Скандинавского полуострова — исполинская облачная воронка кружила каруселью над макропогодной станцией «Халаголанд» в Северной Норвегии. Метеотехники баловались с циклоном. Делали что хотели...

Балтика, Прибалтика, Санкт-Петербург, Лесной пояс.

«Тенгри» двинулся ускоренно, потом облака скрыли Землю.

— Прибываем, человеки! — объявил в интеркоме Чэнси. — Трепещите!

Звездолет пробил облака и пошел на посадку. Он мягко и бесшумно опустился на кругляш стартового пункта — Оуэн был неплохим звездолетчиком.

Двери четвертой каюты открылись, и сумрачный комиссар повел стволом скорчера: на выход! По команде из рубки разошлись ножные и наручные фиксаторы.

— Только без фокусов! — предупредил Никита, отступая.

— Да что вы, — сказал профессор, — как можно...

— С дерьмом свяжешься, — дружелюбно добавил Середа, — сам потом вонять будешь!

Он спустился на нижнюю палубу, миновал кессон и вышел на свет. Зажмурившись, Виктор глубоко вдохнул настоящий земной воздух. Да-а, это вам не продукт кислородных синтезаторов!

Откуда-то сбоку выплыла платформа и ткнулась о борт «Тенгри» вровень с полом кессона. Не думая, Середа перешагнул на нее. Профессор и экипаж последовали за ним. Платформа мягко поплыла, ее мигом окружили молодые, загорелые, деловитые, в цветастых рубашках навыпуск и в коротких широких штанах. Окружили и засверкали блицконтракторами, залопотали в кулечки звукоприемников.

— Представьтесь, пожалуйста! — завопила самая прыгучая девушка. — Я — Дана

Ситтель, корреспондент Мировой Сети!

Середа втянул живот, расправил плечи и изрек:

— Флагман Добровольческого флота Середа. Честь имею!

— Вас слушают и видят десять миллиардов землян! — надрывалась Дана. — По Сети прошел целый цикл, посвященный вашему незаконному вооруженному формированию! Ваше слово, флагман: какие требования вы выдвигаете перед земной администрацией? Или же теракты, совершаемые вашей группой, направлены исключительно против вескусиан?

Середа выпрямился и оглядел толпу. Бесполезно... Все бесполезно... Как пробить толщу непонимания и лжи?

С платформы был виден кортеж из черных обтекаемых машин. Около них кучковались официальные лица... Нет-нет, официалам положено сидеть внутри и не высовываться. Это за ними...

— Мы — добровольцы, — громко заговорил профессор. — Мы победили в двух боях с флотом себумов, чтобы на Алте спасти четыреста человек! Чтобы помочь семидесяти кхацкхам-беженцам. Идет война, девочка! Пока вы тут играетесь в бирюльки, там, — он показал на небо, — убивают ваших ближних и дальних. Себумы уничтожили почти двести миллионов кхацкхов и захватили все планеты их Содружества. Вы хоть как-то помогли своим братьям по разуму? Нет! А теперь себумы вторглись уже в наши пределы. Они напали на Алту и сожгли чуть ли не тысячу человек! На Теллусе они убили тринадцать тысяч мужчин, женщин, детей! Но вам-то что до этого, правда? Вас-то никто не трогает, вам по-прежнему тепло и сытно. На вас идут войной, а вы трусливо прячетесь! Вас молят о помощи, а вы подло отворачиваетесь, жмурите заплывшие глазки и затыкаете уши, трусливо довольствуясь той удобненькой ложью, которой потчуют вас власти!

— Молчать! — прикрикнул Никита, наводя скорчер на профессора.

— Предатели-пацы, — продолжил Середа, самому себе напоминая комсомольца, пойманного гестаповцами, — захватили нас двоих, но всех добровольцев не взять! Наши товарищи остались там, на переднем краю обороны, и заняты самым важным на сегодня делом, жизненно и единственно важным — они воюют. За вас! Вместо вас! Спасают ваши жирные задницы от себумского нашествия! Позорники...

Середа оглядел застывшие, недоумевающие, неверящие лица и лениво сплюнул под ноги. Больше ему нечего было сказать.

В полной тишине он сошел с платформы. За ним, храня каменное выражение лица, спустился Вайнштейн. Ряды ньюсмейкеров зашевелились, и сквозь плотный строй пробился обтекаемый экипаж. Он висел над посадочным полем и был словно отлит из блестящего черного металла — ни окон, ни дверец заметить было нельзя. Машина заскользила над плитами и замерла около пленных. Разошлась мембрана, из салона выскочили двое в черном, одинаковые с лица, и заорали:

— Это все клевета! Не слушайте их! Все, кто жил на планетах Периферии эвакуированы!

— Что ты врешь, трепло поганое?! — заревел Середа.

Человек в черном подскочил к нему и ткнул в бок чем-то твердым.

— В машину! — прошипел он. — Быстро!

Середа почувствовал резкую слабость во всем теле, а душу окатило полнейшее безразличие. В машину так в машину...

Он залез внутрь черного экипажа и сел, тупо уставясь перед собой. Рядом кулем

повалился Вайнштейн. Перепонки затянулись, и машина заскользила прочь, раздвигая толпу ошарашенных, испуганных, разгневанных, ничего не понимающих спецкоров и СВ-операторов. Машина выбралась на блестящее стекломассовое шоссе, стрелой уходящее за горизонт, и помчалась болидом.

Глава 12

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Машина неслась с негромким шорохом, не тряслась и даже не покачивалась, словно на месте стояла, а не выжимала километров двести в час. Невольных пассажиров даже к сиденью не прижимало и вбок не вело на поворотах — срабатывали гравикомпенсаторы, прогресс дошел и до наземного транспорта. «Может, тут и в самом деле «электронный фашизм», — подумал Середа, — но ПНОИ далеко до гестапо. «Чернецы» даже не обыскали нас...»

Слабость покидала тело, мышцам возвращался отнятый тонус. Середа смог пошевелить языком, еще минуту назад лежавшим во рту, как непроглоченный вареник.

— Чем это вы нас? — еле выговорил он.

«Чернец», сидевший справа от водителя (тот сидел посередине), обернулся и показал игольчатое дуло.

— Суггестор, — с горлинкой объяснил он, — портативный гипноизлучатель.

«Точно, прогресс!» — мелькнуло у Середы.

— А сами вы кто будете? — прокряхтел Вайнштейн.

— ПНОИ, — сказал, не оборачиваясь, водитель.

— Сам признался и не покраснел даже! — заметил Середа и сжал руку в кулак. Вроде действует. Он осторожно сунул пальцы за спину, нащупал рукоятку плоского бластера за поясом и приказал: — Остановите машину!

Водитель коротко хохотнул, а его сосед повернулся глянуть на этакое диво.

— Не дергайся, флагман, — угрожающе произнес он, подпуская в голос металл.

— Я дядя из «негативной формации», — предупредил Середа, — большая бяка, могу и бо-бо сделать...

Выхватив бласт, он прикрикнул:

— Тормози, я сказал!

Но, видимо, парень с суггестором ни разу не сталкивался с теми, кто оказывал сопротивление при задержании — он крутанулся на сиденье, ловя на мушку наглого террориста, и Середа нажал на курок первым. Короткий импульс пробил и левое сиденье, и «чернеца». Тот сильно вздрогнул, засипел, открывая рот и пуча глаза, и осел, обмяк. Суггестор покатился по полу.

— Тормози, — уже спокойнее скомандовал Середа водителю и приставил толстое дуло бласта к его коротко стриженному затылку. Свободной рукой он подобрал психоизлучатель и, не глядя, протянул его Вайнштейну.

Водитель героизма проявлять не стал, послушно нажал на педаль. Машина остановилась и легла брюхом на дорогу.

— Выходи! И без фокусов!

Водила осторожно подлез к дверце, толкнул ее пятерней. Та лопнула, расходясь кругом. Середа вышел первым и дернул бластом вверх.

— Руки! Пять шагов назад! Профессор! Вытащите его напарника!

— Минутку...

Вайнштейн суетливо потянул простреленного «чернеца» наружу. Тот застонал.

— Жить будет! — заулыбался профессор, глядя на канал, прожженный в боку

«чернеца».

— Вы напали на сотрудников ПНОИ! — мрачно напомнил водитель.

— Ошибаешься! — отрезал Середа. — Это сотрудники ПНОИ напали на нас, мы лишь защищались! Валите отсюда оба!

Он быстро вернулся в машину и занял место водителя. Вместо руля была дуга, похожая на штурвал, под ногами две педали. Приборы всякие... И кнопка. Это на нее жал водила. Середа приложил к кнопке большой палец и вдавил ее. В машине что-то зашелестело, она приподнялась над дорогой, а на табло проступили буквы: «Гравипривод активирован».

— Вот и прекрасно, — пробурчал Середа, поглядывая на «чернецов» за обочиной.

Несильно тронув правую педаль, он добился того, что машина тронулась с места и проехала пару метров. Левая педаль притормозила скольжение.

— Едем, профессор! — сказал Середа и выжал педаль форсажа. Машина с места взяла километров сто пятьдесят и понеслась по-над гладким стекловидным покрытием. «Чернецов» будто кто выдернул из поля зрения.

— И куда мы теперь? — тихо спросил Вайнштейн.

— Не знаю, — признался Середа, — не знаю... Или, может, воспользуемся случаем? Расскажем людям правду! Ну, не все же они ренегаты и дегенераты. И давайте, наверное, поделимся — я возьму на себя зоны СК, а вы поговорите... О! Начните с Высшей школы космонавтики! Вот кто нам нужен — звездолетчики! Только будьте, пожалуйста, убедительны.

— Да уж как-нибудь, — хмыкнул профессор.

— На связь выходить только по сверхсекретному каналу. Помните мой код?

Профессор кивнул.

— Не страшно?

Вайнштейн задумался.

— Страшновато немного, — сказал он. — Очень уж ответственна задача...

— А что делать? — вздохнул Середа.

Он покосился на окровавленное сиденье справа и сжал губы.

За курчавой зеленью парков поднимались стройные здания московских окраин. Тонкими синими вертикалями взмывали в небо тысячеэтажники, крапленые висячими садами, перекрещенные террасами и посадочными площадками. Эти невозможные здания рассекались по горизонтали потоками летательных аппаратов, и было видно, как прямо в воздухе загораются зеленые кольца телефоров, мигают красные световые столбы, вспыхивают голубые стрелки.

Машина промчалась тенистой аллеей и выехала на Калужский проспект, светлый и широкий. Края его и середина были засажены высокими соснами и полосами кустарника. На такой проспект спокойно бы сел стратолет, не дотянувшись консолями крыльев до легких многоэтажных домов, сверкавших зеркальными или прозрачными стенами. Движения на проспекте почти не было, если не считать москвичей, гулявших вдоль и поперек, валявшихся на травке под соснами, оккупировавших скамьи в тенечке. Отбившись от стаи, снизился глайдер, прошел с шелестом над кронами сосен и сел в центральном сквере. Из него выскочила девушка в чем-то вроде полупрозрачной комбинашки. Ветерок игриво задрал подол, открывая загорелые ягодицы, но девушка даже внимания не обратила на шалости ветра. Она помахала рукой, и глайдер взмыл в небо. Проводив взглядом красотку, независимо цокавшую каблучками по матово-серому, безукоризненно гладкому тротуару,

Середа сбросил скорость. Его вниманием завладели прохожие. Хм. Прелестное создание, выпрыгнувшее из глайдера, не слишком выделялось в толпе. Вот еще одна девица пересекает проспект. Не считая босоножек, на ней только трусики и золотой плащ-тога, брошенный на плечи. Красивая грудь вся открыта солнцу и нескромным взглядам. Впрочем, похоже, что вожделение испытывает один Середа, остальные будто и не замечают этого упругого качания... Дает себя знать «негативная формация»!

Вот целая компания молодцев в серебристых шортах. Босых, необычайно здоровых, веселых и переполненных энергией. А вон молоденькая воспитательница в подобии коротенькой белой туники вывела свою группу — вся малышня бежит босиком и голышом. Правда, не все гуляющие модно раздеты — мужики постарше наряжены в длинные брюки и мягкие куртки. Видать, посверкивать голой задницей — это привилегия юности.

— Хорошая у них тут мода! — прокомментировал увиденное Вайнштейн. — У нас, на Периферии, сплошной унисекс — комбезы да спецкостюмы...

— Что да, то да! — горячо поддержал его Середа.

— Пора расставаться с машиной, — забеспокоился Вайнштейн.

— Правильно, — согласился Виктор.

Углубившись в аллею Теплого Стана, оба «террориста» покинули машину.

— Ну, звоните, если что, — сказал Середа, пожимая руку Вайнштейну.

— Ладно! — улыбнулся профессор. — Удачи!

— И вам!

Проводив глазами Вайнштейна, удалявшегося по довольно широкой песчаной дорожке, Середа поправил бласт за поясом и свернул на утоптанную тропинку. Она повела его через дикие заросли кустарника с мягкими колючками, через густую высокую траву прямо к подъезду жилого дома. За прозрачной стеной был виден вестибюль и лестница эскалатора. Молодая мама в мини и блузке строго отчитывала девочку лет трех с игрушечным ведерком. Девочка была «без ничего», она рассеянно слушала родительские наставления и исследовала свой пуп.

«Мне не сюда», — подумал Середа. Девочка заметила дядю и радостно помахала ему ведерком. Середа помахал в ответ. Мамочка выпрямилась, оборотилась анфас и ослепительно улыбнулась. И было в этой улыбке и кокетство, и какая-то радость, и веселое спокойствие, и еще нечто такое, от чего у Середы в душе защемило. И взяло сомнение: разве это болото? Какое, однако, красивое болото... Чистое, доброе. Перевелись в этом обществе герои? Так это потому, что убавилось в мире страха и ненависти! Успокоились порывы души, улеглись страсти? А что вы хотите? Изобилие избавило людей от нищеты. Нечего стало делить, и ушло горе, остыли все «горячие точки», а танки остались лишь на пьедесталах. Наступила эра покоя, когда счастье для всех, причем бесплатно, и никто не остался обиженным! Новый Мир, Мир Справедливости, очень хороший мир.

Разве можно винить людей за то, что они просто живут, любят друг друга, растят детей? Ответ отрицательный...

Нет, тут не болото, скорее — солнечная полянка, где радостно визжат дети, а взрослые шепчут слова любви. И надо очень хорошо постараться, чтобы эта полянка не превратилась в радиоактивную воронку...

Середа выбрался на тихую улицу, больше похожую на лучевой просек Сокольнического парка. И сразу наткнулся на двери распределителя. Это кстати, надо бы переодеться.

Флагман зашел внутрь. Дворец Потребления...

Молочные параболические контрфорсы удерживали в наклоне дымчато-белые плоскости стен и открывали разноцветно освещенные проходы с пламенеющими в воздухе надписями: ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА, БЕЛЬЕ, ОБУВЬ, БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ, ДОСТАВКА НА ДОМ... В прозрачных колоннах бесновалась реклама. Девушка-нимфетка сладострастно близила к пухлым губкам нечто, схожее с блинчиком, а сверху вниз мерно плыли огненные буквы: ПОПРОБУЙТЕ АЛАПАЙЧИКИ — ЭТО ТАК ВОЗБУЖДАЕТ! Вокруг следующие колонны кружились в хороводе голографические меховые зайцы, коты, мишки. Толстощекий карапуз посреди рекламной тумбы сучил ногами, хлопал в ладоши и весь светился от радости. Сверкающие буквы: НАША ЛЮБОВЬ ВЗАИМНА!

Середа привлекло движение вверху. Он поднял голову и увидел прозрачный потолок, по которому шагали десятки ног и ножек. Было очень интересно заглядывать под юбки, но Виктор постарался сосредоточиться на деле. Необходимо выбрать прикид по здешней моде. Уж кому-кому, а ему выделяться не стоит. Первая заповедь разведчика — будь как все, слейся, растворись, стань незаметным! Знать бы еще, о чем эта мода пищит... Он не был на Земле больше года.

Середа решительно зашагал в отдел готового платья. Ему навстречу вышла роботесса в оболочке из зеркального металла. Ловушка для основного инстинкта — круглые бедра, полушария груди, тонкие черты ртутно-бликующего лица навевали сексуальные фантазии, а «хайтековский» дизайн заводил в тупик киберэротики.

— Чем могу помочь? — прошептала роботесса.

— Я хочу переодеться, — сказал Середа, оглядываясь, — неброско, но не слишком отставая от моды.

— Секундочку! — пропела роботесса и прошла к шкафам, изящно покачивая бедрами. Поглядывая на Середу, она быстро подобрала комплект и вернулась.

— Примерьте, пожалуйста!

Середа быстро скинул свой комбез и сапоги. Надел длинные брюки без единого шва. Влез в рубашку из микросетки, сверху накинул мягкую куртку с открытым воротом. Удобно, черт...

— Позвольте... — проворковала роботесса и опустилась перед ним на корточки.

Нежно сняв с Середы носки, она налепила ему на подошву какой-то белый блин и завернула в него ступню до щиколотки. Быстро обжала, прогладила, провела сверху сифончиком. Готово! Получилось что-то среднее арифметическое между ботинком и кроссовкой — легкое, удобное, мягкое. Середа опустил «обутую» ногу, поднял босую. Роботесса повторила операцию и поднялась.

— Нет ли других пожеланий? — спросила она волнующим грудным голосом.

— Нет, — буркнул Середа. И какой только маньяк запищал женскую суть под металл и пластик?! Тоже мне додумался...

Он переложил бластер в карман куртки и приказал:

— Старую одежду уничтожь.

— Выполняется... — промурлыкала роботесса. Она сгребла комбез с сапогами в охапку и сунула их в зев утилизатора. Утилизатор сыто заурчал.

Глянув напоследок сквозь прозрачный потолок, Середа покинул распределитель и двинулся по известному адресу.

Сливаясь с толпой, он выбрался на Суворовский. Старый сотовый дом на углу ничуть не изменился. А вон в том модуле живет его Варя... Или уже не его?

Взбежав по двигавшемуся эскалатору, Середа остановился у знакомой двери. Волнуясь, открыл незапертую створку и перешагнул порог.

— К вам пришли! — послышался музыкальный голос домашнего кибера.

В холл выглянула Варя. У нее были мокрые волосы, видимо, девушка принимала душ. Красивое лицо Кутейщиковой сначала выразило удивление, а после застыло в страхе.

— Ты?! — проронила она слабым голосом.

— Я, — ответил Виктор. — Здравствуй.

Он шагнул, протягивая руки, но Варя испуганно завизжала и отпрянула, запахивая короткий халатик.

— Не подходи! — крикнула она.

Середа, еще не веря, сделал второй шаг. Варя вытянула руки в отстраняющем жесте. Халатик распахнулся, открывая красивый плоский животик и тугие груди, но Виктор не замечал этих прелестей. Он смотрел в перепуганные глаза возлюбленной и не хотел понять и смириться с этим.

— Варенька! — отчаянно воззвал Середа. — Я это, я! Что с тобой?

— Тебя разыскивают! — выкрикнула Варя, отходя мелкими шажками.

— Ты боишься ПНОИ? — обрадовался флагман. — Боишься, что они найдут меня?

— Я боюсь тебя! Ты убийца! Ты убивал!

Виктора будто ударили. Он замер, чувствуя, как прокрадываются в душу холод и тоска.

— Варя!

— Уходи! — простонала девушка, опускаясь на колени.

Середа опустил протянутые руки.

— Да, я убивал чужих, — сказал он, — убивал себумов. Убивал врагов! Только ради того, чтобы такие, как ты, могли жить дальше и оставаться чистенькими! Если ты не понимаешь этого, то прощай!

Виктор резко развернулся и вышел вон.

— До свидания, — скачал ему домашний кибер, — приходите еще!

Приблизился вечер. Набегавшись по Москве, Середа устал. Ноги гудели.

Он поднимался по пандусам, переходил улицы по мостикам на высоте десятков этажей, сходил по спиральным спускам, ступал на биомеханические эскалаторы — они текли вверх и вниз, горбатясь ступеньками. Ближе к центру народу прибавилось, но Середа не позволял себе расслабиться — на каждом углу вертелись блестящие шары — локаторы-уловители общей сети наблюдения ПНОИ. Глобальной сети.

Прохожие не обращали на локаторы никакого внимания — шли, смеялись, разговаривали. Видимо, не числились в Отдельных Индивидах...

— Мила, ты де бу-шь седня?

— Не знаю еще! Рон в фантомат звал, на «Чашу отравы»...

— А, позырь, позырь! Спикают, кенный визон!

— Да я боюсь, опять вонять начнет! В прошлый раз мы на «Магов» ходили, там ведьму жгли... Смердело так, что меня стошнило! Лучше я посапаю...

— Ну ладно, расти!

И говорят вроде на русском, но Середа понимал с пятого на десятое — подросло новое племя. Младое, незнакомое.

Центр Москвы опять перестроили — в Китай-городе вздымались новые полупрозрачные объемы, запершие в себе великолепные пересечения света и глубины, чередовавшие аркады

и контрфорсы, лестницы, ведущие в никуда, и колоннады, восставшие из неожиданности. Середа не мог определить новый стиль, не мог постичь того, что уловили его глаза. Но впечатление внезапной прекрасной формы оставалось за глазами и грело.

Ярусом ниже Лубянки Середа вышел к полосам полидука и шагнул на медленную дорожку. Серая мягкая полоса ползла со скоростью неторопливого велосипедиста. Середа перепрыгнул на быструю ленту и поехал. Самодвижущийся полидук нырял под параболические арки, вплетался во многоуровневые развязки, пересекал межсекторные линии. По сторонам мелькали огненные цветные полосы, белые перроны, шеренги лифтовых шахт, подсвеченных голубым, колоннады, фонтаны, статуи. Ехал Середа не один, попутчики стояли парами и группками, держась за поручни, или сидели в креслах и читали с экранчиков-планшеток.

— Центральный уровень, — сообщил бесплотный голос. — Пересадка на Малое кольцо, прогон на Среднее.

Середа отыскал свободное место и сел. «Хватит, пожалуй, изучать Москву и москвичей, — подумал он. — Пусть их Воланды исследуют на предмет испорченности... Да и времени нет. Цейтнот».

Дорожка вдруг вырвалась с нижних ярусов на верхний и взлетела на гигантскую стальную дугу, поднятую выше старинных сталинских высоток. Небо на западе еще пылало, но огни мегаполиса горели ярче. Черные столбы тысячеэтажников обсыпались колючими искрами, улицы-сады, улицы-площади, улицы-стадионы, улицы-пляжи осветились, не понять, как. А потом громадный темный шар плавно взмыл откуда-то из Останкино, поднялся вровень с облаками и засветился красным. Вишневое каление перешло в алое, сменилось желтым, воссияло белым. И с каждым разом все больше дневного огня проливалось на стогны града. «Да будет свет!» — сказал дежурный администратор города, и бысть свет. Середа заслонился рукой от микросолнца и прослушал сообщение:

— Переход на Большое кольцо. Уровень надир. Прогон на Внешний круг.

Ну, будем считать, что приехали! Середа встал, попрыгал с быстрых транспортеров на медленные и соскочил на неподвижный тротуар. Огляделся, вертя головой. Медведково. Свечения микросолнца здесь не хватало, дома стояли, погруженные в сумерки. На той стороне улицы начинался Чермянский парк, за ним высоко поднимались белые усеченные пирамиды жилкомплекса «Бибирево». Слева отсвечивала световая надпись над дук-центром, в прозрачной трубе, освещенной изнутри, проносились полосы полидука, пустые или с парой пассажиров на сидячих местах. Труба пряталась за деревьями, и оранжевый свет четко оконтуривал ветви. «А не пора ли подкрепиться?» Эту здоровую мысль Середе внушил вид открытой веранды под ярким навесом, где стояли столики и откуда несло вкусными запахами. Амурные страдания оставим на десерт...

Он уже сделал шаг навстречу плотному ужину, когда вдруг за спиной его резко воскликнули:

— Середа!

Виктор резко подался в сторону, выхватывая бласт, и развернулся. У него на мушке оказалась девушка, с лица которой сходило радостное узнавание, уступая место испугу.

— Что вы делаете?! — пролепетала она. — Это же я, Дана!

Только теперь Середа узнал корреспондентку, которая первой обратилась к нему на космодроме.

— А, Ситтель... — проворчал он, опуская бластер.

— Вы так всех девушек встречаете? — робко пошутила Дана. — Во всеоружии?

— Жизнь такая... — усмехнулся Середа, но бласт не прятал. — Вы одна?

— Уже полгода! — пригорюнилась Дана, якобы не понимая вопроса, но выдавая сразу два ответа.

Середа подумал-подумал и сунул оружие за пояс — не тот Дана человек, чтобы привести за собой ребят из ПНОИ.

— Слушайте, — оживилась Ситтель, — у меня к вам столько вопросов! Утром я просто не успела — вы так быстро уехали...

— Мы не уехали, — буркнул Середа, — нас увезли.

— Как это — увезли? — не поверив, улыбнулась Дана.

— Да так вот! Врезали из суггестора и запихали в машину!

— Кто?! — выдохнула Дана, округляя глаза. — Себумы?!

Середа с сожалением глянул на девушку.

— Извините, Дана, — вздохнул он, — но вы тут все какие-то блаженные! При чем тут себумы? Да если бы вторглись жабы, мы бы с вами не беседовали! Не умеет болтать языком радиоактивный пепел! Нас с Вайнштейном схватили мальчишки из ПНОИ.

— ПНОИ?! — изумилась Дана. — А при чем здесь ПНОИ?

— Вы меня спрашиваете?

Ситтель похлопала ресницами, соображая.

— Пойдемте ко мне! — решительно заявила она и взяла Середу за руку.

— В принципе я направлялся во-он туда, — показал флагман на веранду. — Весь день не ел!

— Я вас накормлю! Пойдемте, пойдемте! Я тут недалеко живу! Рядом совсем!

Середа подумал и перестал сопротивляться.

«Недалеко» и «рядом» растянулись на километры, одолеть которые помогли полосы полидука. Привычно перепрыгивая с дорожки на дорожку, Середа, влекомый за руку, сошел у исполинского тысячеэтажника. Вблизи этот супернебоскреб смахивал на гору с круглым подножием — не сразу охватишь взглядом.

Середа задрал голову. Гигантское здание уходило в зенит, истончаясь и прокалывая облако, подсвеченное искусственным солнцем.

— И не страшно в таком жить? — проворчал Середа.

— Ни чуточки! — рассмеялась Дана.

Вместительная кабина лифта, в которой с удобством расположилась бы сборная по хоккею, подняла их на высоту двух километров и распустила двери лепестками. Дана, не выпуская руки своего гостя, потащила его в длиннющий туннель, сходящийся в точку перспективы.

Потом они вошли в прихожую модуля Даны.

За прозрачными стенами сияли огни Москвы.

— Располагайтесь! — радостно тараторила Дана. — Я сейчас!

Ушмыгнув в ванную, она запела что-то веселенькое под аккомпанемент душа и какого-то басистого гудения, а Середа со стоном рухнул в мягкие объятия дивана. Господи, как же он устал... Никогда, наверное, столько не ходил!

Он оглядел комнату, скорее уж зал. Как тут люди живут? Да ничего живут... Диван, стол замысловатой формы, ниши какие-то, пульта. Роскошная пальма растет прямо из пола и раскидывает перистые листья на фоне прозрачной стены. Пол черный, блестящий, но не

скользящий, теплый и мягкий. Стены идут волнами приятного кремового оттенка. Недурно...

Дверь ванной разошлась, и Дана торопливо процокала хрустальными босоножками. Ее мокрые волосы были обмотаны полотенцем на манер чалмы, и более ничего не прятало гибкое загорелое тело.

— Я совсем забыла ужин заказать! — щебетала Дана, подбегая к одному из пультов. — Надо было сразу, а я так спешила под душ... Первое будете?

— Буду, — проронил Середа с трудом. Он жадно разглядывал длинные точеные ножки и все остальное, чем природа щедро наделила Дану, и мысли о еде куда-то запропастились.

— Линия Доставки? — спросил он, сбрасывая куртку и мокасины.

— Ага... Мне ее весною провели.

Девушка набрала шифры и склонилась над маленьким автоматическим столиком, соблазнительно выгибая прекрасную попку. Тут уж терпение Виктора иссякло. Он встал и подошел к напевавшей Данае. Огладил руками ее узкую спину. Девушка выпрямилась, изумленно ахая.

— Что вы делаете?! — спросила она.

Середа не ответил, просто перевел ладони на груди Ситтель и затеребил пальцами соски. Те моментально отвердели.

— Середа... — слабо простонала Дана. — Вы не поняли... Я же просто принимала ванну... Я мылась... Я просто подумала, что вам будет приятно видеть меня без...

— Меня зовут Виктор, — перебил ее Середа, поглаживая Данае низ живота.

— Витя... — пролепетала девушка. — Витенька...

Она обернулась к Середе лицом, ее взгляд боролся со смежавшимися веками и проиграл.

Середа мигом стянул рубашку-майку, поднял Дану на руки, отнес на диван. Девушка на секундочку открыла глаза, чтобы взглянуть на обнаженного Середу и протянула к нему руки.

— Иди ко мне... — прошептала она. — Скорее...

Когда они наконец разжали объятия и Дана встала, расслабленно потянувшись, зеленая панелька над Окном Доставки горела вовсю, изредка деликатно попискивая.

— Ты меня всю зацеловал! — с улыбкой проговорила девушка. — Я вся потная, мне опять надо под душ!

— Уж кому надо, так это мне! — улыбнулся в ответ Середа. — Пленницам душ не полагается.

— Да что ты такое говоришь! — возмутилась Дана. — Ты чистенький! Ну, теперь-то мы вспомним об ужине?

— Вспомним! — бодро согласился Середа и добавил в порыве раскаяния: — Прости за кроманьонские повадки, ну... все ж таки я — «негативная формация»! А ты была такая красивая! Такая... слов нет!

Дана ласково улыбнулась, склонилась к нему, касаясь грудями, и поцеловала.

— Все было прекрасно! — прошептала она. — И я очень, очень рада, что не подумала о разнице отношений к... м-м... полностью открытому телу!

— А если бы к тебе в гости пришел не кто-нибудь такой дикий, как я? — поинтересовался Середа. — Неужто преодолел бы искушение?

— Преодолел бы?! — фыркнула Дана. — Да нормал и не увидел бы во мне женщины! Ну, вышла хозяйка после ванны, и что? Закажет ужин и пройдет в спальню переодеться...

Она вздохнула, из-за чего ее груди поднялись еще соблазнительней и сказала:

— А правда, какие мы стали... Вялые, благоденственные, высокоморальные... Знаешь, я столько раз в баню ходила — люблю попариться! А бани у нас теперь общие. И хоть бы у кого пошевелился! Как-то всё у нас спокойненько, без терзаний... Сошлись, разрядились и разошлись... А ты был — как взрыв! Как извержение вулкана!

Середа с удовольствием следил за Даной. Смотрел, как девушка двигается, как переступают длинные ноги, как крутится задик, и наслаждался. Воспоминание о Варе пришло и ушло, оставив лишь сожаление.

Дана вынула из ниши поднос и поставила на автоматический столик. Столик проковылял прямо к дивану.

— Угощайся! — сказала Ситтель и присела рядом с Виктором.

— А... это что? — осторожно спросил Середа, разглядывая тарелочки с красным желе, похожим на заливное из шариков от подшипника, с мотком чего-то наподобие колючей проволоки, только толстой и белой. А в стакане с густой синей жидкостью плавают серебристые пузыри величиной со сливу...

— Это зимовил с гарниром из протовега, — объяснила Дана. — Очень питательно! А это бонсы с плавленным озотом. В стакане — прум. Да ты ешь, ешь!

— Я понимаю, — пожал Виктор плечами, — мода на одежду. Но мода на еду?..

Блюда Середе не напомнили ничего привычного. Однако вкусно!

— Объясни мне одну вещь, — сказала Дана, отпивая прум. — Зачем ты прилетел на Землю?

— Я не прилетел, меня подкараулили эти поганцы пацы и доставили сюда. Видимо, они в паре с ПНОИ работают...

— Но зачем?!

— Да откуда я знаю? Может, решили таким способом обезглавить Доброфлот? Им этот «фактор временной нестабильности» — как заноза в заднице! А я, когда освободился от «чернецов»...

— А кто такие «чернецы»?

— Это так у нас, у «отдельных индивидов», пронизывают ребятишек из ПНОИ.

— Почему ты все время упираешься на собственную негативность? Можно подумать, это особое достоинство!

— А чем же мне еще хвалиться? Столько сил вложено, столько средств вбухано, чтобы выскрести дно общества и убрать человеческие отбросы в зоны СК! Поневоле загордишься своей мерзопакостной исключительностью!

— Перестань! — вскрикнула Дана, закусывая губку.

— Не сердись, — мягко произнес Середа. — Не ты устроила все это. И в чем-то эти устроители правы... Нельзя, чтобы всем было хорошо! За все надо платить, и пусть уж лучше меньшинство расплачивается за большинство, чем наоборот! А где можно найти этих ваших изгоев?

— Ну почему изгоев?! — закричала Дана. — Почему ты сразу доводишь до абсурда?!

— Да не довожу я ни до чего! Я просто хочу понять, как мы дошли до жизни такой!

— А чем тебе не нравится наша жизнь?! — запальчиво спросила девушка. В гневе она стала еще красивей. — Что тебя не устраивает?!

— Лично меня все устраивает! — отрезал Середа. — Я только поражаюсь, почему вас, блаженных нормалов, устраивает вся эта духовная импотенция! Почему вы погрязли в мещанстве! Все, до единого! По уши!

— Мы не мещане! — разъярилась Дана.

— Нет, мещане! — гаркнул Середа. — Сытенькие, довольненькие мещанчики! Вы разучились мыслить! Ваши духовные потребности убоги, и недаром наука у вас в полном упадке! Зато уж матблага загребаете по полной! Читал я ваш девиз! Огромными светящимися буквами его начертали, где-то у Большого кольца — «Стабильность и благополучие!» Какая, к черту, стабильность?! Стабильный застой? Стабильная духовная нищета? А благополучие для кого? Для всех? Ну, уж, черта с два! Лишь для нормальных! Для тех, кто послушно идет в стаде! А норовистых и бодливых — в спецкарантин! И только мещане с их трусливой и подленькой моралью могли согласиться на такое! Смириться с таким!

Дана, хотела ответить, но вдруг ее лицо искривилось, и она разрыдалась.

Середа хмуро смотрел в сторону. Не выдержал и притянул девушку к себе. Она попыталась вырваться, да куда там... Виктор гладил ее по спине и нес всякую ласковую чушь. Дана, постепенно успокоилась и затихла.

— И вовсе эти люди не изгой... — проговорила она, судорожно вздохнув. — Просто у них индекс социальной значимости ниже... А где их найти... Они частенько выбирают работу на системах предприятий ПО, то есть повышенной опасности...

— Так уж и выбирают? — усмехнулся Середа.

— Ну, я не знаю... — увяла Дана. — Слышала просто, что людям с низким индексом социальной значимости легче устроиться куда-нибудь на Полярный комбинат или на Серую Фабрику...

— Чудненько... Туда-то я и отправлюсь!

— И меня возьмешь! — подскочила Дана и взмолилась: — Ну пожалуйста!

— А как схватят? — ухмыльнулся Середа. — Сгноят еще в застенках ПНОИ!

— Замучатся гноить! — фыркнула Дана.

Сытый и довольный, Середа отвалился на спинку дивана. Сейчас у него передышка. Перед боем.

— Слушай, — спросил он, — давно хотел спросить... А почему тогда, на космодроме, нас не встречал ван Вейден? Я уж думал, явится поглазеть!

— А он редко куда выходит. Сильно изменился Рогир...

— Мне даже рассказывали, — закинул Середа крючок, — что года два назад он сам готовился к войне, корабли строил, крейсера всякие...

— Да, — задумалась Дана, — что-то такое было... А потом все позаконсервировали, позакрывали, приостановили... Знаешь, когда это началось? Я вспомнила! Рогир полетел с визитом на Теллус — это наша молодая Периферия, а когда вернулся, поменял курс на сто восемьдесят. Минуточку, я сейчас справлюсь в информарии...

Девушка вскочила и подошла к одной из ниш, набрала с терминала запрос.

— На Теллус от нашей сети Курт летал, — говорила она, — готовил потом большой материал... Сейчас я его найду... Что еще такое? — удивилась она.

— Что? — поднялся Середа.

На экране светилась надпись: «ИНФОРМАЦИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ. ПРЕДЪЯВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВАШ ДОПУСК».

— А я кто?! — возмутилась Дана. — Не специалист уже?!

Она снова набрала шифр. «ИНФОРМАЦИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ, объявила заставка, — ПРЕДЪЯВИТЕ ВАШ ДОПУСК».

— Ничего не понимаю! — растерялась Дана. Пятясь, она вернулась на диван к Виктору.

— Даночка, — тихо сказал Середа, — кому-то очень невыгодно открывать информацию по Теллусу. Даже специалистам.

— Какие они странные, до ужаса странные... — пробормотала, Дана и передернула плечиками. Жалобно произнесла: — Жила, жила себе в тепле, и вдруг задули отовсюду сквозняки, сыростью потянуло... Бр-р-р! Знаешь, что... Давай завтра с утра съездим к Курту! И все у него выпросим! Давай?

— Давай... — с сомнением проронил Середа. Он не слишком надеялся застать этого Курта на месте. Да и жив ли спецкор МС на Теллусе? Но говорить этого Дана не стал, и так уже наговорил больше, чем нужно.

— Будем спать? — игриво поинтересовалась Дана.

— Чуть позже! — ответил, Середа и раздвинул девушке ноги.

Высшая Школа Космогации занимала целый комплекс зданий, соединенных прозрачными галереями-переходниками. У главного входа возвышался памятник Гагарину, в обширном внутреннем дворе устремлялся в небо «Восток», а рядом замер «Буран», нос к носу с младшим братиком «Клипером».

Вайнштейн благоговейно потрогал шершавый титан реакторного кольца первого в мире фотонного планетоида «Хиуса» и заглянул под высокий свод отражателя. Зеркальный слой отразил его лицо, расплющив и растянув черты.

— Пойдемте, Олег Иваныч! — крикнул Борщев, староста второго курса. — Все уже собрались! Ждут!

— Пойдем, пойдем! — заторопился Вайнштейн.

Улыбчивая девушка с факультета Дистанционного Управления, затянутая в белый халатик, пристроилась рядом.

— А что женщины носят у вас на Периферии? — поинтересовалась она.

— Сплошные комбинезоны, — улыбнулся Олег Иванович. — Простите, как вас...

— Это вы простите, — смутилась девушка, — я не представилась! Меня зовут Клодина Вандаль, но для вас просто Диди!

— Очень приятно, мадемуазель! — галантно поклонился Вайнштейн. — Давненько я не видел рядом молодой и красивой девушки!

— А где вы такую видите? — кокетливо удивилась Клод. — Неужто имеете в виду меня?!

— Ужто, ужто! — засмеялся Вайнштейн, чувствуя, как годы валятся с расправляемых плеч, как легче и приятней дышится рядом с этим стройным, миловидным существом. — Знаете, что первым бросилось в глаза на улицах? Женские прелести! Раньше на платьях тоже делали разрезы, но не до пояса! А прозрачные платья? Это считалось неприличным...

— Что же в этом неприличного? — изумилась Клод.

— Ну, должно быть, это было связано с религиозными пережитками.

— Но я, же не хожу голой! — возмутилась Клод. — У меня тоже есть прозрачное платье.

— Диди, вы прелесть! — улыбнулся Вайнштейн. — Я не был на Земле долгих сорок лет. И прошу простить меня.

— Вот девчонки! — неодобрительно покачал головой староста. — Одними нарядами голова забита!

— А вот и не одними! — показала ему язык Клод. — Между прочим, у меня восемь баллов по астронавигации, а кое-кто и шести не набрал!

Борщев насупился.

— Не ссорьтесь, — сказал Вайнштейн. Клод чопорно кивнула Борщеву, взяла профессора под ручку и с независимым видом зацокала каблучками.

Староста провел Олега Ивановича в просторную аудиторию — амфитеатром возносились ряды скамей и столов-пультов, за лекторской трибуной на подиуме распахивался огромный экран. Ряды были плотно забиты курсантами со всех факультетов — командирского и штурманского, инженерного и станционного, космодромного обеспечения и дистанционного управления. Весь первый ряд был занят преподавателями-звездолетчиками, старыми космическими волками. Многие парни в форме с погончиками стояли в проходах, стайка девушек теснилась у огромного окна, поближе к трибуне.

— Без меня не уходите! — строго сказала Клод. — Хорошо?

— Хорошо, — согласился Вайнштейн, и девушка ускочила к подружкам.

Борщев провел профессора на трибуну и громко оповестил собравшихся:

— Сегодня у нас в гостях сам Вайнштейн, Олег Иванович!

Староста первым захлопал в ладоши, и вся аудитория, включая ветеранов, подхватила этот старинный жест одобрения. Переждав шквал аплодисментов, Вайнштейн сказал:

— Не в доброе время мы встречаемся, друзья, но что же делать? Идет война, она все ближе и ближе к Земле, зримо нарастает прямая и явная угроза... Я не знаю, как донести до вас мои тревоги, мои опасения. Пожалуй, я просто расскажу о том, что с нами приключилось...

Вайнштейн сжато, но точно описал злоключения, выпавшие на его долю вплоть до встречи с экипажем «Доннара», а потом Борщев помог ему вставить кристалл в транслятор, и экран за спиной профессора расцвел красками любительских съемок Гумм-на-Взата. Захват крейсера (старые волки одобрительно крякают). Страшные экспонаты себумских «коллекционеров» (девушки бледнеют, парни сжимают кулаки). Спасение базы на Алте. Бой с флотом прикрытия. Битва с мегадестроерами.

Совсем немного времени демонстрировалась кристаллозапись, но для курсантов и преподавателей она стала ужасным открытием.

— Мне нечего добавить к увиденному вами, — строго проговорил Вайнштейн. — Земле грозит страшная опасность, и наш долг — встать в строй ее защитников! Вы уж простите за высокий штиль — «долг», «строй»... Просто... Мы не герои и на подвиги не рвемся. Мы — живые люди и боимся смерти, но что, же делать?! Себумы не оставили нам выбора — или мы победим их, или они истребят нас! Всех, до единого! Какой уж тут выбор... Вот мы с Виктором Середой и бросились бить в колокола, поднимать человечество! Признаюсь честно — я почти не верю, что у нас это получится, но хоть совесть будет чиста. Я сделал все, что мог, и врага я встречу на передовой, лицом к лицу или что там, у себумов вместо лиц... Я не боец, и толку от меня будет мало, но я буду стараться. А вот вам, друзья мои, прямая дорога в Доброфлот! У нас мало военных кораблей, а пилотов еще меньше! Некому занимать боевые посты! А теперь решайте...

Курсанты молчали. Потом поднялся седой звездолетчик с серыми пятнами ожогов на лице и забасил:

— А чего тут решать? — он обернулся, оглядел аудиторию и сказал: — Все выходим! Кто домой — привет родным! Кто на войну — собираемся в спортзале штурманского факультета!

Курсанты оживились, задвигались, повалили в коридор. Вдруг оттуда донесся крик:

— Тут ПНОИ! Мы их задержим!

За дверью заблестали голубые вспышки парализаторов, крики умножились, поднявшись на пару октав. Клод подскочила к растерянному Вайнштейну, ухватила его за руку и потащила за собой в подсобку.

— Бегите! — крикнул седой. — Мы вас прикроем!

Задвинув двери, Клод метнулась к окну и подняла раму.

— За мной! — проронила она, спустилась на широкий карниз и пошла боком к навесу над запасным выходом. Олег Иванович поспешил повторить ее путь. Соскочив на гудящий навес, он подбежал к краю и прыгнул вниз, на траву газона. Земля ударила весьма ощутимо, напоминая — восьмой десяток пошел!

— Скорей! — крикнула Клод и побежала к арке, в тени которой поблескивал глайдер, похожий на гладкую, обкатанную гальку. — Садитесь!

Вайнштейн молча сел. Клод плюхнулась на место водителя и включила двигатель. Глайдер скользнул над землей, поднимаясь вверх и одновременно разворачиваясь. Краем глаза Олег Иванович углядел горбатую черную машину ПНОИ, толпу курсантов, сцепившихся с «чернецами», — люди падали, поднимались, отходили и снова бросались в драку.

— И куда мы? — поинтересовался профессор.

— В степь! — сказала Клод. — Мой брат работает дежурным пастухом на ферме! Спрячемся пока у него!

Глайдер пулей летел над лесами и перелесками, речки так и мелькали под ним, а поселки и города проплывали вдали. Вскоре внизу потянулась степь. Иногда ковыльные волны сменялись громадными зелеными квадратами пастбищ.

Тонкой рисккой на горизонте показалась наблюдательная башня скотоводов.

— Прилетели! — сказала Клод. — Здесь мой братик работает!

Глайдер быстро одолел последние километры, облетел рабочее место «братика» крутом и опустился под пластмассовый навес.

Клод открыла дверцу лифта, подождала Вайнштейна и нажала кнопку. Кабина скользнула по штанге на жилой этаж и остановилась.

— Жан-Поль! — крикнула Клод, покидая лифт. — Жа-ан!

Она быстренько обежала, все комнаты и вернулась.

— Он наверху, наверное!

И по винтовой лестнице забралась еще выше, в круглую комнату с прозрачными стенами. Вдоль стены-окна тянулись пульта, а сам Жан-Поль стоял снаружи, на кольцевой площадке, окаймлявшей комнату.

— Ага, — удовлетворенно воскликнула Клод, — вот ты где!

Жан-Поль живо обернулся и помахал Клод рукой.

— Привет, Клоди! — заорал он. — Как это ты решила меня навестить?

— Сама удивляюсь! — сказала Клод. — Знакомься: Олег Иванович!

— Здравствуйте! — расплылся в улыбке Жан-Поль.

— Сразу видно — деревня, — вздохнула Клод. — Это же сам Вайнштейн!

— Не обращайтесь внимания на мою сестричку, — улыбнулся Жан-Поль, — она из тех, кто шутит всерьез! Я вас сразу узнал, видел передачу с космодрома. Сейчас в прямом эфире такие ураганы... Вся Планета гудит! Люди выходят на улицы, кое-где даже комитеты создают, в ополчение записываются!

— Это хорошо! — обрадовался Вайнштейн. — Расшевелили-таки!

Он вышел на кольцевую площадку и выбрал полные лёгкие сухого, терпкого воздуха степи, пропахшего сеном и полынью. И немножко навозом — куда ж тут денешься... Специфика!

Далеко за горизонтом поднимались в небо серо-белые силуэты гигантских зданий, ажурных и легких — целая гряда этих призрачных форм охватывала степь с запада.

В паре километров к югу степь расчерчивали зеленые концентрические кольца дойных лабиринтов. Стадо как раз брело на вечернюю дойку, подгоняемое шустрыми киберпастухами, плоскими гусеничными роботами, заляпанными навозом и грязью. Серебристая сигара дирижабля высасывала через «соломинку» причальной мачты молоко из подземных холодильников.

— Крестьянствуем, — сказал Жан-Поль за его спиной.

— Хорошо тут у вас, — признался Вайнштейн, — тихо.

— В звездной войне тихих мест нет, — проговорил Жан-Поль.

Вайнштейн удивленно обернулся к нему.

— Я уже подал заявление Серее, — спокойно пояснил Жан-Поль. — Через БВИ^[7].

— Ой, какой ты молодец! — сказала Клод и кинулась обнимать брата.

— Ну, не отсиживаться же! — чуточку побравировал тот. — Ладно, хватит о страшном на ночь! Ступайте вниз, умывайтесь, а я пока соображу чего-нибудь на ужин. Да, кстати, профессор, вы бы вызвали Серее сюда, к нам! А то мотается один, не понять где. Попадется еще...

— Пожалуй, вы правы!

Профессор достал коммуникатор, четко произнес координаты и послал их в экстренном импульсе по сверхсекретному каналу.

Вечером, постанывая от удовольствия, Вайнштейн окунулся в кипень чистых, прохладных простыней, раскинул руки и ноги. В стену-окно пялилась Луна, по внешней акустике доносился шум ветра, сонное мычание да крики птиц. Хорошо!

С тихим шорохом в стену уползла дверь, и порог переступила Клод. Лунный свет красиво высветил каждую ложбинку на ее теле. Первым движением профессора была попытка прикрыться, но он таки переборол себя.

Клод прошлепала босыми ногами и легла к нему, прижалась.

— Диди... — прошептал профессор.

— Что?

— Мне восемьдесят скоро... За что мне такой подарок?

— За что? — Клод поцеловала его. — За все! Вы — бойцы! Воины! Образец мужественности! Титаны! Витязи! Секс-символы!

— Вы преувеличиваете наши достоинства...

Клод глянула.

— Да нет, — улыбнулась она, — нисколечко!

— Ох, Диди...

Вайнштейн обнял «подарок» и погладил девушку по спине.

— Сколько, по-вашему, мне лет? — спросила Клод, устраивая голову у него на плече.

— Ну-у... — задумался Олег Иванович. — Лет двадцать... Больше? Ну, двадцать три...

— Через месяц мне стукнет пятьдесят семь!

— Не может быть!

— А что такого? Ну? — Клод уселась на Вайнштейна верхом и грозно спросила: —

Совесть ваша очистилась?

— Вполне! — ответил Олег Иванович, почувствовав себя куда свободней.

— И мы можем прелюбодействовать?

Вместо ответа профессор опрокинул завизжавшую Клод на постель и стал жадно целовать. Себумы там, не себумы, но маленькое человеческое счастье он заслужил...

2

Середа проснулся часа в три ночи. Его разбудили разноцветные сполохи, дотянувшиеся в спальню из холла. Сполохи ритмично возгорались и гасли, перебегая с пола на потолок. Потом к автокровати подошел домашний кибер и тихо сказал:

— К вам пришли!

— Так... — тяжело проронил Середа. — И много... хм... посетителей?

— Четверо мужчин. Они представились работниками ПНОИ.

— Они вооружены?

— Не имею информации, — честно ответил робот. — Имею косвенные данные о наличии у пришедших мощных и компактных источников энергии. Вероятно, батарей к бластерам или скорчерам.

— Дверь выдержит?

— Входная дверь выдержит воздействие лучевого оружия в течение тридцати секунд.

Середа погладил безмятежно спящую Дану по голове, отвел прядку с ее уха и прошептал:

— Даночка, вставай...

Дана, вздохнула и сонно пробормотала:

— Уже утро?

— Вставай, девочка, за нами пришли!

— Кто? — удивилась девочка.

— Тсс! ПНОИ. Четверо стоят у двери и звонят.

— Что делают?

— Сообщают о своем приходе! — нетерпеливо пояснил Середа. — Быстро встаем и тихо одеваемся! Найди себе что-нибудь походное!

Дана протерла глаза, встала, потянулась и на цыпочках, ломающимся шагом прошла к шкафу. В дверь застучали кулаками, пару раз ударили ногой.

— Быстрее! Тут черный ход есть?

— Нету! — ответила Дана, лихорадочно натягивая короткие широкие штаны и цепляя пальцами ног легкие туфельки, больше похожие на тапочки.

— Вот гадство... — ругнулся Виктор. — Придется прорываться... Плохо.

Он достал верный бласт и передернул регулятор на импульсный режим. Дана с ужасом и восторгом посмотрела на него, и тут ее осенило.

— Дегравитаторы! — сказала она громким шепотом. — Они тут каждому модулю полагаются! Вдруг пожар или что...

Дана пробежала к еле заметной дверце на стыке двух стен — прозрачной и не очень, и

открыла ее.

— Заходи скорее! — сказала она.

Серета зашел, и в ту же секунду из холла докатилось пронзительное шипение — «гости» взламывали дверь. Дана поспешно открыла прозрачный шкафчик и достала два широких увесистых пояса — словно десяток печатных книг скрепили ремнем. Серета надел свой и застегнул. Потом оба нацепили кислородные маски.

— И что теперь?

Дана сдернула пломбу с пряжки и показала на кнопку.

— Давим! — скомандовала она.

Виктор надавил и тут же испытал удивительное ощущение — вес покидал его тело. Он оттолкнулся пальцами ног и на целую секунду завис в воздухе.

— Ну, будем прыгать! — выдохнула Дана.

Девушка раскрыла люк наружу, давление сравнялось, и крышка уползла в стену. Из квартиры донеслись громкие голоса.

— Ой, мамочки! Боюсь! — пискнула Дана и стала падать в двухкилометровую пропасть. Серета шагнул следом. Падалось медленно, тяжело, выматывающе. Рядом проплывал громадный «ствол» тысячеэтажника, мелькали подсвеченные стаканы лифтовых шахт и посадочные площадки, приросшие, как грибы-тутовики.

— Осторожно! — крикнула Дана.

Серета глянул вниз. Оттуда наплывала горизонтальная галерея с подвешенными модулями.

— Отталкивайся от стены!

Виктор сгруппировался и резко оттолкнулся. Отлетел метров на десять в сторону, где его поймала Дана.

— Держи меня за руку! Держишь?

Серета нащупал ее ладошку и крепко сжал. И впервые осмотрелся. Город не спал. Полосами света тянулись проспекты, сливаясь, расходясь и перекрещиваясь. Многие дома были обсыпаны многоточиями и пунктирами освещенных окон, гигантские дуги фривеев, прокинутые по-над кварталами, гнули на себе строчки фонарей, по ним стекали высверки фар и стоп-сигналов.

И никому в этом огромном городе не было дела до двух людей, летящих вниз в объятиях дегравитаторов. Город был сам по себе.

Серета глянул под ноги. Снизу наплывал колоссальный выступ. Протянутый на триста метров вбок, он был тускло освещен цепочкой рубиновых навигационных огней.

— Отталкиваемся! Раз, два... три!

Описав пологую дугу, Виктор и Дана приземлились в кольцевом парке, замыкавшем зеленую окружность вокруг тысячеэтажника.

— Не выключай! — шепнула Дана. — Так легче упрыгать! И... раз!

Толчковые ноги распрямились, и Виктор с Даной черными тенями перелетели шелестящую дубраву.

— И... раз!

Второй прыжок был неудачен — Серета запутался в кроне высокой сосны. Кое-как отцепившись от колючих веток, парочка приземлилась на траву, усыпанную хвоей, и тут же взмыла вверх.

— Крыша!

Спереди-снизу наехала плоская полупрозрачная крыша, на которой почивали три глайдера.

— Прыгаем дальше? — спросила захваченная процессом Дана.

— Глайдер водить умеешь? — ответил вопросом Середа.

— Ага!

— Садись и заводи!

Дана тронула прозрачный верх ближайшей машины, в нем протаяло изрядное отверстие. Девушка запрыгнула на место водителя и включила двигатель. Борт глайдера мелко запульсировал.

— Садись! — сказала Дана.

— А куда летим? — спросил Виктор.

— К Курту!

Середа сел рядом с девушкой, и глайдер свечкой ушел в небо. Со свистящим шелестом потянул на запад.

— Курт живет на окраине! — объяснила Дана. — В Одинцове! — она глубоко вздохнула и добавила: — Первый раз я угнала чужую машину...

— Надо же когда-то начинать... — утешил ее Середа.

Дана прыснула, и оба захохотали.

Начало светать, когда глайдер спланировал на широкую песчаную дорожку между двумя рядами коттеджей. Если бы не черные тени небоскребов на востоке, можно было бы подумать, что они очутились на деревенской улочке.

— Я все понимаю, — сказала Дана, откидываясь на спинку сиденья, — кроме одного: почему они вообще пришли? Эти, из ПНОИ?

— Может, это кто другой был? — усомнился Середа.

— Нет-нет, — потрясла головой Дана, — внизу машина стояла, черный фургон! Я видела! Но почему они вломились?!

— А что тут непонятного? — пожал плечами Середа. — Они сопоставили три факта и сделали верный вывод. Ты два раза — два! — вызывала информаторий по закрытой теме! Это во-первых. Во-вторых, ты заказала ужин на двоих. В-третьих, ты первая из землежителей, кто вошел со мной в контакт.

— Ты имеешь в виду — на диване, вчера вечером? — невинным тоном поинтересовалась Дана. — Оба раза?

— Я имею в виду вчера утром, — насупился Середа, — на космодроме!

Дана хихикнула.

— Ладно, — буркнул флагман Доброфлота. — Пошли будить Курта. Хватит ему дрыхнуть.

— Пошли!

Они пробрались во двор одноэтажного коттеджа, плоскую крышу которого затеняли высокие, кряжистые вязы, и постучали. В доме стыла тишина, и Середа уж решил, что в коттедже никого нет, но тут за огромным окном вспыхнул свет, прошаркали шаги, и хриплый голос спросил с великим подозрением:

— Кто там?

— Это я, Дана! — прошептала Ситтель. — Открой, Курт!

Дверь ушла в стену, и Середа увидел невысокого, плотного мужчину лет сорока. Его блондинистые кудри были изрядно прорежены временем, а в синих глазах застоялся страх.

— Дана? — просипел Курт и прочистил горло. — А это кто?!

— Ты что, новости уже не смотришь? Это же Середа! Флагман Доброфлота!

— Вот оно что... — протянул Курт и дернулся, прикладывая палец к губам. — Тихо!

— Да что с тобой, Курт?! — изумилась Дана.

— Вы не ПНОИ ждете? — спросил Середа.

Курт сильно вздрогнул.

— Откуда вы знаете?! — ощерился он.

— Они за нами пришли час назад, — спокойно объяснил Виктор. — Вы нас впусстите или как?

— Лучше нам всем уйти! — выдохнул Курт. — У меня тут глайдер...

— Мы на машине! — перебила его Дана. — Пошли с нами!

— А? Хорошо... Я мигом!

Курт скрылся за дверью и вскоре вернулся, одетый, обутый и умытый.

— Пошли! — сказал он и заторопился на улицу. — Вы уж извините, что не пригласил в дом, но... Понимаете... — Курт мучительно искал слова. — Короче говоря, они установили за мной скрытое ментоскопическое наблюдение!

— Не может быть! — ахнула Дана.

— Может... — уныло покивал Курт. — Сам обнаружил. Ментоскоп они на крышу присобачили, под панельку энергоприемника, а выносы протянули в столовую, в спальню и даже в туалетный блок!

— Страшно было? — сказала Дана с сочувствием.

— Не так страшно, как унижительно! — пробурчал Курт. — Меня просто корчило! Раньше подглядывали, подслушивали, но хоть мысли человек мог спрятать! А теперь я весь открыт — читай меня! Качай с меня! Чокнуться можно!

— Они здесь! — крикнула Дана и показала в конец улицы.

Там разворачивался черный каплевидный фургон, похожий на ту машину-гравилет, которую вчерашним утром угнал Середа, только побольше размерами и с округлым горбом наверху. Гравилет развернулся и помчался на троицу, скользя над песчаной дорожкой в зловещей тишине, только блики скользили по гладкому кузову.

— Сматываемся! — крикнул Середа. — Дана, за руль! Курт, прыгай!

Запрыгнув сам, он зарастил колпак. Глайдер взял с места со скоростью отфутболенного мяча.

— Куда?! — отрывисто спросила Дана. — За город?

— В город! И держись пониже!

Глайдер заскользил над улицей, гоня перед собой упругую воздушную волну, вздувавшую занавески в открытых окнах и разворачивавшую листья деревьев обратной стороной.

Здания резко выросли, то разбегаясь по лугам, то кучкуясь. Промелькнула старая МКАД, и Середа крикнул:

— Давай под землю! Вон выход полидука!

— Так нельзя же!

— Давай, сказал!

Таращась от ужаса, Дана вогнала глайдер в подземный туннель. Полосы самодвижущихся дорожек, арки, перроны, световые надписи — все промелькивало в каких-то метрах, и слева, и справа, и снизу, и сверху.

— И куда?! — крикнула девушка.

— До Антонова — мне Вайнштейн координаты скинул! Это где-то в степи!

— В Заволжье! На глайдере долго!

— А на пассажирский стратолет нас никто не пустит! — подхватил Курт.

— А на грузовой? — спросил Середа.

— Кто же летает на грузовых? — удивился Курт.

— Я летаю! — отрезал Виктор. — Где тут ближайший стратотерминал?

Малость ошеломленный Курт задумался и выдал:

— В Тушино! Дана, здесь лучше вылететь наружу и обойти центр по Бульварам!

— Я поняла!

Глайдер вынырнул и понесся над тихим Бульварным кольцом, пугая трудолюбивых кибердворников.

— А из-за чего тебя так прессует ПНОИ? — поинтересовался Середа. — Из-за той истории на Теллусе?

— Так вы знаете?! — округлил глаза Курт.

— Ничего я не знаю! — сказал Середа с досадой. — Догадок тьма, а версии — ни единой!

— Я ныряю! — сообщила Дана, и глайдер влетел в зев туннеля. Опять замелькали кабели, светопанели, ниши, колонны, контрфорсы.

— Сейчас Тушино!

Глайдер рванул вверх сквозь четыре яруса подряд, описал дугу и помчал к посадочным площадкам Тушинского аэродрома, где пластались транспортные стратолеты, похожие на плоские сердечки с парой острых килей. Один из транспортников медленно поднимался, два других неспешно загружались, откинув аппарели.

Дана подвела глайдер к транспортнику, на борту которого было выведено крупными буквами: «ЦАС», а ниже помельче: «Центральная аварийная служба». На суставе выпущенной опоры сидел пилот и попивал кофе из прозрачного термоса.

— Куда летит этот борт? — спросил Середа.

— В Сидней, — ответил пилот, изрядно отхлебнув.

— А вы нас по дороге не ссадите? — сладко улыбнулась Дана.

— Нашей группе, — вдохновенно врал Середа, — надо срочно перебросить глайдер! Тормознете в Антонове?

— Ну, если срочно... — протянул пилот и допил свой кофе. — Тормознем! Чего ж не тормознуть... Грузите!

Победно воссияв, Дана скакнула к глайдеру, подняла его и медленно завела в грузовой отсек, где можно было спокойно сыграть в баскетбол.

— Гравизахват не забудьте! — крикнул пилот.

— Когда стартуем? — спросил Середа.

— Да сейчас уже!

Откиннутая аппарель медленно пошла вверх, смыкая створ. Курт умело задействовал гравизахваты, укрепив глайдер на рубчатом полу.

— Ну, пока всё, — сказал Середа. — Давай, Курт, колись, что там у тебя на Теллусе приключилось? Кстати, меня Виктором зовут.

— Курт. Курт Зегерс.

Пол мелко завибрировал и качнулся. Середа ухватился за какой-то тюк,

принайтованный у борта, и присел. Дана села рядышком, а Курт пристроился напротив.

— Все началось с того, — повел он свой рассказ, — что меня послали в командировку, освещать визит ван Вейдена на Теллус. Колония была совсем молодая, постоянно там проживало человек четыреста, но не в том дело. Просто Теллус был первой колонией, основанной в этом веке. Событие!

Теллус — планета в основном степная. Океана на ней нет, только внутренние моря. По экватору пустыни тянутся, по побережью лески небольшие, с претензией на джунгли. А дальше саванны, прерии... Дикое Поле. Базу ставили у Большой реки, там повсюду влажно. Трава вырастает под десять метров! И дичи много... А Рогир — заядлый охотник. На Земле то охота запрещена, а на Периферии еще можно. Ну и вот... Пока все слетались, пока все церемонии с формальностями соблюдались, директор базы повел Рогира на охоту. На шипокрыла. Это такая тварь размером с корову, с зубастой пастью и крючьями по кромке перепончатых крыл. Я уж не говорю о когтях... Каждый с мой палец, и острые, как бритва!

Зегерс смолк.

— Ну и что там дальше было? — подбодрил его Середа. — Драма на охоте?

— Именно, — помрачнел Курт. — Председатель был очень рад предстоящему сафари. Когда меня увидел, пригласил. Сказал, чтобы я осветил его охоту... Выделили нам пару вездеходов, и поехали мы охотиться... Помню, сижу я на броне танка-транспортера, трава еще метров на пять вверх задирается, трещит под гусеницами, хрустит мокро... И вдруг из зарослей вылетает шипокрыл! Кошмарная тварь! Зубы в три ряда, как шилья, и на оскале! Когти враспырку, шипы на крыльях воздух ковыряют! Ну, думаю, всё — отписался я! И тут — ба-бах! Рогир из люка палит! Шипокрылу левое крыло оторвало, он грохнулся на броню... Шипит, зараза, кровью и ядом брызжет! Рогир выскочил и ножом его, ножом!

Курт смолк, заново переживая давнее приключение.

— Потом они все пошли гнездовья искать, а я остался. Мне и одного шипокрыла хватило за глаза... Ну, надоело сидеть, пошел размяться. Трава там пониже была — мне по грудь. И вроде уже не так страшно. Гулял я, гулял, пока не набрел на охотничий лагерь. Что-то там варилось такое в котелке, и никого рядом, только разговаривает кто-то вдалеке. Я и пошел на голоса... Иду я, иду и вдруг вижу — человек лежит на траве. Сначала я подумал — отдыхать прилег, там как раз деревца местные росли — безлистные, как саксаул, но с таким ворохом тонких, свернувшихся, как пружины, веточек, что тень была плотной. Подхожу я ближе, а на груди у лежащего кровь! Много крови! Вся грудь красная с черным! И только тогда я узнал его. Это был ван Вейден, и он был мертв.

— Этого не может быть! — пробормотала потрясенная Дана.

— Я и сам так подумал! — горячо заговорил Курт. — Но я не мог ошибиться! Просто не мог! Это был Рогир, я хорошо изучил его лицо, и это родимое пятно под ухом, похожее на букву «Ш», и странный цвет глаз — у него на правом глазу вкрапление было карего цвета, а вообще глаза синие. Это был он! И у него вся грудь была разворочена — четыре или пять импульсов в упор! Он уже был холодным...

И тут приблизились голоса, я дико испугался и метнулся в траву. И побежал... Залез на танк, сижу и дрожу. Вернулся директор базы и сообщил, что Рогир задерживается и прибудет часом позже. Устал, дескать, Председатель Всемирного Совета трапезничать желает! Да, да, говорю, конечно, святое дело! Отвезли меня на базу, а вечером прибыл Рогир... Непонятный какой-то весь... И ходит странно, и рукой по-дурацки машет, говорит так, будто у него рот полон каши. Глаза разъезжаются... Никаких тогда праздничных

мероприятий так и не провели, директор базы объявил, что ван Вейден занемог — пострадал на охоте, но ничего опасного, мол, скоро поправится... И полетели мы обратно, на Землю. За весь полет я один только раз увидел Рогира, и он меня не узнал, смотрел, как на пустое место. Прилетели, я отписал материал, но его так никто и не увидел... Да я там ничего такого и не говорил, обычная короткая информашка. Прибыл Председатель. Торжественно встретили. Отбыл. Все! Но и это нигде не прозвучало... Что я только ни передумал за эти два года! — взлохматил себе волосы Курт. — То ли реанимировали все-таки Рогира, то ли я видел его двойника, то ли в обратный рейс отправился зомби, то ли вместо Председателя запустили в существование искусственное существо, копию ван Вейдена, то ли вывели в свет его клона... Мучение! А тут еще эти гады из ПНОИ! Пасут и пасут!

— М-да... — только и сказал Середа. — История...

— Господи, — вздохнула Дана, — сколько страшного за два дня!

— Схожу к пилотам, — поднялся Курт. — По времени мы уже в районе Саратова должны быть...

Он пробрался среди грузов в конец отсека и поднялся по трапу в пилотскую кабину. Дана быстренько пересела к Середе на колени и обняла его за шею.

— Что же это такое творится... — прошептала она.

— Разберемся! — мужественным голосом ответил Середа.

— Скажи, — спросила вдруг Дана, — а у тебя была девушка?

— Она и сейчас есть, — честно признался Середа.

Дана не обиделась.

— Так ты ей изменил?! — произнесла она восхищенно.

— Тебя, по-моему, это приводит в восторг... — проворчал Середа.

— Да-а! Изменял-то ты со мной! Сейчас такой разгул редко встретишь, мы любим спокойно, без учащения пульса, без сухости и запекания губ...

По трапу с грохотом ссыпался Курт.

— Виктор! — крикнул он. — Эти идиоты уже доложили о нас!

— Пилоты?!

— Ну да!

Середа вычурно выматерился и сказал:

— Прости, Дана!

Девушка, впрочем, ничего из сказанного не поняла.

— Аппарель вручную открывается? — спросил Середа.

— Да! — крикнул перевозбужденный Курт.

— А летим мы где уже?

— Скоро Волгу будем проходить!

— Открывай аппарат! Я пока сниму гравизахваты!

— Минутку! — завопил Курт и бросился к глайдеру.

Торопливо открыв капот, он выдвинул один из блоков двигателя, пошарил рукой и выдернул плоскую коробочку. — Это маячок! Для диспетчерских!

— И для ПНОИ! — догадалась Дана. — Молодец, Курт! Мне тоже надо было догадаться! Теперь они нас не заметят!

— Открывай! — махнул рукой Середа и кинулся отключать гравизахваты.

Сходня аппарели пошла вниз, распахивая щель. Заревел воздух, вырываясь в разреженную среду высот.

— В машину! — завопил Курт, цепляясь за борт. — А то выбросит!

Дана кинулась на сиденье первой, Середа ухватил за руку Курта, трепыхавшегося в потоке воздуха, и сунул его на заднее сиденье. Влез сам. Грузовой отсек разгерметизировался, рев стих. За срезом аппарели проплывали величественные степные просторы, расчерченные квадратами челночных пастбищ.

— Donnerwetter! — выругался Курт. — Все из памяти вылетело! Выше ж облаков идем!

— Ладно, проехали! — сказал Середа. — Дана, вперед!

— Есть! — лихо ответила девушка и вывела глайдер в чистое небо.

Машину сильно подбросило, завертело в вихрях турбулентности, небо и степь закувыркались, сливаясь в тошнотворной карусели.

Дана кое-как выровняла глайдер. Впереди и выше летело сердечко стратолета, отливая на солнце серебром. Ниже открывалась равнина, внося в небесную бело-синюю гамму живые зеленые тона.

— Витя... — слабым голосом спросил Курт. — Мне Дана сказала, я не понял... Вам зачем на Серую Фабрику?

— А бойцов вербовать! Добровольцев! — спокойно ответил Середа. — «Негативная формация» к силовым акциям способна, сплошь комбатанты! Вы хоть в курсе, что идет война?

Пораженный Курт прокашлялся и весомо заявил:

— Бойцы — это ерунда! Нужен флот!

— Между прочим, — не выдержала Дана, — Витя с друзьями захватил себумский крейсер!

— Да?! — поразился Курт.

— Да повезло просто, — улыбнулся Середа, — он был полупустой... А скоро парутройку своих суперкрейсеров достроим. Будет чем жаб встретить!

— Это так на Периферии себумов кличут! — объяснила Курту Дана.

— А меня запишете? — робко подал голос Курт. — В добровольцы?

— Отчего ж? Можно... Только у нас дисциплина, Курт.

— Так у меня ведь немецкие корни, Вить! Я жутко дисциплинированный тип!

— Ну, тогда ладно! — рассмеялся Середа. — Беру!

На востоке, за зелеными полями и перелесками, показался синий контур Волги. Над нею вставало солнце и красило степь во все оттенки розового. «Да разве можно такую красоту жабам отдавать?!» — подумал Середа. Ну уж нет!

Глайдер свил петлю вокруг наблюдательной вышки, с балкона которой махали трое, и мягко сел к подножию.

Лифт опустился, навстречу гостям вышел профессор Вайнштейн и выбежала молодая девушка в пилотском серебристом комбезе. С ходу определив флагмана, она кинулась его целовать. Дана не препятствовала.

— Привет, привет! — пропела девушка. — Меня зовут Клод!

— Виктор! — улыбнулся Середа. — Это Дана и Курт! Двух добровольцев я уже записал!

— И я одного! — расплылся Вайнштейн и позвал: — Жан-Поль!

— Жа-ан! — закричала Клод.

Но Жан-Поль не появился. Зато над высокой, в рост человека, травой взмыли черные глайдеры, бликуя, словно черные окатыши. Они окружили наблюдательную вышку кольцом, и над степью разнесся громкий голос:

— Ни с места! Вы окружены! Оружие на землю! Сдавайтесь!

По штангам скользнул лифт, и из кабины выбрался Жан-Поль. Он улыбался чуть натянуто, а руки его никак не могли найти места.

Клод, не говоря ни слова, сорвалась с места. Подскочив к брату, она закричала:

— Это ты их вызвал?! Ты?!

— Я, — не стал скрывать Жан-Поль. — Поверь, сестренка, так будет лучше! Они же как дикие звери, вырвавшиеся из клетки. Надо их скорее поймать и водворить обратно за решетку, пока они не напали на людей...

— Предатель! — захрипела Клод, изо всех сил ударяя брата.

— Тебе там помогут, сестричка... — пропыхтел Жан-Поль, морщась.

— Т-тварь! — бушевала Диди. — Я тебе не сестра, понял, скотина?!

Виктор дернулся, чтобы успокоить девушку, но его движение сочли опасным и открыли огонь из парализаторов...

Глава 14

СЕРАЯ ФАБРИКА

Серая Фабрика впечатляла даже с высоты птичьего полета — колоссальная котловина, уходящая к горам на горизонте, была накрыта прозрачным тройным колпаком полтораста метров высотой. Под колпаком угадывались суровые формы машин, громадных и неколебимых, словно утесы. Они проглядывали неясными тенями в разрывах клубящихся оранжевых дымов, на них ложились огненные отблески с вязких потоков кипящей массы, раскаленной докрасна. В крутящихся дымах, фонтанах искр, вихрях пара сновали челноками огромные сложные механизмы, направляя расплав по разным руслам, музыкально ориентируя сине-белые вспышки, ритмично чередуя вращение розовых смерчей и биение ветвистых голубых молний.

Грохот, вой, шипение этого технологического буйства лишь домысливались — звук не проникал наружу, запертый колпаком. Котловина вокруг Фабрики была залита гладким металлопластом, и колпак вставал, будто остров на мутном озере. Из «озера» вытекала извилистая улочка, с обеих сторон застроенная плоскими кремовыми корпусами, и «впадала» в квадрат посадочной площадки.

А вокруг, где ближе, где дальше, высились горы, удивительно соседствуя с индустриальным пейзажем.

— Вы, кажется, мечтали попасть сюда? — усмехнулся плотный «чернец», проходя по салону турболета. — Так мы доставили вас в пункт назначения спецрейсом!

— Большое спасибо, — поблагодарил Середа.

Его, как и друзей, крепко держали за руки и ноги шестирукие и десятиглазые «големы», роботы-охранники.

— Не стоит благодарности, — расшаркался «чернец», — всегда рады!

— За что вы нас, дяденьки?! — заныла Клод, скорее издеваясь, чем жалуясь на судьбу.

— А за все, тетенька! — с неожиданной ненавистью ответил «чернец». — Скольких из вас я сюда перевез, о-о! Сколько грязи вычистил, сколько выгреб дерьма! Я — ассенизатор и горжусь этим! Поняла, мр-разь?!

— Слышь, храбрец-удалец, — подал голос Середа, — а ты приказал бы этому болвану отцепиться от меня. И мы бы с тобой выяснили, кто тут мразь!

— Обойдешься! — осклабился «чернец».

— Тогда заткнись и не выпендривайся! Или давай в «теремок» поиграем? Я флагман Середа, для себумов беда! А ты кто?

— А я старший инспектор Альварадо, мне ваша сволочь не рада!

— Время покажет, — мягко сказал Середа, — кто из нас кому не рад.

— Приготовиться к посадке! — крикнул Альварадо.

Турболет описал круг и сел, качнувшись на выпущенных шасси.

— Выходи по одному! «Голем-1», нейтрализация! «Голем-2», нейтрализация! «Голем-3»...

Середа вышел первым. Сощурившись, он осмотрелся. Тибет... Никогда здесь не был, хотя и тянуло. Вот и исполнилось желание...

— Кажется, нас уже ждут, — сказал Курт, спускаясь по трапу, и подбородком указал на компанию молодых людей, стоявших неподалеку, за ограждением посадочной площадки.

Руки в брюки, челюсти в коровьем ритме жуют «бетель» — вся улица в оранжевых плевках. Явно не встречающие...

Середа повернулся и подал руку Дане. Вайнштейн помог спуститься Клод. «Встречающие» очень оживились и подошли ближе.

— Счастливо оставаться! — крикнул Альварато из затворявшегося люка. Турбины подняли вой, погоняя пылевую поземку, и приплюснутый аппарат полетел вверх и в сторону, подбирая суставчатые шасси.

«Встречающие» выстроились в ряд.

— Здравствуйте, девушка, — глумливо улыбнулся самый мускулистый, приземистый монголоид и поклонился Дане.

— Привет, — буркнула девушка и улепилась за руку Виктора.

Флагман улыбнулся: «Невоспитуемые!» Вряд ли эта шпана опасней себумов... Середа пошагал прямо на ряд плотно сбитых крепьшей. Те расступились, но главарь ухитрился сплюнуть оранжевым на флагманский ботинок. Крепьши так и вперились в Середу. Тот остановился, глянул на вожака и произнес с ленцой в голосе:

— Вытри!

Главарь ухмыльнулся, скаля красные зубы. И Виктору пришлось самому очищать обувь. Он ударил вожака в пах. А когда тот согнулся, сипя от боли, врезал запачканным ботинком по морде. Колыхаясь и вскидывая руки, вожак опрокинулся на спину.

Середа придирчиво осмотрел обувку.

— Вроде чисто... — сказал он. И пошел дальше. Вайнштейн заспешил следом, прижимая к себе локоток мадемуазель Вандаль. Позади шумно заговорили, затем один из крепьшей воззвал:

— Середа?..

Виктор обернулся.

— Ну? — сказал он.

— Вы — Середа? — спросил, утираясь, вожак. — Тот самый?

— Середа — флагман Доброфлота! — внес ясность Курт.

— Ну, ты балда! — раскритиковал вожака его дружок и наперсник детских игр, вылитый европеоид.

— Я не хотел, — уныло пробубнил вожак, — я ж не знал, что это он!

— Мы даже не думали, — подхватил европеоид, — что вы у нас появитесь!

— Так уж карты легли, — усмехнулся Середа. — Ладно, проводите нас. Где вы обычно собираетесь?

— В штабе поселка! — заулыбался монголоид, потирая опухающую челюсть.

— Или в клубе! — сказал европеоид.

— Тогда — вперед!

Всей толпой они двинулись по улице, обсаженной редкими, хилыми топольками. В перспективе вздымался колпак Серой Фабрики, он отделял чистый горный воздух Тибета от бурления разноцветных дымов и огненных ошметков.

— Слушайте, — сказала Дана и кивнула на купол Фабрики, — а это разве не опасно?

— Ого! — вскричал европеоид. — Еще как! Там такенные температуры! Вакуум! Давление в десятки тысяч атмосфер!

— А в котлах и под сотню тысяч, — подхватил монголоид, шмыгнув носом. — Но только кому какое дело? Все операторы из зоны СК! Траванется кто, даванет кого —

невелика трагедия! Меньше будет подонков и мерзавцев!

Дана хотела возразить, но Середа остановил ее.

— А что тут выпускают?

— Телепласты! — ответил европеоид. — Телемерные пластмассы то есть. Готовые отливки мы ночью отвозим в Лхасу...

— А космодром тут есть где-нибудь?

— А... зачем?

— Да как тебе сказать... — усмехнулся Середа. — У вас тут интересно, конечно, но у меня дела. И я не собираюсь здесь долго задерживаться.

— Ух ты! — произнес кто-то.

А монголоид добавил напряженным голосом:

— А нас возьмете с собой?

Середа обернулся и сказал, четко и отдельно:

— Я беру всех, кто готов взять в руки оружие и бить себумов!

— Мы с вами!

— Кто это мы? Вас как звать-то хоть?

— Я — Тсеринг Пемба! — представился монголоид.

— А я, — вышел вперед европеоид, — Рио Брай!

— Умберто Ди Кавальканте! — посыпалось вразнобой. — Матвей Постышев! Тосио Канда! Анри Роже!

— Вперед, гвардия! — ухмыльнулся Середа. «Встречающие» взвыли от восторга — наконец-то в их убогую и тусклую жизнь ворвалось нечто великое, яркое, громадное!

Вся компания шла по улице и постепенно увеличивалась, обрастая выбегавшими из жилых блоков, отрывавшимися от партии в го, покидавшими кресла перед рабочими экранами. Весть о том, что «один из наших» стал флагманом и вступил в войну с себумами, облетела поселок быстрее, чем огонь охватывает сухую траву под ветром.

Середа ловил на себе взгляды, недоверчивые и полные надежд, насмешливые, откровенно глумливые, равнодушные, всякие. Улица поселка была чистенькой, коттеджи вокруг и модульные дома в пять этажей стояли новенькие и разноцветные, а вот толпа была иной. Беспечности не было ни в ком, и одежда была иной — голых ног никто не показывал, тем более не обнажал грудь. Молодые девушки еще щеголяли в мини-юбках, а женщины постарше кутались в длинные платья — мода была осторожной, берегущей от чрезмерного интереса и домогательств. Слышались возгласы:

— Это кто?

— Это флагман! Не смотрел, что ли, по СВ?

— Здесь-то ему что делать?

— Да это не ПНОИ, это пацаны его сдали!

— Гаденьши... Крысы!

— Какая разница, Марта! Тут у нас тупик! Ходу нет!

— Флагман нас выведет!

— Ага, как Моисей когда-то! И будем мы сорок лет бродить...

К клубу добрались уже всем поселком, а проживало в зоне СК тысяч двадцать. Внутри веселенького павильона, белого с голубым, заходить никто не стал, расположились всей толпой у крыльца, а Середа взбежал по ступеням и выдал речь:

— Не знаю, — сказал он, — воспитаем ли я и в порядке ли мои гены! Но я офицер, я

воевал и, следовательно, по рассуждению ПНОИ, потенциально опасен! И светила бы мне зона СК! Правда, я сильно сомневаюсь, что стал бы терпеть подобное издевательство! Преступник — тот, кто нарушает закон! А ваша вина лишь в том, что вы якобы генетически запрограммированы на злоторение! Это полная ерунда! Убить способен каждый, независимо от состояния его генных структур! Но это же не значит, что на всей Планете надо объявлять спецкарантин! Вы — простые жертвы политики, вас используют для того, дабы пугать послушное большинство! Дабы оправдывать существование ПНОИ! Надо быть наивным простофилей, чтобы думать, будто локаторы-уловители ориентированы исключительно на «невоспитуемых»! Чушь собачья! Думаю, что любого землежителя можно запросто отследить и в любой момент времени точно знать, где тот находится! Уверен в этом! Так что вы ничем не хуже своих однопланетников! И не лучше! Мы все — обычные люди! Просто кому-то очень хочется, во имя стабильности и благополучия, подвести все человечество под общий знаменатель! Превратить людей в стадо! Ваша вшивая администрация будет, естественно, добрыми пастырями, а Психонадзор — овчарками! Не выйдет!

Толпа оглушительно взревела, подхватывая последние слова.

— Не выйдет! — повторил Середа. — Война все расставит по своим местам! Знаю, не все верят тому, что мы записали на кристалл. И тем не менее постоянно копируют его, дают посмотреть друзьям и знакомым. Что мне вас убеждать? Мы сняли только то, что успели, что увидели сами. А скольких злодеяний себумов нам не довелось наблюдать? Но даже не в этом дело! Себумы готовят вторжение, и кто защитит землян? Овчарки из ПНОИ? Или дежурные пастухи из Экономического Совета Мира? Нет! Только мы сами, с оружием в руках! Мы, невоспитуемые! Нас считают баранами и овечками? Тупым стадом? А мы оборотимся хищной стаей! И так порвем жаб, что те не будут знать, куда деваться! Да ведь нам и не дано иного выбора! Пленных жабы не берут, а отступать нам некуда!

Середа отдышался, и тут же из толпы прокричали:

— А чего это мы должны за всех отдуваться?!

— Крикнувший это, — ответил Виктор, — может идти домой, стать перед зеркалом и аккуратно написать у себя на лбу: «Я — идиот!» Когда ж до вас дойдет, что нету «их» и «нас», есть люди, человечество! А себумы тем более не станут делать различия, они уничтожат всех до одного. Вторгнутся они, и всем подряд придется идти на бой! Потому что выбор будет простой: или мы убьем их, или погибнем! Но вы — именно вы! — можете стать первыми бойцами Земли! И уже никогда больше никто не загонит вас обратно в зоны полного отчуждения! Вы не только сравняетесь с нормалами, но и подниметесь ступенькой выше их, ибо будете воинами, и именно вам землежители будут обязаны своим освобождением и самой жизнью!

Толпа забурилась, зашумела, заходила ходуном.

На крыльцо вскочил огромный, дочерна загорелый мужчина — в Тибете злое солнце.

— Хватит болтать! — загремел он. — Меня зовут Григорий Збинский, я замещал председателя Экономического Совета Хозяйственной сферы Восточной Европы! Меня сослали сюда за то, что я выступил против свёртывания строительства суперкрейсеров! А мы уже тогда знали, что себумы наращивают флот! И то, что сейчас творит Всемирный Совет, называется предательством! И вредительством! И нечего тут убеждать кого-то! Труса ничем не убедишь! Поэтому давайте закругляться. Пусть все, кто готов идти добровольцем, идет домой и собирается! Через полчаса соберемся за городом, я приведу туда все наши

грузовики-автоматы. Нам бы до космодрома добраться, верно, флагман?

— В самую точку! — ухмыльнулся Середа.

Толпа заревела, загоготала и стала рассасываться. Но заряд великого нетерпения не угас, напряжение росло, атмосфера накалялась.

— У меня мурашки по телу бегают! — призналась Дана.

— И у меня! — крикнула Клоди.

— Идите, — благодушно пробасил Збинский, — Пемба вас проводит. Я сейчас, только грузовики перепрограммирую... Ждите!

Середа побрел за говорливым Пембой. Дану он продолжал держать за руку.

Наконец-то что-то сдвинулось, скрипучий маховик войны задел и Землю, начал набирать обороты. Успеет ли он раскрутиться?..

За городишком расстилалась ровная пустыня охряного цвета, ее прорезали чистые и холодные ручьи. Зелени на тибетских высотах практически не наблюдалось, только заросли плакучих ив возле домов оживляли суровую местность.

На огромном пустыре собрались все представители «негативной формации» из зоны СК — тысяч двадцать народу. С Середой уходила одна половина, а другая пришла провожать первую — оглушающий гомон из слов и пения, хохота и плача, последних наставлений и признаний в любви поднимался к чистому небу, слабым эхом отлетая от склонов близких гор.

Проводы не затянулись — со стороны Серой Фабрики донесся рокот моторов, показалось облако пыли, скрывавшее огромные грузовики-автоматы на пяти, шести, даже десяти шасси. Каждый из автоматов вмещал в свои кузова человек двести зараз.

— Грузимся! — подал команду Середа.

Приказ разнесли по толпе, и галдеж резко усилился — до отцов и матерей, подруг и жен, сестер и детей вдруг стало доходить, что прощание может быть последним.

Кабин на грузовиках не было, и Середа забрался в один из кузовов с тентом веселенького оранжевого цвета.

— Мы тут! — доложил Пемба и подвинулся на скамейке.

Середа уселся. Вайнштейн устроился на пустом ящике, Клоди притулилась рядом. Дана поерзала на твердой скамье и живо забралась к Виктору на колени. Тот возмущался не сильно.

Просигналил первый грузовик. Пронзительный, рвущий душу звук подхватили остальные машины. Кузов чуть качнуло, сдвинулись с места толстые, почти круглые колеса, и караван тронулся в путь.

Дорога выдалась длинной и утомительной. Поплутав ущельями, спустившись с перевала, караван въехал в лес из серебристой сосны, чья хвоя сверкала, как фольга. За лапами сосен проглядывало горное озеро, в его изумрудной глади отражались фиолетовые, испещренные снегами хребты, а еще выше вздымалась индиговая гряда восьмитысячников.

К космодрому выехали неожиданно — дорога описала очередной поворот, и вдруг ущелье распахнулось в широкую долину, сплошь залитую серым металлопластом. Космопорт был велик, к его куполам и шпилям подводила роскошная автострада «Лхаса — Кашгар». На стартовом поле стояли вразброс зеленые полусферы и диски кораблей возлеземного сообщения, а поодаль высились гигантские рейсовые звездолеты.

Грузовики остановились. Минуту спустя в кузов заглянул Збинский.

— Ну, что, флагман? — весело сказал он. — Угонять будем?

— Попробуем, — кивнул Середа. — Там лайнеры есть?

— Один я точно видел!

— С него и начнем. Надо захватить его первым и взять пассажиров в заложники! Тогда ПНОИ не решится на штурм и прочие шумовые эффекты. Лайнер я поручаю тебе.

— Добро! — кивнул Збинский и спрыгнул.

Вскоре моторы заурчали погромче, грузовики выкатились на поле и пошли набирать скорость.

Середа набрал воздуха в грудь, собираясь вздохнуть, и тут он увидел страшное — из-за космопорта, из-за пакгаузов, из-за тополиных шеренг вдруг взмыли черные псевдогравы класса «пума», круглые и чуть приплюснутые. Они бесшумно опустились, окружая караван. По их обводам распахнулись овальные люки, и наружу повыскакивали молодчики в легких бронескафандрах, с суггесторами наперевес. И тут же, второй нотой созвучия, воздух прорезали серые силуэты истребителей, многоцелевых космоатмосферников, похожих на наконечники копий, и принялись с пронзительным шипением чиркать по грузовикам голубыми лучами биопарализаторов. Парализующее излучение валило «невоспитуемых», словно костяшки домино.

— Не останавливаться! — заорал Середа, выхватывая бласт. — Вперед!

В душе росло понимание проигрыша, ощущение провала, как вдруг с чистого тибетского неба на поле упали быстро скользящие тени. Середа вскинул голову и увидел громады звездолетов, выносившихся из-за гор. Их стационарные биопарализаторы выпускали целые столбы, целые колонны голубого сияния, длинными светящимися киями бившие по истребителям и «пумам».

— Это наши! — возопил Вайнштейн, подскакивая и чуть не попадая под шальной импульс. — Это звездолетки из ВШК! Ур-ра-а!

— Ура-а-а! — завопила Клоди и бросилась обнимать профессора.

Из карманчика у Середы выдвинулся коммуникатор, требуя принять вызов.

— Слушаю!

— Флагман? — произнес веселый голос. — Принимай пополнение! Пять Д-космолетов! Больше мы на Луне не нашли! И эти рейсовые, что на поле, они тоже наши!

— Отлично! — проорал Середа и поинтересовался: — Что-то мне ваш голос знаком...

— Не узнаешь? Капитан Козелков, честь имею!

— Благодарю за службу, капитан-командор Козелков!

— Служу Земле! — рявкнул капитан-командор.

А десять минут спустя Тибетский космодром отправил к Трансплутону пятнадцать кораблей подряд. Пятнадцать тысяч добровольцев сочли себя мобилизованными, а на дверях Высшей школы космогации курсант Штурманского факультета начертал размашисто: «Все ушли на фронт!»

Глава 15

ПЯТАЯ КОЛОННА

1. Марс, Евразийский сектор освоения, Долина Маринер.

Краулер выехал на обрыв, и Толя Обозов весело произнес:

— Тпр-ру-у! Пойдемте, Жерар Николаич! Покажу вам самый потрясающий вид!

Москвичев хмыкнул и слез с сиденья. Откровенно говоря, ему больше хотелось поваляться на диване перед СВ, поглядеть какую-нибудь постановку, а не таскаться по Марсу, но положение обязывало. Он тут не кто-нибудь, он — спецуполномоченный!

Москвичев вышел на край обрыва и глянул в распахнувшийся простор. Перед ним разлегся величайший из каньонов — Долина Маринер. Почти на пять тысяч километров тянулся он от разломов Лабиринта Ночи, растягивался, где на сто, а где и на шестьсот кэмэ, опадая вглубь, настолько же, насколько выпирает ввысь Джомолунгма.

Круча, обрывавшаяся у ног Москвичева, пугала до дрожи — он стоял на высоте Эльбруса! Но зато, какой вид! Противоположного края Маринера глаз не достигал, но до половины каньон все-таки открывался, мешая пласты желтой глины с дюнами красного песка, глубокие промоины обнажали слоистые откосы темно-коричневого цвета, а древние лавовые поля добавляли в палитру серые и черные тона. Но самое поразительное открывалось глазам слева — там, заполняя все дно Долины, плескалось огромное озеро, одно из четырех, разлившихся по каньону. Волны его казались белесыми.

— Это углекислый газ белит, — объяснил Обозов, — его много растворилось в воде... В земных морях она соленая, а у нас — газированная! Когда купаешься, шипит...

— А можно купаться? — оживился Москвичев.

— Вообще-то купание не поощряется — холодновата водичка... Но все купаются, когда врачи отвернутся!

— Понятно... — улыбнулся Москвичев. — Надо же...

— Да! — гордо произнес Обозов. — А что вы хотите? Проекту «Марс» полтора года уже! Я вам покажу старые снимки! Сто лет назад все было затянуто облаками, туман висел, снег с дождем шел... Попадешь под такой — полдня отмываешься! В нем пыли было больше, чем воды! А сейчас нормально... Атмосферные заводы уже остановлены, кислороду и так хватает. Реки по старым руслам потекли... Тут, — он обвел рукой Долину, — появились самые первые лужи на Марсе! А скоро все озера сольются, и придется нам Долину переименовывать в Море!

Москвичев поднял голову — в светло-голубом, словно вылинявшем, небе бежали реденькие облачка. Раньше он никогда не интересовался делами на Марсе. Солнечная система всегда казалась ему скучной, освоенной территорией. Москвичева влекли звезды.

— А пыльные бури? — проявил он осведомленность. — Бывают?

— Пытаются! — ухмыльнулся Обозов. — Мы их гасим. Недавно сдали макропогодную станцию в долине Хеллас — бури чаще всего из нее задували...

— Ну, ладно, Вергилий, — сказал Москвичев, — хорошего понемножку! Поехали, нас ждут!

— Ага! — проронил конопатый Вергилий и вернулся к краулеру. — Тут рядом совсем!

Жерар покачал рукой упругие стволы марсианского саксаула, выросшие на краю обрыва, провел рукой по синей бархатистой коре. Хрен сломаешь, крепкое растение, цепкое...

— Едем! — он уселся и достал компьютер-планшетку. Обозов повел краулер на запад, вдоль каньона, а Москвичев открыл файл.

— Тэ-экс... План мероприятий... — прочел он. — Политинформация на базе «Тарсис Мон»... Проведена. — В графу «Исп.» влетела галочка.

Обозов, поглядывавший на Москвичева, сказал:

— Там есть голосовой ввод, комп сам все сделает!

— Не надо мне, чтобы он делал, понима-ашь, — воспротивился координатор. — Я хочу сам! Тэ-экс... Мелас... Толь, а этот городок... ну, где мы вчера были, он, как правильно называется — Мелас или Мелас Часма?

— Да просто Мелас! — сказал Обозов, направляя краулер вниз по склону. — Это каньон назвали Мелас Часма.

— Ясенько... Понятненько... База «Копрат» — проведена... База «Офир» — проведена... Осталась у нас база «Кандор».

— Вас еще на «Большой Сырт» звали, — сказал Обозов, — очень они там нетерпеливые! Обижаются — дескать, бот мы выслали, а эти хитрованы с Маринера к себе заманили!

Москвичев хихикнул. Ничто не могло ему понравиться больше, чем этот неприкрытый интерес «марсиан» к его персоне. Это сильно поднимало настроение и выводило высокую самооценку — чужие никогда не относились так к координатору, как теперь свои — к спецуполномоченному.

— Ладно, — решил Жерар Николаевич, — сейчас с Кандором закончим и вылетим на Сырт.

— Точно! — поддержал Обозов.

Впереди, за глубоким оврагом, покрытым синей травой, встали здания Кандора — когда-то базы, теперь — роботизированного хабитата. Здания выдержаны в одном стиле — либо купола, либо высокие цилиндры с закругленным верхом, смахивавшие на силосные башни. Они были белыми или серебристыми, с круглыми окнами-иллюминаторами. Наособицу стояли длинные плоские параллелепипеды, за ними сверкали кружевные параболоиды антенн. Белый цвет стен приятно оттеняли синие и голубые заросли местных эндемиков, а во дворах кое-где попадались проволочные кораллы, по которым медленно раскатывали громадные колобки фиолетовой капусты, изумительно вкусной в вареном и тушеном виде.

Краулер лихо влетел на узкую Главную улицу и остановился около столовой, где привыкли собираться жители Кандора. Сами кандорцы уже топтались у входа большой пестрой толпой, шумели и белозубо скалились.

— Здравствуйте, товарищи! — грянул с подножки Москвичев.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — закричали кандорцы. — Милости просим!

А потом вперед вышла миленькая женщина лет тридцати и поднесла ему на вышитом рушнике каравай синего хлеба. Москвичев с удовольствием умял кусочек, а на десерт,

обмирая от собственного нахальства, чмокнул женщину в щечку. Та ответила поцелуем в губы, чем надолго вывела уполномоченного из равновесия.

— Меня зовут Аэлита, — сказала она, — просто Лита можно! Я сама с Большого Сырта и без вас туда не вернусь!

— Мы вернемся вместе! — пообещал Москвичев, чувствуя непонятное волнение.

Толпа загомонила, зашумела и увлекла гостя в столовую. Москвичев протолкался через скопище веселых «шохо», как сами себя называли жители Красной планеты, и попал в медвежьих объятия огромного загорелого человека в синем комбезе.

— Добро пожаловать! — прогудел он. — Ждали вас, ждали! Меня зовут Вязаницын, Алексей Вязаницын. Я директор системы «Маринер»...

— Очень рад! — кивнул Москвичев.

Вязаницын крепко потряс его руку и провел за стол импровизированного президиума. Столовая плотно набилась шохо. Можно было начинать.

— Товарищи! — произнес Москвичев торжественно. — Мы, если пользоваться старыми терминами, построили коммунизм, мы добились великой цели, поставленной предками, но... Как-то однобоко это у нас вышло. Каждому по потребностям — этого у нас сколько хочешь. А вот чтобы «от каждого по способностям»... Вот этого нет! Почему вдохновенный труд не привлек к себе несколько миллиардов здоровых и неглупых людей? Отчего они погрузились в обывательщину? Недоработка, товарищи! И уж вовсе негодны средства. Глобальная слежка, развернутая Психонадзором, глубоко упаднические и пораженческие настроения во Всемирном Совете... Как это понимать, товарищи? Разве в мечтах тех, кто пытался построить коммунизм, были зоны спецкарантина для невоспитуемых?! Заявляю вам со всей ответственностью: наши зоны СК — это те же концлагеря, только со всеми удобствами! Эту позорную ошибку надо исправить!

— На Марсе нет ни одной зоны СК! — вскочил Вязаницын.

— А на Земле есть! — весомо напомнил Москвичев. — И нам нельзя мириться с таким позорным явлением! Да, жизнь на Марсе проще, и вы тут дружнее, но разве можно вносить раскол?! Разве можно отделяться от остального человечества? Они, видите ли, хомо, а вы, значит, шохо. Нет, дорогие товарищи, это серьезная политическая ошибка, и нам надо изжить подобные настроения! В этот трудный час мы должны сплотить свои ряды и вместе дать отпор врагу! Да, товарищи! Страшный враг надвигается на Землю и Марс, на общую нашу Солнечную систему! Себумы пошли войной на кхацкхов и перебили сотни миллионов этих разумных существ. Они захватили Вариану, а теперь обрушились и на нашу Периферию! Варварской мезонной бомбардировке подверглись базы на Теллусе и Алте! Убиты тысячи людей, а я сам лично побывал в лабораториях себумов, где эти, не побоюсь этого слова, жабы живьем сдирали кожу с детей и женщин!

По столовой пронесся гул, перебиваемый вскриками.

— Да, товарищи! — продолжал Москвичев. — Одну из жертв бесчеловечных вескусианских экспериментов нам удалось спасти. Как мне передали с базы, кожные покровы Татьяны удалось регенерировать. Но кто регенерирует психику этой несчастной женщины?! Кто залечит моральную травму и сотрет память о невыносимой муке?! А чучело из маленькой девочки?! А младенцы, разделанные и расчлененные?! Как можно мириться с подобным?! С подлым и жестоким агрессором может быть лишь один разговор — на языке оружия! Враг должен быть уничтожен! Но земная администрация заняла позицию непротivления, что равносильно соучастию! Это предательство, товарищи! Мы должны

гневно осудить политику Рогира ван Вейдена и устранить ненавистный режим!

Толпа ответила шумным одобрением.

— И я призываю всех вас, — возвысил голос Москвичев, — проявить сознательность и записаться в Доброфлот! Мы не можем ждать, пока во Всемирном Совете очухаются и поймут всю серьезность положения! У нас нет времени на раскачку! Война у нашего порога, товарищи! Нам не грозит плен или оккупация, у себумов иная метода — тотальное уничтожение! Так давайте вспомним бессмертную славу предков, отдавших свои жизни за наше теперешнее благоденствие! Не посраим их память! Дадим отпор врагу! Объявим жабам войну! До победного конца!

Шохо оглушительно захлопали и заорали, выражая горячее одобрение. Вязаницын всех переорал:

— Добровольцы! Записываться у меня! Срок на сборы — одни сутки! Завтра же вылетаем на Плутон!

Аэлита постоянно крутилась рядом с Москвичевым, словно опасаясь его потерять. Жерар Николаевич тепло попрощался с коллективом базы «Кандор», и женщина потащила его на посадочную площадку. Москвичев, впрочем, не сильно упирался.

— Нас уже ждут! — тараторила Аэлита. — Когда будем подлетать, сообщим им всем, и народ сразу соберется!

Она подняла колпак большого семиместного глайдера, пропустила Москвичева вперед, потом села сама.

Кандорцы вышли к площадке проводить. Уполномоченный помахал им, те дружно ответили. Ему нравилась какая-то их непосредственность, немного детская даже, но она, же и пугала. А хватит ли этим красивым, веселым, добрым людям мужества и стойкости, воли к победе и безжалостности к врагу?

Глайдер плавно поднялся в воздух и понесся на восток, набирая скорость. Ухнул вниз обрыв каньона Кандор Часма, потянулись промоины, намытые холмы, кратеры.

Аэлита включила автопилот и со вздохом отстранилась от пульта.

Она повернулась к Москвичеву боком, дразняще изогнув бедро.

— Литочка... — стесненно проговорил Жерар, судорожно сглотнул и закашлялся.

Аэлита проворно перелезла к нему на сиденье и похлопала по спине.

— Так лучше? — спросила она с беспокойством.

А Москвичев чувствовал, как в висках стучит разогнавшаяся кровь, и мучительно искал оправдание аморалке. Он давно не был с женщиной... Он не женат... Был, но Дарья погибла в экспедиции за Слепое Пятно... И почему он вообще должен оправдываться?! За что? И перед кем?

Аэлита нежно погладила его лысеющую голову, прижала к себе, и Жерар Николаевич, пугаясь порыва и стыдясь, неловко обнял женщину. Ему было очень неудобно, сильно напрягалась спина, но услада близости щекотала центры удовольствия еще сильнее.

Аэлита жарко дышала в ухо Жерара Николаевича, а он возблагодарил в это счастливое мгновение и ответственных лиц, уславших его на Алту, и флагмана, назначившего его уполномоченным, и даже себумов, затеявших войну. Иначе не обнимать бы ему эту прекрасную женщину, не целовать ее губы, мчась над марсианскими пустынями, теперь засаженными и засеянными...

...Корабль шел с тройным ускорением, но в отсеках этого не чувствовалось — гравикомпенсаторы функционировали нормально и гасили избыток тяжести. В два часа по БВ в каюту флагмана постучали, и вошел Козелков. В руках у него была карточка радиограммы.

— Радиограмма с Марса, флагман, — капитан-командор протянул бланк Середе, и тот прочитал следующее:

ЭКСТРЕННАЯ. Д-СВЯЗЬ. МАРС, БОЛЬШОЙ СЫРТ, СПЕЦУПолНОМОЧЕНИ МОСКВИЧЕВ — ФЛАГМАНУ КОСМОФЛОТА СЕРЕДЕ.

ПАЦИ СПРОВОЦИРОВАЛИ БЕСПОРЯДКИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЕВРОАМЕРИКАНСКОМ СЕКТОРАХ ОСВОЕНИЯ, ПОДНИМАЮТ ШОХО ВОССТАНИЕ. ЗАЯВЛЕННЫЕ ЦЕЛИ — ПОЛНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ МАРСА И ВЫ ИЗ СОДРУЖЕСТВА ЗЕМЛИ. ПРОШУ ОКАЗАТЬ СРОЧНУЮ ПОМОЩЬ В ПОДАВЛЕ МЯТЕЖА. МОСКВИЧЕВ.

— И тут пацы нагадили! — хмуро произнес Середа. — Ну что ты будешь делать... Ладно, Павел. Давай, поворачивай оглобли, надо будет марсианам мозги вправить!

Марс не кутался в меха роскошных циклонов, как Земля. Его негустая атмосфера была ясной и несла лишь отдельные тучи, порой затягивая пустыни ячеистыми облаками.

Озеро Маринер блестело сильно разведенной лазурью, темный треугольник Большого Сырта совершенно терялся под синими и фиолетовыми пятнами растительности. Южное море отсвечивало дымчатым опалом, протяженные озера, которые шохо гордо называли Северным океаном, были так мелки, что сквозь воду просвечивало дно.

Штабной отсек постепенно наполнялся народом. Григорий Збинский, затянутый в черный с серебром комбез, сидел по правую руку от Середы, изо всех сил удерживая на лице выражение вежливой скуки. Дескать, плавали — знаем...

— Все собрались? — спросил Середа и, не дожидаясь ответа, сказал: — Приступим...

Он вывел на стенной экран карту Марса.

— В операции будут участвовать оба малых крейсера, — начал флагман, — и пара эскадрилий космоатмосферников. По данным, переданным шохо, лагеря мятежников находятся здесь и здесь, — он показал на область Тарсиса, потом на Большой Сырт. — «Дюранго» будет выкуривать пацы из каньонов Тарсиса, «Поневеж» займется Большим Сыртом и Изидой. Особое внимание обратите на Темный каньон — по нему протекает речка, впадающая в восточное из озер Маринер. Это я к тому, что терраформирование терраформированием, но пока что Марс по преимуществу пустыня. А пустыня даже на Земле раскаляется днем и очень быстро остывает ночью. То есть в светлое время ищешь воду, а в темное — где б погреться. Понятно?

Командир «Дюранго» Илья Рыбников энергично кивнул.

— Теперь по Сырту... — Середа повернулся к карте и обвел указкой стык Большого Сырта и равнины Изиды. — Пацы где-то здесь... Тут тоже хватает разломов. Так что, как говорится, ищите и обрящете... Каков будет порядок действий? Задача истребителей — поиск и обнаружение мятежников. Используйте хомодетекторы. А теперь главное. Чего пацы ждут от нас? К каким нашим действиям готовятся?

Ося Симаков, командир «Поневежа», поднял руку. Середа кивнул.

— Пацы ждут, когда их пригласят на переговоры, — заговорил он, вставая. — Это общепринятая норма. В крайнем случае, думаю, они готовы к обработке местности биопарализаторами с воздуха и последующим сборам на селекстанциях, изоляции и трансформации.

— Верно! — сказал Середа и показал рукой: садись. — Только пацы ошиблись. Они не учли, что заигрались в зоне военного положения! А посему приказываю: любые скопления живой силы противника и боевую технику в означенных районах уничтожать с воздуха всеми активными средствами! Высаживать десантные боты в труднодоступных местах и вести зачистку силами космопехоты! Истребителям уничтожать одиночные цели и вести охрану периметра — никто не должен уйти! Всем все ясно? Вижу вопрос на челе твоём, Ося: нет, никакие научные группы в поле не работают, все ученые отозваны и сидят по домам.

— А гарнизон в Форт-Соаме? — поинтересовался Ося. — Он будет участвовать в операции?

— Хорошо, что напомнил, — сказал Середа. — Будет. А всех пленных, если таковые найдутся, будете сдавать туда же, в Форт-Соам. Все? Больше вопросов нет?

Вопросы были, но задавать их не стали — никому не хотелось терять лицо.

— Тогда объявляется готовность один, — распорядился флагман. — Истребителям — приготовиться к вылету, крейсера пойдут на следующем витке! По местам!

Над Лабиринтом Ночи «Дюранго» развернулся и пошел на запад. В той стороне, далеко за горизонтом, поднимали тупые вершины Арсия, Павонис и Аскреус, лиловыми шапочками паря над пеленой облаков.

Внизу проскользила база «Тарсис Мон» — аккуратное скопище стеклянных отколов и хрустальных фасетчатых куполов, террасами спадавших по скалистым уступам на дно небольшой круглой долинки. По долинке жуками ползали почвоукладчики, меланхолично жующие красноватый реголит. За ними тянулись прямые дымящиеся полосы чернозема.

Но промелькнула база, как мимолетный привет цивилизации, и помчалось под днищем безрадостное плато, ошетилившееся острыми скалами, расколотое глубокими каньонами и трещинами.

— Борт 12 вызывает «Дюранго»! — прозвучало в селекторе. — Иду над Серебряным каньоном! Попал под обстрел возле устья! Два лазера полста мегаватт!

— Понял! — сказал Середа. — Илья, веди!

Рыбников кивнул и чуть изменил курс, направляя МАК к устью Серебряного каньона.

— Группа прикрытия, внимание! — скомандовал флагман. — Отработать по целям с максимальной дистанции! Первому и второму боту — готовность раз!

«Дюранго» поднялся повыше. Впереди открылось устье каньона — развал слоистых утесов, ниспадающих до крутых каменных осыпей.

За рамками обзорного экрана заалели вспышки. Быстрогаснущие струи перегретой плазмы рванулись, прочертили неровные линии, и сошлись в точке перспективы — на черно-сером фоне утесов лопнули шары рыжего огня, за клубилось голубое облако.

— Цель поражена! — доложили с боевого поста.

— Молодцы! — похвалил Середа. — Начать десантирование! Пошли!

«Дюранго» вздрогнул пару раз, словно крейсер передернуло, и вперед вырвались два обтекаемых десантных бота. Они сделали круг над «перекрестком», где Серебряный каньон вливался в разлом Стрежень, и выпустили каждый по три десятка штурмовых киберов —

сизых полусфер на гравиприводе с тупыми обрубками двухсотмегаваттных лазеров. Киберы разделились еще до посадки и разбежались в три стороны, простреливая когерентным пламенем подозрительные места. МАК замер в высоте, и Середа досмотрел высадку десанта — с рампы бота сбегали десантники в бронескафандрах и рассредоточивались.

— Первая секция на позиции! — быстро проговорил селектор. — Восточный сектор чист!

— Держать позицию! — приказал Середа.

— Принято, флагман!

— Вторая секция! Чистить по разлому! Мы вас прикроем!

Внизу заблестали множественные веера ярко-фиолетовых лучей, лазерной щеткой очищающие скалы и закоулки.

— Вышли на группу пацы! — доложили снизу. — Два десятка, все с бластами! Половина бросила оружие, половина не сдается!

— Если враг не сдается, — сухо процитировал Середа, — его уничтожают!

— Принято...

«Ничего, — с ожесточением подумал Середа, — вам же хорошая школа! Познайте, что враг бывает не только со щупальцами...»

Десантники, гоня впереди себя штурмовых киберов, свернули и, поднявшись по мощному конусу выноса, ввалились в широкую долину с крутыми стенами. Устье долины, гладкое и плоское, было усеяно лиловыми кактусами, похожими на громадные репы. А еще на морских ежей.

— Кактусы... — вяло удивился Середа. — Сколько их здесь...

— Рецепторы показывают резкое увеличение влажности, — доложил Рыбников.

— То-то их тут порасплодилось...

На экране Середа ожидал увидеть обычный для Тарсиса радиальный разлом, а роботы перли вверх по самому настоящему сухому руслу.

Раньше здесь с ревом и грохотом проносились мутные потоки воды, закручивая в мальстримах грязные льдинки, подмывая берега, выворачивая камни, а ныне... А ныне о бурной молодости напоминали лишь извилистые протоки да прирусловые отмели, пересохший водопад, изогнутый подковой с зубчатыми краями, полусрытые ступени, зализанные валы, воронки, островки...

...Русло прорезало базальтовые покровы лавового плато, и еще минут через пять глазам Середы открылась котловина хаоса — типично марсианского образования. «Вот уж точно, — подумалось флагману, — что хаос, то хаос...» Холмы, многочисленные гряды и плосковершинные скальные блоки лежали внизу, словно куски торта на блюде, как попало порезанные и раздавленные. Их разделяли глубокие понижения-борозды и удлиненные, будто по линейке проведенные провалы с отвесными стенами. Вытанцовывалась аналогия с чужим городом-призраком, позабытым-позаброшенным, выморочным, где в беспорядке раскиданы дома без окон, без дверей... Нет, даже не город, а паровозное депо — то в одном месте, то в другом из зияющих трещин в грунте поднимался и плыл по ветру густой белый пар. Он моментально рассеивался, но тут, же взлетали новые клубы.

— Гейзеры... — пробормотал Середа. — Илья, что показывают хомодетекторы?

— Сплошной фон.

Клубящийся туман под «Дюранго» вспучивался, колышась мягкими волнами, серой слоистой пеленой обволакивал лиловые заросли и таял, таял, будто и не появлялся.

Сталагмиты древолистов, огромные ворохи упругой марсианской колючки, и еще какие-то растения, и еще — синие, лиловые, лазоревые...

Туман зарождался в горячих клокочущих источниках, сочащихся водой, минерализованным, животворящим напитком, бьющим из глубин, плюющим белую пену, брызжущим прозрачными струями, тающими в воздухе клубами пара.

— Они должны быть где-то здесь... — медленно проговорил Середа. — Рядом с водой...

— Есть! — крикнул Рыбников. — Пошел сигнал!

И в то же мгновение туман пронизала блистающая фиолетовая струна — подрагивающий луч лазера-гигаваттника. Инженер-филдер понадеялся на двуслойную защиту из мезовещества и не сгенерировал поле, а импульс пробил решетку носового гравитатора. Малый крейсер сотрясся, резко завалился вперед.

— Чего ждешь?! — заорал Середа, хватаясь за кресло. — Огонь! Пли по всему сектору!

Рыбников скороговоркой отбарабанил команду и покатился по полу нырявшей рубки. «Дюранго» падал — плавно, кружась, как кленовый «самолетик», удерживая себя на одном кормовом гравитаторе. Заговорили боевые посты, аннигиляторами и пакетными лазерами выжигая долину гейзеров. Густой туман сочно наливался трепещущим апельсинным цветом и растворялся, не выдерживая запредельных температур.

— Держитесь! — завопил Рыбников, и все вокруг словно забилося в лихорадке.

Переборка напрыгнула на Середу и чувствительно приложилась. Благо ее покрывал толстый слой чего-то мягкого.

— Сели? — раздраженно спросил Виктор.

— Ав-варийная посадка... — виновато доложил Рыбников и шмыгнул носом. Середа только засопел, с трудом удерживая отборный мат.

— Крейсер, блин! — рычал он, двигаясь по коридору. — Подбили, как стоячего!

Он выбрался в стандартный жилой сектор и перегнулся через хлипкие перильца. Отсюда были видны все кубрики.

— Десант! — рявкнул он. — На рампу!

Выглядывавшие головы в круглых шлемах моментально скрылись. Послышался слитный топот, с гулом пошла вниз рампа. Середа, хмурый и злой, опустился на первый уровень и лишь там облачился в тяжелую броню. Толстые сегменты сухо щелкали, облегая его тело поверх комбинезона. Зашипев, опустился полусферический колпак со щелью визира.

— Выдвигаемся! — скомандовал Середа. — Третья секция идет впереди! Четвертой разделиться — шестерка с левого фланга, шестерка — с правого! Следовать в двадцати метрах за третьей! Пятой прикрывать тыл! Пошли!

Середа сошел с рампы и огляделся. Той долины, что виделась ему с небес, уже не существовало — огонь спалил всю органику, пятнами и полосами спекая песок, черной гарью пятная скалы. От гигаваттника осталась лужица металла, из которой чайной ложкой торчал керамический ствол, а неизвестные стрелки и вовсе осыпались прахом.

Середа повернулся в другую сторону, и на душе у него стало легче — над воронками, сверкавшими соляным разноцветьем, по новой курился пар и шипели струи, пробиваясь через корку шлака. Вот захрустело, забулькало, и черный кружащийся пепел пробило тугими белыми струями. Грязный серый туман оседал, испарялся, брызги падали на камни, как на раскаленную сковородку, и сердито скворчали.

— Господин флагман! — послышался голос кандидата в рядовые Рио Брая. — Нашли!

— Что нашли? — недовольно спросил Середа.

— Пацы нашли! У них тут пещерка, с тамбуром!

— Сопротивляются?

— Никак нет!

— Выковыривай их оттуда и на борт!

— Есть!

Середа поглядел на понурую колонну пацы в разномастных комбезах и перевел взгляд на «Дюранго». Малый атмосферный крейсер перегораживал всю долину, кормой раздавив песчаный холм, носом грузно свесившись за вал кратера. Около сдутой лазерным огнем решетки, прикрывавшей антиграв, копошились бортинженеры.

Неуклюжая фигура в бронескафандре, смахивающая на андроида, подошла к Середе и отдала честь.

— Разрешите доложить! — послышался голос Рыбникова.

— Докладывай, Илья. Что там у вас? Надолго застряли?

— Никак нет! Меняем левый гравираспределитель, минут на двадцать работы! Разрешите идти?

— Идите.

Рыбников четко развернулся — с гулом отлетел валун — и пошагал к кораблю. Секция Збинского подгоняла прикладами вяло бредущих пацы. Те огрызались.

— Господин флагман! — опять вышел в эфир Рыбников. — Истребители прочесали каньоны!

— И?

— Чисто!

— Ясно. Грузите пацы, надо еще Осе помочь!

Инженерная группа управилась за одиннадцать минут — левый гравираспределитель починили, и МАК вернулся в небо. Повисев, он развернулся носом на восток и полетел, набирая скорость, в направлении Большого Сырта.

Осе помогать не пришлось. Еще на подлете к Форт-Соаму Середа увидел караван танков-транспортёров, волнистой змейкой замерших на тракте. Вездеходы догорали. Их борта весело блестели свежей оранжевой краской, на башнях красовались «пацифики»^[8], а моторные отделения были разворочены прямыми попаданиями плазменных излучателей.

Слева, на фоне черных скал Блек-Месы, поднимала свои башни и купола Соацера, неофициальная столица Марса, вобравшая в себя четыре старых купольных поселения — Большой и Теплый Сырт, Новую Антекирту и Соацеру, называемую теперь Старой.

Сразу за Блек-Месой дыбились колоссальные решетчатые полусферы старинного атмосферного завода. Неподалеку поблескивал город Соам, похожий на недостроенную пирамиду, сложенную из круглых модулей. Рядом, выдвинув кольцо усиленных опор, покоился в положении нормальной посадки «Поневеж». Его сизые борта кое-где пачкали кляксы и полосы сажи.

— Правь к нему, — велел Середа.

Рыбников нежно подвел «Дюранго» к систер-шипу, выпустил лапы шасси и посадил корабль. Экипаж встречали. На поле вышли десятки тысяч людей, звавших себя «шохо», а впереди огромной толпы сиял и лучился Жерар Москвичев.

— Построиться! — скомандовал Середа. Космопехота затопала вниз, сбегая по рампе и вспоминая, кто за кем стоит.

— Ста-ановись! Смир-рна!

Тут Москвичев, изображая волшебника, взмахнул рукой, и грянула музыка. Суровым, мощным маршем хлынули аккорды, пуская мурашки по телу. Середа едва не сказал, что мелодия не к месту, но тут вступил хор, и он прикусил язык.

Вставай, Земля огромная,
Вставай на смертный бой!
С чужою силой темною,
С космической ордой!

Шохо словно поснимали улыбки с лиц, подтянулись, посерьезнели. Москвичев подошел к Середе и развел руками.

— Понимаю, что плагиат, — сказал он, — но слова уже меняли, и я подумал, что и третий вариант выйдет не хуже...

А над полем гремела тяжкая поступь марша-зова:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная.
Священная война!

Плутон, база «Старый Восток».

— Упасть, отжаться! — рявкнул Таппи Нупуру, еще не так давно собиравшийся сдавать экзамены на младшего командора, а ныне обмывший погоны старшего.

Огромный ангар, занятый под штурм-полосу, задрожал от множественных эхо — новобранцы, кандидаты в рядовые космопехоты приняли упор лежа. Курт Зегерс, уже сделавший два круга по ангару размером со стадион, дышал ртом и хорошо понимал рыбу, выкинутую на брег, песчаный и пустой. Легких не хватало для дыхания, руки подламывались, отказываясь разгибаться, а локальная гравитустановка выдавала двойную гравитацию — «для пущего напрягу», как палачески ухмылялся старший командор.

— Встать! Бегом марш!

«Скорей бы в бой, — мелькнуло у Курта. — Суворов утверждал, что только в учении тяжело...»

Кандидаты оперлись сначала на колени, потом поднялись на трясущиеся ноги.

— Не могу больше! — застонал кто-то.

— Через «не могу»! — отрезал Нупуру. — А если окажетесь в зоне прямого поражения?! Тоже будете скулить и нюнить?!

— Лучше сдохнуть...

Таппи за шиворот поднял «слабое звено» — бритоголового парня с унылым выражением Пьеро, встряхнул его и прошелся вдоль строя.

— Тут не лагерь отдыха! — заорал он. — И не клуб садомазохистов! Вы служите в Доброфлоте! И кто вы?

— Кандидаты... — вякнул кто-то слабым голосом.

— Не-ет! — ласково протянул Нупуру. — Вы разгильдяи и чмошники! Мамсики и задохлики! Трусы и лодыри! С-салабоны! Но я намерен выдавить из вас все дерьмо и превратить хлюпиков хоть в какое-то подобие бойцов! А уж воинами станут те из вас, кто пройдет хотя бы три боя! Почему три, спросите вы? Потому что в первом вам будет не до сопротивления, а если выживете, то мигом найдете себе занятие — сушить подмоченные комбезы и выгребать из них... сами знаете что! Во втором бою вы, может быть, и сохраните скафандры сухими, но толку с вас будет чуть. И только в третий бой вы вступите с пониманием своего маневра, будете знать где, что и как! «Не могу!» — передразнил он. — Это в вас пищит недодавленный лентяй! Так давите его! Не позволяйте изнеженному организму командовать вами! А иначе можете уматывать из рядов! Но прежде чем станете собирать вещи, нарисуйте свой портрет и подпишите жирными буквами: «ЧМО»! А как вас еще называть?!

Нупуру хмуро обвел взглядом понурившихся, покачивавшихся кандидатов и пробурчал:

— Отдохнули? Бегом марш!

Зегерс усилием воли стронул себя с места и погнал по дорожке. Упругая дорожка вихлялась и кособочилась, пот щипал глаза, но на то, чтобы утереть их, не хватало сил. Скорей бы добежать! И рухнуть. И не вставать больше...

— Всё! — прозвучала заветная команда. — В душ!

Зегерс, хватая воздух пересохшим ртом, поплелся в душевую. Радости он не испытывал, слишком устал. И облегчения особого тоже не чувствовалось, даже за порогом ангара, где поддерживали обычную силу притяжения.

Почти два месяца он в учебном центре. Первые дни вообще пластом лежал после занятий, теперь окреп, появился навык, впервые в жизни стал попадать из лучемета не в небо, а в мишень. И все равно до настоящего бойца ему еще далеко...

С трудом стянув влажную футболку и трусы, Зегерс шагнул в душевую кабинку. Горячие струи ударили со всех сторон, смывая пот и грязь. Кандидат в рядовые постанывал и чувствовал, как откуда-то из глубин души всплывает удовлетворение: а меня командир не ругал! Я сегодня сдал норму! Выжал себя, как лимон, но сдал!

Переодевшись в чистый комплект, Курт выбрался в коридор — прозрачную круглую галерею. Она тянулась вверх огромной решетчатой фермы, длиннющей сцепки титановых балок.

За вогнутыми стенами стелился Плутон. Пейзаж напоминал Антарктиду, освещен лунным светом. Бледно-синими увалами уходили к горизонту снега, только не белые, а желтовато-розового оттенка — это по здешней зиме вымерзла и опала органика из хилой атмосферы. Из снегов выпирали ледяные скалы — лед водный, лед азотный, лед угарного газа. Солнце не бросалось в глаза — просто большая звезда с чуть заметным диском. И как же она удерживает на привязи Плутон?

Зато здоровенный Харон занимал в небе раз в семь больше места, чем Луна земной ночью. Он висел в зените над базой и светился призрачным голубоватым огнем.

На его фоне величаво маневрировали суперкрейсера класса «Конунг». «Хакан» разворачивался, выпячивая покатое днище, — убывал на учебные стрельбы, — а «Бравлин» в этот момент шел на стыковку с «Плутоном-2» — его экипаж уже отстрелялся, изничтожив Эвридику, один из малых спутников девятой планеты.

Зегерс задержался. Какая мощь! Силища! Эти диски-гиганты казались необоримыми. Как солнца...

Внезапный шум отвлек его. Люк на входе в коридор-галерею распахнулся, и на Зегерса побежал кто-то из новеньких — глаза во всю радужку, губы пляшут, в руках бласт.

— С дороги! — взвизгнул новенький и помчался, скача в беге-полете, отталкиваясь ногами то от пола, то от стен, благо Плутон притягивал тела в одну пятнадцатую «же». В отверстии люка показались двое из службы безопасности, тоже с бластами, но включать оружие остерегались обе стороны — стрельба в галерее чересчур уж напоминала бы суицид, ведь по ту сторону прозрачной стены, держащей изнутри давление в девять тонн на квадратный сантиметр, — вакуум.

— Держи гада! — крикнул один из безопасников, и Курт узнал по голосу Василия Токмакова, по совместительству инженер-гастронома. Новенький приблизился вплотную, и Зегерс, притворившись, что перепуган и жметя к стенке, молниеносно упал и сделал подсечку. Новенький взмахнул руками, выпуская бласт, и полетел, утратив связь с магнитным полом, пару раз кувыркнулся и врезался спиной в прозрачный свод. Курт метнулся следом и схватил новенького за руку, заломил, прижал носом к вогнутому стеклу.

Новенький завизжал.

— Спасибо!.. — выдохнул Токмаков, хватая «добычу» с другого боку. — Мину, гаденыш, ставил, представляешь?!

— Мину?! — вытаращился Зегерс. — Где?!

— На борту «Рогволта», — зло процедил напарник Токмакова. — Как раз в модуле кислородного синтеза! Рвануло бы так, что весь сектор — в пыль!

— Ах ты гад! — вознегодовал Зегерс и дал новенькому пинка. Тот заверещал. — Так ты паци?! Знал бы — в утилизатор спустил!

— Жандармы! — мычал новенький. — Держиморды!

Сотрудники СБ не исповедовали принципов политкорректности и от души врезали диверсанту. Зегерс добавил. Это надо же, «Рогволт» заминировать! Да любой «супер» минировать — преступление, но на «Рогволте» ему самому идти, Курту Зегерсу, журналисту по призванию, кандидату в рядовые по долгу!

— Что случилось? — подлетел сзади Горчаков, долговязый доброволец.

— Паци повязали! — хмуро процедил Зегерс.

— Ну! — изумился Горчаков. — Да это ж Фанас со второго базового! Ах ты... И сюда добрались!

— Пошли скорее! — сказал Дьердь, кандидат с зеркально выбритым черепом и мускулистым затылком.

— Пошли!

Они пошли и выбрались в вакуум-отсек седьмого базового блока. Под полусферическим потолком толпилось множество народа. Зегерс узнал флагмана Середу и обрадовался — значит, скоро в поход! Не в гости же пожаловал Виктор!

— Спокойно, бойцы! — крикнул Середка, и польщенные «бойцы» мигом заткнулись. — Занимаетесь вы последнюю декаду. Я бы вас еще с годик помуштровал, да времени нет! Короче, я формирую эскадру и поведу ее к планетам кхацкхов. Высокопочтенный Паа Такет поможет нам отыскать секретную базу флота. Вот так... Что, удивлены? Выбалтываю военные тайны? — усмехнулся Середка. — Ничего, сейчас можно! Сейчас все, от кандидата до капитан-командора, построятся в очередь на ментоскопирование. Мы не в том положении, чтобы слепо доверять друг другу. За нами Земля! Слишком многое поставлено на карту, а посему засунем свою гордость... в одно место, и шагом марш под ментоскоп!

— А что будет с Фанасом? — спросила высокая девушка с пшеничной косой.

— А что бывает с диверсантами? — усмехнулся Середка.

В это время Токмаков с напарником подвели Фанаса. Фанас дико озирался и шевелил губами, словно пытаюсь что-то сказать, но, не имея сил выговорить.

— Скотина! — кинулась к нему девушка с косой. Подруги ее еле удержали — коса мазнула Фанаса по лицу. — Мы ж тебе верили!

— Спокойствие, только спокойствие! — произнес Середка.

Фанас гордо поднял голову.

— Бейте меня! — пылко сказал он. — Хоть пытайте! Все равно ничего от меня не услышите! Или вы надеетесь на свои ментоскопы?! Зря надеетесь! — почти кричал Фанас. — У меня имплант в мозгу! И вы никогда! Ничего!

— Хватит орать, — спокойно произнес Середка, — хватит из себя героя корчить. Мне ментоскоп ни к чему, ты и так всю правду выложишь. Пытать его! — фыркнул он. — Да что ты знаешь о пытках, урод? Да тебе «козу»образишь, и ты уже в штаны навалишь! Все, что

ты умеешь, это жабам задницы лизать! Я вот только не пойму, как ты распознаешь у них жопы? По запаху, что ли?

В толпе засмеялись. Фанас скривил губы в подобие мученической улыбки. А Середа достал из нагрудного кармашка граненое стиле, взял Фанаса за руку, сунул стиле между его пальцами и крепко сжал ладонь. Фанас заорал от боли, морща лицо и приседая.

— Имя! — рявкнул Середа. — Задание!

— Лысенко! Лысенко меня зовут! — проверещал Фанас. — У-о-о! Геннадий я! Ы-ы-ы! Нам приказано установить заряды на суперкрейсера-ах!

— Кем приказано?!

— Саввиным! — взвыл Лжефанас. — Команданте!

— Сколько вас на базе?

— Т-трое! Бо-ольно-о!

— Имена! Живо, м-мразь!

— Ион Дрэгану-у! Ване Саакашвили-и-и!

Середа разжал руку, вынул стиле из слипшихся пальцев Лысенко и сунул обратно в карман.

— Плоховасто ты к подвигу готовился, — усмехнулся Середа. — Вася...

Тот оторвался от радиодинамика и доложил:

— Дрэгану уже взяли, Саакашвили ищут!

— Ладно, тогда... Шемякин, выдай Гене скафандр!

Напарник Токмакова щелкнул каблучками — в отсеке работала гравитация — и бросился к одному из боксов. Подняв прозрачную шторку, он выволок из бокса пустотный скафандр жесткого типа и растворил заднюю крышку.

— Залазь! — коротко приказал Середа.

Лысенко, пугливо озираясь, полез ногами в вакуум-скафандр. Токмаков запихнул неловкого диверсанта внутрь и закупорил скафандр.

— В кесон его! — скомандовал Середа и вынул радиодинамик.

Токмаков с Шемякиным подтащили упирившегося Лысенко ко внутреннему люку кессона, и диверсант, заподозрив неладное, руками и ногами уперся в раму люка. Зегерс бросился на подмогу. Втроем впихнув Лысенко в кесон, они закрыли люк.

— Алло, как слышишь, Геннадий? — спросил Середа по радиодинамику и включил громкую связь. По отсеку разнеслось хриплое дыхание. — Ты нам готовил подарочек, и я тебе сюрприз припас!

Шемякин поймал взгляд флага, кивнул и нажал кнопку. Все бросились к иллюминаторам. Курт увидел, как из внешнего люка, в ореоле снежинок из замерзшего воздуха вылетел Лысенко. Мгновенная разгерметизация вытолкнула диверсанта, как пневматическая винтовка выбрасывает пульку.

— А-а-а! — прорезался дикий крик.

— Не ори, — поморщился Середа. — Когда волнуешься, больше кислорода потребляешь, а у тебя баллон заряжен на пять минут!

— Спасите! — орал, Лысенко.

— А кто бы спас тех, кому ты готовил смерть от удушья?! Вот и испробуй, что это такое...

— Я всех сдам! Я все сделаю!

— Лети, голубь!

И Середа отключил радиодфон. Народ безмолвствовал.

— Самое поганое в моей должности, — негромко произнес Середа, — это необходимость карать. Но что делать? Уговаривать? Так бесполезно уговаривать! Перевоспитывать? Ну, уж нет! Если люди не желают подчиняться закону, пусть тогда боятся его!

— Флагман, — вздохнула девушка с косой, — вы думаете, мы не понимаем? Просто мы не привыкли умирать, потому и убивать нам трудно... Великий Космос, — вырвалось у нее, — какое счастье, что себумы не похожи на людей!

Все присутствующие грохнули, захохотали, атмосфера неловкости и напряжения разрядилась, а вакуум-отсек перестал чудиться эшафотом.

— Ладно, — усмехнулся Середа. — Шагом марш к ментоскопистам!

Вдруг завывла сирена. Под потолком замигали световые надписи: «ALERT» — «ALERT» — «ALERT».

— Тревога! — взревели динамики. — В зоне чужой корабль!

Середа бросился к ближайшему терминалу и связался с «Доннаром».

— Копаныгин! — заорал он. — Кто там?

— Себумекий корабль! — ответил капитан-командор, загнанно дыша. Видимо, только примчался. — Така говорит, это скаут!

— Запрос послал?

— Молчат!

— Сбивай! Стоп! Активируй тенинский контрактор!

— Есть!

— В темпе, в темпе давай!

Середа трусцой выбежал в прозрачную галерею и поднял голову, озирая темное небо.

— Вон он! — завопил кто-то из добровольцев. — Вон!

Флагман пригляделся — на голубоватом фоне Харона плыл размытый черный кружок скаута.

— Метров сто будет! — горячо заговорил Зегерс. — Или сто пятьдесят!

— Сейчас мы его... — послышался за спиной знакомый говорок.

Курт обернулся. Сзади стоял Тенин и нервно переплетал пальцы.

— «Доннар» на позиции! — глухо донеслось из отсека. — Контрактор активирован!

А скаут, словно не замечая угрозы, готовил диверсию. По промерзшей поверхности Плутона ударил лазерный луч. Ни в вакууме, ни в хиленькой атмосферке он заметен не был, но ров, мгновенно вырытый во льдах, был как роспись в содеянном. Глубокая борозда мгновенно прорезалась, дрожа фиолетовым огнем, а выбитый лед только-только стал пучиться, раскидываясь оплавленными кусками. Ров перпендикуляром шел к галерее...

— Брысь отсюда! — завопил Зегерс. — Все!

— Сейчас контракция пойдет! — воспротивился Тенин.

Курт с Виктором на пару подхватили ученого под руки и буквально вынесли из галереи. Сомкнулись створки люка, и тут же пол вздрогнул — лазер перебил галерею.

— Всем надеть скафандры! — ревел флагман.

Добровольцы всей толпой бросились к боксам, толкаясь и спеша.

— Уже всё! — закричал Тенин, подскакивая у маленького экрана. — Отбой! Пошла контракция!

Зегерс, не зная, что ему делать, придвинулся к экрану. А в нем черный овал «Доннара»,

видимого с ребра, испускал бледный сиреневый луч в сторону шара-скаута.

— Сейчас! — задыхаясь, проговорил Тенин. — Видите, флагман?! Сначала мы образуем область девятимерного пространства — это усиливает гравитационное воздействие на объект в двести пятьдесят шесть раз, а потом происходит сама контракция! Коллапсарные генераторы слишком велики, их только на крейсера ставить можно, а контракторы любому эсминцу подойдут... Вот! Вот! Ур-ра!

На экране было видно, как скаут замерцал и сжался до размеров ванны или бочки.

— Готов! — закричали в толпе добровольцев. — Сбили!

— Не сбили, а смяли!

— Утоптали!

— Качать Тенина!

Добровольцы вместе с Виктором подхватили ученого и подбросили к сферическому потолку.

— Осторожно! — завопил Тенин.

— Не бойсь! — хохотали внизу, выбрасывая руки. — Поймаем!

А потом все перебил говор динамика.

— Флагман! — доложил он голосом Копаныгина. — Фокус удался!

— Молодцы! — рявкнул Середа. — Благодарю за службу!

За круглым столом в штабном отсеке базы собрались все командиры кораблей, входящих во вторую ударную группу. Область ее штатной дислокации занимала пространство между Плутоном, Цербером и Седной. Первым выступил начальник Служб безопасности Кэссиди.

— Ментоскопирование не выявило явных врагов, — доложил он. — Нашлись, конечно, колеблющиеся и сочувствующие, но, надо сказать, свои симпатии к пацы они скрывают — видимо, стыдятся их. В качестве меры профилактики мы установим за этими людьми скрытое ментоскопическое наблюдение... Я понимаю, — приложил он руку к сердцу, — не всем нравятся наши методы, но флагман, верно, сказал: мы не в том положении, когда личные симпатии перевешивают. На нас, как это ни пафосно звучит, лежит ответственность за всю цивилизацию, поэтому давайте оставим обиды! У меня всё.

Середа кивнул.

— Высокопочтенный Паа Такет, — сказал он, — вам слово.

Кхацкх сделал рот трубочкой и начал:

— Наша сдвоенная семья поддерживает связь с оставшимися в Содружестве, и мне удалось узнать следующее. В системе зеленой звезды, которую вы, хомо, называете Альфой Эридана или Ахернаром, сохранилась наша секретная база. В ее бункерах прячутся около двадцати тысяч беженцев с планет Иста и Симарра. Там же, на базе, находятся корабли флота — увы, почти разгромленного... Если точно, то можно назвать число девятнадцать — столько всего сохранилось боевых кораблей, в основном модульных крейсеров и больших десантных крейсеров. Через наших ридеров я переговорил с адмиралом Хаа Леуи, и он выразил согласие идти на соединение с кораблями земного флота.

Паа Такет вернул ротовое отверстие в нормальное положение и сел.

— Всем все ясно? — спросил Середа. — Кстати, меня в коридоре уже уговаривали в стиле «Возьмите меня!», так что давайте сразу уточним — я отправляюсь не в бой, а в разведку боем. Главная задача сейчас — найти союзников, чтобы умножить наши силы, ибо

времени нет, а опасность вторжения растёт. А посему... Короче, в состав эскадры войдет суперкрейсер «Рюрик», планетарник «Доннар» и три транспорта типа МТ. Это всё. Остальной состав группы останется по месту дислокации — будете стоять в дозоре и держать уши на макушке. Всё, господа офицеры, свободны до завтра. А завтра ровно в шестнадцать ноль-ноль стартуем к Альфе Эридана!

Глава 17

КОНЕЦ РЕКИ

Аль Ахир Аль Нар, «Конец реки» — так называли древние арабы яркое светило в созвездии Эридана, которое европейские астрономы удостоили всего лишь буквой «альфа».

Звезда Ахернар не выглядела шаром горячей материи, скорее уж она напоминала юлу или круг сыра — так сильно ее сплющило. Горячий гигант Ахернар изливал потоки зеленого света, держа в узде тяготения четыре планеты и два пояса астероидов, и отстоял от Земли на сто сорок пять световых лет. Это колоссальное расстояние эскадра одолела на седьмой день, не то, летя, не то, покоясь в серой мгле подпространства.

Середа был очень доволен, своим решением лично заняться наведением мостов между землянами и кхацкхами. По крайней мере, шесть дней в пути позволили ему, как следует выспаться. Постоянно тревога — а вдруг не успею, вдруг они уже напали? — изматывала, доводя до неистовства, поэтому спать Виктор укладывался лишь при включенном гипноиндукторе.

Флагману отвели громадную каюту в офицерских секторах, рядом с салоном и рубкой. И обзорник был под стать жилплощади — шестиметровый круг открывался в бездну, переполненную небесными телами. Раскинув красивую мантию, перламутровым туманом застывшую звезды, цвел берилловыми переливами Ахернар. Ближайшая к нему планета пронизывала корону опаленным шаром, а вторая по счету была гигантом наподобие Нептуна или Урана, разрушая стройные теории о генезисе миров.

Атмосфера Геллы, как на линкосе звучало название этого «горячего Юпитера», постоянно кипела и бурлила, колоссальные вихри и столбальные штормы колебали водородно-гелиевый покров, а солнечный ветер далеко относил шлейф из вырванных атомов, вытягивая его, прочь от Ахернара, словно хвост кометы. У Геллы был всего лишь один спутник — Марг, планета размером с Землю. Вот на нее-то и выводил земные корабли высокопочтенный Паа Такет.

Середа приблизился вплотную к громадному экрану и встретил глазами свое смутное отражение.

И тут его вдруг пробила, прошила, пронзила мысль-понимание, мысль-определение. Он, Виктор Середа, младший командор из «негативной формации», стоит во главе самого могучего флота за всю историю Земли, хотя по мощи своей все еще уступающего себумскому. И тем не менее... Уже сорок тысяч человек под его командованием, десятки кораблей — крейсеров, рейдеров, эсминцев. Линкор планетарного подавления скоро сойдет со стапелей «Умбона». И вся эта колоссальная сила подчинена одному ему...

Середа прижался лицом к огромному обзорнику. Видно было отлично, как сквозь чистейшее стекло.

Он выпрямился, отер лицо ладонями и сказал слабому отражению в экране обзорника:
— Не вибрируй, флагман, прорвемся!

Стремительно шагая, Виктор покинул каюту и прошел в рубку «Рюрика». Это был огромный зал, где широкими дугами гнулись пульта, а панорамный экран обегал его лентой будто бы прозрачных стен. За пультами сидели десятки людей, они постоянно переговаривались и совершали пассы над россыпями сенсоров и клавиш, заглядывали вглубь разноцветных экранов и интересовались мнением компьютеров. Сдержанный гул голосов

отражался от потолка.

— Слушайте все! Начинаем торможение!

— Прекратить все работы! Занять места посадочного расписания!

— Постаю УАС — готовность!

— Подходим на тангенциальной скорости!

По ходу движения, в самом центре панорамника круглился подсвеченный Марг, приближавшийся к полумесяцу Геллы. Марг как раз проходил ионизированный шлейф, выдутый в пространство солнечным ветром, и в его атмосфере плясали светящиеся полосы, изгибаясь над всем видимым полушарием.

Подбежал Григорян.

— Господин флагман... — начал он бойко, но Середа остановил его.

— Себумов не видать?

— В том-то и дело! — нахмурился Анастас. — Весь флот прикрытия ушел! Его тут и было-то... единицы четыре, пять от силы. Но и этого нет! Я, знаете, что думаю? А не собирают ли жабы все силы для главного удара?

— Похоже на то, — кивнул, Середа и тут же поправился: — Но именно, похоже!

— Двигатели на торможение! — скомандовал Копаныгин. — Гравикомпенсаторы на минус восемь «же»!

Гигантская чечевица суперкрейсера, осаженная планетарными двигателями, сбросила скорость и сманеврировала, переходя на орбиту вокруг Марга. Марг понемножку выходил из тени «планеты-хозяйки» — ветвящиеся и волнующиеся полосы в его атмосфере гасли и расплывались, делаясь нечеткими, как струи дыма в небе. Освещенный край Геллы все накалялся, начиная на Марге рассветные сумерки. Впрочем, не было похоже, что ночи на Марге так уж беспросветны — громадное бурое зеркало Геллы озаряло темную сторону планеты куда ярче полной земной Луны.

Ахернар выплыл из-за края Геллы и посветил на Марг — пятнистый красно-оранжевый шар.

— А где находились корабли себумов? — поинтересовался Середа.

— Они обращались вокруг Геллы, — ответил Паа Такет.

— Слушай, Така... — задумался Середа, — Вы дольше воюете с жабами, бывало такое, чтобы себумский флот прикрытия покидал захваченную планету?

— Бывало, — ответил Такет, смешно боднув головой, что, видимо, соответствовало человеческому кивку. — В том случае, если на планете не отмечены очаги сопротивления или готовится новое вторжение. Тогда флот прикрытия идет на соединение с основными силами...

— Понятно... — помрачнел Середа. — И вторжение готовится в Солнечную, больше некуда... Ч-черт!

— Время еще есть, — утешил его Такет. — Себумы никогда не спешат, они будут долго копить силы. А теперь им еще надо обязательно проанализировать причины гибели своего скаута... Так что у нас в распоряжении, высокопочтенный флагман, как минимум две декады времени. Возможно, три.

— Ладно, — тряхнул головой Середа. — Постараемся управиться... Показывай, куда садиться!

— Наша база находится на экваторе, — сказал кхацкх, — координаты я уже передал...

— И себумы ее не нашли? — поднял брови Середа.

— Наша база укрыта в лесу... — начал было Такет и вытянул рот. — О, вы же не знаете маргианских лесов! Это сложный многоуровневый биоценоз... Его опорами служат гигантские деревья дху высотой с вашу Эйфелеву или Останкинскую башню. Нижние кроны дху вяжутся друг с другом, толстые стволы переплетаются ту же настала в деревянных мостах. Этот второй ярус, поднятый над почвой метров на десять, заносится пылью, на него сыплется пепел от сгорающих верхних крон, и вырастает вторичный лес. Его верхушки смыкаются со средними кронами дху... Этот третий ярус непрочен, он сквозит разрывами и провалами, но он тоже заселен животными, как и первый со вторым...

— И базу свою вы отгрохали на первом? — догадался Середа.

— Да, — боднул воздух кхацкх.

— А корабли?

— Корабли наполовину скрыты в шахтах, наполовину замаскированы под стволы дху. А разная живность, кишачая на ярусах, сводит биодетекторы себумов с ума...

— И маскирует кхацкхов, — кивнул Середа. — Хорошо устроились!

«Рюрик» тем временем снижался. Он прорвал толстый слой облачности и перешел в горизонталь, поплыл над черно-зеленым лесом. Листья, мясистые и толстые, будто оладьи, серебрились снизу, и воздушная волна, нагоняемая суперкрейсером, гладила растения «против шерсти» — чернь и зелень переливались седым железом. Башнеподобные дху возносили над лесом гладкие стволы, увенчанные полубовисшими помпонами обмякших сине-зеленых щупалец, трубчатых, ищущих, растягивающих полупрозрачные перепонки, шуршащих и поскрипывающих по внешней акустике.

— Сейчас будет озеро, — сказал Такет, — это наиболее удобное место для посадки.

— Приготовиться! — тут же скомандовал Копаныгин.

Из-за горизонта под брюхо суперкрейсера подтянулось круглое озеро в широком обрамлении лишайника. Водоем лежал в котловине, окруженной по кольцу пологим валом. Скорей всего, это был метеоритный кратер или кальдера потухшего вулкана.

— Посадка в точке надира! Малой тягой на посадку!

Исполинский корпус «Рюрика» завис над грунтом.

— Можно выйти наружу? — спросил кхацкх. Он заметно волновался.

Середа глянул на Копаныгина, и тот важно кивнул.

— Корабль переведен в стационарное состояние, — сообщил капитан-командор и добавил обычным голосом: — Гравилифт я опустил на бережок.

— Пошли, Така, — сказал Середа, — покажешь мне свои уголья!

— Какие ж они мои... — вздохнул кхацкх.

— Не прибедняйся...

Облачившись в легкий биоскафандр, Середа спустился на поверхность. За его спиной низко гудел гравилифт, впереди, на опушке, махали ветвями деревья маргианского леса, а вверху, между выпуклым днищем супера и шаровидными кронами дху, светились многослойные серебристые облака и едва проглядывал край Геллы.

— Пойдемте, — сказал Такет и поковылял к лесу на верхушке вала, раздвигая мягкоупругие стебли лишайника. Потревоженный лишайник надувал спороносы и пускал дымчатые струйки пыльцы, искристо переливавшиеся в воздухе.

На валу показались другие кхацкхи. Они настороженно замерли между пупырчатыми стволами.

Все кхацкхи были в обычной национальной одежде — коротких штанах и длинных

рубах — и в прозрачных пленочных скафандрах. Кхацкхи не шевелились, но присутствие Паа Такета подтопило тонкий ледок.

— Мир тебе, препочтенный Хаа Леуи! — церемонно проговорил Такет, и кхацкхи на опушке задвигались, словно сбрасывая вериги недоверия и опаски.

— Мир тебе, высокопочтенный Паа Такет! — отвечивал Хаа Леуи.

— Вы уже выучили русский? — удивился Середа.

— Но это, же всего только язык! — не понял Така эмоции флагмана.

— Вообще-то, да... — пробормотал Середа и поднял руку: — Мир вам!

Кхацкхи загомонили, адресуя флагману встречные пожелания. Хаа Леуи сделал вполне человеческий жест, приглашая гостей следовать за ним. Середа взял с собой Копаныгина и двинулся за хозяином.

— Как твое капитанство? — спросил Середа, оборачиваясь к Михаилу.

— Привыкаю... — неуверенно ответил Копаныгин. — Они все какие-то блаженные! — вырвалось у него. — Отдашь команду, тут же кидаются исполнять, но... как дети, ей-богу! Будто играют в войнушку! Им интересно, они развлекаются! Но война-то будет не понарошку!

— Ну, скаут они таки уделали... — заметил Середа, отводя ветку дерева, нахально лезущую обниматься.

— Так то скаут...

— Знаешь, что я тебе скажу... — решил флагман напоить капитан-командора из кладезя мудрости. — Человек, он человек и есть. Мы миллион лет дрались, воевали, били врага, и вдруг какие-то сто лет мира и покоя вытравили из нас агрессивность! Да ни за что я в это не поверю!

— Ну, тут же не просто агрессивность, тут надо убивать...

— А убивать всегда нелегко, — спокойно заметил Середа. — Даже если перед тобой враг, и ты точно знаешь, что он гад из гадов, рука все равно не поднимается! Причинить смерть — это так страшно, тошно, это же навсегда! А убьешь первого, перемучаешься, покорчишься и привыкнешь... Ну и лесок у них!

За валом начинались дебри — кольчатые и пупырчатые стволы не рвались вверх, а клонились дугами, закручивались спиральями и кренделями. Из тонкой, мягкой коры, висевшей складками, торчали длинные — в руку, но не опасные шипы с зелеными склизкими комочками на остриях. Комочки шевелились, сжимаясь и разжимаясь, и едва слышно хлопали — этот звук стоял над лесом, заменяя шелест земных листьев или нежный шорох марсианской растительности.

Длинное и гибкое змеиное тело заструилось по белому стволу между шипами, но не ползком — десятки маленьких кривых ножек несли его. Вот ногастая змея замерла, подняла треугольную голову с огромными круглыми глазами, судорожно икнула горловым мешочком и порскнула в шипастую поросль.

А вот какие-то пушистые шарики величиной с футбольный мяч выкатились на тропу, пища и сдуваясь, заметались под ногами. Копаныгин не утерпел — сделал финт, обвел «защитника» в лице Середы и отпасовал живой мяч в ломкие кусты. «Мяч» встопорщил шерсть и негодуяще зашипел.

— Это был штрафной, — объяснил Копаныгин и вздохнул: — Да-а... давненько я на поле не выходил...

— Вот дадим себумам сдачи, — пообещал Середа, — я тебе организую сборную ЦСКФ.

будешь там хоть нападающим, хоть защитником!

А кхацкхи между тем спустились в темный провал и манили за собой хомо.

— А, так это мы по крыше шли! — догадался Копаныгин.

— А сейчас будет пол, — подтвердил его догадку Середа.

Они ступали под высокими сводами из переплетенных стволов. Со сводов, поддерживавших «вторичный лес», свисали белесые корни, пушащиеся волоконцами, натягивались целые полотнища густых паутин. Середе на ум сразу пришла Грановитая палата в Кремле — похожие скосы, перетекающие с потолков к мощным, толстым колоннам, только в этом невероятном лесу опорные столбы были живыми — оплывшими стволами деревьев дху под сотню метров в поперечнике у комля. Куда там баобадам с секвойями...

На первом ярусе было сыро и прохладно, как в подземелье, но не темно. Повсюду — на стволах дху, на воздушных корнях, на своде — висели пузыри с ярко светящейся жидкостью. Пузыри шевелились, их то продавливало, то раздувало, и свет погуливал, передвигая блики по голой, утоптанной почве, по фигурам степенно шествовавших кхацкхов, тонул в ворохах молочных корней, и те казались стеклистыми. В ярких пятнах света вокруг пузырей висели неровные белые комочки, похожие на шарики из мятой бумаги. Иногда они отлепливались и падали вниз, разворачиваясь. Трепеща уголками, быстро-быстро выгибаясь парашютиками и выворачиваясь чашками, животинки хаотично порхали, бросая по сторонам пугающие тени, и ловили что-то летучее, еще более мелкое — каких-то зеленых мушек. Мушки прилипали к ним и тонко жужжали.

— А воздух тут свежий... — принялся Копаныгин. — Вентиляция...

— Закрыв бы ты лучше шлем, — посоветовал ему Середа, — подцепишь еще какую-нибудь заразу...

— Не... Мне локальную биоблокаду вкололи!

Стало светлее. Впереди показались более-менее прямоугольные бункера, приземистые, серого цвета, с наплывами и вздутиями, равномерно чередующимися по пористым стенам.

— На коралл похоже, — сказал Копаныгин. — У меня дома веточка была, ребята привезли с Красного моря...

— А это и есть коралл, — проговорил Середа, щупая шероховатую стену. — У них же биоцивилизация...

Хаа Леуи остановился у входа и протянул руки ладонями вперед, словно упираясь во что-то невидимое.

Середа миновал широкий проем и попал в большой зал, сухой и теплый. В ярком свете, на толстых циновках сидело множество кхацкхов. Одни жевали синие палочки и помалкивали со скорбным выражением на белых лицах, другие сидели, замерев. Надо полагать, общались телепатически.

Хаа Леуи и Така непринужденно уселись на свободные циновки. Середа устроился рядом.

— Садись, — посоветовал он Копаныгину и похлопал по циновке, — не изображай из себя памятник.

Михаил сел. К людям подсеменял биоробот, многорукий и многоглазый, и протянул два подносика с остро пахнущими палочками, горкой прозрачных ягод с красными косточками и сосудами, похожими на реторты, полными шипучей жидкости цвета чернил.

— Угощайся! — гостеприимно предложил Середа Копаныгину. — А я посмотрю... Моя

персона — особо важная, ее беречь надо.

— Правильно! — нарочито оскорбленным тоном протянул тот. — Как что, так сразу Копаныгин.

Подозрительно приняхавшись к реторте, Михаил задрал брови и рискнул отпить. Его физиономия изобразила кроткий восторг. Тогда и Середа отпробовал питья. По вкусу — терпкий, кисло-сладкий сок, но нутро греет не хуже коньяка.

Така наклонился к флагману и тихо промолвил:

— По нашим обычаям гость начинает говорить первым...

— Что ж ты сразу не сказал?

— Долгая пауза перед речью — это хороший тон.

Середа быстро разжевал ягодку — вяжущая мякоть приятно обволокла язык — и начал:

— Почтенные кхацкхи! Я не сведущ в ваших обычаях, поэтому прошу простить невольные промашки... Буду краток, ибо времени для долгих разговоров нам не оставлено. Себумы заняли ваши планеты и погубили множество народа, теперь они нацелились на землян... Зададимся двумя вопросами. Во-первых, сможете ли вы сбросить иго себумов сами? Однозначно — нет! Жабы не позволят вам взять реванш, они будут методично и последовательно истреблять кхацкхов, пока не уничтожат всю вашу расу, как это уже было с дивами и лахла! Вас просто вынудят бороться за выживание, вы будете прятаться, и перепрятываться, и чем дальше, тем меньшее сопротивление вы сможете оказать захватчикам. Так есть ли у вас выход? Есть. Их целых три. Самый простой — вообще ничего не предпринимать. Этот выход ведет к проигрышу. Можно постараться эвакуироваться со своих родных планет, поскитаться по Галактике и пристроиться на какой-нибудь новой планете. И начать все сначала. Выход? Да, но самый ненадежный. Сами подумайте: ну как вы сможете скрытно переселить миллиарды носителей разума? И куда? И сколько времени это займет? А уж начинать все с нуля... Да вам веков не хватит, чтобы поднять цивилизацию до прежнего уровня! А себумы не дадут вам столько времени! Они же не остановятся, пока не займут всю Галактику! Или пока мы их не остановим!

Кхацкхи одобрительно пободали воздух.

— Ни вам, ни нам этого в одиночку не совершить, — продолжал Середа. — Нам необходимо объединить силы и сообща ударить по себумам! И это надо делать побыстрее, потому как в будущем может не хватить даже наших объединенных сил. Себумов уже двадцать миллиардов, они плодятся и размножаются, строя все новые и новые корабли! И если мы не ударим сейчас, потом будет поздно. Вы можете подумать, будто я беспокоюсь лишь о своей родной планете. Дескать, хочет флагман-хомо нашими руками добыть победу и уберечь свой мир! Конечно, мне не хватит сил Доброфлота, чтобы противостоять вторжению — ударный флот себумов сильнее и опытнее. Но! Думайте что хотите, однако постарайтесь понять мое первейшее и единственное желание — мне нужно объединить наши силы и разгромить жаб! Так мы и Землю убережем, и все ваши планеты освободим, а главное — отведем навсегда угрозу новых нашествий! Что еще? Всё.

— Мы подумаем, — сказал Хаа Леуи.

— Пяти минут вам хватит? — поинтересовался Середа, озлясь.

— Вполне, — спокойно ответил препочтенный Леуи.

Повисла тишина.

— Така, — негромко спросил Середа, — я знаю, вашей цивилизации триста тысяч лет, знаю, что она у вас биологическая... А войны у вас были?

— Были, — ответил кхацкх, и пленка затянула его огромные глаза. — Тоже биологические... Мы насылали на врагов конденсированные облака вирусов, сбрасывали с наших живых дирижаблей биотерминаторы с протоплазмой, пожирающей всю органику... — кхацкх вздохнул. — Всякое бывало... Но периоды мира были дольше, тысячи и тысячи лет мы не разрушали, а только строили. А наша последняя война случилась за четырнадцать тысяч лет до Нашествия...

— Ни хрена себе, — буркнул Середа, — у нас тогда еще на мамонтов охотились!

— А теперь жабы охотятся на нас, — вздохнул Такет. — Мы, наверное, слишком увлеклись нравственным самоусовершенствованием, прогрессом морали и этики. Это хорошо — для мира, но губельно в годы войны. Мы — «медленная цивилизация», как и всякая с приставкой «био». Люди и себумы, начав гораздо позже, обогнали нас. Вы развивали технологии в ущерб духовности и готовы бороться за свои миры, а мы, достигшие высот Духа и Мысли, потеряли родные планеты...

— Ничего, — буркнул Середа, — вернем!

Тут Хаа Леуи пошевелился и сказал:

— Мы обдумали ваше предложение и принимаем его.

— Вот и отлично! — обрадовался Середа.

— Но есть вопрос, — отметил препочтенный Леуи.

— Слушаю.

— Если мы присоединим к вашему флоту корабли, которые базируются на Марге, как защитить тех кхацкхов, что живут здесь?

— Это просто, — ответил Середа. — Мы пригнали транспорты, на них должно хватить места, чтобы эвакуировать всех — на Землю или на Марс. Годится такой вариант?

— Годится, — боднул головой Леуи.

— Тогда начнем!

В этот момент у Копаныгина запиликал коммуникатор. Михаил поднес его к уху и сказал:

— Да, слушаю!

Пищущий голос был для Середы неразличим, но мрачающее лицо Копаныгина докладывало без слов: новости были плохими. Или очень плохими.

— Из подпространства выходят большие корабли! — отрапортовал Копаныгин.

Середа мысленно застонал.

— Много их?

— Шестнадцать единиц.

— Ах ты черт... — Середа вынул из кармана плашку радифона и заговорил: — Григорян! Противника наблюдаете?

— Так точно! — ответил Анастас с борта «Доннара». — Дрейф погасили, разгоняются в нашу сторону! Сейчас они в трех мегаметрах!

— Ясно! Слушай сюда: транспорты вниз, начать посадку эвакуантов! СК^[9] держать оборону, пока МТ^[10] не уйдут в подпространство! Исполнять!

— Слушаюсь!

Середа повернулся к Леуи.

— Что у вас за корабли? — спросил он резко.

— Модульные десантные крейсера, — доложил кхацкх. — Это что-то вроде себумских истребителей-носцев. На каждом — по две тысячи десантно-штурмовых модулей и

истребителей прикрытия.

— Пусть стартуют немедленно! — распорядился Середа. — Помогут нашим прикрыть отход транспортов!

Леуи послушно боднул головой воздух.

— Да, — вспомнил Середа, — и распорядитесь насчет эвакуации! Транспорты уже садятся, чем быстрее погрузимся, тем быстрее уйдем отсюда и меньше потеряем убитыми и ранеными!

Чинно-благородное собрание кхацкхов моментально преобразилось, все забежали, засуетились, заговорили.

— Копаныгин! Така! Пулей на борт! — скомандовал Середа и выбежал под своды удивительного многоэтажного леса.

Суперкрейсер над озером уже зажег все навигационные огни, объявляя готовность один. Флагман ворвался в гравифт и отдал команду:

— Кораблю — взлет!

В транспортной капсуле Середа малость отдышался, поругав себя за небрежные занятия физкультурой, и в рубку вошел уже хладнокровным воякой, подтянутым и собранным.

«Рюрик», переведенный из стационарного состояния, поднимался над Маргом. Внизу, подернутый облачками, бугрился лес.

— Стартуют! — крикнул Копаныгин.

Самые большие деревья дху плавно опадали, открывая лучам Ахернара зеркальные корпуса длинных сигар. В сотню метров поперечником модульные крейсера величественно поднимались из глубоких шахт, выдвигаясь на пятьсот метров, на километр...

— Да когда ж они кончатся?! — воскликнул Копаныгин.

Модульники «кончились», достигнув в длину полутора километров. Гигантские круглокорпусные корабли толстыми иглами прокалывали облачность, прошивали атмосферу и выходили на орбиту, нестерпимо сверкая на солнце. Один из модульных крейсеров прошел рядом с «Рюриком», и оказалось, что не так уж гладок его корпус — там обтекатели антенн торчат, здесь ребра радиаторов и тестерные пазы, и еще множество овальных выступов, рядами и шеренгами — полуутопленные модули: десантные, десантно-штурмовые, истребительные.

— Господин флагман! — крикнул возбужденный Григорян. — На связи адмирал Леуи!

— Дай громкую!

Середа дал, и рубку заполнил говорок кхацкха:

— Флагман, на орбиту выведены все двадцать четыре модульника. Посадка на транспорты ведется организованно. Жду ваших приказаний.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Адмирал, — в том же тоне заговорил Середа, — ваша задача не пропустить к планете себумских истребителей и штурмовиков!

— Я должен их сажать?

— Ты должен их сбивать!

— Понял. Принял к исполнению. К вылету готовы тысяча пятьсот истребителей-перехватчиков. Первая сотня стартовала. Пошла вторая...

Внезапно Така приглушенно воскликнул, раскидывая руки в стороны — жест крайнего изумления.

— Что еще? — буркнул Середа.

— Флагман! — сказал Така, волнуясь. — Это не себумы!

— Что?! Что-что?

— Это не себумы вышли из подпространства! На подходе ударные и линейные крейсера таоте!

— Рептилоидов?!

Середа на долгую секунду растерялся. Облегчение в нем боролось с опасением: кто приближается? Новые враги?

— Григорян! — гаркнул он. — Срочный запрос на линкосу! Кто, откуда, по какой надобности?

— Нам представляться? — уточнил Анастас.

— Обязательно!

Ударная группировка таоте перестроилась в оборонительную воронку и замедлила продвижение. Теперь стала заметна и форма звездолетов — все крейсера представляли собой объемные эллипсоиды, этакие «яйца» в два, а то и в четыре километра длиной.

— Они хотят говорить! — крикнул Григорян. — С нашим «главнокомандующим и главноначальствующим»! Что передать?

— Таоте признают только личные встречи! — подсказал Така.

— Передай, — велел Середа, — что местом встречи я предлагаю суперкрейсер или планетарник. Пусть выбирают...

Анастас отправил радиогамму в срочном импульсе и вскоре разогнулся над пультом:

— Они согласны! И высылают легкий крейсер!

— Займешься стыковкой...

— Есть!

Корабли сходились.

— Слушайте все! По местам! Окончательное торможение! Гравикомпенсаторы на минус два «же»!

Суперкрейсер остановился и повис в пустоте. Слева сиял Ахернар, справа клубилась Гелла, вся в кипени протуберанцев.

— Планетарный осветитель включить! Зажечь посадочное освещение правого борта!

Исполинская громада «легкого крейсера» — всего-то полкилометра в длину! — подошла к самому борту «Рюрика». Суперкрейсер выставил с правого борта гигантские причальные упоры, коснулся ими корабля таоте и погасил остаток инерции. Две соединительные трубы-галереи выдвинулись и сошлись переходными камерами.

— Есть стыковка!

Над передней частью легкого крейсера, на круглой, огражденной площадке верхнего обзора показался рептилоид в пузырячатом скафандре с суставчатыми конечностями. Он медленно поднял руки вверх и резко опустил их, разводя в стороны и сгибаясь в поклоне.

— Таоте приветствуют хомо! — пояснил Така смысл телодвижения.

— Ну, что ж, — сказал Середа, — хозяину полагается встретить гостей. Пошли, Така, будешь подсказывать.

Прихватив эскорт в полдюжины десантников, флагман спустился в четвертый шлюз, откуда тянулась швартовочная галерея, и стал ждать. Ожидание не затянулось — зашипело в малом кессоне, потом открылся внутренний люк, и на палубу шагнули трое рептилоидов — таоте. Насколько помнил Середа, подобные встречи происходили всего дважды — таоте не

были расположены к контактам. Середа с любопытством разглядывал чужих. Таоте напоминали тритонов или гигантских саламандр. Кожа у них была чешуйчатой, зеленой, лицо — плоский овал с двумя глазами-блюдцами, а вот руки почти человечески, только трехпалые.

Мода таоте не отличалась оригинальностью — от пояса и ниже колен рептилоиды прикрывались длинной юбкой наподобие саронга или парео, на узкие плечи они накидывали пелеринки или короткие пончо, а ноги до колен покрывали обмотками.

Таоте, стоявший впереди троицы, повторил движение приветствия — воздел руки и раскинул их в низком поклоне.

Середа поклонился в ответ. Таоте, ворочая яблоками глаз, произнес на очень чистом русском языке:

— Здравствуйте, добрый день, привет!

— Я приветствую уважаемых таоте на борту моего корабля, — ответил Середа.

Рептилоид замер на секунду, словно соображая, и представился:

— Я Эо из семьи Коа, начальствующий над пятью манипулами кораблей. Кто ты?

— Я Виктор Середа, флагман Доброфлота... начальствующий над сорока манипулами кораблей.

Така удовлетворенно кивнул, подтверждая верность звания. Таоте переглянулись.

— Будем говорить здесь, Виктор, — решил Эо. — Согласен?

— Вполне. Говорить о чем?

— О нас, о вас, о себумах.

— Я слушаю.

— Себумы ведут войну. Они победили кхацкхов, они хотят победить твои миры, они будут стремиться победить планеты таоте.

— Верно.

— Себумы сильнее кхацкхов, сильнее хомо, сильнее таоте.

— Точно...

— Если корабли таоте будут вместе с кораблями хомо и кораблями кхацкхов, мы станем сильнее себумов.

— Сильнее, — согласился Середа, — или сравниваем силы.

— И тогда, — заключил Эо, — уже мы победим себумов.

— Совершенно верно!

— Наш разведчик наблюдал сражение у звезды Тайя, где твой крейсер разрушил два мегадестроера себумов. Мы сделали вывод, что крейсер ранее принадлежал себумам.

— Да, мы захватили его.

— Крейсер неспособен одолеть даже один мегадестроер... — медленно выговорил Эо.

Середа усмехнулся.

— Мы, хомо, — мягко возразил он, — ужасные драчуны и забияки. Мы не сдаемся более сильному, мы ввязываемся с ним в драку. И побеждаем.

Таоте затряс головой, и Середе оставалось лишь догадываться, было ли это выражением, тождественным смеху, или удивлению. Ксенологи потом объяснят ему.

— Виктор Середа согласен быть начальствующим над кораблями таоте? — спокойно спросил Эо.

— Если таоте пообещают исполнять мои приказы, — медленно проговорил Середа, — и подчинятся общей для всех дисциплине, то я дам свое согласие.

Таоте застыл секунды на две и потряс головой.

— Таоте будут исполнять отданные тобою приказы, — заверил он флагмана, — и подчинятся правилам дисциплины.

— В таком случае я согласен.

Теперь уже все трое таоте затрясли головами.

— Рад, — сказал Эо, — горд, восхищен! Жду твоего приказа, флагман.

— Готовься выходить в подпространство, Эо. Мои корабли и эскадра кхацкхов пойдут на соединение с основными силами в системе Солнца. Группа флотов себумов готовится к вторжению на Землю. Твоя задача — напасть на одну из их планет, чтобы оттянуть на себя один из флотов себумов.

— Будет исполнено, флагман, — четко ответил Эо. — Прощай, до свиданья, пока!

— Пока, начальствующий. Удачи!

Таоте воздели руки и поклонились. Разом повернувшись, они вышли в кессон, а еще через пять минут Середа ощутил слабый толчок — легкий крейсер рептилоидов расстыковался с «Рюриком».

Середа стоял с громко бьющимся сердцем. Вздвогнув, он достал коммуникатор и торжественно отчеканил:

— Слушайте все! Приготовиться к переходу в подпространство! Финиш — планета Земля!

Глава 18

ВТОРЖЕНИЕ

1. Земля, Дальневосточный регион, Токио

Тэцуро Васэда в кимоно выглядел на манер сёгуна, воинственного и жестокого воина, с этакой твердостью в чертах и суровым блеском в очах. Разве что рукоятка меча-катаны не торчала за поясом. А вот в обычном костюме Тэцуро на самурая не тянул — так себе, заурядный чиновник, коих немало шатается по Токио. Среднего роста, средних способностей. Посмотришь на лицо, отвернешься — и забудешь. А скажи кому, что Васэда-сан был представлен к награждению орденами «Восходящего солнца», «Ашока Чакра», «Льва и Солнца», «Почетного легиона», так не поверят же! И зря — орденских планок у Тэцуро хватало.

В ПНОИ Васэда был на хорошем счету. Начинал он полевым агентом, но после ранения перевелся в аналитический отдел, где серьезно преуспел. Его даже прочили в заместители начальника отдела, а там, глядишь, и до шефа дорос бы — с амбициями у Тэцуро все обстояло, как надо.

Приглаживая растрепавшиеся волосы, Васэда подошел к прозрачному парапету, ограждавшему плоскую крышу билдинга, и глянул вниз. Внизу была Гиндза, центр токийской сутолоки. Небоскребы, соединяясь воздушными коридорами на высоте двадцати этажей, зажимали потоки атомокаров на эстакадах и толпы пешеходов на всех ярусах полидуков. Крыши машин толклись почти впритык друг к другу и казались сверху ползущей зернистой икрой, разноцветной и лаково-блестящей. А людская масса вполне подчинялась законам броуновского движения и течения жидкостей — пеший народ табунился несколькими потоками, завихрялся у входов в офисы, в распределители, в клубы, комитеты и салоны, стекал в подземные переходы по эскалаторам и тянулся вверх по пандусам.

Штаб-квартира японского филиала ПНОИ поднималась всего на полсотни горизонтов и казалась скромной вершиной предгорья, окруженной восьмитысячниками Гималаев. В прогале между двухсотэтажными башнями-близнецами напротив был виден Яэсу — Токийский центральный вокзал, с крыши которого важно поднимался тяжелый ульдер. Пузатый аппарат на сто посадочных мест развернулся и поплыл, набирая скорость, к аэропорту Ханэда-2.

Тэцуро проводил его глазами, размышляя, не тот ли это ульдер, что доставил его самого, обвел глазами горную страну из стали, металлопласта и стекломассы, отмеченную на картах как центр Токио, и отвлекся на приглушенный посвист глайдера, похожего на прозрачный утюг. Антиграв плавно опускался на восьмиугольную площадку с намалеванной буквой «Эйч». Лыжи мягко коснулись зеленой рубчатки, и с места пилота выпрыгнул парень в одних черных фундоси. Он был бос, крепок и весь покрыт татуировками, как якудза из далекого прошлого. Парень подскочил к дверце пассажирского отделения и с поклоном распахнул ее. На площадку торопливо спустился улыбочивый, бодрый типчик в строгой синей

тройке, зеркальных очках и с кейсом в руке. Тэцуро прищурился. Какие люди! Сам Танака-Оябун! Самый вонючий стинкер^[11] региона! Танака глянул на Тэцуро — аналитик отразился в зеркальцах очков — и быстро прошагал к эскалатору.

Тэцуро мрачно посмотрел ему вслед. «Обнаглели», — подумал он. Насупившись, Тэцуро побродил всячим парком, пока не забрел в закусочную и не решил угоститься суси. Зеркально-блестящий кибер мигом положил перед Тэцуро большой лист какого-то растения, подал горячую влажную салфетку — протереть лицо и руки, поставил сосуд с соусом, слепил колобок из вареного риса, положил на лист, добавил сверху кусочек сырого тунца и взялся за новый колобок.

Тэцуро ел не спеша, окуная суси в соус и поглядывая на робота. Сочленения кибера, умножая отражения жующего агента, напоминали ему о распоясавшемся Танаке.

Тэцуро подчистил рисовым колобочком соус и уныло задумался. Стинкеры, такие, как Танака, — свои в мире разнузданной сытости. А все почему? А все потому, что людям скучно! Миллиарды обывателей тупеют от праздности и бесятся с жиру. Первые из стинкеров, лет двести назад, занимались подпольной вербовкой работяг на астероиды, промышляли контрабандой, сутенерствовали. Но это когда было-то! У начала времен, в разобщенном мире, где еще имелась экономика и обращались деньги. Был бизнес. Был рынок. Была мафия.

Но сейчас-то откуда берется эта плесень?! И как может плесень прижиться в чистом, выскобленном до блеска, обеззараженном мире?! Гниль нет, нечистот нет... Выходит, есть. О, у стинкеров нюх на тухлятинку! На души с гнильцой, на нечистые помыслы. Для таких Танака человек нужный. Он и к проституткам проводит, и запрещенные нейростимуляторы предложит, устроит бои без правил или охоту на животных. Но чем, же этот гад берет?! Мегаватт-часами?

Тэцуро посмотрел на кибера, оглянулся — никого поблизости? — и вызывающе произнес:

— А все равно мы их прижучим!

Повеселев, Тэцуро направился к эскалатору, наслаждаясь убегающими минутами отпуска. Первый раз за три года он позволил себе отрешиться от суеты и отдохнуть, не подскакивая при звуках тревожных звонков. И спасибо шефу, что ни разу не отозвал его, не загрузил каким-нибудь «всячком», рассыпаясь при этом в замысловатых извинениях. Да, старый Касима Сёхэй берег своих сотрудников и не отвлекал их от заслуженного отдыха.

Чем ниже оказывался Тэцуро, шагая по эскалатору, тем сильнее погружался в будни. За прозрачной стенкой круглой галереи металась фигуры сотрудников, мелькали озабоченные лица, перемигивались компы на стеллажах, зигзагом шныряли киберуборщики, уворачиваясь в людской толкучке от ног в ботинках и ножек в туфельках. Васэда вышел на тридцать втором горизонте, окунулся в шуму текучки, вдохнул кондиционированный воздух, приправленный ионами и озоном, и почувствовал сильнейший позыв заняться делом.

— Здравствуй, Тэцуро! — прошебетала Фумико, быстренько процокав мимо.

Тэцуро едва успел послать свой привет ей вдогонку, как столкнулся с Онодэрой из отдела ЧП.

— Привет отпускникам! — расплылся «чепист».

— Привет работягам! — отвечивал Тэцуро. — Где шеф?

— У себя! Сидит и тщательно продумывает детали казни для опоздавших! Поспешите! Кто знает, может, и помилует...

— Не в ПНОИ тебе надо, — проворчал Тэцуро, — а в Мировую Сеть. Говорят, в Останкине дефицит шоуменов...

Онодэра хохотнул и побежал дальше, а Тэцуро выдохнул, оправил пиджак и вошел в служебный модуль начальника филиала. За тесным «предбанником», как именовали субмодуль русские коллеги, открывалось обширное помещение, передней прозрачной стеной выходящее в атриум, где цвел и зеленел японский садик. К этой стене-окну была пристроена огромная дуга стола-пульта. На визоры и консоли падала зеленоватая тень молодого бамбука за окном, шевелящегося под струями вентиляторов, и словно маскировала сутулую фигуру Касимы Сёхэя за пультом. Шеф был в строгой черной паре, шея затянута белым воротничком и узким галстуком-«удавкой», большие руки крестьянина-рисовода сложены на столе, лицо задумчиво и чуть печально. Старость — не радость, а шефу пошел сто семнадцатый...

— Здравствуйте, сэнсэй, — почтительно произнес Тэцуро и поклонился.

Лицо начальника не изменило выражения, лишь сухие тонкие губы разошлись, пропуская скупую улыбку.

— Здравствуй, Тэцуро. Проходи, садись.

Васэда прошел и сел.

— Как настроение? — спросил шеф.

— Рабочее, — доложил Тэцуро. — Боевое.

— Это хорошо... Есть дело.

Тэцуро изобразил статую «Особое внимание».

— Надо бы заняться одним человечком...

— Оябуном?

— При чем здесь Оябун? — удивился шеф.

— Ну-у... Я видел его на крыше и подумал...

— Тебе не нравится Танака? — улыбнулся Сёхэй.

— Активно не нравится!

— А вот множество людей не может обойтись без его услуг...

— Изолятор по нему плачет!

— Поплачет и перестанет. А тебе известно, Тэцуро, что Танаке имплантирован мозгодатчик?

— Что-о?!

— Да-да... И мы всегда в курсе его делишек. А сегодня он лично прилетел доложить, кто за отчетный квартал посещал его «массажные салоны», закрытые спортклубы и фантоматы. Там длинный список...

— Так он — наш агент?

— Точнее, информатор.

— Знаете, сэнсэй, мне понятно всё, что творилось в прошлом. Но тогда была экономика! Сейчас ее нет, сейчас всего хватает с избытком. Нет денег, нет купли-продажи, нет наживы. И я не понимаю, зачем тому же Танаке нужны все эти салоны и спортклубы? Что он получает за свой «труд»?

— Произведения искусства, Тэцуро. Это нынче всеобщий эквивалент. Статуэтками и картинами оплачивают известного рода услуги и дают взятки. Помните, от нас ушел Сунагава? Знаете, почему? Сына одного уважаемого человека он перевел из категории «негативной формации» в нормы, за что получил две старинные статуэткаи-нэцке...

— Моральный урод... — пробурчал Васэда.

Шеф развел руками, открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг здание сильно трянуло, и все заходило ходуном. Прозрачный лист спектрогласса, отгораживавший атриум, лопнул. Затрещал потолок, из коридора донеслись визги и крики.

— Землетрясение! — вскричал Тэцуро.

В следующую секунду огромное окно — от стены до стены — выгнулось внутрь и лопнуло, с пушечным грохотом разлетаясь по модулю. Один из осколков, острый и зазубренный, как огромный сюрюкен, вонзился в спинку кресла Сэхэя, отрезая сэнсэю голову. С долю секунды голова с выпученными глазами покоилась на осколке, словно на подносе, потом соскользнула по крови на шатавшийся пол.

Тэцуро вскочил и сразу упал, покатился в сторону выбитого окна. Не помня себя, он закричал, цепляясь за скользкое покрытие, но тщетно — модуль кренился в сторону улицы.

В отчаянном усилии Васэда уперся каблуками в раму окна. Из положения, лежа он, увидел, как рушились башни-близнецы, как медленно они оседали, погружаясь сами в себя. Непроглядная туча пыли за клубилась над Гиндзой, а потом из-за небоскребов выплыл исполинский диск. Его необъятное днище застило все небо, скрывая в тени и Гиндзу, и Синдзюку. Сверху вниз срывались спирально вихрящиеся ручьи перегретой плазмы. Эти бледно-фиолетовые потоки разрушали город, как струи воды под давлением размывают песочные фигуры. Громадные здания опали, содрогаясь в опасном наклоне, их стены выворачивались наизнанку, и все содержимое этажей — мебель, техника, жильцы — валилось вниз, в ужасную кашу из битых атомокаров и обломков, мертвых людей и разрушенных киберов. С чудовищным скрежетом и гулом лопались каркасы, огромные массы расплавленного металла, кипящей пластмассы и жидкого литопласта, сверкавшего белым накалом, низвергались на улицы, словно могучие фонтаны красных брызг и желтых искр, отекая и застывая, погребая раненых и убитых под толстой серой корой.

Тэцуро все это время кричал, мотая головой, не в силах выдержать безумие тотального уничтожения, истребления миллионов людей, обрушения небоскребов, но крик его не пробивался сквозь неумолчный грохот.

Внезапно за клубами дыма и пыли проглянуло солнце — диск удалялся. Показался его край, слабо круглящийся и усыпанный вздутиями.

— Сэнсэй! — неожиданно послышался голос. — Тэцуро!

Васэда будто очнулся. Он оглянулся и увидел на подъеме, в выбитых дверях, Онодэру.

— Я здесь! — закричал Тэцуро. — Веревку кинь! Веревку!

— Держи!

Вниз по наклонному полу пополз пучок волноводов, перехваченный сцепками. Тэцуро ухватился за разлохмаченный «хвост» и перекатился на живот. В этот момент здание сотряслось, и его вынесло за окно, так ударив грудью о раму, что вопль пресекся в горле. Судорожно засучив ногами по пластиковой облицовке, он заорал:

— Тащи! Онодэра!

Онодэра не ответил, зато волноводы натянулись, подтаскивая Васэду. Вот и родимый пол. Теперь Тэцуро стал смелее — он извивался, отталкиваясь ногами от стены, потом встал на колени и посеменил до желанной двери. Все! Хрипло дыша, Васэда перелез порог, упал вбок и откинулся на стену.

— Где сэнсэй? — спросил Онодэра, промакивая рукавом кровь на лбу.

— Погиб...

Онодэра кивнул, принимая это сообщение к сведению.

— Это вторжение, — сказал он. — Ударный флот себумов напал на Землю.

— Не может быть... — вяло, словно нехотя, удивился Тэцуро.

— А ты выгляни на улицу...

Встав на четвереньки, Тэцуро осторожно выглянул в перекошенную дверь. Небоскребных хребтов и гряд из высоток больше не существовало, билдинги развалились и расплавились, открывая грандиозную панораму на одноэтажный Токио, застроенный коттеджами. Там бушевали пожары. Огненные протуберанцы шатались, завертываясь и выкручиваясь, питая жаром и гарью столбы дыма, серые, сизые, копотно-черные и ядовито-желтые, сливавшиеся в необозримую плотную тучу. Ветер относил дымы, открывая смутный конус Фудзи на западе.

— Тут поработал диск, — выговорил Тэцуро и прокашлялся. — А себумские корабли, они в форме шаров...

— Диски у них тоже есть, это трофейные корабли. А уж кто их строил, история умалчивает...

Онодэра придвинулся к двери и хрипло рассмеялся.

— Гляди! — уткнул он палец в небо. — Вот тебе и шар!

С задымленных высот опускался гигантский круглый корабль. Он завис, потом лениво сместился и открыл огонь из аннигиляторов. Пучки антипротонов оставляли в воздухе призрачные шлейфы — это распадались молекулы кислорода и азота — и въедались в полуобрушенные здания.

— Глаза! — заорал Онодэра.

Тэцуро крепко зажмурился и резко наклонил голову, но мерцавший бледно-фиолетовый свет нашел-таки дорогу к зрачкам, ослепляя фантомами вспышек, разивших, добивавших город.

— Уходим... — промычал Онодэра.

— Куда? — глухо спросил Тэцуро.

— Куда-куда... Под землю зароемся! В горы спрячемся! В океан погрузимся, на глубину! Найдем куда! Пошли, сказал!

И они пошли.

2. Северная Америка, Нью-Йорк

Танди Херрен недавно переехал в роскошную квартиру на Саут-Бронкс, совсем рядом с работой, но вчерашний вечер был так хорош... В общем, заночевал он у подруги, а та проживала в Квинсе, аж на 26-й авеню, и окна ее модуля выходили на серо-зеленые воды Литл-Нек-бэй.

И пришлось ему утром тащиться на фидере до Гранд-Сентрал Экспрессуэя. Толпы людей не убывали, они шли и шли по обе стороны фидер-транспортёра по замедлявшимся дорожкам — скакали по серым лентам к межсекторным линиям, сходили на неподвижные тротуары, перешагивали на экспрессы. А с другой стороны набегал не меньший поток пассажиров, перепрыгивавших с медленных дорожек на быстрые.

У Флашинга народ малость схлынул. Вокруг бегущей ленты фидера сплеталась и расплеталась запутанная сеть полос, двигавшихся на восьми уровнях, нырявших под арки и мостики, уводивших к сотням переходов разной сложности. То выше, то ниже горели яркие цветные указатели: «К СЕКТОРАМ БРОНКСА», «НАПРАВЛЕНИЕ К ТЕРМИНАЛУ ЛОУ АЙЛЕНД», «ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРУ МАНХЭТТЕНА».

О, это для него! Танди переступил на полосу, «ползущую» со скоростью под восемьдесят километров. Пластикового экрана на ней не было, Херрен привычно наклонился навстречу тугой воздушной струе и побежал вперед, с одной полосы на другую, наискосок, пока не добрался до платформы экспресс-транспортера, остекленной и обнесенной перилами.

Нижняя площадка была забита громко гогочущими туристами. Под сверканье блицконтракторов и метавизировок Танди протиснулся к узкой спиральной лестнице и поднялся наверх, где с великим облегчением плюхнулся в кресло.

Воздух весело посвистывал, обтекая изогнутые ветровые стекла, установленные на спинке каждого сиденья, а впереди открывался вид на Манхэттен — нагромождение разлинованных кубов и зеркальных призм, круглых башен и белых параллелепипедов. В туманной дымке за этим царством титанических кристаллов, на западной оконечности Манхэттена, высились тысячеэтажники-двойняшки, знаменитая «Поманок тауэрс». Левый из супернебоскребов смахивал на елку — его боковые аутригеры, что удерживали жилые кварталы, постепенно укорачивались к вершине. А вот правый вздымался, как ель, перевернутая корнями вверх. Два тысячеэтажника дополняли друг друга, их связывали мосты и прозрачные галереи, висячие сады и посадочные площадки.

— Простите, пожалуйста! — прокричала, склоняясь к Танди, молоденькая девушка. У нее было круглое загорелое лицо, нос в веснушках и отчаянные глаза светло-серого цвета. Она сильно щурилась от ветра и придерживала рукой вьющиеся волосы.

— Да! — громко ответил Херрен, кивая головой, — если не услышит, то хоть увидит.

— Вы не скажете, как мне проехать к Экономическому Совету?! — надрывалась девушка.

— Какому-какому Совету?

— Экономическому! — завопила девушка. — Совету! Хозяйственной! Сферы! Северной! Америки!

— А-а! — обрадовался Танди. — Так я как раз там работаю!

— Что?!

— Работаю! Я! Там!

— Поняла! Спасибо!

— А вы сами откуда?

— Из Мирового Статистического информария!

В этот самый момент экспресс нырнул в туннель под мостом Куинсборо, стало тихо, и голос девушки огласил своды громовым эхо, напугав пассажиров снизу.

— Фу-у! — выдохнула девушка и улыбнулась. — У меня уже горло заболело!

— А что у вас за проблема?

— Понимаете, — заговорила девушка очень солидным голосом, — МСИ получает только сведения о наличии на складах готовой продукции к концу рабочей недели. И вот... Промышленный комплекс «Нортрикс» еще декаду назад изменил свою структуру и начал

серийное выращивание ацетооргаников и биоорганической клетчатки. Уже неделю количество фабрикатов обнаруживает тенденцию к увеличению. Скоро затоварятся все склады в Чикаго!

Экспресс-транспортёр вынырнул на углу Центрального парка и по дуге свернул к Таймс-сквер. Скорость экспресса упала, и можно стало разговаривать без опаски осипнуть.

— А как зовут посланницу МСИ?

Девушка гордо вздернула конопатый носик и отрекомендовалась:

— Инженер статистических машин Стефани Никольс!

— Кибернетист-снабженец Танди Херрен!

Чем больше он смотрел на Стефани, тем больше она ему нравилась. Скромная, даже застенчивая, а глаза веселые. Не красавица, но хорошенькая. И умница.

— Ой, что это?! — воскликнула Стефани, показывая на небо за Гудзоном.

Прищурившись, Танди пригляделся и вскочил с кресла. Со стороны Нью-Джерси приближалось что-то невероятных размеров — колоссальный диск. Он плыл над городом, словно исполинское зеркало, отражавшее план Нью-Йорка — все его днище было исполосовано и расчерчено на квадраты и сегменты, отовсюду торчали купола и цилиндры, рядами горели огни, шеренгами чернели пазы. Туристы внизу всюду щелкали метавизирками.

— Это космический корабль! — закричала Стефани, хватаясь за Танди. — Я видела по СВ! Это себумы!

— С-спокойствие, — выдавил Херрен, — только спокойствие!

А секунду спустя множество полусфер на бесконечном подбрюшьи корабля выпустило десятки оранжевых струй, слепящих глаза. Это была высокотемпературная плазма.

Лучистым гребнем корабль прочесал Манхэттен, выжигая Центральный парк с Гудзона к Ист-Ривер, заваливая жилые кварталы от авеню Америк до Леноксавеню. Тяжкий грохот и рев докатились оттуда, в небо повалил дым, по улицам разносились пыль и пепел.

— Что они делают?! — в ужасе закричала Стефани. — А-а-а!

Экспресс-транспортёр дернулся и остановился.

— Бежим! — крикнула девушка. — Танди!

А Херрен застыл, словно оборотившись в соляной столб. Корабль себумов пересек Манхэттен, и его кормовые орудия ударили по башням «Поманок тауэрс». Ослепительный шар огня вздулся у поверхности земли, срубая под корешок тысячеэтажник-«елку». Исполинское здание, дотянувшееся до отметки четыре километра, вздрогнуло и начало падение, прорывая белое облако в вышине.

— Оно падает на нас!

— Не достанет! — вырвалось у Танди.

Чем ниже опускалась верхушка супернебоскреба, тем огромней и массивней он казался. Целые кварталы срывались с его выносов-кронштейнов и летели рядом, плавно переворачиваясь. Танди представил, сколько тысяч людей сейчас кувыркаются внутри модулей сверхбашни, попав перед смертью в состояние невесомости, и содрогнулся — удар размажет всех жильцов в желе...

Громада достигла земли и погрузилась в недра вдоль всей Мэдисон-авеню, ломая выносы, стряхивая кварталы, стирая в пыль дома. Земля вздрогнула так, что все атомокары, затормозившие на улицах, подпрыгнули на пару метров и рухнули на полопавшийся, дыбом вставший металлопласт. Танди со Стефани не удержались и слетели с площадки экспресс-

транспортера прямо на перевернутый атомкар. Стефани разбила голову и умерла мгновенно, Херрен отделался переломом позвоночника. Он лежал и хрипло дышал, глядя на небеса, затянутые дымом пожарищ. Тысячэтажник подпрыгнул всей своей массой, изгибаясь, изламываясь, теряя выносы, скакавшие по всему Манхэттену, и обрушился снова. «Моя спина, — подумал Танди, не чувствуя боли, — как бы не парализовало...»

Новый толчок обрушил несколько зданий, обступивших Бродвей, и одно из них, бликуя черными зеркалами стен, накрыло экспресс-транспортер, хороня и туристов, и кибернетиста-снабженца, и молоденького инженера статистических машин.

3. Евразия, Владивосток

Алексей Страут вышел в тамбур и по винтовой лестнице поднялся на второй этаж гигантского вагона, стлавшегося над колеей то ли шести, то ли десяти метров шириною — сверху не понять. За опалесцирующим прозрачным колпаком отмахивали назад сопки, засаженные молодыми сосенками, и мелькали старинные станционные сооружения, выстроенные вдоль всего Транссиба во времена Империи. Дореволюционные вокзальчики и водонапорные башни из тёмного кирпича и отесанного камня здорово смотрелись рядом со спектрогласовыми павильонами формулы «поликристалл» и ажурными арками микропогодных станций.

Впереди справа блеснул и начал разворачиваться серебряный лист Углового залива.

Страут подумал и подсел к прозрачной стенке вагона — на диванчик слева, чтобы лучше видеть Владивосток. Рита советовала ему заказать билет на стратолет и не мучиться целых два дня, добираясь с берегов Москвы-реки до побережья Японского моря, но он поступил по-своему. Ну, не любил он перемещаться по Земле с безумными скоростями и, если время позволяло, предпочитал стратолету поезд или электробус. Дольше? А много ты увидишь из иллюминатора стратоплана-гиперзвуковика? Синь стратосферы разве что. А тут вон — слева город, справа море... Есть на что посмотреть.

Поезд миновал Угольную, за коттеджами которой сверкали кристаллические цилиндры и призмы «спальных районов». На юге, смутно отражаясь в водах залива, вздымался зеркально-купольный жилмассив «Де-Фриз». Огибая полуостров того же имени, белел парусами туристский барк, выплывая в Амурский залив.

Страут посмотрел налево. Стеклянные кубы и усеченные пирамиды владивостокских окраин шли плавными волнами, забираясь на склоны гряды Богатая Грива и сходя с нее террасами; желтели и белели за соснами старинные санатории Садгорода.

Поезд, повторяя изгиб пути, отдалился от моря. Теперь по обе стороны от аркады высились дома-башни, дома-конусы, дома-призмы. Лезли в окна лапчатые дубы и колючие кедры. Быстро открывались широкие улицы, пересекаемые мостами, упирались на миг в точку перспективы, наполнились рядами машин и толпами пешеходов и снова задерживались бликующими стенами высоток. В их опалесцирующих окнах отражался сбавлявший скорость экспресс.

Незаметно доехали до Седанки. Из моря подняла крутые берега Коврижка — остров Скребцова.

«Все-таки быстро разросся Владивосток», — подумал Страут. Лет этак двадцать назад город занимал самый конец полуострова Муравьева-Амурского, обжимая бухту Золотой Рог, а теперь вся пенинсула застроена — от Амурского до Уссурийского заливов. И остров Русский наполовину коробками домов заставлен, и вон, на Коврижке, какие-то купола отсвечивают.

И это Страуту нравилось — он обожал большие города. Жил, как правило, «за чертой», на даче, а любил толчею, шум, сутолоку центральных проспектов Москвы или Новгорода. Гены такие...

Проехали Вторую Речку. По правую руку рассекал море нарядный многопалубный лайнер, а на белом фоне его борта эффектно пускал фонтан малый полосатик. Селедочку, видать, промышляет усатый-полосатый...

— Кит! Кит! — загомонили в салоне. Можно подумать, никогда китов не видели...

Перед Первой Речкой поезд нырнул в туннель, проехал под историческим центром города и вынырнул у самого вокзала, уже третий век повторявшего архитектурные «излишества», свойственные русской готике.

Подхватив куртку, Страут вышел на верхний перрон и прошагал на Вокзальную площадь. Несколько желтых такси-автоматов тут же двинулись к нему, но Страут отмахнулся, и кары разочарованно отъехали.

Давненько он тут не был... Сощурившись, Алексей огляделся. Слева — отель «Шамора», за ним уходили в небо небоскребы на Посъетской, смахивавшие на раздутые паруса из сверкавшего стекла и блестящего металла. Направо поднимается в горку Алеутская, зажатая старинными домами — имперских и советских времен. Прямо зеленеет висячими садами ступенчатая пирамида Центрального распределителя, сбоку к нему притулилась станция метро «Вокзал». Почему-то пузырь павильона облюбовали местные жрицы любви — вон они, крутят попами за изгибистым стеклом, предлагают интимные услуги... Ритка терпеть не могла проституток, а ему было как-то все равно. Сам он к сексу в розницу ни разу в жизни не приценивался, но уважал чужой труд. Эти девушки — они ведь тоже профессионалки...

Страут не спеша потопал направо, вверх по Алеутской. Перевалив горб, вышел на Светланскую и свернул на Суйфунскую. Владивосток — город удивительный! Вот эти улицы хотя бы — все они названы по именам кораблей. Чем-то город похож на Гонконг и Сан-Франциско. Те же бесконечные подъемы и спуски, дома на уступах, экзотическая смесь культур и стилей. Тут одновременно звонят колокола православной церкви, католической кирхи и буддистского дацана. А в порту... Страут обернулся к Золотому Рогу. Отсюда, с крутого подъема улицы, видно было плоховато, но можно угадать толчею из яхт, джонок и катеров. В один ряд выстроились сизые корабли Океанской охраны и развалистые грузовые катамараны, взбивает воду в пыль огромный балкер на воздушной подушке, окропляя щеголеватый клипер, распутивший невесомую гору парусов.

За гладкой зеленью Золотого Рога топорщил кварталы полуостров Чуркина. К нему через бухту тянулись два моста — Струнный и Адмиральский.

Полюбовавшись пейзажами, Страут пошагал к зданию, на дверях которого висела солидная вывеска: «Управление Океанской охраны». Алексей каждый свой отпуск проводил на море, только не на пляжах и курортах. Он пас китов. Лучшего для себя способа отдохнуть и зарядиться энергией Страут пока не находил.

Внезапно в порту завывли сирены — на одном корабле, на десяти, на всех. Рев поднялся

ужасающий и заполошный. Страут обернулся в тревоге — что могло приключиться? — и увидел нечто совершенно невероятное. За полуостровом в небе висел огромный шар. Он тускло отсвечивал выпуклыми боками, усыпанными вздутиями и пазами. Шар приближался.

Страут сразу узнал себумский крейсер — доброфлотовская кристаллозапись все же пробилась в эфир, хоть и однажды. Там показывали такой же, висевший в небе Варианы. Съемка была плохая, сделанная наспех, фокус прыгал — то вверх скакнет, на шар, извергающий радужные струи, то вниз, где клубились плазменные взрывы. Но то, что он видел в хронике издавека, никак не увязывалось с тем, на что устремлены были его глаза сейчас и здесь. Вариана — это понятно, но как бедствие войны может задеть его Землю?!

Над домами просвистели два истребителя-космоатмосферника. Сперва Алексей загордился, но очень скоро его ура-патриотический позыв сравнялся с нулем и даже ушел в минус. Истребители сближались с крейсером, они становились все меньше и меньше, пока вовсе не затерялись на сегментированном фоне. Земная мошкара на теле инопланетного динозавра...

Оба истребителя выстрелили по нарушителю, два огонечка блеснули и погасли. Следом вспыхнули оба космоатмосферника, растаяв в небе сизыми дымками. А крейсер, видимо, решил наказать хомо за строптивое поведение — разверз хляби небесного огня и прошелся вдоль полуострова излучателями антиматерии. Яркость бледно-лилового пламени и температура были так велики, что листья на деревьях по всей Суйфунской пожухли, а опаленные волосы затрещали. Страут упал, откатываясь за парапет террасы и гадая, сколько ему перепало рентген. Тугой волной налетел ветер, пышущий жаром, как из топки, донося чудовищный грохот.

Убийственное сияние аннигиляции погасло, и Страут на секундочку выглянул из-за парапета.

Дома, парки, улицы, мосты сдуло в первый же момент, и аннигиляторы крейсера взялись разрывать земную кору. Грунт, скалы, глина — все раскалялось докрасна, дожелта, добела. Смертоносная лава текла по развороченным улицам, огненными реками впадая в Золотой Рог. Громовое шипение гложло в тучах грязного пара. Продемонстрировав силу, крейсер открыл огонь по кораблям в порту. Потоки плазмы пробивали палубы, разламывали суда пополам или сжигали лишь носовые части. Корабли подбрасывало, они плавно валились на борт, показывая мокрые днища, и переворачивались. А себумы не успокаивались, они будто играли — пробивали судам дно, и тогда вверх били гейзеры мутной воды, выдавливаемые тонущими корпусами.

Колоссальный шар проплыл над городом. Переваливая сопку Орлиное гнездо, задел по пути энергоантенну и решетчатые мачты синоптических конденсаторов, но не обратил на это внимания.

Зависнув над макушкой сопки, крейсер стал медленно вращаться, потом выпустил струю плазмы, и та прочертила по городу широкую окружность, огненную борозду, пережигая все подряд — жилой комплекс, эстакаду, старинный ГУМ, дом Морского собрания. Удовлетворившись нанесенным ущербом, себумы двинулись дальше. Но не вернулись мир и покой.

Страут приподнялся над парапетом и долго глядел на полуостров Чуркина, затянутый дымами то черного, то синего, то красного цвета — там, где искусственно порожденная лава еще не остыла. Грохот стих, зато прорезалось множество иных шумов — крики, сирены, гул пожаров, скрежет рушившихся конструкций.

Страут медленно провел ладонью по бровям, волоски которых обгорели и оплавилась. В нем не было страха, не было ненависти. Алексей испытывал чувство непомерного унижения и полнейшей беспомощности, такой, что хотелось пасть на колени и выть.

— Ну, погодите, — проговорил он, разжимая сцепленные зубы, — ну, погодите...

Потом махнул рукой и побрел вниз, к порту. Там столько беды стряслось, что его руки будут нелишними...

4. Гавайские острова, Гонолулу.

За иллюминатором синела полоса калифорнийского берега, изредка застилаемая редкими белесыми облачками. А внизу, словно просыпанные семечки подсолнуха, плыли кашалоты. На юг.

Форрестол Кейн, единственный пассажир в этом отсеке ульдера, летел в одном направлении с китами. Настроение у него было мерзопакостное. Уволить! Его!

Форри процедил сквозь зубы что-то энергичное и несогласное с приличиями. Он летел на Гавайи, намереваясь развеяться в Гонолулу, но уверенности в том, что цветочные гирлянды помогут, было мало.

Километров за двести до Гавайских островов голубой океан вызолотило — от горизонта до горизонта зажелтели планктонные плантации. Уборочные комбайны в полтора километра длиной процеживали кисель из диатомей и рачков, переправляя сухой остаток на круглые самоходные плоты, где его превращали в съедобный концентрат.

Промелькнул широкий Гавайский коридор — огражденный с двух сторон переход через планктонные поля, по которому следовали синие киты.

На юге показалась зеленая зубчатая полоса острова Гавайи, заблестел пролив, проплыли рощи Мауи, и турболет описал вираж над Оаху, средним островом архипелага.

С востока горбился заросший лесом до самых вершин хребет Коолау, на западе дугою изогнулись горы Вапанае, а посередине лежала цветущая долина.

— Гонолулу, сэр... — скрипнул интерком.

Мелькнула еле узнаваемая «Алоха тауэр», запестрели крыши бесчисленных коттеджей, и в иллюминаторе появились огромные пищевые комбинаты Пёрл-Харбора.

— Сэр, идем на посадку. Просьба включить фиксаторы.

— Понял... — буркнул Кейн и двинул рычажок.

В аэропорту Форри раздраженно отмахнулся от пышной гавайки, бубнящей: «Алоха оэ» и все пытавшейся навесить ему на шею гирлянду орхидей.

— Отстань, а? — проронил он с чувством и побрел к стоянке.

Пятый по счету атомокар — совсем новенький «Тестудо», только дверца помята, — был свободен. За ветровым стеклом спокойно горел зеленый огонек, а ключ с нелепым брелоком болтался у рулевой дуги. Форри забрался на сиденье, включил кондиционер, после чего завел двигатель и выехал со стоянки. Переключить с зеленого на красный он догадался, лишь выехав на шоссе Н1.

— Занято! — свирепо фыркнул Форри махавшим на остановке и выжал акселератор так, что покрывки взвизгнули.

Слева потянулись крытые пышной зеленью горы, справа синел океан, прямо, почти на горизонте, дыбилась Алмазная Голова, потухший вулкан, у подножия которого искрились великолепные пляжи Вайкики.

«Что-то надо делать, — хмуро размышлял Форри. — Найти работу и доказать этим всем...» Дальше его мысли не шли, вязли и буксовали. Что доказать? И зачем?

Устроиться будет несложно, тем более с его квалификацией. Нынче работниками не швыряются, да и не все ж такие принципиальные идиоты, как начальник Отдела китов...

С Н1 Форри свернул направо, в Гонолулу. По обеим сторонам шоссе поползли прозрачные параллелепипеды и гофрированные купола промзоны. Здесь было совершенно безлюдно — только киберы суетились, бегая, как мыши по подвалу.

Вырулив на улицу Ала Моана, атомокар покатило вдоль бухты Гонолулу. Яркие катера и яхты, причаленные к белым пластмассовым пирсам, выглядели игрушками.

Напротив башни Алоха Форри обогнал «вайкики троллей» — электробус, раскрашенный под трамвай, и выехал в парк. Девушек, разгуливавших топлес, хватало, но Форри было не до них.

За мостом через канал Ала Ваи, минуя череду отелей, Кейн проехал по Калакауа-авеню, развернулся на Капахулу и выбрался на Кухио, к пансионату «Катамаран», стоящему на пересечении с Сисайд-стрит.

Ласковое солнце, женский смех, шуршание непричесанных пальм — ничто не радовало Форри. Обида и злость грызли его дуплетом.

Хлопнув дверцей, Кейн вышел, прошагал в холл отеля, отметил у автомата-регистратора, получил карточку, поднялся лифтом на указанный этаж, открыл дверь своего номера... Он совершал все эти действия совершенно механически, на рефлексах. Щелчок блокиратора словно вернул его к действительности. Форри с легким изумлением глянул на запертую дверь, на стандартную обстановку номера и повалился в кресло. «Не надо так уж разжижаться...» — подумал он. Сервис-робот тут же подъехал и предложил выпить.

— «Колу»! — буркнул Форри и получил запотевший стакан.

— Обед будете заказывать? — деловито осведомился робот.

— Давай, — равнодушно сказал Форри. — М-м-м... Сообрази мне стейк по-техасски и двойной виски типа «Кинг Джордж Фивз».

— Десерт?

— Обойдусь.

— Заказ принят!

Форри пересел из кресла на диванчик перед информатором и нашарил сенсор.

— Программу новостей? — вкрадчиво спросил прибор.

— Валяй...

— Параметры?

— Ну, давай в границах Тихого...

— ...Полным ходом идут работы по проекту «Большая Шахта», — с воодушевлением начал информатор. — На искусственном острове посреди Южно-Китайского моря выстроен огромный комплекс, состоящий из жилых модулей, энергостанций, ремонтных станций, различных техслужб, окружающих ядро — саму шахту, которую пробивают в астеносферу. По последним сообщениям, ствол шахты прошел отметку 52 километра. Люди работают в шесть смен — ведут проходку геологическими лазерами мощностью 250 мегаватт и аннигиляторами, удаляют лаву с помощью вакуумных установок, укрепляют стенки шахты и

устанавливают охладители...

— Хватит, — оборвал Форри. — Покажи мне вакансии для глубоководников.

— Акватория?

— Тихий, можно северную Атлантику... Нет, давай сначала Тихий.

— Выполняется...

На экране замелькали и выстроились строчки заявок:

«Требуется пилот на исследовательский БПГ «Тетис». Работы по научным планам НИИ океанологии им. Ширшова...»

— Пропустить, — процедил Форри.

«На рейсовую субмарину...»

— Дальше!

«На временную или постоянную работу требуется водитель субмарины со стажем и крепкими нервами. За риск выплачиваются премиальные...»

— Ну-ка, ну-ка... — заинтересовался Форри. — От кого заявка?

— Бюро обслуживания «Си сафари».

— Соедини меня с ними!

На экране нарисовалась трубка старинного телефона. Изображение мигнуло и развернулось. Виртуальная красавица мило улыбнулась и прошептала:

— Вы позвонили в офис бюро обслуживания «Си сафари». По поводу...

На экране по очереди стали загораться окошки: «Контракт», «Личное», «Работа»...

— Работа, — остановил череду Форри.

— Ваша профессия? — щебетнула красотка.

— Водитель субмарины 1-го класса, старший смотритель.

— Секундочку... — улыбка красотки зависла, но вскоре картинка ожила опять: — Вы один?

— В смысле? — не понял Кейн.

— Не находятся ли рядом с вами посторонние лица, могущие нарушить приватность переговоров?

— Нет.

— Подключаю...

Экран мигнул, и на Форри глянул усатенький молодчик с прилизанными волосами и хищным, сухим и горбатым носом.

— Мануэль?! — Форри выпучил глаза на экран. — Ты, что ли?!

Мануэль Состенес был давним приятелем Кейна, еще с сопливых времен раннего отрочества. Ныне сеньор Состенес подвизался на поприще теневого бизнеса — организовывал сафари для жаждущих адреналинового впрыска. Короче говоря, сеньор Состенес систематически нарушал «Зеленый закон», запрещающий все виды охоты и рыбалки.

— Узнал! — усмехнулся Мануэль с экрана. — Ты тоже не изменился, амиго. Все такой же... Большой и шумный!

— И дурной... — пробурчал Форри. — Меня турнули из ВОП, так что будь в курсе... За пьянку.

— Плевать! — отмахнулся Мануэль. — Наоборот, мне легче общаться с теми, кто не оглядывается поминутно на Психонадзор. У нас тут все такие!

— У вас — это у кого?

— Морское сафари! Охота на спрута, на большую белую акулу, на морского змея! На этого — плата втрое!

— Ни фиги себе... А меня возьмешь?

Мануэль засмеялся:

— Если б ты не позвонил сегодня, я б тебе сам звякнул! По старой памяти! Ты принят, Форри!

— Ну, грасиас, и все такое!

— Заявляйся завтра, с утра!

— Заметано!

Настроение Форри стремительно поднималось. Ему даже захотелось на пляж. Раздевшись до плавок — моду на купание голышом он не разделял — Кейн выбрался на сверкающий песок Вайкики, устланный загорелыми телами. Глаза разбегались, а кровь закипала...

Форри, решив охладиться, разбежался и нырнул под теплую голубую волну, поплыл, фыркая и отплевываясь. Удалившись от берега, он лег на спину и закачался на ласковой воде.

С неба донесся гром. Форри лениво повернул голову. Что-то падало сверху, по кривой в океан, оставляя пушистый белый след. Это мог быть только космический корабль или какая-нибудь орбитальная станция — уж больно быстро происходило падение. Небось в плотные слои это «что-то» вошло на космической скорости. И оно не просто падало, оно раскалялось от трения о воздух и сгорало — выступающие части отваливались, неслись рядом, протягивая собственный шлейф дыма. Корабль или станция упали за горизонтом.

«Надо будет вечером новости послушать, — расслабленно подумал Кейн. — Что они там с орбиты уронили, придурки...»

Его так отвлекло это падение, что он не сразу заметил исполинский шар, надвигавшийся с моря.

«Микросолнце, что ли? — удивился Кейн. Зачем оно здесь? Тут солнца и так до фиги...»

А шар подлетел к побережью и остановился. Снизился — купальщики с визгами понеслись к берегу. Шар прошелся вдоль, будто исследуя береговую линию.

«Похоже на крейсер себумов, — начало доходить до Форри, — а они там у себя, на Вескусе, уважают теплые воды, лагуны и все такое... Но что они делают здесь?!»

Крейсер испустил два снопа лучей, двумя залпами накрывая воды и берег. Гонолулу сразу погиб в плазменных взрывах, весь, целиком. Вот, только что был, сверкал стеклянными этажами за лохматостями пальм, и нет его!

А высокотемпературные потоки, обрушившиеся в океан, выгребали огромные воронки в воде. Волны кипятка схлопывались, выбрасывая в воздух тучи перегретого пара. Грохочущее «ш-ш-ших-х!» катилось над волнами.

Форри бешено заработал руками и ногами, стремясь к берегу. Там, по белому песку, были разбросаны обгорелые трупы и уголья на месте пальмовой рощи, что-то вспыхивало и чадило среди груды развалин. Там было страшно, но в океане было еще страшней. Форри не успел — кипящая вода накрыла его. Крича, захлебываясь обжигающей влагой, Кейн задержался в облаке пузырей, а потом сердце не выдержало, и глубоководник застыл в скрюченной позе вареной креветки.

Мале был невелик, да и не было у этого городка, бывшей столицы Мальдивов, никакой возможности выбиться в мегаполисы — он и так уже занимал всю площадь одноименного островка размерами километр на полтора.

Городские улицы по-прежнему обходились без тротуаров и мостовых — это чтобы дождевая вода свободно просачивалась в грунт, пополняя колодцы. И как раньше, улочки были узки и запутанны — не сразу сориентируешься в их лабиринте.

По улочкам катили на велосипедах школьницы в белых форменных платьях с синими шейными платками и солидные отцы семейств, обернутые куском ткани на манер саронга, а женщины в длинных платьях старательно подметали проезжую часть вениками.

Старые дома из битого коралла были низенькими и приземистыми, из-за высоких белых оград выпрастывали пышные ветви кокосовые пальмы, бананы перекидывали широкие листья, а через них перевешивались кривые сучья хлебных деревьев и магнолий. Но еще выше и дальше, за плоскими крышами и перистыми зелеными насаждениями горел золотой купол огромной мечети и сияли небоскребы на восточном побережье. Красота!

Фаузи Азим Эдуруге Ханзи долго блуждал между офисами и распределителями для туристов, где предлагались безделушки из черепаших панцирей, ожерелья из черных кораллов, раковины, акулы челюсти и модели дхони — знаменитых мальдивских суденышек с загнутым носом. Цедя проклятья сквозь зубы, Азим набрел-таки на переулок, за которым блеснула океанская синева. Наконец-то!

Азим вышел к гавани. Синие волны за молом стриглись суденышками всех размеров, моторными, с парусом косым и квадратным. А дальше, за лагуной, из океана высывались клочки зелени — острова для туристов. Поглядывая на отдыхающих, Азим обошел восточный мыс. Дорога здесь следовала вдоль самой воды, окаймленная с одной стороны рифом, с другой — высокой стеной. За нею выросли стеклянные громады билдингов.

Благодушествуя, Азим огляделся. Лагуна, порт, Новый центр. Давненько он тут не был...

Азим происходил из древнего рода, захиревшего в давние времена. Детство он провел на маленьком острове Аахураа. Отец то рыбачил, то дома сидел, отовариваясь в распределителе (шотландским виски и французским коньяком), мать работала в отеле «Сосунге», что в Мале. Когда маленький Азим закончил школу, тетя Шадас устроила его маритехником. С год он работал на Большом Барьерном рифе, починяя коралловые острова, потом поступил на заочный и выучился на биоконструктора. Выращивал огромные острова из быстрорастущих кораллов, расширяя территорию Туамоту, Палау, Сейшел. Вот и до родных Мальдивов руки дошли. Будет теперь где развернуться островитянам!

Сзади бибикнули. Азим обернулся и увидел квадратный белый атомокар. Водитель молча показал: садись, мол. Азим открыл дверцу и устроился на заднем сиденье. Так лучше.

— Меня зовут Фиорелло Матранга, — прогудел водила не оборачиваясь. — Можно просто Фио.

— Азим.

— Короче. Рифовую платформу будем растить отсюда. — Матранга показал на берег лагуны. — И на восток! Ширина — два километра триста метров, длина... Пока пять сто, а

там посмотрим...

— Экологи как?

— Экологи дают «добро»!

— Барабаро! — ответил Азим, что на мальдивском языке дивехи означало «хорошо».

И тут же все стало очень и очень плохо. Азим почти ничего не успел заметить, только в последнюю секунду перед смертью он увидел громадный диск, застывший полнеба. Потом с диска пролился радужный огонь, стирая и Фио, и Азима, и весь остров Мале. Коралл, искусственный и натуральный, сгорал одинаково быстро, оседая и плавясь. На оплывшие берега хлынула вода и тоже попала под удар плазменных излучателей — океан не кипел, не испарялся, он горел, распадаясь на водород и кислород и тут же воспламеняясь.

Выключив оружие, диск плавно устремился на север, к берегам Индии, а океанские валы, из века в век бившиеся о берега Мале, прокатились поверху, не встречая сопротивления.

Глава 19

ВЕКТОР ДРУЖБЫ

Варю Кутейщикову спасло ее увлечение — в день вторжения себумов она ездила в клуб любителей кино, что на Вернадского, и смотрела старинный фильм — черно-белый, на плоском экране. Звук был хуже, чем из интеркома — обертоновых диафрагм в XX веке еще не знали. Изображение шло двухмерное, глаза привычно искали глубину и объем стереопроекции, тончайшие переходы эйдетического экрана, а натыкались на плоскую картину. Кинокартину.

Зато действие захватывало, и постепенно Варя привыкла к помехам, перестала обращать внимание на дефекты пленки. Фильм был про влюбленную пару, разлученную войной — он ушел на фронт, она осталась работать на заводе. Он ходил в атаки, мерз в окопах, брел через болота, проваливаясь по пояс в холодную грязь, лежал в госпитале, снова становился в строй. Она голодала, работала в две смены, спала у станка и снова поднималась, завтракала ломтиком хлеба, запивала кружкой кипятка и вытаскивала снаряды. Там была отлично снятая сцена воздушного налета, когда воют сирены, темное небо полосуют лучи прожекторов, и люди бегут к бомбоубежищу, хватая самое ценное — документы и детей, поскольку не знают, будет ли куда вернуться. А как грозно ревели моторы самолетов, как страшно выли падающие бомбы! А убежище было на станции метро, под землей.

Себумы показали над Москвою вечером. Солнце уже село, запад пылал закатными красками, и вдруг со стороны Химок наплыл гигантский диск, черный сверху, а снизу окрашенный закатом в багровые тона. Его размеры не стыковались в сознании с понятием «артефакт» — десять верст в поперечнике как минимум! Д-космолеты тоже вытягивались в длину на шесть-восемь километров, Большой Склад и вовсе на сотню кэмэ, но это все было там, вверху, на орбите, и никогда не приближалось к Земле — притяжение просто развалило бы и Большой Склад, и Д-звездолет, уж больно они были хрупки. Но этот громадный блин раскатанный в небе над всем Юго-Западом, проплывал совсем низко.

Увидев его, Варя замерла, скованная страхом. Все мысли как вымело, остались одни ощущения. И рефлексy. И впечатления от просмотренного фильма.

Когда обод диска сшиб шпиль МГУ и проломил купол Форума на Воробьевых горах, Варя промедлила еще секунду, наблюдая, как падает, пыля, острие со звездой в венке, как проламывается круглый свод, а потом развернулась, и побежала к станции метро «Проспект Вернадского».

За ее спиной разверзлся ад, потемневшее небо озарялось лиловыми сполохами, неумолчный грохот бил в уши, нарастая и усиливаясь, а она бежала, бежала так, будто ставила рекорд. Ибо ее догоняла смерть.

Она ворвалась в павильон, скачками спустилась по ступеням, пробежала по перрону, лавируя между пассажирами, и запрыгнула в вагон.

— Осторожно, двери закрываются! — произнес бархатистый голос под потолком. — Следующая станция — «Университет»!

Наполовину прозрачные сигары метрпоезда бесшумно заскользили над матовой дорожкой монорельса и нырнули во тьму туннеля.

Дрожа, Варя уселась на свободное сиденье, но усидеть не смогла, вскочила снова. Ее вдруг посетила страшная мысль: а если себумские бомбы пробьют пласт грунта и обрушат

туннель?!

На станции «Университет» не было ни одного человека. Не горел свет, зато клубы дыма с улицы затягивало и стелило пеленой, засты золотые буквы, выложенные по белому кафелю: «УНИВЕРСИТЕТ».

— Пожар, что ли? — забеспокоился сосед, толстый дядька в дурацкой куртке из стереосинтетика, переливавшейся, как перо павлина.

— Это себумы напали, — сухо объяснила Варя.

— Шуточки у вас... — неуверенно проговорил дядька.

Варя только плечами пожала. На нее сошла тоска, страшная, космическая тоска. И сидело в душе, как заноза, величайшее сожаление. Ведь прав был Виктор, а она его прогнала... И кто она после этого?

Убийственный грохот прокатился по туннелю. Монорельс-антиграв поддал под днище вагона. Сосед ойкнул испуганно и вытаращился на Варю:

— Т-так это правда?!

— Что я вам, — буркнула Варя, — врать буду?

— Так надо же что-то делать! — фальцетом возопил сосед.

— Я и делаю! — отрезала Варя.

— Что?!

— Укрываюсь от опасности! Прячусь!

Автоматы незримо проверили путь, и поезд двинулся, укатываясь в темноту, тревожно подсвеченную красными огнями аварийных фонарей.

На метромосту в окна ударил рябиновый свет заката, а в уши — отчаянные крики людей, метавшихся по перрону.

— Станция «Воробьевы горы», — как ни в чем не бывало сообщил автомашинист.

Люди в едином порыве бросились по вагонам.

— Вон он! Вон он! — пробился крик. — Возвращается!

Варя кинулась к окну, нелюбезно подвинув толстую тетку, бледную, с перекошенным лицом, намертво вцепившуюся в маленькую сумочку. Вдалеке, за откосом, за куполами Славяно-греко-латинской академии, на полнеба выпирал диск пришельцев. С него срывались слепящие молнии и струйчатые потоки плазмы. Иногда темная поверхность Москвы-реки сверкала, как зеркало, отражая нестерпимый блеск аннигиляционных вспышек, подсвечивая бегущие тучи и серое днище диска. Диск медленно приближался.

— Скорее! Скорее! — слышались панические крики.

— Бабушка! — визжала девочка в оранжевом комбинезончике. — Едем с нами! Ну пожалуйста! Я боюсь!

Девочка прыгала на сиденье, забравшись на него с ногами, но никто не сделал ей замечания.

— Не бойся! — кричала бабушка с перрона. — Я покормлю Мурзика и приеду попозже!

«Старая дура!» — подумала Варя с ожесточением.

— Осторожно, двери закрываются! — промурлыкал автомат. — Следующая станция — «Лужники»!

— Скорее ж ты, ур-род! — рычал дядька.

Поезд тронулся и вовремя скрылся в туннеле — в выгнутом окне последнего вагона было видно, как ручьи плазмы сдувают и метромост, и бабушку. Судя по всему, Мурзик останется голодным — не судьба...

Варя сделала пересадку на «Охотном Ряду» и вышла на «Маяковской» — именно здесь пряталась героиня старинного фильма.

По перрону, между колоннами, отделанными сверкающим металлом, бродили люди, растрепанные, потерянные, испуганные. Варя огляделась, и в ней проснулась сметливость — надо было думать о ночлеге и еде. Первым делом она взяла в буфете-автомате две бутылки воды и пакет бутербродов и направилась к павильону распределителя, забитого вещами для туристов. Павильон не работал, остановленный на профилактику, но Варю вежливое объявление не задержало — девушка с силой ударила ногой по входной двери. Со второго раза она вышибла лист прозрачного силиколла из дребезжащей рамы и пролезла внутрь.

— Девушка, как вам не стыдно! — тут же нашёлся воспитатель из пассажиров.

— Ты что, дурак?! — разъярилась Варя. — Ты что, уже совсем ничего не понимаешь?! Война идет! Война! Понял, идиот?!

Ошарашенный «воспитатель» пошатнулся под таким напором. Варя, шипя от ярости, бросилась искать то, что ей было нужно. Первым делом она переделалась в походный комбинезон, взяла фонарь и запасные батарейки. Зажигалку, аккумулятор для нее. Пистолет-парализатор (вообще-то ПП предлагали для защиты от диких животных, но Кутейщикова была умной девочкой и понимала, что брутальность скоро распространится и на людей...). Надувной матрас с обложкой патронов, заряженных воздухом. Одеядло с электроподогревом.

Выйдя, она увидела целый отряд «воспитателей», приготовившихся читать ей мораль. Варя начала первой, с благодарностью припоминая старинные фильмы.

— Что встали? — грубо начала она. — Вон матрасы, одеяла, комбинезоны! Или вы собираетесь спать на полу? Валяйте! Только учтите, он твердый!

— Мы, — колыхнула бюстом важная дама, — собираемся спать у себя дома!

— Да ну?! — восхитилась Варя. — А где он, твой дом?

Дама открыла рот, чтобы достойно ответить молодой хамке, но в этот самый момент гул прокатился по станции, перрон вздрогнул, а с потолка посыпались кусочки пластмассовой облицовки. Испуганные визги и вскрики прошли волной.

— Это, случайно, не ваш дом рухнул? — хладнокровно спросила Варя и прошла в закуток у крайней колонны.

Вставив патрон в гнездо, она повернула его, и воздух с шипением хлынул в скатку матраса, раздувая его в тугую, пухлый квадрат. Нормально, оценила Варя. Мягко.

Свет под сводами станции мигнул и погас. Крики поднялись октавой выше. Словно послушавшись, затеплилось красное освещение.

До людей стало доходить...

С утра на станции «Маяковская» заработал огромный экран над застывшими эскалаторами. Передавали балет «Лебединое озеро». Когда постановка заканчивалась, ее транслировали по новой, с самого начала. К обеду Варя Кутейщикова насладились танцем маленьких лебедей раза три подряд. Она уже подумывала, чем бы ей запустить в экран, как вдруг изображение балерины, крутящей фуэте, исказилось и пропало. Появилось громадное бледное лицо Председателя Экономического Совета Мира — лоб в поту, губы трясутся, в глазах плавают ужас.

— Уважаемые граждане! — неожиданно твердым голосом заговорил Председатель. — Милостивые сударыни и судари! Огромное несчастье постигло Планету — ударный флот вескусиан напал на нас без объявления войны...

— А то мы без тебя не знаем! — выкрикнул кто-то из сидящих на полу перрона. На него зашикали.

— ...От имени Всемирного Совета и лично его Председателя Рогира ван Вейдена, — продолжало потное и жалкое официальное лицо, — я призываю вас сохранять спокойствие и выдержку. В настоящее время ведутся переговоры с командующим вескусианским флотом, и мы надеемся...

Кто-то из спасшихся не выдержал и запустил в экран складным стулом. Посыпалась кварцолитовая пыль, закапала светящаяся жидкость. По экрану расползлась гигантская клякса, и он потух.

— Ты что наделал?! — набросились люди на товарища по несчастью.

— А какая разница? — орали его защитники. — Все равно одно вранье!

— Какие могут быть переговоры с агрессором?! — возмущался старенький профессор в вымазанной сажей полотняной паре. — С врагом сражаются! Врага уничтожают!

— Правильно! — поддержала его Варя.

Мнения разделились, но продолжать спор Кутейщикова не стала. Смысла не было.

Допив минералку, она решила на вылазку — не сидеть же на станции вечно? Прихватив с собой парализатор, Варя двинулась к выходу. Вся толпа проводила ее взглядами, но сопровождать «разведчицу» не вызвался никто — молчание царило на перроне.

Поднявшись по застывшему эскалатору, Варя осторожно вышла из павильона, перешагнув искореженную взрывом дверь, и обмерла. Неожиданный и страшный простор открылся ее глазам. Здания, еще вчера окружавшие Триумфальную площадь, были разметаны и лежали грудями активного шлака, они курились синеватыми дымками и потрескивали, остывая. Памятник Маяковскому сохранился, покосился только и оплавился, покрывшись толстым слоем копоти.

Видно было далеко — руины, обглоданные аннигиляцией, лежали по обе стороны Тверской, то же творилось и на Петровке. Многочисленные дома, старинные и новые, больше не мешали обзору.

Кремль пострадал меньше — только Водовзводная башня рухнула, просыпавшись по склону кратера на месте Манежа, да сдуло купол Большого Кремлевского дворца. Уцелела и старая Останкинская башня, а вот тысячеэтажникам в Медведково и Свиблово не повезло — от колоссальных дендродомов остались одни «пеньки» — щербатые стометровые башни, обглоданные плазмой.

Зловещая тишина стояла над мегаполисом, только звуки далеких обвалов доносились до ушей Вари, треск огня и раскатистый звон — это катившиеся глыбы пластолита ударялись о металлические балки. Ничего живого Кутейщикова не наблюдала, ни вблизи, ни вдали. Несколько обгорелых атомокаров лежали у памятника поэту, куда их отнесло, будто опавшие листья. В небе, где совсем недавно парили летательные аппараты, было совершенно пусто. Но и диск чужих не висел над головой. Позабавившись, себумы улетели. Куда? К себе? Или продолжают резвиться над городами и весями Евразии?

Варя Кутейщикова от всей души пожелала, чтобы планетарный крейсер себумов спалил дотла Город Совета под Москвой.

Внезапный скрежет испугал ее. Варя резко обернулась — из груды обломков выбрался робот. Ростом повыше Виктора, робот был широк и отблескивал синевато-черным покрытием из квазиорганики. Его массивная голова соединялась с могучим туловом

напрямую, без шеи, а лицевая сторона сверкала решеткой. Выпрямившись и разведя длинные руки, робот зашагал на коротких ногах-тумбах. Углядев Варю, машина неуверенно остановилась, потом приблизилась к девушке и прогудела:

— Жду дальнейших указаний.

— Что ты за кибер? — спросила Варя. — Я таких раньше не видела.

— Я из экспериментальной серии универсальных рабочих машин, — басом ответил кибер, — экспедиционный робот-андроид. Хозяин называл меня Уром — сокращенно от «универсальный робот».

— А где твой хозяин?

— Погиб.

— Сегодня?

— Да. Прошу уточнить: случилась техногенная катастрофа или стихийное бедствие?

— Случилась война, Ур. На Землю напали себумы.

— Понял...

— Будешь со мной, Ур. Ладно?

— Приказ понял.

— Это не приказ, Урчик... Просто мне страшно одной.

— Какие задачи я должен решать?

— Охранять меня!

— Выполняется...

Варя стала спускаться вниз по Тверской. Сзади неслышно ступал Ур. Улица была широка, но завалы порой перекрывали Тверскую полностью, громоздясь баррикадами из сплавленного шлака и скрученных металлоконструкций, сизых от окалины. Некоторые дома сохранили остатки стен, иной раз вытягиваясь до второго этажа, а здание Моссовета поднималось над горою обломков еще выше. От памятника Юрию Долгорукому остался один лишь постамент, коня с князем снесло и расплескало бронзовыми лужами. Здесь Варя увидела первые трупы, вернее, скелеты — обгорелые костяки лежали кучей, перемешивая кости и черепа.

— Сюда идут люди, — доложил Ур.

Кутейщикова оглянулась. Небольшая толпа брела через улицу, огибая вывалы строительного мусора. Они несли яркие ящики с термоконсервами и пластеты с пакетированной водой. Увидев Варю, толпа остановилась.

— Вы с какой станции?! — крикнула тощая дамочка с очень длинной шеей.

— С «Маяковской», — ответила Варя, поражаясь тому, как быстро люди привыкли к новому месту жительства. Себумы загнали их под землю, как крыс, а они уже приноравливаются, устраиваются, обживают свои норы.

— А мы с «Лубянки»! — сказала дамочка и спросила: — Вы не знаете, себумы вернутся?

— Это вам надо спросить у самих себумов, — неприязненно проговорила Варя.

— Себумы никуда не уходили, — сообщил Ур. — Корабли их ударного флота находятся на орбите или проводят первичную биозачистку.

— Это как? — охнула дамочка, удобней перехватывая пластмассовый ящик.

— Обеззараживают земную поверхность, — любезно объяснила Варя, — выводят человечество, как насекомых-вредителей.

— А потом? — сумрачно спросил парень в растерзанном комбинезоне.

— Потом придет флот вторжения, — монотонно забасил Ур, — и начнет тотальное уничтожение вида хомо сапиенс. После того как планета будет зачищена, высадутся колониальные транспорты. Они привезут себумов-переселенцев, а те уже развернут строительство жилых обиталищ, производственных комплексов и космодромной сети для приема больших пассажирских лайнеров.

Толпа как-то ужалась в размерах. Люди молча подхватили свой груз и потащились на «родную» станцию метро.

Проводив их глазами, Варя сказала:

— Ур, а ты не знаешь, где можно достать настоящее оружие?

— Прошу уточнить: что подразумевается под настоящим оружием?

— Ну, бластеры какие-нибудь! Или скорчеры.

— Имею косвенную информацию: оружие фузионного типа может находиться на территории Московской школы галактистов.

— Это далеко?

— В Люблино.

— Тогда ищем глайдер или флиттер! Не пешком же туда добираться...

Подходящее транспортное средство отыскивалось с трудом. Как правило, глайдеры или флиттеры, флаеры или ульдеры, птерокары или вертолеты использовали под посадочные площадки крыши домов. Дома рухнули, и спрессовали летательные аппараты не хуже утилизаторов на свалках. Однако Варя повезло — здания вдоль Столешникова переулка падали, словно костяшки домино, но удар плазменного орудия, поваливший их, выдохся настолько, что, добравшись до Большого театра, лишь обрушил боковую стену. Кутейщикова обошла культурное учреждение и обнаружила «в тени» почти целый глайдер. Правда, его откинутый прозрачный колпак сорвало и унесло невесть куда, а органическая обшивка облупилась, но двигатель работал.

— Залезай, Ур! — скомандовала Варя, помещаясь на сиденье водителя.

С глухим свистом глайдер взмыл вверх и полетел над разрушенным городом. Вид с птичьего полета пугал не меньше, чем с поверхности земли. По всей Москве уцелели лишь отдельные здания — торчала усеченная пирамида жилмассива в Замоскворечье и пара «книжек» на Новом Арбате, устоял отель «Интерсолар» в Сокольниках и Ярославский вокзал. Уцелевшие сооружения смотрелись убогими оазисами посреди серой и черной пустыни; ее пятнали блестящие круги и овалы — следы прямых попаданий, от которых расходились волны полного или частичного разрушения. Миллионы людей погибли, это ясно, а скольким удалось уцелеть? Где бродят живые? И долго ли продлится их существование? Ноябрь на носу, по ночам заморозки. Хватит ли энергии, чтобы согреться? Продукты можно достать в подземных складах, а воду где брать? Варя угрюмо глянула влево, где из-под земли бил фонтан. Долго ли продержится гидросистема? А какое количество умерших скопилось в метро, на нижних уровнях города? Надо ждать эпидемий...

От мрачных мыслей ее отвлек Ур.

— Приближаемся. Пора идти на посадку. Прометеум прямо под нами.

Варя заложила вираж и разглядела прометеум — школу галактистов. Это была система куполов, напоминавших внеземную станцию.

С глухим свистом глайдер пошел вниз и опустился около главного входа.

Выключив двигатель, Кутейщикова поймала себя на том, что прислушивается, и усмехнулась. Да, быстренько испаряется беспечность! Дня хватило, чтобы ожили древняя,

почти забытая настороженность и опаска.

— Пошли, Урчик, — тихо сказала девушка и направилась ко входу.

В просторном вестибюле было тихо, только ветер посвистывал, залетая в выбитые окон-иллюминаторы. Круглые стекла вышибло воздушной волной и расколотило на мелкие осколки, противно скрипевшие под ногами. По стенам были развешаны видеопласты, изображавшие базы на других планетах.

Хрустя обломками, Варя прошла вдоль стены, переводя взгляд с одного внеземного пейзажа на другой. Вот планета Саргол, база «Матрикс-2». У Саргола очень плотная атмосфера, ночью на небе не видно звезд, а днем не увидишь тамошнего солнца — сплошная облачность красивого серо-жемчужного оттенка. Горы сильно сглаженные, словно оплывшие — они проглядывают на заднем плане, за изображенными на видеопласте белыми параллелепипедами — зданиями базы. Перед ними шуршат оранжевые растения, больше всего смахивающие на груды опавшей листвы, собранные трудолюбивым садовником, а в воздухе плывут сетчатые пузыри, то овальные, то грушевидные, с перетяжками, опустившие пучки тонких шупалец — они ими цепляются за грунт.

А вот удивительная планета Лимбо — центральная звезда ее системы давным-давно погасла. Вернее, стала Новой и превратилась в пульсар. Потому-то в окрестностях базы «Лимбо-Главная» всегда светло — сутки напролет над планетой полыхают чудовищной мощности полярные сияния, хотя это название для Лимбо не подходит — там сполохи-пазори одинаково сияют и на экваторе, и на полюсах. Ярко-фиолетовые волны накатывают, извиваются изумрудные ленты света, опадают водопады пурпура, топаза, сапфира. Неистовство спектральных красок завораживает, сводит с ума. Работающие на Лимбо не смотрят в небо, но эта мера безопасности не очень спасает — цветные пятна и полосы гуляют по всей поверхности. Смыкаются желтый извив с голубым трепетаньем, и по скалистому грунту будто зеленая змея проползает. Жизни на Лимбо нет, но когда-то она была, и космоархеологи с ксенотехнологами трудолюбиво раскапывают бункера и полости невыясненного назначения, туннели, ведущие никуда, и глубокие шахты, расходящиеся радиусами коридоров. Они ищут следы цивилизации, угаснувшей два миллиарда лет тому назад, а когда прилетают на Землю в отпуск, обязательно дарят друзьям и подругам «поющие скорлупки». Если нацепить такую, как клипсу, на ухо, слышится тихая, печальная мелодия, у каждой скорлупки своя.

А вот... Варя непроизвольно сжала кулаки. На видеопласте был изображен мир Вескуса, материнской планеты себумов. Гладкое аквамариновое море, над ним лазурное небо, в котором светит белое солнце, а сбоку еще парочка светил. Море не дарило ощущение простора — вся акватория была расчерчена песчаными барьерами рифов и дамбами на отдельные лагуны-соты. Вода в каждой из множества лагун имела свой оттенок — от нежно-бериллового до насыщенного малахитового. По тонким полоскам белого песка тянулись прерывистые шеренги деревьев, похожих на корявые канделябры, только вместо свеч торчали пушистые соцветия и зеленые метелки-«ежики». Себумы были повсюду — гуляли по псевдоживым ворсистым тропинкам, лежали на круглых матрацах, плавали, входили и выходили из полупрозрачных павильонов, поднятых на тонких сваях, копошились в садках, вылавливая рыб, похожих на угрей, широких, плоских, как ремни, просвечивающих на солнце. Удивительно, но блестящие туши себумов, как будто намазанные маслом или слизью, не вызывали у Вари отвращения. Они соответствовали этому нелепому разгороженному морю, были его неотъемлемой частью. Это на суше себумы выглядели

неуклюжими, этакими морщинистыми мешками с выростами-щупальцами. В воде они преображались, двигались резво и ловко.

Кутейщикова передернула плечами, поймав себя на мысли, что рада была бы забросать это лежбище мезонными бомбами...

— Пошли, Ур... — вздохнула она, направляясь к коридору-переходнику.

Пробравшись в соседний купол, где было потемнее, Варя спустилась по ступеням в полусферический зал и неожиданно услышала чей-то стон.

— Кто тут? — испуганно ойкнула она.

Вперед вышел Ур и направил свет мощного фонаря в глубокую нишу. Там лежал человек и закрывал рукой лицо.

— Уберите... — прохрипел голос.

— Что с вами? — спросила Варя, осторожно приближаясь к лежащему. — Вы ранены?

— Есть немного...

— Вам помочь?

— Я себе уже помог, но все равно спасибо.

Деликатно отводя фонарь, Кутейщикова разглядела мужчину в возрасте, с мужественным, суровым лицом. Истинный галактист!

— А кто вас ранил?

— Как вас зовут? — ответил вопросом мужчина.

— Варя... Варвара Кутейщикова. А вас?

— Ираклий Мтбевари, очень приятно.

— Тот самый?! Начальник ПНОИ?

— Тот самый...

— Это вы арестовали Виктора Середу! Вы чуть не лишили Доброфлот флагмана! Жаль что вас только ранили!

— Вот как? — холодно удивился Мтбевари.

— Да! — в запале продолжала Кутейщикова. — Вас убить мало!

Лицо начальника ПНОИ исказилось, словно от сильной боли.

— Вот как? — повторил он, сдерживаясь. — Когда мы убрали с улиц хулиганов, вы нам аплодировали! Когда мы извели криминальный элемент, вы кричали: «Браво!» А теперь, значит, стали негодными?

— Вопрос не в том, угодны ли вы нам, а в том, почему вы угодны этим предателям из Всемирного Совета!

Мтбевари тяжело вздохнул и спросил:

— Что вы тут делаете, Варя?

— Оружие ищу, — независимо ответила девушка.

— А зачем вам?

— А вы что, не заметили, что идет война?

— Не заметил пока, — усмехнулся Ираклий. — Вторжение наблюдаю, а войны... Разве кто-то воюет с себумами?

— Воюет! Доброфлот!

— Пожалуй, — согласился Мтбевари. — Но он далеко, а себумы близко...

— Вот и надо связаться с Вик... с флагманом Середой! И позвать их!

— А я уже пробовал, — сказал Мтбевари.

— Врете! — убежденно сказала девушка.

— Ничуть.

— И... что?

— Как видите, удалось уйти живым.

— Не понимаю...

— Я не помню, сколько раньше было станций Д-связи, но теперь их осталось всего три, остальные уничтожены.

— Себумы постарались?

— Нет, паци.

— Кто-кто?! Вы имеете в виду пацифистов?

— Их, родимых... В Королеве тоже есть Д-транслятор, но он охраняется этими вырожденками. — Мтбевари поморщился. — Да я бы успел отправить сообщение, но куда слать-то?

Варвара вздохнула.

— Виктор Середа был моим парнем, — призналась она. — Правда, я его не впустила, когда он сбежал от вас, но... Может, я еще могу связаться с ним по «вектору дружбы»?

— Какие люди! — раздался внезапно глумливый голос.

Варя резко обернулась. На ступенях лестницы стояли два парня с бластерами в руках. Оба молодые, в одинаковых комбинезонах, с «пацификами» на рукавах. Один парень светлый, с прилизанными волосами, а другой — с темной растрепанной шевелюрой.

— Вот кто нам попался! — расплылся в улыбке прилизанный. — Подружка самого флагмана! Ну надо же... А ты знаешь, что это я доставил на Землю твоего любовничка и сдал его ПНОИ?

— Не знала, — процедила Варя, — но охотно верю. Такая мразь, как ты, на это только и способна — верно и преданно служить чужим! «Человек — друг себумов!» Ну и как вам ваши хозяйева? Кормят хорошо? Выгуливают часто?

— Заткнись, — посоветовал ей прилизанный.

— А ты не заметил, двуногий друг, — не унималась Варя, — что те, кто тебя приручил, уничтожили миллионы человек?!

Никита презрительно усмехнулся.

— Для высокоорганизованного разума, — назидательно изрек он, — смерть — это очередное приключение!

Растреп спросил у него разрешения:

— Никитос, дай, я обыщу эту самочку.

— Валяй.

Растреп спустился по ступеням, приблизился вразвалку. Крутанув на пальце тяжелый пистолет-дезинтегратор, сунул его в кобуру на левом боку, рукояткой вперед — так легче выхватывать.

Ухмыльнувшись, он лизнул болячку на верхней губе и протянул руки к Варе. Девушка сладко улыбнулась паци, так, что у того под носом выступил пот. Растреп стал шарить по Вариному телу, увлекаясь выпуклостями, а Кутейщикова дала ему пару секунд, чтобы увлекся, и резким движением выхватила оружие из кобуры. Это оказался скорчер — миллионвольтный разряд пробил растрепанного насквозь. Лиловая вспышка ярко осветила темноватый зал, под сводом загулял короткий гром.

Никита вскинул бластер, и тут уж Ур не подкачал — швырнул обломок пластолита и попал метко, разmozжив правую кисть паци. Удар был так силен, что бластер выбило и

бросило об стену. Рикошетом фузионник отлетел к Мтбевари. Тот мигом подхватил бласт и выстрелил.

— А-а-а! — заверещал Никита.

Импульс пережег ему колено — нога запрыгала по ступеням, а пацц откинулся на перила. Следующим разрядом ему продырявило бок.

— Я же... — завыл Никита. — Я же умру-у!

— Подумаешь! — скривила Варя вздрагивавшие губы. — Будет тебе очередное приключение!

Никита завыл на высокой ноте, потом вой перешел в скулеж, скулеж выродился в писк.

— Помоги подняться, — прокряхтел Ираклий.

Варя подскочила, подставила плечо. Начальник ПНОИ оперся на него и встал, спиною скользя по высоким прозрачным шкафам.

— Боец из меня хреновый, — прохрипел он, — надо бы «прыгающий скелет» сыскать... Где-то здесь должны быть, в шкафах...

Экзоскелет первым обнаружил Ур. Мтбевари забрался в суставчатую конструкцию, закрепил все фиксаторы, опустил головной сегмент и выдохнул:

— Ну, вот... Совсем другое дело!

— Господи... — прошептала Варя, оглядываясь на труп растрепы. — Я же убила человека!

— Не человека ты убила, — проворчал Ираклий, настраивая «прыгающий скелет», — а гадину, куда более мерзкую, чем себумы. Забудь о нем! Ты спасала и себя, и меня.

— Но ведь получается, что я тоже из негативной формации...

Мтбевари тем временем достал из шкафа еще парочку бластов помощнее, двухпоточковых, и передал их Уру. На работа же он навесил целую гирлянду из запасных батарей.

— Девочка, — проговорил Ираклий проникновенно, — уверяю тебя — любой представитель нашей разумной расы способен на убийство! Любой!

— Но...

— Потом порассуждаем, на досуге! Вперед!

Вся троица поднялась по лестнице, перешагнула труп Никиты и вышла в первый зал. И напоролась на целую шайку себумов, ковылявших от видеопласта к видеопласту на своих щупальцах-ходулях. Варя среагировала мгновенно — выхватила скорчер и открыла огонь. Секундой позже к грому скорчера прибавился прерывистый вой бласта.

Вескусиане так ничего и не поняли. Четырех Варя с Ираклием ликвидировали, а пятый забился в угол и зашипел:

— Ас-со, ас-со х-хомо! С-со тс-са исс сау ос-с с-сха! Ас-со!

— Не стрелять! — скомандовал Мтбевари и заговорил на экваториальном наречии вескусианского языка:

— Исс с-суо ас-со, ассаф ссо-цца тасс сау х-со!

— Ос-с... — покорно сдулся себум, уплощаясь на треть и расплываясь по полу. — Сса пуссо, х-ха су ас-тессу ссам...

— Что он говорит? — не выдержала Варя.

— Клянется, что пригодится нам, поскольку он не из касты военных. Все пятеро — ученые.

— Какая жалость, — криво усмехнулась Кутейщикова.

— Я тут подумал... — протянул Ираклий и встрепенулся. — Соу дза-дза ас-со? — спросил он у себума. — Хасса сса дза-дза х-хомо ссиу-с-сввисс-аус?

— Ос-с! — ответил себум. — Ос-с, хас-са ас-сау!

— У них здесь ракетный катер имеется, — перевел Варя начальник ПНОИ, — что-то вроде наших глайдеров. А что если мы на их катерке рванем в Королев? Уж себумскую-то технику пацы пропустят без разговоров.

— Ну-у... — проронила Варя неуверенно. — Можно попробовать...

— Тогда пошли! — И Мтбевари скомандовал себуму грозным голосом: — Пуссо сса! Ссам аусс дза-дза, сэссэ!

— Ос-с, ос-с, х-хомо...

Себум заковылял впереди, и первым выбрался во двор. Там, в сторонке от догоравшего глайдера, стоял ракетный катер себумской постройки — цилиндр, заточенный под конус спереди и сзади. Катер неподвижно висел над землей. Когда себум приблизился, борт разошелся, как перепонка в земных люках-диафрагмах.

Внутри было тесновато, да и сидений как таковых не наблюдалось. Перед пультом управления прямо в полу кабины имелось полусферическое углубление, все в мелких отверстиях. В это подобие дуршлага влез себум, пропуская шупальца в отверстия. За водительским «сиденьем» помещалось еще четыре, но уже без отверстий — этикие ванночки, отделанные мягким материалом.

— Аусс? — прошипел себум.

— Аусс, — буркнул Ираклий и добавил: — Ссам масс-са ас-су!

— Ос-с...

Ракетный катер бесшумно взлетел и разогнался над руинами Москвы.

Вскоре добрались до дачного пояса. Веселенькие разноцветные коттеджи, мелькавшие внизу, казались нетронутыми, но ни людей, ни киберов Варя не заметила.

Королев напоминал Москву — те же груды шлака, над которыми стелилась пелена ядовитого дыма. Но громадный тор станции Д-связи, окольцевавший собою шестигранник техслужб, был невредим. На посадочных площадках стояли несколько ракетных катеров, бродили двуногие с бластами наперевес.

— Соу ас-су? — спросил себум.

Мтбевари молча ткнул пальцем в площадку на крыше шестигранника.

— Ос-с...

Ракетный катер мягко коснулся крыши и застыл.

— Сса-со, — скомандовал Ираклий, показывая себуму на выход.

Вескусианин безропотно подчинился. Так они и пошли — впереди Мтбевари с себумом, за ними Варя, а Ур топал замыкающим. Чем дальше они уходили, тем крепче натягивались нервы девушки. Но, кажется, план Ираклия сработал — пацы ничего не заподозрили, а внутри станции себумов видно не было.

— В лифт! — показал Мтбевари.

— Ос-с...

В кабину вместились все. На втором горизонте вышли, но никого, кроме роботов медслужбы, не застали. Киберы вытаскивали убитых инженеров и операторов.

— С-суки... — процедил Ираклий.

— Ас-саф кса? — слабо пискнул себум.

— Ссам! — рявкнул начальник ПНОИ и добавил обычным голосом: — Пришли.

Он пропустил всех в пункт связи и запер дверь. Оставив негуманоида на попечении Ура, Мтбевари присел перед пультом и оживил системы. Замерцал сиреневым большой экран.

— Давайте ваш вектор!

Варя старательно набрала код, и станция заработала. Кутейщикова представляла себе ее работу весьма смутно — гиперантенна опускается в подпространство, как в воду, проламывая тонкий ледок трех измерений, и...

Экран мигнул и раскрылся. Варя замерла — на нее смотрел Виктор. Очень усталый, небритый, с черными кругами под глазами. Но живой.

— Варя?

Флагман был изумлен.

— Витечка, — заплакала Кутейщикова, — прости, пожалуйста, я была такая дура, такая дрянь...

Мтбевари кашлянул.

— Витя, себумы напали на Землю! Они уничтожили массу городов, Лондон, Париж, Токио, Москва вообще стерты...

— Я знаю... — горько сказал Середа. — Мне еще десять часов лететь в гипере...

— Флагман, — вступил Ираклий, — а сколько у вас кораблей?

— Сколько надо, — усмехнулся Виктор и добавил: — Военная тайна! Подождите еще немного. Скоро станет полегче. Наши союзники-таоте напали сразу на три планеты-колонии себумов, и половина ударной группировки, вторгшаяся на Землю, перебрасывается в Глубокий космос... Я не ошибся? Вы — шеф ПНОИ?

— У вас хорошая зрительная память...

— Вам бы заняться Городом Совета, шеф! Подозреваю, что ван Вейден — не человек...

— В смысле?!

— В смысле — чужой. Гетероморф.

Флагман подробно рассказал про ментальный аттрактор.

— Нужно срочно его брать! — заключил он. — Пусть даже я не прав и Рогир такой же хомо, как мы, все равно ему не место в Совете! К стенке таких ставить надо и расстреливать без суда и следствия! Вы представляете себе, сколько миллионов человек недосчиталась Земля из-за этого пацифиста?

— Я займусь Рогиром, — твердо пообещал Мтбевари.

На пульте связи замигало табло «Конец связи».

— Я буду тебя ждать! — крикнула Варя.

Она заметила улыбку, изогнувшую губы Виктора, и экран погас.

— Сматываемся отсюда! — скомандовал Мтбевари.

— Ур, охраняй себума! — приказала Варя. — И куда мы теперь?

— Уйдем в леса, — усмехнулся начальник ПНОИ, — как партизаны! Есть у меня зимовье в глуши, между Нижним Новгородом и Вяткой, переночуем там. Аусс!

Без происшествий вернувшись на борт ракетного катера, они расселись.

Себум взял с места, и катер понесся на восток, чуток забирая к северу.

Глава 20

ИНТЕРМЕЦЦО

Сверху заметить «зимовье» было невозможно — глаза видели все то же нагромождение сосен и елок. Мощные фантоматы класса «Протеус» надежно прятали убежище, рисуя по-над крышей русский лес.

Ракетный катер сел и словно провалился под тускло светящуюся пленку. Теперь вокруг расстился просторный двор, где уже стояла парочка потрепанных флаеров с опознавательными знаками ПНОИ.

— Ага, — буркнул Ираклий, — Райво уже здесь... Ас-су хс-са!

Себум послушно вышел и заковылял по двору, направляясь к входным дверям. За прозрачной стеной замаячил человек в комбезе и выскочил наружу.

— Шеф! — завопил он. — Здорово!

— Здравствуй, Райво, — проворчал Ираклий. — Познакомься, это Варя Кутейщикова, а это... Гассо всси-и сса ом-м с-сва?

— С-сва Ис-Су, — прошипел себум.

— А это Ис-Су, — хладнокровно закончил Мтбевари, — ординарный член линейной ячейки Су-Ксай, принадлежит к касте ученых и имеет класс «Ц».

Райво сумрачно глянул на ординарного, и его передернуло.

— Допросить и убить? — процедил он.

— Сначала допроси. Да, забыл представить! Варя, это Райво Хлудов, инженер-ментоскопист и старший инспектор.

Варя молча поклонилась.

— Проходите в дом! — засуетился Райво и вызвал роботов, чтобы те доставили себума в лабораторию интрапсихической техники.

— Здесь вы допрашивали «негативную формацию»? — неприязненно поинтересовалась Варя.

— Ну, вот еще, — криво усмехнулся Ираклий. — Здесь мы их пытали, а окровавленные трупы замученных сбрасывали в утилизатор, чтобы не оставлять следов!

Кутейщикова лишь фыркнула и прошла в «зимовье».

Она очутилась в большой квадратной комнате без окон. Потолок заливал ее мягким, ровным светом, гася блики на гнутых поверхностях странных установок, сияющих матовой белизной.

Рядом с возвышением, на котором распростерся себум, стоял человек в черном комбинезоне. Был он худ и бледен, а румянец на впалых щеках отдавал болезненностью.

— Ну, здравствуйте, начальник, — произнес худой и бледный.

— Привет, Рам, — буркнул Мтбевари и пояснил для Вари: — Еще один мой сотрудник, зовут Рам Чаран, он у нас заведует отделом ЧП.

— Очень приятно, — отчеканила Варя ледяным тоном.

— Вижу, как вам приятно! — хмыкнул Чаран.

— А чего вы ждали? — холодно произнесла девушка. — Вы верно и преданно, как большая и умная собака, служили Рогиру и пацы! И дослужились! А единственного человека, который взялся крепить обороноспособность Земли, едва не распылили на атомы!

— Я офицер! — рявкнул побледневший Рам Чаран. — И подчиняюсь приказам свыше!

И как я, по-вашему, должен был реагировать на попытки создать незаконные вооруженные формирования?!

— А у вас что, — заорала Варя, — имеются законные?!

— Замолчите оба, — поморщился Мтбевари. — А ты, Рам, все же признай, что не за теми мы следили! Не тех изолировали, кого надо было!

— Прекратите! — гаркнул Рам. — Вы что, спелись?! Или нынешний апокалипсис помутил ваши мозги? Да, себумы напали на Землю! Семьи у меня нет, но и бабушку с дедом я потерял, и обеих племянниц! И еще кучу народа, ближних и дальних! Но я не выношу всех этих сплетен про измену в верхах!

— Сплетен? — приподнял бровь Мтбевари. — Послушайте, Чаран, вам ли говорить о сплетнях? Вы, как и я, всегда были в курсе, что происходит на самом деле! Согласитесь!

— Согласен. И что из этого?

— Тогда почему мы позволили убить ван Вейдена на Теллусе? Только он затеял строительство суперкрейсеров, как его тут же и прикончили! Кто были убийцы? Люди-оборотни? Себумы? Неважно! Наш долг был найти и покарать этих врагов, внешних или внутренних, без разницы!

— Что вы несете?! — заверещал Рам Чаран. — Какое убийство?! Вы кому верите? Курту Зегерсу? Этому пьянице?! Так ему еще и не такое привидится! О своих встречах с зелеными чертиками он случайно не рассказывал?!

— Нет, не рассказывал, — успокоился Мтбевари. — И мне совершенно неважно, пил он или был трезв как стеклышко. Поймите же вы меня! Раньше я просто смеялся над рассказом Курта, но сейчас — не могу! Потому что идет война! И пусть уж лучше я ошибусь в своем подозрении, чем недооценю опасность! Слишком многое поставлено на карту, Рам! Всё! Планета, человечество, цивилизация! Я понятия не имею, кто или что сейчас в теле Рогира, меня самого воротит от этого зомбизма! Я просто оцениваю человека по делам его и делаю вывод: Рогир — не хомо!

— А кто?! — закричал Чаран. — Какая тупость! Идиотство какое! Сейчас я вам покажу... Я докажу!

Начальник отдела ЧП лихорадочно защелкал клавишами пульта, и на рабочем экране вспыхнул сложный узор из повторяющихся элементов.

— Смотрите сюда! — гневно предложил Рам Чаран. — Это ментосхема ван Вейдена. Каждый год все лица с высшим уровнем социальной ответственности проходят обязательную медкомиссию, и ментоскопирование в том числе! Вот ментосхема за двадцать второй год — за полгода до миссии на Теллус! Видите?! Рогир — человек! А вот... — Чаран щелкнул клавишей, и картинка мигнула. — А вот ментосхема за этот год! Видите или нет?! Как был Рогир человеком, так он им и остался!

— Стоп! — закричала Варя, тыча пальцем в экран. — Кого вы пытаетесь одурачить?! Вон же аттрактор! Он бывает только у гетероморфов!

— Что?! — Чаран побагровел и сипло крикнул: — Кто вам это сказал?!

— Виктор Середа! А ему — профессор Вайнштейн! Витя говорил с нами по Д-связи и точно описал ментальный аттрактор!

— Да что вы мне пытаетесь втолковать?! — горячо заговорил Рам. — Вот завитки Каспаро, вот линии психодинамического напряжения! И мультиритмы сходятся один в один, и все уровни резонанса! Да говорю вам — это ментосхема Рогира, ментосхема человека!

Мтбевари провел ладонями по лицу.

— Нужно, причем как можно скорее, схватить этого... псевдорогира, — заговорил он, — отследить все его связи и взять всех членов группы. Промедление смерти подобно!

— Но... — вякнул Рам Чаран.

— Молчать! — расвирепел Мтбевари. — Вы всё еще защищаете Рогира? Тогда вспомните, кому мы присягали служить! Не Председателю Всемирного Совета! А человечеству! Земле! И мне плевать, человеком ли остался Рогир ван Вейден или стал межзвездным зомби! Он виновен в том, что допустил войну! Вы что, ослепли? Корабли себумов уже сокрушили десятки мегаполисов, и это еще не конец! Под ударами с орбиты падут все города, миллиарды людей станут радиоактивным пеплом. А потом себумы притащат дезактиваторы и займутся методичной биозачисткой, выкуривая остатки рода человеческого из лесов, гор и подземелий! И что вы будете чувствовать тогда? Вы, имевший возможность помешать гибели мира, но оставшийся верным служакой? Наверное, застрелитесь. Тут-то и одного убить — травма на всю жизнь, а быть виновным в смерти миллиардов... Нет, я вам не завидую.

— И что же делать? — разлепил губы Рам Чаран и криво усмехнулся. — А, шеф?

— Вот это уже другой разговор! — одобрил Мтбевари. — Найди Райво, я звякну Воронину, собери человек пять самых надежных скорохватов и организуй «пуму»! Где Рогир сейчас?

— В Городе Совета, — растерянно проговорил Чаран, — это в Подмосковье...

— Ты еще здесь? Действуй!

— Слушаюсь... — ответил Рам Чаран.

Неожиданно в комнату ворвался Райво и заорал:

— Наши финишируют! Два суперкрейсера вышли на полярную орбиту!

Глава 21

ВОЙНА МИРОВ

1

Суперкрейсера «Радбард» и «Рандвер» пришли с базы «Умбон». Они были недоукомплектованы, на их боевых палубах не базировалось ни одного космоистребителя, да и генераторов нелинейности системы Тенина насчитывалось ровно две пары на двоих, тем не менее добровольцы поднялись на борт СК и взяли курс на Землю — была у них надежда продержаться до подхода основных сил.

В стартовой зоне над Северным полюсом суперкрейсера разделились — «Рандвер» поплыл в сторону Гренландии, а «Радбард» взял курс на Хибины.

Первый вражеский корабль был замечен в окрестностях Санкт-Петербурга — планетарный крейсер методически выжигал остров Крестовский. «Радбард» ринулся в атаку. Удар аннигиляторов был чрезвычайно удачен, можно сказать, бравым добровольцам повезло — потоки антипротонов с первого раза уничтожили два блока эмиттеров защитного поля, прикрываться себумам стало нечем, и пакетные лазеры искромсали боевые посты по всему верху колоссального диска. Искривитель пространства всколебал планетарник, тот пошел волнами, протаял и развалился на три части, медленно осевшие на окраину острова, — ударные волны поплыли кругом, по земле и воде.

— Получили?! — радостно проорал Токмаков. — И еще получите!

— Сообщение с «Рандвера», — доложил напарник, — два эсминца подбиты над Нью-Йорком! А истребитель-носитель не успел даже открыть лацпорты — грохнулся в океан!

— Туда ему и дорога!

Следующая цель нашлась в Центральной Европе — планетарный крейсер себумов неподвижно висел над руинами Праги. Капитан «Радбарда» решился на опасный эксперимент — он врубил палубный генератор нелинейности еще на подходе.

Губительное искривление пространства не достигло планетарника, но до того изломало метрику, что удар себумских излучателей антиматерии не нанес «Радбарду» никакого вреда — антипротоны распались на кварки в зоне нелинейности.

А потом чудовищная сила, гнувшая пространство так, что горизонт дыбом вставал, настигла себумский корабль. И тот стал таять, словно сахар в кипятке. Едва ли половина планетарника уцелела, рухнув у подножия Судет.

— Пусть там лежит! — согласился Токмаков. — Потом доконаем!

Продолжая двигаться по меридиану на юг, «Радбард» сбил два штурмовых крейсера, «всего лишь» по пяти километров в поперечнике, после чего на него насадила пара сотен истребителей. Больше половины СК уничтожил, но в результате многочисленных повреждений совершил вынужденную посадку. «Рандверу» повезло меньше — бой над Вашингтоном оказался для него последним. Себумский крейсер разрушил треть секторов СК, и тот рухнул, перегородив Потомак биокерамической плотинкой.

А пять часов спустя финишировали эскадры Доброфлота.

2. Европа, Париж

Ксавье Лассав выбрался из глубин метро и отдышался, благоразумно не покидая павильона станции. Внизу была страшная духота. Экспресс-линии, проложенные ниже основной сети, хоть как-то продувались сквозняками, а на линиях радиальных и кольцевых воздух стоял затхлый и недвижный, словно в подводной лодке, залегшей на дно. Хорошо хоть трупы убрали...

— Ксав! — тихонько позвала Аньес с лестницы.

— Тише! — сердито одернул ее Лассав.

Ксавье шел семнадцатый, а мадемуазель Пиньон исполнилось двадцать четыре, но он был старшим группы. Три десятка человек были на нем, население целого квартала в Бельвиле, все, кто ранее проживал в сотовых домах на площади Сен-Женевьев и уцелел после вторжения. Ксавье был добытчиком — по ночам он выходил на поверхность и навевался в склады, в уцелевшие дома. Искал запасные батарейки, воду и еду, лекарства. Порой он сталкивался с «дикими» поисковиками, и дело доходило до драки, но пока что станнер полицейского образца действовал безотказно. А вот с соседями по метро проблем не возникало — старший по линии жестоко пресекал беспредел в самом зачатке. Строг был Большой Эрве, суров, а что делать? Толпе людей превратиться в стадо — раз плюнуть. Такие уже бродили по Парижу...

— Куда теперь? — прошептала Аньес, подползая поближе.

Ксавье покосился на девушку и тайком облизал пересохшие губы. Аньес волновала его. Высокая, тонкая, гибкая, с большой грудью, она не отличалась броской красотой, но была бесконечно мила и обаятельна. Аньес прибилась к его группе после нападения на станцию банды Жестянщика. Молчаливая и послушная, будто испуганная на всю жизнь, Аньес долго оттаивала — помогала хлопотливой тетушке Франсуазе готовить, потом мадам Кампана ее пристроила следить за водоочистителем и регулярно менять биофильтры. Девушка справлялась.

Лассав на четвереньках подобрался к стене, привстал, скрываясь за пучком перекрученных сизых металлических профилей, и выглянул наружу, просовывая голову между мутными сосульками стекшей пластмассы.

Перед ним в перспективу уходил бульвар Осман. Здания с обеих сторон сохранились вплоть до третьего этажа, даже деревья кое-где топырили голые ветки. А там, куда уходил бульвар, нерушимо возносилась Триумфальная арка. Ничего-то ей не сделалось!

Хрустя по пластиковому крошеву, Ксавье пробрался в угол и глянул в другую сторону. Там ржавела Эйфелева башня — перекаленное железо молниеносно корродировало под дождем. Башня сохранилась на половину высоты и распускалась к небу пучком балок и швеллеров. На обрубок «Железной дамы» бросал тень планетарный крейсер себумов. Он висел совершенно неподвижно, как заблудшая тучка, ни малейшего движения не было заметно сейчас и на нем. Изредка от гигантского диска отпочковывались истребители и лениво барражировали над руинами Парижа. Но не дай бог тебе выйти на открытое место!

Невидимые детекторы моментально сработали, и фиолетовый луч лазера пережигал человека в кучку шлака.

— Выходим через западный лаз, — скомандовал Ксавье. — Я иду первым, ты ползешь за мной. Голову не задирать, и...

— Попу тоже! — понятливо закивала Аньес.

— Да... — буркнул Лассав, краснея. — Сумку не потеряла?

— Нет-нет!

— Тогда пошли...

Ксавье протиснулся между разошедшимися листами металлопласта, огляделся и пополз по шуршащей насыпи. Аньес ползла следом. Лассав куда с большим удовольствием двигался бы вторым, наблюдая перед собой юркий задик девушки, но долг превыше всего.

Спустившись с насыпи, он приподнялся, отряхивая куртку. Здесь его прикрывала стена, в ее тени можно было выпрямиться и шагать — до угла.

— Двигаемся поближе к стене, — сказал он и сжал губы.

Протиснувшись между домом и остовом атомокара, Ксавье выглянул из-за угла — диск прищельцев не просматривался.

— Идем, прижимаясь к стене, потом — в дверь!

— Ага...

Лассав нырнул в проем входа, провонявший кошками. Удивительно — всех кошек давно съели, а запах держится...

— Наверх по лестнице, на второй этаж.

— Ага!

— Только осторожно — там кое-где потолок провалился, жабы могут заметить...

— Ага... А ты жаб видел?

— Да где ж их увидишь? Они но улицам не гуляют...

На втором этаже было светло — огромные окна чудом уцелели, помутнели только. Лишь в одном месте окно вынесло вместе со стеной. Оттуда открывался вид на Париж, придавленный сверху брюхом планетарного крейсера.

— Здесь надо ползком.

— Я поняла... А что здесь было? До войны?

— Не знаю... Офис какой-то.

— И что мы будем искать?

— Обычный набор — аптечки, батарейки... Последний раз я тут месяц назад был, нашел в одном кабинете целый ящик пищевых рационов — такие, знаешь, типа тубиков. Молекулярное сжатие.

Ксавье решил, что слишком разговорился, и нахмурился.

— Пошли!

Кабинеты по обе стороны коридора были устроены одинаково — диван, стол-пульт, кресла, прозрачные шкафчики. В двух помещениях Лассав обнаружил скелеты в обрывках одежды — собаки постарались... Внезапно он насторожился.

— Ты ничего не слышишь? — спросил он негромко.

Аньес прислушалась и неуверенно произнесла:

— Гавкает вроде...

— Ч-черт! Только этого нам не хватало!

— Ты боишься собаки? — удивилась девушка.

— Я боюсь тысячной стаи голодных псов! — отчеканил Ксавье.

И тут его окатило радостью — за вышибленной дверью очередного кабинета лежал усохший труп в камуфляже. Обглоданная кисть сжимала приклад двухпотокового бластера. «Только бы батареи не сели!» — пламенно взмолился Ксавье.

Взяв в руки бласт, он затаил дыхание и включил оружие. Индикатор вспыхнул желтым — батареи были изрядно разряжены, но еще импульсов на двадцать энергии хватит.

— Отлично! — залучился Ксав.

А гавканье между тем стало громовым — огромная стая собак ворвалась по их следу в коридор. Тысячи ногтей заклацали по полу, сотни смрадных глоток исторгали лай, скулили и визжали.

— Стой здесь! — процедил Лассав.

Перепуганная Аньес молча кивнула.

Ксавье переключил регулятор на непрерывный разряд и шагнул в коридор. От входа на него неслась пятнисто-коричнево-черно-белая масса. Она скалилась и хотела одного — жрать. Завидев человека, собаки взвыли и еще пуще заскребли когтями, торопясь урвать кусок.

Ксавье подпустил стаю поближе и включил оружие. Струя высокотемпературной плазмы прошипела и ударила по стае, перечеркивая первые ряды. Вой боли и страха заставил звенеть уцелевшие стекла в окнах. Собаки упирались, устраивая затор, но задние ряды напирали. Второго разряда животные не выдержали — вонючая, многолапая куча развернулась в тесном коридоре, давя нижних, ступая по головам, и повалила прочь. Только тяжелый запах псины и горелого мяса остался висеть, вызывая тошноту.

— Уходим!

Ксавье взял Аньес за руку и повел за собой. Девушка пошла за ним, часто оглядываясь.

— Они могли нас искусать?

— Они могли нас сожрать!

— Ужас какой! — воскликнула девушка и добавила сокрушенно: — Это же собаки, друзья человека...

— Вот и слопали бы нас по-дружески, виляя хвостами... Стоп, идем осторожно — здесь я еще не бывал.

Ксавье, прислушиваясь, поднялся по лестнице на третий этаж. Ступени вывели его в большой конференц-зал. Передней стены у зала не было, и стол президиума из полированного дерева очень глупо смотрелся на фоне синего неба. Из-за высокой стены выглядывал краешек себумского корабля.

— Не двигайся! — сжался Ксавье.

— Ой, смотри! — вдруг вскрикнула Аньес и вытянула руку, указывая в небо.

Лассава передернуло от страха, но тут он и сам заметил небывалое — в небе появился еще один диск, размеров не меньших, чем себумский.

— Это наши! — прокричала Аньес, уже не сдерживаясь. — Наши прилетели!

Ксавье стоял как столб и не знал, можно ли верить глазам. Но глаза не врали — на борту второго диска были отчетливо видны буквы линейного и латинского алфавита: «КФ ЗЕМЛИ». Двояковыпуклый диск земного суперкрейсера развернулся, и появилось название: «БРАВЛИН». А ниже порт приписки — «ЛУНА-ГЛАВНАЯ».

И началось... От диска себумов к диску хомо полетели вихрящиеся потоки плазмы. СК выставил защитное поле, похожее на радужную пленку, и отбил удар. И тут же протянул по

воздуху белесый, фосфоресцирующий след.

— Глаза! — завопил Ксавье, хватая Аньес в охапку.

Ослепительный огонь атомного распада жег даже под веками. Тяжелый гром прокатился над Парижем. Но Ксавье больше не смотрел на бой — он обнимал Аньес, и это переполняло его невыразимым блаженством. Все выпуклости девичьего тела ощущались остро, всею кожей. Аньес доверчиво прижималась к Лассаву, но неожиданно потерлась о него, обхватила руками за шею и поцеловала. Он жадно ответил, упиваясь податливостью и доступностью девушки.

Ложем он выбрал россыпь печатных газет и журналов. Аньес торопливо, задыхаясь, срывала с него мешковатый комбез, он неуклюже, но упорно раздевал девушку. Лассав еще никогда не был с женщиной, но Аньес помогла ему, сама направила одеревеневший член, куда надо, обхватила Ксавье ногами и руками.

— Кса-ав...

Лассав задышался от страсти и нежности. Небывалые впечатления нахлынули на него, грозя затопить.

— Еще... Еще! О, как мне хорошо с тобой...

Отрывистые слова, срывавшиеся с исцелованных губ Аньес, возбуждали сильнее всего, грели кровь, как греет огонь воду. И вот все схлынуло.

Бурно дыша, Ксавье лег рядом с подругой и прижался лицом к ее горячему плечу.

— Аньес...

— А?..

— Ты хорошая...

Хрустальный колокольчик зазвенел — это Аньес засмеялась.

— Как ты красиво смеешься...

— Правда? Смотри, смотри!

Лассав лениво перевернулся на спину и посмотрел в небо. Крейсер себумов погибал. Целые сектора были словно выгрызены из корпуса — корабль сейчас походил на слоеный пирог, от которого отрезали несколько кусков. С развороченных палуб постоянно что-то падало, осыпалось вниз, на изуродованные парижские авеню, а сам крейсер медленно, очень медленно кренился.

Аньес вскочила и подошла к столу президиума. Мимолетно полюбовавшись изящными линиями ее тела, Лассав тоже поднялся и подошел к ней со спины, ласково обняв. Девушка откинулась на него, и он принял этот приятный вес, а потом положил ладони на роскошные груди Аньес, и возбуждение снова проснулось в нем, начало раскручиваться.

— Ненасытный... — проворковала девушка.

— Давай стоя?..

— Давай...

Аньес склонилась к столу, словно к алтарю неведомого бога, оперлась о него руками и выгнула спинку. Лассав, не до конца веря своему счастью, обхватил руками загорелые ягодицы Аньес...

— Очень хорошо входит, — прокомментировала девушка. — А-ах! И выходит очень хорошо...

Лассав обхватил ладонями узкую талию девушки, и его пальцы сомкнулись. Сейчас он чувствовал себя первым человеком на Земле.

Здание зашаталось, но Ксавье было не до этого. Довершая последние, судорожные

движения бедрами, Лассав чуть не задохнулся. Оторвав взгляд от гибкой спины Аньес, он увидел себумский корабль. Крейсер перекосялся и словно погружался в землю — его край сминало и плющило, громадный земляной вал поднялся, словно вывороченный лемехом, и обвалился, погребая остатки Эйфелевой башни. И тут гигантский диск разломился пополам. Зависшая в воздухе половина мягко опустилась на грунт, и пол под ногами снова зашатался. Облака пыли и обломков поднялись вверх, скрывая картину кораблекрушения, а секундой позже пылевую завесу прорвали огненные смерчи. Раскатистый грохот разнесся над великим городом, который не так-то просто оказалось убить.

Аньес выпрямилась и прижалась спиной к Ксавье.

— Я тебя люблю, — сорвалось у Лассава.

— Я тоже тебя люблю... — ответила Аньес.

3. Индия, Гималаи

От самого Каргила дорога постоянно шла в гору по величественной долине реки Суру, которую окружали чудовищные горные вершины. Их обнаженные склоны чугунного цвета уходили далеко в чистейшее небо, а еще выше — истинно горные выси! — отражали солнце сверкающие снежные пики. Краулеры проезжали мимо деревушек, обрамленных полями тибетского ячменя-грима, рощицами ив и абрикосов. Крохотные селения выглядели зелеными заплатками на сером ковре — долина Суру была безрадостна и безжизненна, как плоское дно высохшего озера или как лунное море. Кое-где торчали купола мечетей, расписанные цветистыми орнаментами, и тыкались в небо минаретики, но до чего ж убогими и неуместными казались они в отблеске вечных снегов!

А дальше, за развалинами старинного монастыря-гомпы, раскинулись лагеря беженцев. Тысячи и тысячи палаток залепили пологий склон, люди, издали походившие на муравьев, лениво копошились на фоне тентов, закамуфлированных под осыпи и трещиноватую землю. Впрочем, себумы не интересовались горами, их корабли ни разу не затмили прозрачных небес. На то и был расчет — спасти людей, бежавших из Кашмира, хотя бы на этих высотах. Но относительная безопасность дорого стоила — в Гималаях нечего есть. Голодающие давно уже разграбили местные деревушки, подчистили все запасы, забили космачей-яков и употребили их в жареном и вареном виде.

Караваны поисковиков спускались с гор, шарили по брошенным городам и возвращались с добычей. Иногда в полном составе, иногда в уполовиненном. Порой пропадали без вести — малые линкоры себумов постоянно патрулировали предгорья и сжигали все, что движется.

Амад Гупта с первого дня записался в поисковики, добирался до самого Сринагара и всегда умудрялся выжить. И вернуться. Вот и теперь он был горд и доволен, ибо вел за собой целый караван юрких и малозаметных краулеров, чьи грузовые отсеки были доверху набиты лекарствами. Трудно сказать, что ценилось больше — экспресс-обед в «вечной» упаковке или карман-аптечка. Каждый второй беженец страдал от полученных ран, ожогов и переломов. Кто-то нахватался рентген и маялся лучевой болезнью, а кому-то не повезло уже здесь, в Гималаях, — наглотался ледяной воды и простудился.

...У Амада нещадно колотилось сердце — высота была в три с лишним тысячи метров, и легким не хватало кислорода. Месяц необходим, чтобы привыкнуть к недостатку живительного газа, да где ж их взять, эти тридцать дней?

Последние километры стекломассовой дороги, проложенной вдоль ревущей и грохочущей Суру, вели путников и странников по безлюдью, где царят ледники, сползающие с двойной цепи гор. На высоте в четыре с половиной километра бурные речки цвета нефрита и берилла ворочают громадные камни и омывают стены Рингдом-Гомпы, самого западного ламаистского монастыря. Сюда начальники всех лагерей свозили тяжелобольных. А дальше за Рингдомом, по другую сторону перевала Пенси-Ла, простирается затерянная во времени и пространстве долина Заскара. Туда беженцы даже и не совались — там уже месяц как лежали снега.

Вымотанные до предела, покрытые пылью, продрогшие до костей, поисковики достигли Рингдом-Гомпы лишь к вечеру. В центре круглой долины, замкнутой десятками семитысячников, бугрился одинокий холм, на нем крепко пристроился красный массивный дзонг, одновременно крепость и монастырь. К нему прилепилась деревенька из больших кубических домов, землистых с охряным. Над их плоскими крышами бились белые молитвенные флажки.

Крепость-монастырь естественно продолжала холм, своими наклонными стенами и культовыми обелисками напоминая причудливый останец. В Гималаях темнеет быстро, и вскоре угловатый силуэт Рингдома четко рисовался на фоне медно-зеленого неба. В зените белела крошечная долька Луны, а над цепью хребтов пылали четыре алых солнца, преломляясь в наплывах ледников.

К самому монастырю не поехали — ежевечерняя церемония изгнания злых духов уже свершилась, и дзонг, надежно защищенный от демонов ночи, закрыт теперь для всех до самого утра. Амад и его команда поставили краулеры в круг близ беленого чхортена и надули три палатки. Солнце заходило, и его ложные двойники погасли один за другим. Дико выли и скрежетали ледники, нагоняя первобытную жуть, остывало металлическое сияние над горными цепями, фиолетовая непроглядная мгла поглощала равнину, и только клокочущая река неверно вспыхивала отблесками пены. Амад сонно обошел чхортен — своего рода буддийский памятник. На большее сил у Гупты не хватило. Не став даже дожидаться, пока обогреватели нагонят в палатку тепло, он лег и моментально уснул.

Утро выдалось холодное — оранжевый купол тента покрывала тонкая стеклянистая корочка льда. Дрожа, Амад выбрался наружу и поспешил повернуть терморегулятор куртки на максимум.

Солнце еще не взошло, но сквозь пепельный сумрак проявлялись с ночного негатива крошечные тени гор. Клокотала укутанная паром река. Белые вершины загорались розовым и золотым, синим дымом проступали облака, а в долине все еще стыла черно-белая мгла.

Луч, первым прорвавшийся между двумя пиками, высветил красную твердыню Рингдома. Издалека долетел рев яка. Затявкала собака. Надо же, усмехнулся Амад, не всех еще съели...

Сердце у него билось, как сумасшедшее, одышка одолевала, а он уливался тихим восторгом первооткрывателя.

Воздух в Гималаях настолько чист и сух, что горы видны за сто пятьдесят километров. Далекие вершины почти скрываются за горизонтом, но синие макушки выглядывают из-за края света. В свете шести ложных солнц шел дождь и испарялся в сухом воздухе, а

многоцветная радуга замыкалась в правильный круг. Почти никогда прежде Амаду не встречалась такая грандиозность, такое грозное величие! На высоте Рингдама даже самые высокие пики казались ниже его — не то студента-заочника, поисковика по необходимости, не то полубога.

Вернувшись в явь, Амад сипло задышал и побрел к ближайшему леднику за водой для чая — серая, с примесью слюды, вода из реки испортила бы «полезный, хорошо утоляющий жажду напиток». Набрав полный чайник, он двинулся обратно другим путем, через русло высохшего потока, собрав пучок высохшего чертополоха на растопку, и вернулся в лагерь.

— Ну, как? — встретил его Намгьял, седой и словно высохший в горном воздухе. — Нравятся Гималаи?

— Ничего, — сдержанно ответил Амад. Ему остро захотелось добавить себе лет и опыта, чтобы стоять вровень с этим бывалым человеком. Неожиданно ему помог Анарендра. Смешливый бомбеец фыркнул и небрежно произнес:

— Что ему ваши Гималаи? Амад поднимался на Олимп!

— Подумаешь, Олимп! — усмехнулся Милко, на груди которого красовался знак «Тигр снегов» — им награждали только тех альпинистов, кому покорились пики-восьмитысячники. — Его и горой не назовешь, так — горка!

— Товарищ не понимает! — ласково проговорил Анарендра. — Не тот, не эллинский Олимп, а марсианский Никс Олимпика!

— Ну и что? — не сдавался Милко. — Не Джомолунгма же!

— Да куда той Джомолунгме!

— Что?! Скажи еще, что эта ваша Никса выше девяти тысяч метров!

— Двадцать семь тысяч! — не утерпел Амад и подумал, что кое в чем он таки уел «Тигра снегов».

— Сколько?! — вытаращил глаза Милко.

— Двадцать семь тысяч метров с копейками, — с удовольствием повторил Амад.

Реакция Милко была бурной — в короткой, но энергичной пантомиме «Тигр снегов» выразил и восхищение, и зависть черно-белую, и живейший интерес.

— Расскажи! — попросил он.

Амад, с трудом удерживаясь от важничанья, начал:

— Да что рассказывать? Я три года на Марсе отработал, и как раз на третий год послали меня в командировку на станцию «Тарсис Мон» — там плато такое, и рядом Олимп. И меня планетологи на выходные потащили на прогулку. Подъем, говорят, не крутой, и весишь ты на Марсе вполовину меньше, так что собирайся и пошли. Ну я и пошел... Н-да. В пятницу начали восхождение, к вечеру воскресенья только спустились. Подъем там и вправду не крут, но пока оттопаешь двадцать кэмэ, да все в гору... И толку с того, что я на Марсе вешу меньше? Они на меня столько всего повесили, что куда вашим кули! Зато как сделали привал, и я обернулся... Мама моя! Такое впечатление, что я пол-планеты вижу зараз! Смотришь — дымка вроде стелется внизу, а это вся атмосфера! Там утро, глянет кто вверх — небо увидит, а с Олимпа звезды видать, и черноту, и солнечную корону. Космос совсем рядом! А с самой вершины вид был... Даже видать, как Марс закругляется! На склон смотреть страшно — как, думаешь, ты по этой крутизне влез и не скатился?! И видно все вокруг — резко, четко. Хребты внизу, как грядки огородные, дюны, как мятая плиссированная юбка. А повернешься — и видишь кратер... Прорву! Туда Нью-Йорк можно поместить, и он там затеряется, не сразу-то и разглядишь! И все равно не то, — неожиданно

вывел Амад. — Здесь вид получше. Не знаю почему. Наверное, не ждешь от Земли чего-то космического, и вдруг — такое!

— Ну, всё, — поднялся Намгьял. — Пошли. Лама нам обещал аккумуляторы подзарядить...

Свернув лагерь, поисковики бодро тронулись в путь — ехать было недалече.

По крутой петляющей тропе краулеры поднялись к величественному порталу Рингдом-Гомпы. Створки тяжелых ворот, сбитые из кедрового бруса, охранялись страхолюдными масками в коронах из черепов с пылающими киноварью глазницами. К зажатым в оскаленных клыках медным кольцам были привязаны вылинявшие лоскутья.

За воротами прятался пустынный мощеный дворик, там Амад приказал оставить краулеры и повел всех в центральный двор, более просторный, в центре коего высился чхортен и древко с молитвенными флажками. Во дворе было людно от монахов-«трава» — крепких щекастых парней с раскосыми глазами. Они ходили в платьях без рукавов из грубой красной шерсти, оставлявших открытым правое плечо, головы их были бриты, а на шеях висели четки и амулеты. И еще было полно беженцев — женщины щеголяли в ярких, расшитых серебром плащах, волосы они заплетали в десятки косичек и украшали кожаными лентами, на которые привешивали куски бирюзы, а мужчины кутались в подобие халатов из некрашеной ворсистой шерсти. Только больных было не видать — лежачие и ходячие не вылезали из палат, окружавших следующий двор, самый большой в монастыре, размером с городскую площадь. Беженцы переговаривались:

— И как теперь жить?

— Так и будем прятаться? Словно крысы...

— Уходить надо отсюда!

— Куда?!

— Не знаю я! Но оставаться тут нельзя! Микропогодные станции больше не работают, со дня на день снег пойдет, и завалит все на восемь месяцев!

— Вот-вот... А у нас ни запасов, ни генераторов, ничего! Как греться столько времени?

— А питаться чем? Вода тут чистейшая, согласен, ею хорошо запивать... ну, хотя бы кашу!

— Вопрос — из чего эту кашу варить?

— То-то и оно...

Амад, правда, не заикливался на проблемах. Война не убавила его любопытства и интереса к жизни. Он без усталости вертел головой во все стороны, испытывая необычные ощущения. Весь ворох прежних, наивно-романтических представлений о Тибете, где были перемешаны ламы и яки, тантры и мантры, цзамба и Шамбала — был развеян, вытеснен из сознания реалом. Сказочным реалом... Убогие европейцы искали в Гималаях откровений и чудес — то ли по дурацкой христианской привычке, то ли из невежества — и не осознавали красот и прелестей, данных им в ощущениях. Вот этот дзонг, или гомпа — как его правильно будет назвать? — эти высоченные горы вокруг, упрямые кустики белого рододендрона, цеплявшегося за хилый проблеск почвы, — вот они, чудеса явленные!

Амад вздохнул, вбирая сладковатую гарь кизяка — единственного местного топлива, и дымки курительных палочек. Сверху, с навесной галереи, наплывал монашеский рык — «трава» читали молитвы нарочито низкими голосами, срываясь в хриплый рев, нараспев и с расстановкой.

— Воздух! — отчаянный крик Милко перебил молитвы.

Поднялся крик, люди заметались по двору, ища укрытия, а Амад взлетел на верхнюю галерею. С запада приближались ракетные катера себумов. Было их штук двести. Выстроившись тремя клиньями, обтекаемые веретенца катеров буравили разреженный воздух, протыкая его зелеными спицами лазерных лучей. Вспыхнул и загорелся краулер с регенерационными блоками, занялся другой. Обвалилась угловая башня монастыря.

Тоска и ярость смешались у Амада в душе. И сюда добрались!

Катера бесшумно пролетели над гомпой, уносясь к Заскару, и тут...

Над дальним хребтом вдруг вздыбился колоссальный диск, темный снизу, позолоченный сверху солнцем. Но это не был корабль себумов — на борту диска блестели земные буквы и эмблема Доброфлота — пятиконечная звезда.

Ракетные катера резко затормозили, закладывая крутые виражи, но веер бледно-лиловых лучей догнал их. Огненные клубки посыпались с неба на безжизненную и безрадостную равнину. Минуты не прошло, а уже все ракетные катера выпали в осадок.

— Ур-ра-а! Виват, Доброфлот! — заголосили во дворе.

Исполинский диск величаво проплыл над Рингдомом. На планетарники себумов он походил только размерами. Планетарные крейсера были плоскими, с толстой кромкой, а земной корабль представлялся двояковыпуклым, с острым краем.

— Здорово! — завопил Милко, появляясь рядом с Амадом. — Ну, теперь наши покажут чужим!

Гупта, не находя слов для выражения, только кивал головой, глазами провожая диск. Никогда бы раньше не поверил, что будет так радоваться космическому кораблю...

Заревели трубы-радонги, завывли раковины, зарокотали барабаны — начался нечаянный праздник, счастливая энергия требовала выхода.

— Нам наверх, — сказал незаметно подошедший Намгьял и повел компанию на галерею, опоясывавшую двор. — А вот и хозяин!

Кланяясь и складывая перед собой ладони, Амад двинулся навстречу маленькому человечку с лысым черепом и сморщенным личиком, одетому в желтый халат и красную гребнистую шапку секты Сакьяпа. Это был высокопреподобный верховный лама Ньюима Норбу, настоятель монастыря Рингдом.

Обменявшись любезностями, хозяин и гости направились в трапезную. От ее каменных, грубо побеленных стен несло холодом, и верховный велел внести бронзовые грелки с горящими угольями и благовонной можжевелевой хвоей. Трапезная была наскоро убрана — с продымленных балок потолка свисали полотнища священных бурханов, золоченое изображение Будды в глубокой нише было наряжено в «парадное» облачение из индийской парчи, а семь курительных палочек перед ним завывали пахучие колечки дыма. На резных столиках подали угощение — сырые яйца и кислое молоко, рис, приправленный шафраном и кардамоном, картофель с маринованными овощами, ростки гороха маш и целебный горный лук. По европейским понятиям это и не еда даже, а так, легкая закуска. Было и что выпить — чанг в конических медных сосудах с серебряной чеканкой и настоящая на змейках водка в бамбуковой бутылочке, подогретая и готовая к употреблению.

— Выпьем за Доброфлот! — предложил Намгьял, и все поддержали его.

Водку Амад не пил, но попробовать чанга не отказался. И не прогадал. Чанг — это тибетское пиво, очень питательное, по вкусу напоминающее апельсиновый сок, а по цвету — кефир. Чанг веселит, но не вызывает похмелья, и Амад смело подставил свою пхорпа — небольшую деревянную чашечку — под пенную струю. После второй он «захорошел» и даже

решил попробовать знаменитый тибетский чай, тот самый, что приправляют молоком, горстью слегка поджаренной ячменной муки, солью и оранжевым буйволиным маслом. Не так уж и плохо, решил Амад, отведав яство. По цвету — действительно чай, а по вкусу... Суп. Болтушка. Главное, греет кровь и придает сил.

Гупта разомлел, примостился у грелки и, потягивая чанг, счастливо улыбался, довольный собой и миром.

— За победу! — вскричал Намгьял. — За Середу!

«До победы еще далеко, — подумал Амад. — А вот за флагмана грех не выпить...»

4. Регион Океания, остров Витязя

— Сообщение от Осведомительного Агентства! — прогремел звучатель, и Полина Страут напряглась. — В ходе победоносного наступления Доброфлота Западное полушарие Земли полностью освобождено от вооруженных сил противника!

Ожесточенные боевые действия продолжаются в Северной Индии, над Экваториальной Африкой, в отдельных районах Центральной Европы и Северной Атлантики.

Третья и восьмая эскадра завершают зачистку бассейна Тихого океана в районе островов Палау, в восточной части Индонезии и на севере Австралии. Себумские колониальные транспорты успели совершить посадку на Большом Барьерном рифе и островах Полинезии — малые атмосферные крейсера уничтожили их с воздуха.

Поступило сообщение из Южной Африки, куда из Конго перелетели четыре дестроера противника и штурмовой планетарный крейсер. Эсминцы «Стерегущий» и «Безупречный» попытались задержать вражеские корабли, но были уничтожены превосходящими силами. Суперкрейсера «Рюрик» и «Хакан» пошли на перехват и сошлись с себумами над пустыней Намиб...

— Полинка, как бы не опоздать... — осторожно проговорил дядя Мирон.

— Да подожди ты! — шикнула Полина. — Дай дослушать!

— А все уже...

Полина разогнулась, вздохнула и сказала:

— Спасибо тебе за Женьку! Я не знаю, что бы я делала без нее! Если б не ты...

— Да ладно тебе! — засмутился дядька. — Тоже мне подвиг — вернулся домой и забрал ребенка!

— Мог бы и не успеть...

— Тогда б нас обоих уже не было... Ну, ладно, — вздохнул дядя Мирон, — поеду я... передавай там привет Лешке! Да, и вот еще что...

Дядя Мирон подтолкнул к молодой женщине старенького боевого робота типа «Вий», десятиглазого и шестирукого. Робот исполнял обязанности повара, дворника, уборщика и няни для Жени Страут, чудного создания четырех лет от роду, с личиком примерного ангелочка и золотистыми кудряшками.

— Вот, Асур, это твои новые хозяйки! Слушайся их!

— Приказ понял, — прогудел робот.

Мирон быстро чмокнул в щечку Полину, потрепал по головке Евгению Алексеевну и

строго сказал Асуру:

— Чтоб охранял! Понял?

— Приказ понял... — монотонно пронудил кибер, подхватывая три чемодана сразу.

— До свидания, Мирон! — провопила Женя.

Павильон станции метро «Проспект Вернадского» был разрушен, а сама станция представляла собой глубокий котлован, на дне которого протянулись перроны. К ним вели временные мостики из пластконструкций. Сбегая по шатким сходням, Мирон оглянулся, хватаясь за перила, и помахал рукой.

— Осторожно, двери закрываются, — с заботливой ноткой в голосе объявил автомашинист.

Двери сомкнулись, и Мирон домахал из-за бликующего окна.

— Мам, а почему Милон не с нами едет? — поинтересовалась Женя.

— Надо говорить «дядя Мирон». Он потом приедет, попозже. У него сейчас работ много, он с дядей Шуриком разгребает завалы... Помнишь дядю Шурика?

— Помню! Он мне на день р-роздения куклу подар-рил! Большую! Вот такую!

Женя развела ручонки и встала на цыпочки, демонстрируя габариты подарка.

— Ну, вот. А мы сейчас к папе поедем, на остров...

— Настоящий остр-ров?! — впечатлялась Женя, округляя голубые глазенки.

— Ну а как же? Конечно, настоящий...

Семейство Страутов приблизилось к проспекту. Полина заметно хромала после ранения левой ноги.

Полина прищурилась. В Москве было солнечно и ясно. И знобко — осень.

— Женя, тебе будет полезно надеть куртку, — обеспокоился Асур.

— Асул! — сердито сказала Женя. — Какой ты пр-ротивный!

— Да-да, дочечка, — встала на сторону робота Полина. — На улице холодно!

— Мама! — изумилась Женя. — Я же в свителе!

— Надень, надень...

Асур подал куртку свободным манипулятором, и девочка, насупившись, продела руки в рукавчики.

— Было бы желательно, — затынул робот, — включить подогрев твоей куртки...

— А я тебя не слышу, а я тебя не слышу! — запела Женя, закрывая уши пальцами.

Полина улыбнулась, взяла лицо дочки в ладони, нагнулась и звонко поцеловала в носик. Женя смешно зажмурилась.

— Такси прибует через четыре минуты, — доложил «Вий».

— Подождем. Да, Женька?

— Подоздем, подоздем!..

Полина выпрямилась и смахнула челку со лба. Огляделась по сторонам.

Парки и скверы Юго-Запада уцелели не все — огромные пятна выжженной растительности чернели угрюмо и пугающе. На фоне растрепанных облачков хорошо смотрелась вереница сорокаэтажников слева, за проспектом Вернадского. Удивительно, как им удалось устоять... Справа наискосок поднимались старое и новое общежития МГУ, сохранившие прежнюю высоту, вот только боковые стены обрушились, завалив террасы и наползая на пруд. За общежитиями небеса прочерчивала дуга фривея, переломленная точно посередине. Разноцветными капельками плыли по воздуху птерокары и вертолеты. Их было мало, не то что раньше, но и эти первые робкие вылеты радовали. А сам проспект был почти

пуст, укатываясь стеклянной дорожкой в перспективу, где плечистой громадой маячил Университет. Старательно объезжая воронки, подкатило такси и распахнуло двери перед пассажирами. Пока Полина с Женей усаживались и спорили, кто из них займет переднее сиденье, «Вий» погрузил чемоданы в багажник и втиснулся туда сам.

— В Шереметьево! — велела Полина и со вздохом облегчения откинулась на подушки.

Двумя часами позже стратолет «Голубая комета», имея на борту тысячу пассажиров, в списке которых числились «П. и Е. Страут» (Асур путешествовал ярусом ниже, в багажном отделении), вылетел из Шереметьево на Таити, где следовало сделать пересадку. Прямоком на остров Витязя пока не попасть — военное положение...

Садился стратоплан на огромном плавучем терминале — таитянский аэродром Фааа был погребен под обломками громадного себумского транспорта.

Стратотерминал был так велик, что даже в сильный шторм лежал неподвижным блином на кипящих волнах, медленно дрейфуя вокруг одной точки координат. Поверхность терминала расчерчивали посадочные полосы и круги стартовых пунктов. В северной части располагались здания аэропорта, а южная сторона продолжалась пирсами для катеров, прогулочных яхт и грузопассажирских электроходов, снующих от стратотерминала к Папезте и обратно. Глубокая синева окрестных вод поражала, цвет пологих валов казался нереальным, искусственным — будто кто-то нарочно подсинил волны. Недаром себумы развили тут бурную деятельность — циклопические сооружения перегораживали всю бухту. Архитектура чужих отталкивала — эти косые толстые колонны, поднимавшиеся из моря, эти странные оплывы на выпуклых стенах, дырявые купола... Готовый мемориал памяти погибших в боях за Океанию.

— Иа ора на! — осклабился толстенький администратор в белом мундирчике и с венком на курчавой голове. Если Таити действительно последний рай на Земле, то этот жизнерадостный толстяк был приставлен ко вратам парадиза. — Маэва Таити! Проходите, мадам!

Мадам наградила стража ослепительной улыбкой и прошла пункт регистрации, ведя за ручку Женю. К ним тут же пристроился Асур, вынырнувший из грузового рукава.

— Конвертоплан «Анатра», следующий по маршруту «Терминал Аремити — остров Витязя», — монотонно заговорил робот, — ожидает на взлетно-посадочной площадке для летательных аппаратов местного сообщения номер пятьсот три...

— Так мы что, — огорчилась Полина, — на Таити не съездим?

— Конвертоплан «Анатра», следующий по маршруту... — затянул «Вий».

— Поняла я, поняла! — сморщила Страут носик в легкой досаде. — Не нуди!

Первый привет с Таити донес ветер — повеяло чем-то пряным и теплым. На синей подставке горизонта едва ощутимо покачивались окутанные дымкой вершины гор — Орохена, Орофити и Аораи. Правда, какая из них Орохена, а какая — Орофити, Полина затруднилась бы ответить. Да и какая разница?

Страшные воспоминания, тяжкие, мертвящие душу, потихоньку отпускали ее. Она перестала кричать по ночам, ей больше не снились трупы, не преследовал ужасный запах горелой плоти. Однако мир был еще далек, «ожесточенные бои» продолжались. С каждым убитым себумом победа делалась ближе, но какие гекатомбы надо еще принести в жертву богу войны, чтобы враг был разбит?..

...Динамики над полем затянули «Э мауруру а вау», а влажный ветерок, лаская обоняние, смешал запахи земли, благоухание бугенвилеи и прелых кокосов.

Голубеющие горы впились в облака над ярко-зелеными холмами, понизу отороченными перистыми пальмами. Притягивали взгляд роскошные пляжи... Полина тихонько вздохнула и утешила себя обещанием искупаться в лагуне острова Витязя и вдоволь поваляться на его белом песке.

Конвертоплан «Анатра» напоминал собой короткохвостый вертолет с двумя толстыми лопастями. Пилот в серебристом комбезе болтал с пассажирами. Пассажиров было трое — веселый парень, обритый наголо и похожий на жизнерадостного щенка, солидный краснолицый мужчина с парой громадных баулов и каким-то прибором под мышкой и хрупкая бледненькая девушка, спрятавшаяся от солнца под огромным сомбреро. Маленькая и худенькая, она в своем головном уборе напомнила Полине грибок-опенок.

— Здравствуйте! — приветствовала она честную компанию. — Вы на Витязь?

— Туда! — вскочил пилот и отрекомендовался: — Роонуи Горелов!

— Полина Страут.

— Богдан, — представился юноша.

— Терентий Кузьмич, — поклонился мужчина.

— Алена, — пискляво отрекомендовалась девушка.

— А к кому летим? — поинтересовался пилот.

— К мужу! — улыбнулась Полина.

— Ну вот! — преувеличенно огорчился Горелов. — Вот всегда так! Не могли уж к брату слетать или к отцу!

— В другой раз!

— Не будет другого раза... — вздохнул пилот. — А ревнивицу эту как назвали? Ишь, как на меня зыркает!

— Это Женя!

— Мама! — возмущенно произнесла «ревнивица», — ты их с Асулом не познакомила!

— Ах, извините, извините! Вашего любимого Асурчика забыли представить!

— Я тебя тоже люблю, мамочка! — утешила Полину дочь.

Пилот захохотал и распахнул дверцу.

— Прошу садиться!

Галантно пропустив Алену и Полину, он передал последней брыкавшуюся малышку, а Богдан с Кузьмичом побеспокоились о себе сами. Пилот оббежал острый нос конвертоплана, заскочил в кабину, с ходу завел мотор. Турбины взвыли, две лопасти кругнулись, сливаясь в круг. Машина, словно потеряв вес, качнулась, клюнула носом и всплыла в воздух.

Вид на Таити радовал глаз: синева океана у берега разбавлялась до колера светлого берилла, взбивалась в пену прибоем. За мелкой водой светилась полоска пляжа, дотягиваясь до пальмовой рощи. Буйная зелень взбегала на холмы. А постройки себумов с высоты уже не казались такими чужеродными.

Разогнавшись над океаном, конвертоплан остановил лопасти в положении крыльев и понесся на северо-запад. Звукоизоляция в кабине была замечательной, не нужно было кричать в ухо соседу, и пассажиры продолжили знакомство. Терентий Кузьмич оказался инженером-гастрономом, добывавшим на таитянском базаре редкие овощи и приправы. Профессиональная деятельность Алены полностью отвечала ее внешности — она была занята в отделе статистики. А весельчак Богдан оказался зоопсихологом. И дрессировал он не абы кого — гигантских кальмаров!

— Так вы в цирке работаете? — не разобралась в ситуации Полина.

Богдан даже слегка обиделся.

— Да вы что?! — воскликнул он, но тут же вновь заулыбался: — Я в Океанской охране тружусь, хочу мегатойтисов к делу пристроить, чтобы они у китопасов навроде овчарок были! Ну там касаток отгонять или акул, поднимать с глубины раненых китов или субмарину, если та в аварию попадет...

— А поднимет? — усомнилась Полина.

— Ха! Только так! Нафанаильчик мой вдвое длинней подлодки — пятьдесят метров в нем! А силищи!

— Могучая кучка щупалец... — проворчал Терентий Кузьмич.

— Ну, так еще бы! — легко согласился Богдан, не вдаваясь в подтекст услышанного.

— Все равно они опасны, чудища ваши, — вывела старшая Страут. — И страшные они очень!

— Что бы вы понимали в мегатойтисах! — с легким пренебрежением профессионала отмахнулся Богдан.

Разговор мигом перешел на Великих Морских Змеев, Больших Белых Акул и прочих монстров океана, и Полина отвлеклась, задумалась о своем. О Жене. О себе. Об Алексее.

Три года семейной жизни не слишком изменили ее, не опростили, не свели Мироздание к пятикомнатной квартире. Быт не затянул в себя Полину Страут, и домашние хлопоты не заслонили прочие радости и прелести, в избытке предложенные бесконечной Вселенной.

А Женька пока что доставляла ей минимум переживаний — болеть коклюшами и корями доченьке не придется, а проблему хронического недосыпа решил Асур. Старый боевой кибер стал для Жени роботом-мамой, очень нудной и очень требовательной, но никогда не забывавшей поменять подгузники и подогреть молочко в бутылочке. Полина даже ревновала «Вия», опасаясь, как бы эта «универсальная рабочая машина» не стала Жене роднее матери. Не стала... А что было бы, если бы Мирон не успел? — похолодела Полина. — Если бы их обоих накрыло плазменным взрывом? Как бы она тогда жила?.. Не думать, не думать! Это слишком ужасно...

Разговор как-то сам собой увял, пилот рулил, пассажиры задремали, а понизу все плыл и плыл гофрированный пассатами океан...

Полина открыла глаза вовремя: в небе по-над горизонтом заиграл зеленый отсвет — это в мареве испарений отражалась лагуна за Барьерным рифом. Остров Витязя.

— Подлетаем! — сообщил пилот.

— Ага! — сипло проронил Терентий Кузьмич. Богдан смешно всхрапнул и смутился, поймав улыбку Полины. Она отвела глаза от зоопсихолога и подалась к окну, о который Лена уже плющила нос.

Острову Витязя в будущем году должно стукнуть сто сорок лет — биоинженеры сдали его в эксплуатацию приблизительно в 2084-м. Ранее на его месте существовала подводная гора Витязя, названная в честь знаменитого научно-исследовательского судна. От плоской вершины той горы до поверхности было восемьсот шестьдесят метров. Строители заделали в ее макушку решетчатые вышки, а инженеры-биотехники нарастили на этот каркас быстрорастущие кораллы и организовали бесперебойное кормление прожорливых крошек-полипов, подавая спецраствор на узловые точки и приемники питательных нитей. Через год с лишним на карте появился новый атолл — твердый коралловый монолит, разорванным кольцом окружавший лагуну километров десяти в поперечнике. Не дожидаясь, пока

«искусственное территориальное образование» заселят обитатели рифов и «нажуют» пляжи, строители завезли готовый коралловый песок с островов Полинезии. Биологи насадили кокосовые пальмы, широколиственные кусты сцеволы и баррингтонии, оплели их вьющейся кассидой. Выпустили пастись рыб-попугаев, рыб-бабочек и прочую цветастую живность.

И комиссия приняла остров без замечаний. Потом уже, на мелководье, между самым атоллom и Барьерным рифом, принимавшим на себя удары прибоя, выросли белоснежные здания рыбопланктонного комплекса, перерабатывающий комбинат, лаборатории, береговой стационар Океанской охраны, жилые модули поселка. Сдали и объекты «соцкультбыта» — клубы, гостиницы, госпиталь на два десятка койко-мест. В сквериках благоухали тиаре апетахи, а на дачных участках радовали хозяев ананасы.

Место для острова было выбрано не зря — именно этими водами привыкли ходить кашалоты. Теперь малакологи устроили вокруг Витязя кальмарные пастбища, а цетологи позаботились о районах китового молодняка, где благоденствовали счастливые мамы и нагуливало привес их потомство.

— Прощу посадку! — сказал пилот в усик микрофона и кивнул неслышному ответу.

Конвертоплан качнулся, крылья его провернулись и расплылись винтом. Горелов пошел на снижение, заскользил над лохматыми верхушками пальм и мягко посадил машину в центре круглой зеленой полянки.

— Приехали! — весело объявил он и заглушил мотор.

Офис Океанской охраны, вернее здешнего берегового стационара, помещался на северном берегу острова, поблизости от громадного фундамента под будущий дом-город. Полина, нарядившаяся по местной моде — в шортики, «шлепки» и яркую пелеринку — прошла под пестрый навес, в тени которого смаковали мате двое глубоководников, и поднялась на второй этаж, в приемную.

Секретарей-автоматов тут не держали, да и самого «предбанника» у начальственного кабинета не было. «Нач. станции проф. Смагин Р.В.», как сухо сообщала табличка на двери, сидел в гигантском кожаном кресле и читал с проектора, включенного на последней странице «Вопросов цетологии» за август месяц. Одевание начальника сильно подрывало его авторитет, ибо ограничивалось цветастыми «Пифагорами». Ничего иного на профессоре Смагине не было, даже шлепанцев.

— Можно? — спросила Полина.

Смагин оторвался от проектора, посмотрел на посетительницу и взгляд его приобрел осмысленность.

— А-а, залетные! — вскричал он весело и вскочил. — Просим, просим! По делам или как?

— Вы понимаете, — начала Полина с проникновенностью, — я прилетела к мужу. Он у вас работает китопасом. Сейчас он кашалотов перегоняет, а я с дочкой буду его здесь ждать. Но... не хочется в гостинице устраиваться... Найдется тут у вас какой-нибудь домик на семью?

— Фамилия? — по-прежнему весело спросил Смагин.

— Чья? — нахмурила лобик Полина.

— Мужа! — ухмыльнулся Смагин.

— А-а! Страут! Алексей Страут.

Смагин склонился к терминалу, подудел, просматривая список, и сказал:

— Есть такой! Старший смотритель Страут. За ним зарезервирован домик на южной

стороне. Номер два «а». Хватайте свободный джип и езжайте! У нас тут нравы простые...

В приемную всплыла высокая, дородная индианка с колоссальным бюстом, уперла руки в боки и задала вопрос грозным голосом:

— Где стабилизаторы, Роман Витальевич? Биокомбайн второй день простаивает! Мне что, планктон руками собирать?!

— Видите, — кротко сказал Смагин, обращаясь к Полине. — Вконец опростились! Они почему-то думают, что начальник и кибернетист-снабженец — это одно и то же лицо! Они же не могут сходить на склад и потребовать запчасть там! Нет, они идут к начальнику! Потому как я — верблюды и везу все это хозяйство, а кто везет, на того и грузят! Да, Суджата свет Рошановна?

Суджата Рошановна не особо-то и смутилась. Фыркнула только и величественно выплыла из приемной, смутно бурча что-то насчет «слабого мужского пола». Полина решила воспользоваться моментом и вышла следом, не забыв попрощаться.

Все ее семейство было в полном составе: Женька играла с роскошным рыжим котом, млевшим от жары и неги, а Асур стоял рядом и гундосил насчет блох и стригущих лишаяев.

— Пойдемте! — сказала Полина и повела домочадцев через кокосовую рощицу, раскинувшуюся у лаборатории генетики. Здание лаборатории было низкое, круглое, голубого цвета. В широких дверях стояли две девушки в белых халатах, наброшенных на голое тело, и щебетали о чем-то своем, девичьем. Вокруг лаборатории кольцом завивалась улочка — утоптанная песчаная дорожка, обсаженная еще какими-то пальмами, не кокосовыми, другими, с растрепанными перистыми листьями. На углу, возле решетчатой башни микропогодной установки, загорал на солнцепеке целый выводок кибердворников, а впереди сквозь сочную зелень проглядывали разноцветными пятнами стены стандартных литопластовых домиков.

— Мам, а, мам? — Страут-старшую подергала за руку Страут-младшая. — А куда мы идем? К папе?

— Мы сейчас в папин дом пойдем, дочечка. Вот пригонит наш папа китов, и мы будем вместе...

— А киты больсые?

— Очень большие!

— А они папу не укусят?

— Нет, дочечка, киты хорошие...

Тропинка вывела их к наезженной дороге. Теперь справа тянулись какие-то длинные белые цистерны, а слева, за рядами кольчатых стволов пальм, блестело мелководье, скаля кроваво-красные рифы, и накатывали волны, вспухая облаками пены. Жесткий, широкий ритм прибоя потихоньку стихал, блуждая по чаще, и неразличимо сливался с шорохом листьев-опахал. В тени пальм, защищенная от падающих орехов пластмассовым тентом, располагалась стоянка. На ней пребывали в неподвижности два белых квадратных джипа — открытых, на пузатых скатах шаровых шасси.

— Быстро садимся! — весело скомандовала Полина и заняла место водителя.

Женя забралась с ногами на переднее сиденье, Асур с кладью поместился сзади. Атомокар засопел, выкатился на дорогу и, мягко покачиваясь, повез троицу на юг. Дорога то шла по берегу океана, то сворачивала к лагуне. В океане были видны многочисленные фонтаны кашалотов, нагуливавших вес на кальмарьих пастбищах, и медленно дрейфующий молочный танкер, а чуть подалее, вздымаясь со дна, задирали к небу обломанный

отражатель Д-звездолет, подбитый еще в первый день вторжения. Скоро приборю доконает незваного «гостя», и тот опрокинется, уйдет в глубину... Полина перевела взгляд на лагуну. Там, по гладкой воде, ползали, опираясь на поплавки, уродливые биокомбайны, собирая урожай хлореллы, похожей на густую зеленую ряску. Рядом с комбайном медленно плыл катамаран и принимал на борт отжатые брикеты водоросли.

Атомокар вырулил на открытую травянистую поляну, и впереди открылся поселок — белые домики, разбросанные в нагромождениях зелени.

Дом, отмеченный табличкой «2а», был жилым модулем с энергопристройкой и полным набором хозяйственной автоматики.

— Всё, Женька, вылазь! Асур, занеси вещи в гостиную!

— Приказ понял...

Весь день прошел в домашних хлопотах. В модуле было чисто — киберуборщик постарался, даже легкую мебель расставил в идеальном геометрическом порядке.

Полина достала из чемодана любимые занавески, выгладила их и повесила на окна. Стол в гостиной застелила бабушкиной скатертью, поставила в центре вазу и воткнула в нее букетик алых гибискусов, сорванных по дороге. Появился уют, пустота заполнилась, и помещение стало по-настоящему жилым.

Поужинав в поселковой столовой и уложив Женьку спать, Полина села перед СВ — посмотреть аргентинский сериал «Синие поля». Нашла ли донна Лусия своего ребенка, похищенного роддерами? Бросила ли пить Марсела, неработающая красотка? Удалось ли ей соблазнить того симпатичного арбайтера — Александриньо, кажется? Больше всего в «Синих полях» Полине нравились актеры — молодые, красивые, — и яркие платья актрис. Сюжет — это дело десятое, да и какой у «мыла» сюжет? Сплошная тягомотина, правильно Лешка говорит... Зато успокаивает.

Да и просто так хотелось посидеть, привыкнуть к новой обстановке, психологически утвердиться, освоиться, вжиться. Женьке просто, она всюду на Планете — дома. Об Асуре и речи нет, а вот ей сложновато...

Отследив, как пройдошистый Педро волочит за Эстерситой, Полина переключила СВ на канал новостей и подошла к окну. Спать не хотелось совершенно. Оно и понятно — в Москве сейчас день, а тут ночь и темь.

Полина подняла раму окна и впустила волну теплого воздуха, шелеста пальм и плеска воды. «Искупаться, что ли?» — подумала она и решила, что идея неплоха. Быстро сбросив юбку, трусики и пелеринку, молодая женщина подцепила пальцами ног босоножки, прихватила полотенце и тихонько приоткрыла дверь.

— Вы куда? — строго спросил «Вий».

— Тьфу! Напугал! — сердито сказала Полина и ядовито добавила: — Искупаться можно?

— Я провожу вас, — заявил робот.

Полина только рукой махнула и вышла в ночь и темь. Идти голой было приятно — ласковый ветерок гладил все тело, будто умелый любовник. Взошла Луна, высинив белый песок. Две тени — стройная и угловатая — протянулись черным по синему. От лагуны тянуло влагой, словно из ванной, мелкую волну серебрил лунный свет, а под водой разгорались и гасли морские «светлячки». На глубоком месте тускло горело огромное разлапистое пятно, то расплываясь в огненный цветок, то стягиваясь в китайский фонарик, разожженный кем-то у самого дна.

Полина сбросила босоножки, оглянулась на Асура и вошла в воду по колени.

— Ах, какая теплая!

— Осторожно, — занудил кибер, — там могут быть ямы!

— Да уж как-нибудь выплыву! — фыркнула Страут. Забравшись по пояс, она оттолкнулась ногами и поплыла. Прелесть!

«Вий» на берегу стоял в позе Большой Укоризны, размытым силуэтом выделяясь в отсветах уличных фонарей. Один фонарь постоянно заслоняло листом пальмы и было похоже, что он подмигивает.

Полина окунулась, вынырнула и направилась к берегу. И в этот самый момент ее бедра коснулось что-то скользкое и холодное. Себум?! Полина взвизгнула и рванулась к берегу. Все мысли вылетели из ее головы, а душа наполнилась ужасным ощущением — хватательные щупальца жабы трогали спину, обжимали ногу, присасывались и отлипали.

— Асур! — закричала Страут, барахтаясь и оставляя в воде фосфоресцирующие шлейфы.

Робот на берегу вскинул руку, и тонкий зеленый луч лазера проколол темноту, испарывая шипящую воду и поражая неведомую тварь. Выстрел помог — щупальца соскользнули с тела женщины, взвились в воздух, мелькая спицами исполинского колеса, и рухнули в воду.

Изнемогая, Полина выбралась на берег. Сердце колотилось, как сумасшедшее, и ее саму колотило, словно в ознобе.

— Нафанаил, не балуй! — донесся с лагуны знакомый голос, и яркий луч фонарика осветил Полину. Страх в ней перешел в ярость.

Прикрыв рукой глаза, она крикнула:

— Ну, всё? Насмотрелись?

Луч фонарика мигом прынул в сторону и краем задел человека в гидрокостюме и с аквастатом за плечами. Человек стащил с себя маску, и Полина узнала Богдана.

— Да это я вам светил! — нашел оправдание зоопсихолог. — Темно же... Вы не пугайтесь, это Нафанаильчик познакомиться хотел! Он очень любит знакомиться!

За спиной Богдана, метрах в двадцати от берега, колыхнулось давешнее световое пятно. Вздрыгнуло, скатывая с колоссального тела потоки воды, и поднялось холмом блестящей, красноватой плоти. Отражая лунное сияние, глянули два круглых глаза, каждый размером с колесо грузовика.

— Нафанаильчик! — нервно хихикнула Полина. — Привет, зверушка!

Дрожащими руками она нащупала полотенце, обулась, и рукой провела по бедру, опасаясь обнаружить какую-нибудь противную слизь. Нет, чисто. Только руки неприятно пахнут аммиаком.

— Я вас провожу, — смущенно предложил Богдан.

— Спасибо, — сухо сказала Полина, — меня есть кому проводить.

— Извините, ради бога! — покаянно произнес Богдан. — Мы вас просто не предупредили, местные-то в курсе наших купаний...

— Ладно. Пошли, Асур! Ты не ранил малютку Нафанаильчика?

— Нет, — ответил кибер. — Луч лазера был ослаблен водой. Кальмар получил ожог, не опасный для его здоровья.

— Ну и слава богу, а то я так беспокоилась...

Несчастный Богдан остался на берегу, долго и тоскливо вздыхая, Полина неспешно

шагала к дому, белея и светясь в ночи, а кальмар Нафанаил распустил гигантские щупальца по воде и задумчиво закатил глаза к Луне.

Глава 22

МОМЕНТ ИСТИНЫ

— ...Под командованием флагмана Середы! — ликовал голос диктора, наполняя десантный отсек «пумы».

— Ура! — захлопала в ладоши Варя.

Мтбевари только ухмыльнулся.

— Пяти кораблям ударной группировки себумов удалось выйти в подпространство, — продолжал диктор, — четыре планетарных крейсера сдались — сейчас они переоборудуются под человеческие стандарты, после чего войдут в состав Доброфлота...

— Правильно, — оценил Рам Чаран, — чего зря сбивать?

Внутри «пума» напоминала юрту. Чаран рулил, остальные сидели на мягком полу и поглядывали на экран, на березки-сосенки средней полосы. Райво шептался с Луизой, очень шустрой личностью, у которой, кроме пары стройных ножек, имелся и диплом астронавигатора. Мтбевари сперва отказывался ее брать, но Луиза к тому времени налетала пятьсот часов на кораблях возлеземного сообщения — как тут откажешь пилоту?

— Внимание! — посерьезнел голос диктора. — Флагман Середа вызывает Ираклия Мтбевари по секретному каналу! Срочно!

Мтбевари быстро придвинулся к рации и нащелкал коды.

— Мтбевари на связи, флагман!

— Ты где? — сказал спокойный голос Виктора.

— Лечу к Городу Совета!

— Ага! Варя с тобой?

— Здесь я! — закричала Кутейщикова. — Здесь!

— Ираклий! Ты один не справишься, там серьезная охрана — боевые роботы и все такое прочее! Я выслал к зданию Совета две эскадрильи космоатмосферников, сам буду на орбитальном штурмовике, номер сто два! Встретимся на верхней посадочной площадке!

— Понял!

Мтбевари перевел взгляд на Рам Чарана. И без того тощий индеец, кажется, еще сильнее похудел. Увял. Скис. На фоне пятерки мускулистых молчунов из спецназа ПНОИ — шея толще головы! — он и вовсе казался тяжелобольным. Поймав взгляд начальника, Чаран спросил:

— И что теперь будет? С ПНОИ и... и вообще?

— Вообще не знаю, — пожал плечами Мтбевари. — А ПНОИ никуда не денется, не волнуйся. Нельзя государству, пусть даже всемирному, без спецслужбы. Поражаюсь я нашей беспечности! Как мы обходились без разведки?! Мы вступили в контакт с четырьмя цивилизациями и спокойненько жили-были, не имея ни малейшего понятия о том, что планируют чужие, чего хотят! Ладно там варианяне, их мало, у них нет космической техники. Кхацкхи вообще цивилизация биологическая... Хотя кто их знает? А рептилоиды? Говорят, у них там застой, на Эпсилон Тукана. А кто это проверял? Тысячу лет назад они такого перца задали в радиусе двухсот световых лет, что только держись! А голубые люди? Никто ведь даже не знает, где они, где их розовая Земля! А гетероморфы? Фактов — ни одного! Сплошные слухи! Одни ксенобиологи уверены, что гетероморфы — это гуманоиды-номады, а другие считают их негуманоидами, чья цивилизация закрыта. А насколько? Чего

от них ждать? Нет, вот разделаемся с себумами, надо будет ко всем этим «носителям разума» обязательно наведаться! Пусть правительство расстарается, о постоянных миссиях договорится, а дипломатия — лучшее прикрытие для разведчика!

Он поймал заинтересованный взгляд Вари и подмигнул ей. Девушка сперва нахмурилась, а потом улыбнулась.

— Так что не переживай особо, — закончил Мтбевари, — никуда наш ПНОИ не денется. Еще и какой-нибудь Совет Галактической Безопасности сообразим...

— Подлетаем! — доложил пилот.

Впереди нарисовался небольшой, застроенный сплошь коттеджами городок, посередине которого белым пиком поднималось на полтора километра здание Совета. Плавные контрфорсы, наклонные плоскости, террасы, аркады — известный стиль.

«Пума» совершила круг почета и опустилась на плоскую крышу Совета. Боевые роботы мигом окружили аппарат, но Мтбевари буркнул пароль, и те разошлись.

А сверху уже пикировали космоистребители. Заблестали вспышки импульсов, прожигавшие киберов, и округлое тело орбитального штурмовика зависло над площадкой. Распахнулся люк, выполз трап, и по ступенькам сбежал Виктор Середа.

— Витя! — завопила Варя, бросаясь навстречу.

— Оп! — флагман подхватил Кутейщикову и закружил, смеясь.

— Вить...

— Потом, — остановил девушку флагман, стирая улыбку, — не время.

Из люка штурмовика вышла красивая, уверенная в себе девушка, следом за нею спустился непричесанный мужчина, загруженный прямо-передающей аппаратурой с эмблемой Мировой Сети.

— Командовать парадом буду я! — серьезно объявил флагман. — Дана! Курт! Вперед не лезть! Эксклюзив не должен стоять жизни! Парни, спускаемся! — отрывисто скомандовал он и показал пример, запрыгав по эскалатору вниз. Мтбевари бросился следом. Молчуны-спецназовцы, смешавшись с неразговорчивыми космопехами Середы, прикрывали тыл и фланги. Дана с Куртом неслись целеустремленно, бормоча в микрофоны первую озвучку видеоряда.

Круглый лифт опустил всю команду на уровень личных апартаментов Рогера ван Вейдена. Овальный зал под огромным куполом, крутые арки окон застеклены молочной пластмассой. Очень высокий коридор со световыми колодцами в потолке и с прозрачным полом. Широчайший атриум, провал, окруженный по кольцу множеством ярусов вниз и вверх.

— Нам сюда! — крикнул Мтбевари, вбегая в радиальный коридор, один из десятка разбежавшихся лучами в стороны от атриума.

Радиус быстро перешел в анфиладу кубических комнат. Лишь здесь Варя встретила первых людей — бесплотных, боязливых клерков и обленившихся бодигардов. Клерки прятались сами, а бодигардами занялись молчуны — иммобилизовывали, усыпляли, парализовывали, били в челюсть. Телохраны валились, как кегли.

В очередной комнате — Варя запыхалась от такого кресса — они нос к носу, глаза в глаза столкнулись с Рогиром ван Вейденом, Председателем Президиума Мирового Совета. Председатель, облаченный в просторную мантию, шел со свитой секретарей и помощников и выглядел не то больным, не то инвалидом — ногу подволакивает, голова криво посажена, левая рука болтается плетью, одно плечо выше другого, а брюхо выпирает просто

безобразно, будто у беременной на девятом месяце.

— Стоять! — крикнул Середа. — Руки за голову! Лицом к стене!

Послушались все, мигом. Кроме Рогира. Рука председателя высвободилась из складок мантии, сухие пальцы сжимали палочку вроде указки. Красный ручей света сорвался с острия палочки, и в то же самое мгновение Середа выстрелил. Три импульса из бласта вошли Рогире в грудь, словно повторяя драму на Теллусе.

Красный луч погас, когда его отделял от головы Середы какой-то метр. Рогир упал навзничь, и его стало корезить. Дана бросилась было на помощь, Середа остановил ее. Девушка хотела закричать, но крик умер, не родившись, — тело ван Вейдена вспучилось, огромный белый живот прорвал мантию и лопнул — наружу, шевеля парой длинных хватательных щупалец, вылезла складчатая, жирно блестящая туша себума.

— Гетероморф! — охнул Рам Чаран. — Он уже наполовину трансформировался! Ах ты гадина паршивая...

— Ираклий! — крикнул Середа. — Никого не выпускать из здания! Задержать всех до единого, и под ментоскоп!

— Есть! — счастливо заорал Мтбевари. — Будет исполнено!

Теперь, когда открылась мрачная тайна, на душе у шефа ПНОИ стало легко и ясно.

— Второму и третьему звену истребителей! — заговорил Виктор в коммуникатор. — Перекрыть все направления! Отлетающие машины сажать или сбивать! Линейным подразделениям — окружить здание Совета! Приступить к чистке, приоритет — один! Ко всем задержанным применять изоляцию и принудительное глубокое ментоскопирование!

Флагман присел над «Рогиром» и брезгливо отвернул мантию. Весь торс лжепредседателя принял коричневый цвет и жирно лоснился. Ноги и руки человека все еще были в наличии, но прорванная одежда скрывала почти полностью сформированного себума.

— Они подменили Рогира на Теллусе! — громко прокомментировала увиденное Дана. — Не ошибусь, если скажу, что тут постарались пацци!

— И директор тамошней базы был в курсе! — подхватил Курт, сияющий вроде бы и не к месту.

— Доволен? — улыбнулся Середа.

— Рад без меры! — заорал Зегерс. — Стало так легко! Уф-ф! Дана, у тебя готово?

— Да-да! — девушка повела контактором над мертвым гетероморфом. — Все! Можно выдавать в эфир!

— Запускай свой эксклюзив! — весело разрешил флагман. — Копию на «Умбон»! Пускай все увидят, кто ими правил!

Дана выдала в эфир сенсацию и навела звукоприемник на Середу.

— Вам слово, флагман!

Виктор кивнул.

— Слушайте все! — произнес он жестко, словно давал команду по космическому кораблю «Земля». — Мы победили, но война еще не выиграна. Враг по-прежнему силен и опасен. И я больше никому не позволю превращать Планету в радиоактивную пустыню! Моя задача — уничтожить врага! Истребить его пособников! Слушайте все! Отныне я буду Председателем Президиума Всемирного Совета, а по совместительству и Председателем Экономического Совета Мира! Чтобы не путаться в словах, называйте меня Верховным координатором...

— А выборы? — пролепетал Рам Чаран.

— Никаких выборов! — отрезал Середа. — Некогда баловаться с демократическими погремушками! К тому же вы утратили право избирать, товарищи однопланетники! Взгляните! — носком сапога Виктор шевельнул труп гетероморфа. — Вот кто вами правил больше двух лет! О чем еще говорить?!

— А если люди не захотят иметь над собою Верховного координатора? — смело спросил Чаран.

— А я никого не собираюсь спрашивать, чего они хотят! — холодно ответил Середа. — Мне некогда выслушивать истерики правозащитников, я должен спасти цивилизацию, которую вы едва не прошляпили! Предупреждаю сразу — всем придется туго, но вспомните девиз давнего грозного времени: «Все для фронта, все для победы!» Нынешний фронт протянут на парсеки, по десяткам звездных систем, и нам потребуется максимум усилий, чтобы победить в войне. А выбора у нас просто нет — или мы уничтожим себумов, или они уничтожат нас! Хотят пацаны мира с себумами? Пусть отправляются в преисподнюю вместе со своими хозяевами, держать и уговаривать не станем! Вопросы есть? Вопросов нет.

— Виват, Верховный координатор! — проревел Мтбевари.

— Виват! — рявкнули космопехотинцы и спецназовцы.

Громкое эхо загуляло по анфиладам Всемирного Совета.

Глава 23

ХРОНИКА

«WorldNetworknew », 12 июня 2224 г.

Административный Кибернетический Центр при Всемирном Совете перепрограммирован и настроен по приказу Верховного координатора. Перед АКЦ поставлены новые задачи: установить строгий контроль за распределением матблаг, отслеживать все нарушения и рассматривать их не с точки зрения Контроля Чести и Права, а по законам военного времени».

«Сеть Всеобщего Вещания», 13 июня 2224 г.

«Верховный координатор провел совещание, в котором участвовали руководители Экономических Советов Хозяйственных сфер, ВОЗ, ВОП, охранительных систем (Психологический Надзор за Отдельными Индивидами, Служба Охраны правопорядка Контроль Чести и Права) и силовых структур (Доброфлот, космопехота, орбитальные и планетарные боевые станции).

Виктором Середой поставлена четкая задача: в кратчайшие сроки переориентировать экономику Содружества Земли на выпуск военной продукции, провести мобилизацию, заложить и построить боевые корабли, а главное — обучить экипажи, развернуть широкое строительство станций планетарной защиты. Все для фронта, все для победы!»

Известия Международного Центра Научной Информации, 14 июня 2224г.

«На базе ВКС «Умбон» закончились испытания нового типа коллапсарного генератора. Ледяной астероид диаметром около 600 метров подвергся воздействию коллапсера и был стянут в точку. Главный конструктор твердо пообещал наладить выпуск коллапсарных генераторов в самое ближайшее время.

Ксенотехнологи базы, исследовавшие трофейные образцы палубных генераторов нелинейности, завершают опытно-конструкторские разработки более мощной модификации ПГН».

Д. Ситтель «От первого лица»:

«Сияя от радости и розовея от гордости, я присела на край стула и, не зная, куда деть руки, стала поправлять воронку звукоприемника. За другим концом стола сидел Верховный координатор — с мужественным лицом, очень умными и немного печальными глазами, с резкими морщинами у рта, придающими твердость чертам его лица и особое обаяние улыбке. Наверное, этот портрет мало кого заинтересовал бы еще месяц назад, но то, что он запечатлел облик Первого Джентльмена Земли, моментально поменяло отношение — люди начинают всматриваться в лицо «нового Наполеона», искать в нем нечто высокое и недоступное пониманию, и, конечно же, находят. Та же история, что и с Джокондой — обычная женщина-флорентийка попозировала Леонардо, а после поколения ученых бились над «загадкой Моны Лизы»! Да намалюй ту Джоконду безвестный художник из прошлого или позапрошлого века, кто бы обратил внимание на ее улыбку?! Но у людей вошло в привычку искать то, чего нет и никогда не было. Самое интересное, что при всем при этом человеки раз за разом находили небытующее, выдували пузыри монографий и диссертаций из ничего, измышляли хитроумные доказательства существования мнимого. Великая вещь — словоговорение и многоглаголение!

— Ну-с, барышня, — улыбнулся Середа, — начнем, помолясь?

— Начнем! — бодро сказала я. — Расскажите для начала о своем первом дне в новой должности!

— О, это было бы скучно.

— Тогда — о самом главном! — сманеврировала я.

— Ладно, попробую... Из здания Совета я так еще и не выходил. Дел — горы! Целые горные хребты! Все очень запущенно... Первые приказы я озвучивать не буду — военная тайна. Что еще?

Я снял надзор с зон спецкарантина и отменил сами зоны. Объявил военное положение. Собрал совещание... м-м... в общем, речь шла о скорейшем переводе экономики на военные рельсы. Это понятно, да? Объявил частичную мобилизацию... Очень сложно обучить и поставить в строй миллионы бойцов, но мы должны это сделать... Расконсервированы орбитальные верфи, на ИС-5 заложены сразу два планетарных крейсера, на Спу-57 — один суперкрейсер и линкор планетарного подавления. Строим мы и рейдеры, и малые атмосферные крейсера, и большие десантные... Истребители-пустотники, штурмовики... Работы очень много.

— На ваше имя поступает огромное количество жалоб, — сказала я. — Люди негодуют по поводу введения восьмичасового рабочего дня и «добровольно-принудительного» характера самих работ, работ в приказном порядке...

— Понегодуют, — спокойно заверил меня Середа, — и перестанут. Уж больно мы разленились! Четырехчасовой рабочий день! Каково?! И то половина не работает, а те, кто ходит на работу, постоянно опаздывают, прогуливают... Я их что, уговаривать должен? Хватит тунеядствовать! Отныне будет так — не работающий да не ест! А вы как хотели?! Вы что, полагаете, войну будет выигрывать кто-то со стороны? А вам даже не придется

покинуть уютное креслице?! Не-ет, товарищи, чтобы победить в войне, поднатужиться придется всем! Без исключения! И я вам не обещаю легкой жизни! Напротив, гарантирую некоторые лишения и массу неудобств! Вы будете мерзнуть зимой и часто сидеть без света и любимых стереопрограмм, потому что энергия станет подаваться прежде всего на нужды обороны, а на отопление и прочее — то, что в остатке. Обязательно возникнут перебои с продовольствием, вам придется терпеть нужду не только в предметах роскоши, но и в самом необходимом! И это будет твориться не со зла, просто такова цена победы! Могу озвучить последний приказ: Все, кто населяет Землю, Солнечную систему и Периферию, получают социальные карточки. Карточка станет фиксировать норму потребления энергии, поездок, продуктов питания и прочих матблаг — сколько на ней чего указано, столько и будет дано. Самая большая норма окажется у военных и тружеников тыла, самая маленькая — у тех, кто не работает. Разумеется, это не коснется детей и стариков. Попросту говоря, прежний принцип «Каждому — по потребности» временно отменяется. Мы должны бросить все силы и резервы на рост оборонной мощи!

— Сурово... — протянула я. — И еще такой вопрос: большинство из нас не привыкло к дисциплине, не приучено терпеть нужду. Я знаю о случаях неявки на призывной пункт, о самовольных уходах со станций планетарной защиты... Как вы намерены крепить дисциплину?

— Очень простым и эффективным способом, — ровным голосом проговорил Верховный координатор. — Содружество Земли объявлено на военном положении, а посему всякий саботажник, дезертир или уклоняющийся от службы будет отдан под трибунал и расстрелян по закону военного времени. Это касается и любителей покричать на демонстрациях протеста, потрясти «пацификами». Юридическая служба и Контроль Чести и Права уже сориентированы, а сотрудникам Службы Охраны правопорядка отдан приказ разгонять подобные демонстрации всеми средствами и арестовывать зачинщиков беспорядков. Я вам обещаю, Дана, дисциплина будет! Мы выступим в едином строю или погибнем. Третьего не дано. И я приму все меры, вплоть до жесточайших и крайних, чтобы не отдать Землю врагу!

— Но все же, Координатор, — осмелилась я, — допустимо ли понижать достигнутый уровень и обрекать людей на нужду и лишения?

— Лишения?! — вскипел Середа. — Да что вы знаете о лишениях?! Когда это вы терпели нужду?! «Ах, неужто нам, несчастненьким, — передразнил он, — булку с маслом придется жевать без икры?!» Потерпите! А вы хоть знаете, что ели в блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной? Сто двадцать пять граммов хлеба из муки и опилок выдавали блокадникам в одни руки! На весь день! А зима тогда была лютая, и отопления — ноль! Люди тысячами гибли от холода и голода! Бредет человек по улице, пошатнется вдруг и упадет! Поутру таких, как он, собирали и складывали, чтобы весной, по теплу, похоронить в братской могиле... Я вам напомним один документ того страшного времени — это дневник маленькой девочки. Он уместился всего на нескольких страничках, исписанных крупным детским почерком. Сначала Таня пишет: «Умерла бабушка», потом — «Умер братик». На третьей странице написано: «Умерла мама», а на последней — «Осталась одна Таня». Блокаду эта девочка не пережила, умерла последней из семьи... Вот кто познал страдание и боль утраты! А вы... — Середа скривил лицо в презрительной гримасе. — Вы даже во имя собственного спасения, во имя сохранения мира и цивилизации не можете потерпеть!

— Мой координатор, — еле выговорила я и почему-то шепотом, — я готова терпеть! И

не я одна такая, вы не думайте о нас плохо!

— Да я и не думаю... — вздохнул Середа. — Хотите, я вам расскажу, что пережил мой предок в те далекие военные годы?

— Хочу! — оживилась я.

— Тогда слушайте... Историю жизни моего пра-пра-пра... я узнал из его дневника, чудом сохранившегося на чердаке старого дома. Ну, слушайте... Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года началась война — для кого-то Вторая мировая, для нас Великая Отечественная. Волна сражений докатилась уже до Дона и Волги, гитлеровцы подходили к Москве. Жил Антон Середа в Воронежской области, и вот в июле сорок второго пришла ему повестка из райвоенкомата — приказано было явиться, захватив с собой продукты питания на три дня, кружку, ложку и так далее. На станции Бутурлиновка их собралось четыре сотни новобранцев. Погрузили всех в товарные вагоны и отправили на сборный пункт в Борисоглебск.

Поблизости от узловой станции попали они в переделку — эшелон атаковала эскадрилья «мессершмитов» — это были винтовые самолеты немецких захватчиков. «Мессеры» шли на высоте метров пятидесяти и стреляли по вагонам. А всю защиту эшелона представлял старый пулемет «Максим» — военрук стрелял из него, но сбить самолет, конечно, не мог. Следующим заходом «мессеры» стали бомбить состав. Половина вагонов пошла под откос вместе с новобранцами — вагоны кувыркались, разваливаясь на лету, давили и погребали все живое. Потом... Потом Антон с товарищами похоронил погибших и трое суток подряд восстанавливал пути — надо было пропустить составы с военными грузами.

До Борисоглебска он так и не добрался. Его с товарищами привезли в Нижний Тагил, на военный завод номер шестьдесят три. Завод выпускал снаряды для «катюш» и для противотанковых пушек разных калибров. На работу ребята ходили строем и работали по 12–14 часов в сутки. Они постоянно недоедали и недосыпали. Одевались во что придется, вместо кожаной обуви им выдали ботинки на деревянной подошве. Стук по деревянной мостовой, по которой они шагали с работы и на работу, разносился далеко вокруг... Придя с завода, эти военнообязанные не раздевались — в общежитии-казарме зимой было не теплее плюс восьми. Так и спали — в ватных засаленных брюках и фуфайках. В баню ходили раз в месяц, когда привозили жидкое мыло. И все равно, как бы ни было холодно и голодно, дух их был на высоте! «Все для фронта, все для победы!» — это был не просто лозунг, это было для них руководством к действию! У них даже возникло движение тысячников — в особую книгу заносили имена тех, кто выполнял план на тысячу и более процентов. Записали туда и Антона...

А однажды в цех привезли корпус печи для прокалики снарядов, в которой надо было расточить сто пятьдесят отверстий. Это был огромный барабан, шести метров диаметром, а полпред завода установил срок окончания работы — двенадцать дней. Поручили эту работу Антону.

Четверо суток он не отходил от расточного станка, пока не выполнил заказ, а на пятые сутки грохнулся в обморок. Очнувшись, Антон узнал, что проспал двое суток! Ну, хоть выспался... Да и другие срочные работы ему подкидывали. Скажем, надо было расточить блоки двигателей танков Т-34, «КВ», «ИС»... Сказать, что было трудно, значит ничего не сказать. Каждые сутки рабочие-солдаты не досчитывались в своих рядах юношей и девушек, умерших от дистрофии, от холода и непосильного труда. В декабре сорок четвертого Антон

и сам подхватил двустороннее крупозное воспаление легких. Его как безнадежного больного положили в отдельную палату больницы. Там Антон потерял сознание, и его отправили в морг. А он-то один в цеху расточник! И вот табельщику поручили срочно разыскать Антона Середу. Искали по всем больницам, потом по моргам пошли. Представьте себе — заглядывают табельщик с медсестрой в мертвецкую, где Антон провалялся двое суток, и видят, что один из покойников встает... Как мой предок тогда выжил — диву даюсь! Подлечился он — и снова в строй.

...Девятого мая сорок пятого года Антон Серeda в ночную смену находился на своем рабочем месте, у станка. Часов в пять утра заводские гудки вдруг как заревут! Все подумали, что-то случилось, и выбежали на улицу, а оказалось — войне конец! Победа! Промплощадка завода мигом превратилась в муравейник, люди обнимались, плакали, смеялись... В честь этого счастливого события рабочим-солдатам выдали талоны на хлеб за пять дней вперед... Вот такой была та война.

— Вы думаете, нам не хватит духа и воли, чтобы выдержать все испытания? — проговорила я, смаргивая слезинку.

— Надеюсь, хватит, — улыбнулся Верховный координатор. — Очень на это надеюсь... Благодарю за внимание».

Верховного координатора поселили в престижном районе Москвы — в Капотне. На станции распределения жилья подсуетились и расстарались — выделили флагману двухэтажный особняк с садиком.

Пока его везли — на персональном атомокаре! — Середа и так, и эдак представлял себе будущее жилище. Полупрозрачные стены, передняя стена и вовсе, как стекло, крыша плоская... Он не угадал.

Гумм-на-Взат, его личный водитель, подвез Координатора к совсем иному зданию. Эмбриодому.

Дом был приподнят над землей пятью ножками-подпорками и походил на сросток раковин — так причудливо тасовались перламутровые полусферы, горкой пузырясь над стриженной травой.

Середа прошел под здание, потрогал центральную опору, провел ладонью по травке — совсем не вянет в тени! Надо же...

Нынче вся Москва застраивалась эмбриодомами. Эскадры рейсовых Д-звездолетов летали к Луне и обратно, забирая всю продукцию лунных заводов, производящих эмбриосистемы. Сотни и тысячи тонн механозародышей развозили по пустошам, в которых смутно угадывались бывшие улицы и площади. Эмбриофоры укоренялись, росли, развертываясь в жилища, стандартные литопластовые дома. Не до архитектурных излишеств сейчас — слишком много бездомных...

По лестнице Виктор поднялся в дом и огляделся. Ему понравилось. Светленько, тепленько — янтарные скосы стен, арки параболами, кремовые вогнутости потолка, выпуклые овалы окон. Обстановки в комнатах не было никакой, одни пульта кое-где в стены встроены, и все. «Мыслебель!» — догадался Середа и решил поставить опыт, пока Гумм не видит. Он присел, словно собираясь усаживаться в кресло, и пол вспучился, поднялся горбом, вмялся посередине, принимая тело на удобную, упругую спинку. «Недурно, — подумал Виктор. — Варюхе это должно понравиться — она не любит, когда много мебели. Ее идеал — пустая комната с татами на полу и раздвижными сѐдзи».

В холл поднялся Гумм-на-Взат и поинтересовался:

— Ну, как?

— Порядок!

Гумм расцвел.

— А продукты? — осведомился Середа.

— А зачем? — не понял Гумм. — Или вы... А-а! Окно доставки в столовой, вам первому провели! А там, — семигуманоид показал на лестницу, винтом на полоборота раскручивавшуюся вверх, — кабинет, спальня и так далее!

— Ладно, сойдет! — оценил Координатор. — Тогда поехали, линкор уже близко, надо встретить. Наверное, Варя уже там.

Они вернулись в атомокар, зарастили мембраны дверок, встали на гравиподушку и двинули к Борисовским прудам. Середа ехал и думал.

В последние месяцы события даже не чередой шли, а били в него длинной очередью, в сумасшедшем темпе меняя жизнь. За один день могло столько случиться — и случалось! —

что время разбухало, день равняя с неделей, а месяц с годом. Закрутила его эта наполеоновщина...

— Мне самому интересно глянуть на линкор! — признался Гумм-на-Взат. — Здоровый, говорят...

— Правду говорят... — рассеянно заметил Координатор, глядя за окна. Знакомые места! Здесь он проходил в первый день после высадки и речи на взлетно-посадочном поле. Смотри-ка, почти все уцелело! Городня... Царицынские пруды... Радиальная... Чертаново...

— Стоп!

Гумм затормозил.

— Это что еще за новости? — резко произнес Середа.

У распределителя толклась толпа, а под наклонными плоскостями стен и у стрельчатой арки входа орали и махали кулаками бритоголовые парнюги в коротких голубых штанах и бело-голубых куртках с грубо намалеванными «пацификами».

— Миротворцы! — процедил Гумм. — Опять митингуют!

Но пацифисты быстро перешли от громких слов к не менее громкому делу. Худосочная девица, потрясая кулачком и разевая рот в потоках ругани, развернула в сторону дверей пульсатор и включила его. Пульсатор, дробящий горные породы и руду направленными микровзрывами, проломил входные двери на счет «Три». Толпа взревела, а девица торжествующе завизжала и сделал широкий жест — дескать, милости просим! Натe, люди, пользуйтесь!

— Вызывай СОП^[12]! — рявкнул Середа и выскочил наружу.

— Да куда ты, мой Викк?! — взвыл семигуманоид. — Их же много!

— Ни хрена!

Координатор растолкал громил с «пацификами» на спинах (один, с рыжей щетиной, закопырился и получил хук справа), и широким шагом прошел к дверям.

Толпа уже качнулась в готовности ворваться и хапать, но Середа выстрелил из бласта под ноги впереди стоящих и крикнул:

— Стоять!

Девица заверещала:

— Вот они, вот они! Хунта! Диктатор! Сами жрут, а другие голодают!

— И кто это тут такой голодный?! — крикнул Середа в толпу, поигрывая бластером.

— А что, неправда?! — тонким голосом отозвалась пышная дама в первом ряду. — Я третий день недоедаю!

— А тебе полезно! — отрезал Координатор. — Посидишь на диете, глядишь, стройнее станешь! Голодают они! Работать идите, тогда не будете голодать! Как жрать, так они первые, а рабочие места занять — вас не дозовешься! Пр-роглоты, тунеядцы паршивые!

— Бей! — завопила девица.

Она подскочила к флагману, плюнула на мундир и выкинула скрюченные пальцы, целясь Середе в глаза.

— Ах ты стерва! — выдохнул Виктор и смазал пацифистке по физиономии. Девица упала и забилась в рыданиях. Парни кинулись на подмогу, но ствол бластера пресек их благородные поползновения.

— Руки на затылок! Живо! И лицом к стене!

С неба свалилась «пума», из люков повыскакивал патруль порядка, и толпа быстренько рассеялась, как будто ее и не было.

Бледный парнишка-патрульный, неумело держа пистолет-парализатор, подбежал к Середе.

— Младший инспектор Гаев! — выкрикнул он. — Какие будут приказания?

— Этих, — Середа небрежно кивнул на задержанных пацифистов, — в, изолятор! Назначить принудительное ментоскопирование и допросить: сколько их в группе, кто главный, адреса, явки, пароли, планы! Всё!

Откуда ни возьмись появилась Дана Ситтель.

— Витя! — воскликнула она. — Где ты ни появишься, там мне эксклюзив!

Девицу-пацифистку взяли под белые ручки и повели к патрульному псевдограву.

— Придет наш час! — кликушествовала она. — Свобода или смерть! Мы победим!

— Отставить! — гаркнул Середа. — Вернитесь!

Патрульные послушно подвели упиравшуюся пацифистку к флагману.

— Вот что, сучонка, — проговорил Виктор, усмехаясь. — Решил я изменить тебе меру наказания. В распределитель рвалась? Рвалась. Дверь вышибла? Вышибла. Следовательно кто ты?

— Борец! — гордо вскинула голову девица.

— Нет, — покачал головой Координатор, — мародер! А с мародерами у нас разговор короткий. К стенке ее!

Он подмигнул патрульным, и те скорчили зверские рожи. Двое прислонили девицу к наклонной стене, а четверо вскинули бласты.

— Тебя как звать? — спросил Середа пацифистку, с лица которой стремительно сходил румянец.

— Дженнифер... — пролепетала она и поправилась: — Дженнифер Гомес...

— За мародерство и подстрекательство, — зычным голосом начал Координатор, — по законам военного времени приговорить Дженнифер Гомес к расстрелу! Готовсь!

Патрульные дружно вскинули бластеры. Дженнифер выпученными глазами глядела на них, открывая и закрывая рот.

— Целься! — рявкнул Середа и медленно поднял руку, готовясь дать последнюю отмашку.

— Не-ет! — завывала Дженнифер.

Она сползла по стенке и брякнулась на колени.

— Не-ет! Не надо! Мама! Мамочка!

Дана хладнокровно орудовала блицконтактором, снабжая свой эксклюзив картинкой.

— Огонь!

Четыре слабых заряда плазмы провыли над головой Дженнифер, выгребая ямки в стене.

— А-а-а! — выла Дженнифер.

— Кто у вас главный?! — закричал Середа. — Отвечай! Ну?!

— Д-доцент! — выдавила Дженнифер, колотясь всем телом. — Он в Экономическом Совете Мира был зампреда! Но я не знаю, где он, я — солдат, а Доцент даже сержантам не показывается! Его только капитаны с лейтенантами видят!

Дженнифер бурно зарыдала.

— Увести! — обронил Координатор и процедил брезгливо: — Чертовы паци! Гумм, едем!

— А ты куда сейчас? — подхватила Дана.

— На космодром, линкор встречать.

— Ой, возьми меня с собой!

Середа досмотрел, как патрульные упаковывают пацы, как заращивают люки, и только тогда снизошел до ответа:

— Садись!

— Ой, спасибо!

Атомокар выбрался на Калужский проспект, но теперь Середа выискивал уже не знакомые приметы, а особые. И находил их.

Меньше стало народа на улицах, и совсем не видно празднующихся. Да и зданий поубавилось. Пустовали кафе, исчезли парочки с центрального сквера, все вертолеты, флаеры, птерокары и глайдеры будто смыло с небес. Лишь изредка над городом пролетали машины «Скорой помощи». Поугрюмела Москва, посуровела. Стала ниже ростом, растеряла почти все свои высоты.

А потом Середа увидел и людей. Они стояли в длинной очереди к распределителю. Очередь волновалась, а сервис-оператор что-то втолковывал ожидающим. Наверное, что-нибудь типа: «По кг колбасы в одни руки! Второй раз не занимать!»

Грустные картинки нужды... Словно уловив его мысли, Дана с пренебрежением произнесла:

— Да разве это лишения? Я вот читала, в Великую Отечественную клейстер или Картофельную шелуху варили! Суп из лебеды, а для навару — ремни кожаные... Это же так невкусно!

— Да уж... — буркнул Середа.

На космодроме былолюдно, собралась многотысячная толпа. Собственно встречающих было мало, они терялись в массе любопытствующих бездельников.

Все поле было очищено, все корабли возземного сообщения отогнали на резервные площадки, и огромная мощеная равнина лежала голая и открытая, только тени облачков пробегали по ней.

Атомокар Верховного координатора выехал на ВПП через спецзону и остановился, сел на брюхо.

— Тютя в тютю успели! — сказал Середа, покидая салон. — Дустом бы этих пацы!

— Летит! — донеслось издалека.

— Летит! Летит! — завопила Дана, тыча рукой в небо.

А там, в теплой лазури, обозначилось темное пятнышко и стало расти, расплываясь в овал, разгоняя тучки. Овал рос и рос, увеличивался и увеличивался. Дана смолкла, потрясенная зрелищем надвигающегося колосса. Линкор планетарного подавления накрыл собой все поле, бросив густую тень, и замер без движения, украсившись цепочками и окружностями огней. Неожиданно запищал коммуникатор. Середа вытащил плашку и сказал:

— Слушаю!

— Мой Координатор! — послышался взволнованный голос. — Это инспектор Гаев говорит! Тут задержанная Гомес... в общем, она утверждает, что на космодроме намечается теракт! Я не понял сначала, потом посмотрел в информарии... Словом, пацифисты хотят напасть на линкор!

— Вот ведь сволота какая! — с чувством выразился Середа. — Так, Гаев. Срочно вызови Мтбевари и передай ему то, что мне сказал! Но сначала найди свое руководство, прикажи, чтобы немедленно высылали патрульных на космодром! Приоритет — единица! Ты все

понял?

— Так точно!

— Исполняй!

Координатор запрыгнул на капот атомокара, вскарабкался на крышу и внимательно оглядел поле. И сразу увидел подозрительное шевеление у пакгаузов. Из-за приземистых складов вырывались вездеходы на гравипроводе, в их открытых кузовах стояли и сидели люди. И ворочали какими-то тупорылыми штуками вида весьма опасного.

— Вызываю «Максимус»! — заорал Виктор в коммуникатор. — Вызываю «Максимус»!

Ответьте, прием!

— Кто вызывает? — ожил приборчик.

— Координатор Середа!

— Витек! — заорали на том конце канала связи. — Здорово! Это я, Анастас!

— Привет! Слушай сюда! У «Макса» под днищем десятка полтора вездеходов!

— Это встречающие?

— Это нападающие! Пацы!

— Да что они нам могут сделать?!

— Вам, может, и ничего! А тут знаешь сколько людей собралось?!

— Ага... — задумался Григорян. — Только ведь у нас этих биопарализаторов не водится!

В этот момент пацы открыли огонь. Пять или шесть ослепительных, ярко-фиолетовых лучей геологических лазеров ударили по днищу линкора, потом заработала парочка стационарных пульсаторов. Сегментированная поверхность «Максимуса» украсилась россыпями красных брызг и метелочками синих искр.

— Анастас! — проорал Середа. — Бей на поражение! Это приказ!

— Есть! Да я и сам...

Растворились несколько донных люков, и оранжевые струйки плазмы злобными буравчиками прошили вездеходы. Стрельба заглохла, и лишь с крайнего вездехода в зенит поднялся бледный столб ионизации. В следующий миг сверхсолнечная вспышка высветила все днище — сработал аннигилятор. Глаза жгло даже сквозь сомкнутые веки. Когда Середа проморгался, он увидел раскаленную докрасна вмятину в днище корабля, струйки биокерамики, стекающей на поле, и догорающие остатки вездехода.

Над головами обалдевшей толпы пронеслись патрульные глайдеры и сели, окружая горящие вездеходы. Побежали, пригибаясь, спецназовцы. Зачиркали голубые лучики парализаторов. В ответ ударили бласты.

— Живучие... — процедил Середа.

Голубое чирканье участилось и «заштриховало» ответный огонь.

— Сопротивление подавлено! — доложил в эфире задыхающийся голос.

— Благодарю за службу, — пробурчал Координатор.

На поле примчались аварийные киберы и мигом убрали горящие обломки. Роботы медслужбы унесли тела.

— Давай-ка к линкору! — скомандовал Гумму Середа.

Атомокар приблизился к синему столбу гравифта, и Середа снова вышел. По гравифту заскользили смутные тени, вырываясь наружу друзьями и знакомыми.

— Кэссиди! Никак ты? Во, рожу наел!

— Командир! Ну, ты вообще!

— Кого я вижу! Таппи собственной персоной!

— Толян!

— Витюха!

Сразу набежали встречающие, а потом из толпы выбежала Варя. Все притихли. Девушка смущенно улыбнулась, подошла к Середе и чмокнула его в щеку.

— А в губы? — сморщил нос ошарашенный Координатор.

— Я еще подумаю... — важно заявила Кутейщикова.

Середа убрал перепонку на входе в салон и усадил Варю на заднее сиденье — Даны нигде не было видно. Сел рядом и сказал:

— Трогай!

Гумм-на-Взат ухмыльнулся и взял с места.

— Господи, — прошептала Варя, — неужели я снова с тобой?

Две слезинки сбежали у нее по щекам, но девушка зажмурилась и приказала себе не плакать.

У эмбриодома машина остановилась и высадила пассажиров. Охрана из боевых роботов и живых космопехов деликатно отошла в сторонку. У лесенки, ведущей в дом, остался один Ур.

— Вот здесь ты будешь жить, — показал ей на свою резиденцию Середа. — Прощу!

Варя взбежала по ступенькам и остановилась в восхищении.

— Как здорово! — воскликнула она. — А мебели совсем нет? Не расставили еще?

— А ты сядь, — предложил ей, улыбаясь, Координатор.

— Куда?!

— На диван!

И Виктор стал падать спиной, ощущая холодок опасения: вдруг не сработает?! Сработало. Пол поднялся, формируя мягкий диван. Выгнулась спинка, растопырились подлокотники.

— Сказка! — восхитилась Варя. — Я о таком только читала... До войны.

Она отбежала к другой стене, изящно присела — и ей навстречу устремилось пухлое кресло.

— Ой, как здорово! — воскликнула девушка и бросилась по лестнице вверх. Вскоре ахи и охи донеслись до первого этажа.

Середа внимал девичьим восторгам, и его улыбка понемножку таяла. Не этого он ждал. И не на это надеялся. Он вез Варю не к дому, а к себе. И рассчитывал на повышенное внимание к своей персоне, а не к чудесам эмбриотехники. Куда только радость девалась? Как в окаменевших деревьях органика замещается кремнием, так и его подъем заместился тоской. А тут и раздражение пожаловало...

Набегавшись, Кутейщикова вернулась и упала на диван.

— Здорово! — выдохнула она и лукаво глянула на Середу. — Ну, и как ты без меня поживал? Не изменял?

Середа очень хотел сказать «Конечно нет!», но то ли раздражение мешало лгать, то ли честность вдруг проснулась, а только он взял да и ляпнул:

— Была у меня девушка.

Варя застыла. Ее лицо затвердело, только губы дрогнули в скорбной усмешке.

— Но... почему?! — выговорила она.

— Ты же ничего не знаешь! — вырвалось у Середы.

— А ты объясни мне, глупой! — сказала Варя.

— Что объяснить? — озлился Середа. Сейчас в нем вина смешалась с обидой в опасный коктейль, испив который рушились семьи, расставались навсегда влюбленные. — Что? Как ты меня прогнала, а Дана приняла? Или про то, как за мною гонялись мальчики из ПНОИ, рядом всегда была Дана? Что это был единственный человек, который меня понял, поверил мне и был со мною до конца?

— Нет! — со злостью проронила Варя. — Объясни, почему ты мне изменил!

— Потому что! Потому, что не смог удержаться!

— Скажи лучше — не захотел!

— Да! Не захотел! И не считаю ту ночь ошибкой! Вернее, ошибками, ибо ночей было много! Даже будь это возможно, я бы эти ошибки не стал исправлять! Потому что не считаю их ошибками! Да и чего ради?! С каких это пор тебя волнует тема прелюбодеяний?!

— А вот с таких!

— Я же тебя не спрашиваю, что ты делала без меня!

— Ничего! — крикнула Кутейщикова. — И ни с кем! Понятно?!

— Ну и дура! Ради кого ты себя берегла? Ну, не ради ж меня, верно? Принца ждала? Долго ждать придется! Вон тут скоро виртуалку восстановят! Там любые твои мечты мигом воплотятся! И будешь ты жить-поживать, хоть с принцем, хоть с тремя принцами! А я, ты уж извини, человек материальный! И живу в материальном мире! И мне в этом мире нужна женщина! Для любви! Только не для той, о которой говорят и вздыхают на скамейке, а для той, которой занимаются двое!

— А ты!.. — задохнулась Варя. — А ты... Чей это дом?

— Мой, — буркнул Середа.

Варя встала и холодно спросила:

— Где тут ближайший мотель, не знаешь случайно?

— Не знаю, — сказал Середа и тоже поднялся. — Это твой дом. Оставайся. Живи. Уйду я.

Он молча спустился во двор. Из темноты выдвинулся Ур, ожидающий новых указаний.

— Продолжай исполнять программу, — велел Середа и забрался в машину.

Одно хорошо в этих гравилетах-гравиходах — не нарушишь правил движения, никого не собьешь. Автоматика исправит твои ошибки. Жаль, что не всегда автоматика может помочь...

Черная машина бесшумно прошивала проспекты и площади, пока не остановилась у знакомого тысячеэтажника. Верхушку его срезали себумы — гигантские гроздья кварталов были рассеяны по всему Медведкову, но тот самый этаж был цел, и подмигивал в темноте рубиновыми огонечками и россыпями освещенных окон.

Середа не думал, куда ему ехать или к кому. Руки и глаза сами привели его по нужному адресу. А и правда, куда ему еще податься, Верховному координатору Земли?

Виктор поднялся на два километра вверх, прошел по галерее, спустился к нужному модулю. Дверь, прожженную оперативниками ПНОИ, уже заменили на новую. Середа постучался. «Вот будет фокус, — подумал он, — если Даны нет дома...»

Но дверь открылась перед ним, и Координатору сразу полегчало, когда радостная Дана бросилась ему на шею.

— Привет, привет! — пропела она. — Привет!

Виктор погладил Дану по спине, ощутив вдруг сухость во рту. Он опустил руки ниже

талии, огладил две чудесные половинки.

— Ты ко мне пристаешь? — неуверенно предположила Дана.

— Умгу...

— А ты останешься со мной?

— Умгу...

— До самого утра?

— Умгу...

— Ты милый...

Середа ничего не ответил. Его тоска схоронилась в темном закутке души, раздражение испарилось. «И чего ты маешься? — подумал он, пока Дана торопливо освобождала его от мундира. — Разве плохо тебе с этой верной и надежной подругой? Мало ты получил от мадемуазель Кутейщиковой? Еще хочешь? Как там пел Джафар? «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу...» Ты еще не выбрал?..»

Глава 25

ТРЕУГОЛЬНИК

Утром Варя поднялась с ощущением разбитости, словно и не спала. Ничто ее не радовало — ни игра лучей на янтарных сводах спальни, ни серворобот Джордж с подносом, ничего.

Вяло потянувшись, Кутейщикова уселась на постели и приняла поднос. Кофе, бутерброд, пульт.

— Кофе недолил... — проворчала девушка.

— Объем поданного вам кофе строго соответствует заданному стандарту, — внушительно ответил кибер.

— Соответствует... — передразнила его Варя. — Ничего не соответствует! И сахара мало!

— Прошу уточнить: ощущается ли недостаток сахарозы, глюкозы или фруктозы?

— Да пошел ты! — рассердилась Кутейщикова.

— Куда именно? — хладнокровно осведомился кибер.

Мадемуазель громко застонала, быстро допила кофе и включила СВ. Экран, вделанный в стену, был круглым, чтобы не выбиваться из общего дизайна эмбриодома.

— Фильм? — спросила программа. — Шоу? Новости?

— Новости, — решила Варя. — Как мы крепим оборону, и все такое...

Экран осветился и расцвел, словно проваливаясь вглубь.

— Все орбитальные заводы Земли и Марса, — заговорил диктор мужественным голосом, — полностью загружены. На верфях заложены пятьдесят штурмовых планетарных крейсеров и десять суперкрейсеров, восемь линкоров планетарного подавления, более 600 кораблей иных классов — рейдеров, больших десантных кораблей...

Пошла картинка — на фоне голубой Земли плыл остов среднего крейсера, диска около километра в поперечнике. Тысячи киберсборщиков и эмбриотектов роились между конструкциями, двигаясь словно в ускоренной съемке, — укрепляли каркас, волокнистые листы обшивки и сращивали их, ставили оборудование. Крейсер рос прямо на глазах, все более принимая внушительную и суровую форму боевого корабля. Люди тоже участвовали в работе, но рядом с подвижными кибермеханизмами инженеры-контролеры и инженеры-сборщики казались ленивыми увальнями.

Потом картинка сменилась, но цвета остались прежними. Только вместо яркой голубизны планеты воссияла пронзительная лазурь антарктических льдов. На обширной каменистой пустоши, между черными водами моря Беллинсгаузена и белыми отрогами ледника, пузырились огромные серебристые купола, связанные трубчатыми галереями.

— На Полярном комбинате заканчивается модернизация, — пояснил диктор проникновенно. — Все 196 заводов-автоматов, входящих в эту систему предприятий, переведены на выпуск армейских пищевых рационов...

Срочное сообщение! Эскадра флагмана Копаныгина, посланная в систему Сириуса А с спецзаданием, приняла бой с ударной группировкой себумов! Прикрывая отход транспортов с сириусянами-тьетами, погибли малый атмосферный крейсер и два эсминца. Планетарному крейсеру «Доннар» под командованием капитана Федосеева удалось сколлапсировать два себумских корабля большой массы покоя, после чего планетарник подвергся атаке со

стороны мегадестроера и был сбит. Экипаж погиб... Но флагману Копаныгину удалось уничтожить мегадестроер!

Верховный координатор поздравил флагмана с этой победой. Дамы и господа, почтим память погибших минутой молчания...

Варя вздохнула и только тут поняла, что не дышала. Далеко-далеко заныла сирена, ее тоскливый вой подхватил другой гудок, третий...

Кутейщикова выключила СВ, вскочила и заходила по комнате. Джордж суетливо уворачивался. Она гнала от себя воспоминания о Викторе, упорно продолжала ругать его за грубость и черствость, яростно противилась желанию близости с этим «Наполеоном», с изменщиком... А тоска не проходила, копилась себе и копилась, травила душу. И — ей стыдно было в этом признаться, даже себе самой! — грубость Виктора, та настойчивость, с которой он ее добивался, волновали и возбуждали. Она томилась по этому «чертовому мачо». Гнала память от себя днем, а ночью ворочалась без сна, всюю кожей ощущая пустоту рядом. Пустоту и холод.

И как разобраться в себе, как объяснить свою дурь? Высокими принципами? Так ведь разницы нет, принципиальная ты дура или беспринципная! Все одно — дура...

— Чокнуться можно... — пробормотала Варя и замерла, вдруг поняв, кто ей нужен, кто поймет все эти метания, порывы и разрывы. Дана! Дана Ситтель, коварная дива, соблазнившая Витю! Точно!

Повеселев, Варя быстренько собралась и выбежала во двор. Гумм-на-Взат ходил за роботом, усердно мывшим атомокар, и придирался.

— Гумм! — окликнула Варя варианина. — Вы не подкинете меня в город?

— С удовольствием! — расплылся варианин. — А куда именно?

— К Дане Ситтель! Знаете, где она живет?

— Примерно знаю... — протянул семигуманоид и решительно открыл дверцу автокара. — Садитесь, по дороге уточним!

Варя юркнула на заднее сиденье, Гумм отогнал кибера и занял свое.

— Сейчас... — проговорил он, связываясь с информаторием. — Так... Ага! Мадам Ситтель нет дома, она изволит быть за городом, на даче!

— Это далеко? — спросила Кутейщикова.

— В Лесном поясе! Это Селигер, Ильмень, Ладога, Карельский перешеек... Сейчас выясним... Вот, Ильмень! Мы заедем на стоянку флаеров, пересядем, и я вас доставлю прямо к Дане на крылечко!

Флаер то плавно скользил над валдайскими холмами, пропуская под собой леса и озера, то резко ускорялся, взвиваясь под облака. И опять снижался, поближе к разноцветным крышам коттеджей, прямым, по линейке прочерченным автострадам, фермам с квадратами челночных пастбищ и кольцами дойных лабиринтов. Один раз за Тверью под брюхом флаера проплыл бесконечный корпус подбитого себумского крейсера — разломы в диске казались горными ущельями (глубина — два километра до грунта!), земля вокруг была перепахана до скального основания. А потом на горизонте заблестали воды Ильмень-озера, и флаер мягко опустился на посадочную площадку дачного поселка.

Дана встречала их. Увидев эту высокую, стройную девушку с великолепной фигурой, Варя признала ее отменные внешние данные. Она даже сбавила шаг, остановленная ревностью — а не вернуться ли ей? — но гордость пересилила.

— Вы Варя? — спросила Дана, пытаясь согнать холодность с красивого лица.

— А вы — Дана? — вопросом ответила Кутейщикова.

— Будем знакомы, — усмехнулась Ситтель. — Пойдемте в дом...

— Я тут подожду! — крикнул Гумм. — Или лучше схожу искупаюсь!

Варя улыбнулась ему, кивнула и поплелась следом за Даной. Они молчали до самого дома — уютного коттеджика с полупрозрачными стенами из спектрогласа.

В комнатах было тихо, пахло хвоей и увядшей травой. Уютно тикали старинные часы, размеренно покачивая маятником. Лохматый белый кот дрых на подоконнике, развернувшись пузом кверху под лучами солнца.

— Хотите кофе? — тоном любезной хозяйки спросила Дана.

— Спасибо, нет, — ответила Кутейщикова и сразу передумала: — Хотя... Давайте. А сливки есть?

— А как же!

Вскоре на столе появились и сливки, и кофейник, и вазочка с пирожными.

— А потолстеть не боишься? — пробурчала Варя,

— Как потолстею, — энергично высказалась Дана, — так и похудею!

Отпив глоток, она деловито поинтересовалась:

— Ну? И что мы будем делать?

— В смысле? — спросила Кутейщикова, оттягивая время.

— Мы любим одного и того же человека, — терпеливо проговорила Дана. — И у нас только три варианта: либо с ним остаешься ты, либо я. Либо мы обе!

— Либо все трое расходятся... — дополнила Варя список четвертым вариантом.

— Может, и так, — согласилась Дана. — Только вряд ли Витя останется один...

— Тогда появится вариант номер пять, — усмехнулась Варя. — Мало ли красоток...

Шпильку соперница проигнорировала.

— Так какой вариант ты выбираешь? — спросила она.

— Блин-малина! — рассердилась Варя. — Что ты заладила — варианты, варианты!

Можно подумать, такие дела решаются по логике! Ты спала с ним?

— Да-а... — сладко потянулась Дана.

Кутейщикова негодуяще фыркнула и вдруг неожиданно для себя самой призналась:

— А я — нет... Я вообще никогда ни с кем не была.

— Да?! — поразились Дана. — А почему?

— Потому что я дура! — разозлилась Варя.

В глазах у нее зашипало, слезы обожгли глаза. Варвара заплакала, уронила голову в ладони, плечи ее затряслись. Горючие капли протекали между пальцами и падали на стол.

Дана встала, кривя губы. Подошла к Кутейщиковой, стала гладить ее по плечам, пока не захлюпала сама. Обнявшись, девушки заревели дуэтом.

Когда запасы слезной жидкости иссякли, а вздохи утратили прерывистость, девушки притихли. Посидели, помолчали. Потом Дана встрепенулась.

— Кто-то в гости пожаловал, — привстала она, выглядывая в окно.

— Гумм, наверное, проголодался...

Но это был не Гумм. Дверь резко ушла в стену, и в комнату ворвались четверо в походных комбинезонах, с лучеметами в руках. Все были заросшие и грязные, у одного в спутанных волосах застрял листик.

— Кто из вас Варвара Кутейщикова? — вежливо поинтересовался у оторопевших девушек пришелец с листом в прическе.

— Я, — буркнула Варя. — А вы кто такие, собственно?

— Вы нас обзываете словом «пацы», — прояснил ситуацию парень с расцарапанной щекой и повел дулом. — На выход, обе!

— Живо, живо! — прикрикнул тот, что с листом.

Растерянных и испуганных девушек вытолкали во двор и впахнули в багажный отсек глайдера «Медуза». Тип с царапинами на щеке зарастил перепонку и усилил ее — мембрана утратила прозрачность, ее пронизали жилки жесткости. Глайдер мягко повело в сторону, накренило на борт.

Варя, упершись ногами в мягкую стенку, подхватила ойкавшую Дану и пристроила рядом с собой.

— Что все это значит?! — громко зашипела Дана. — Куда нас везут?!

— Узнаем, — буркнула Варя. Ей было страшно, но события последних недель закалили характер. «Пионер, — вспомнилась ей фраза из старого фильма, — всем ребятам пример!»

Глайдер летел недолго. Скоро аппарат заложил вираж и пошел на снижение. Сел. За перепонкой мелькнула тень, мембрана чавкнула и разошлась.

— Выходите! — крикнул давешний тип с листом.

Варя выбралась наружу. Вокруг поднимался дремучий лес — елки, сосны, дубы. Глайдер стоял на круглой поляне, а под деревьями глыбились надувные палатки, сверху на тенты была накинута камуфляжная ткань с мимикридом. Кое-где из тентов торчали босые невымытые ноги или обутые — в громадных тупорылых ботинках с налипшей грязью и сухой хвоей. Иные пацы сидели, привалясь к надувным стенкам, и чистили оружие, а один из «миротворцев» стоял на карачках перед дымящим костром и раздувал угли, тихо и затейливо ругаясь.

— Добро пожаловать, дорогие дамы! — послышался насмешливый голос.

Варя обернулась и увидела перед собой грузного мужчину в таком же походном комбезе, что и на всех пацы, но чисто выбритого, с коротким ежиком седых волос.

— Ба! — с усмешечкой проговорила Дана. — Никак сам Саввин! Варя, познакомься, это бывший зампреда Экономического Совета Мира, а ныне главарь шайки предателей и отморожков, именующих себя пацифистами! Салют, команданте!

Надо отдать должное Саввину — он выдержал подобное представление, даже не покривившись.

— Да, — серьезным тоном произнес «главарь», — мы против войны, мы за мир во всех мирах!

— В том числе и на Вескусе? — спокойно спросила Варя.

— А чем себумы хуже нас? — парировал Саввин. — Они такие же носители разума, как и мы. И для них также целью является Синтез Разумов...

— У-у-у... — поморщилась Дана. — Я-то думала, вы просто дурак, а вы не простой — вы полный идиот! И к тому же предатель!

— Вы еще не устали меня обзывать? — терпеливо поинтересовался Саввин.

— Разве она обозвала вас? — усмехнулась Кутейщикова. — Да вас как ни обзови, все мало будет! Миролюбы нашлись! Что ж вы, раз такие хорошие, похитили двух девушек? Не потому ли, что мы обе — подружки вашего главного врага?! Я угадала?

— Догадливая какая... — усмехнулся Саввин. — Да, мы хотим использовать вас в качестве аргумента, когда будем вести переговоры с наглым диктатором. За нами сила, и...

— Если бы за вами была сила, — перебила его Варя, — то вы бы не прятались в лесу!

— А кто сказал, что мы прячемся?! — вознегодовал парень с листком в шевелюре и спросил позволения у старшего: — Можно я ей покажу?

— Покажи, Влад, — кивнул Саввин. — Только не сбегайте далеко, барышня, помните, что подруга ваша — здесь...

— Было бы от кого бегать! — фыркнула Варя.

Влад крепко ухватил ее за руку и повел за собой в лес. Шли они недолго, деревья быстро поредели и расступились. Тропинка вывела Кутейщикову на вершину холма. Далее стелился луг, щетинился лес, между лесом и речкой поднимал этажи городок.

— Вот мы где! — гордо заявил Влад. — Так что ни от кого мы не прячемся!

— В партизаны играете? — усмехнулась Варя. — Че Гевары недоделанные...

— Мы боремся за мир! — торжественно изрек Влад.

— Ваш Саввин борется за власть! — резко возразила Варя. — А вам лишь бы в войнушку поиграть! Игруны, блин! Что, зря вас называли пацы?! Знаешь хоть, почему? Были раньше такие наци, нацисты, они миллионы людей поубивали и замучили!

— Что ты сравниваешь?! — возмутился Влад.

— А чем вы лучше?! Такие же сволочи! Видела я, как вы себумам задницы лизали! Если Виктор вас всех к стенке поставит, я буду только рада! Вони на планете поубавится!

На Влада произвел впечатления заряд ненависти, прозвучавший в словах девушки.

— Я, между прочим, никого к стенке не ставил! — сказал он с силой.

— Да ты хуже! — отбрила его Варя. — Хуже врага! Враг, он честен — вскидывает оружие и стреляет в тебя! В лицо стреляет! А вы гадите исподтишка, стреляете нам в спину, подленько так! И кому от этого польза? Саввину вашему да жабам! Вас же, идиотов, приходится утихомиривать, воевать на два фронта! Ур-роды!

— Да где ты видишь врагов?! — сорвался Влад. — Где эти кровожадные себумы?! Покажи мне!

— Ты что, в самом деле имбецил?! Или у тебя глаз нет, чтобы видеть развалины и трупы? Ты хоть знаешь, сколько людей погибло в одной Москве?! Там сейчас целая энергостанция работает, чтобы тела сжигать в похоронных лучах!

— Это были необходимые жертвы, — забубнил пацы.

Варя не слушала его, она смотрела в небо. Ясную лазурь над городком замутили туманные струи, стремительно рвущиеся вниз, закручивающиеся в спирали вокруг полувидимой сферы, колеблемой кружащимся муаром. Порыв горячего ветра пронесся над лесом, над лугом, ударил в лицо сухим, неприятным жаром.

— Жабы твои вернулись! — крикнула Варя. — Беги, виляй хвостиком, м-мразь!

Сфера разогретого воздуха медленно таяла, растягиваясь и опадая, а прибывший корабль, напротив, материализовался, повис громадным шаром над городом. Диаметру в нем было метров восемьсот, шар висел, плавно вращаясь.

— Что встал?!

Себумский малый крейсер замер, и прямо в лицо Варе глянул зрачок боевого поста. Кутейщикова мигом упала и откатилась в глубокую яму. Поверх ямы жажнуло нестерпимым жаром. Затрещав, попадали обугленные деревья. Варя осторожно приподняла голову, выглянула. От Влада не осталось даже пепла, лес горел, как костер, сложенный великанами.

А вдаль, у самого горизонта, формировалась еще одна финишная сфера, наливаясь густым фиолетовым цветом. Расплылась и явила второй шаровидный корабль. Малый крейсер открыл огонь — замерцали импульсы лазеров, сбивавшие вертолеты и птеры, не

успевшие сесть на полупрозрачные крыши коттеджей. А потом оранжевая струя перегретой плазмы ударила по городу, раскаленной метлой сметая здания. До ушей Вари донесся глухой гул плазменных взрывов.

Кутейщикова бросилась в лес, перепрыгивая горящие стволы, прикрываясь руками от палящего жара. Лагеря пацы более не существовало, останки людей были разбросаны среди поваленных деревьев.

— Дана! — завопила Варя. — Даночка!

Неожиданно почерневшая перепонка перевернутой «Медузы» с треском лопнула, и наружу выбралась Дана, перепачканная сажей.

— Дана! — возликовала Кутейщикова.

— Я, — подтвердила Ситтель.

— Бежим!

— Да тут никого не осталось! А этого вонючего команданте ка-ак кинет на глайдер! Так и зажарился...

— Все равно побежали!

И они побежали. За ними увязался чудом выживший пацы, невероятно волосатый. Он был без оружия и совершенно деморализован.

— К-как же это? — лепетал он — Это ж мы! А они нас...

— Надо было усерднее жопы лизать! — посоветовала Варя.

А оба малых крейсера лениво барражировали по-над землей и жгли все, что могло гореть. Оранжевыми факелами вспыхивали елки, лопались коттеджи, подпрыгивали, взрываясь, атомокары. Людей с опушки видно не было, но как хомо могли противостоять плазме?

— Где же наши?! — застонала Варя.

— Вон! Вон, смотри!

Кутейщикова оглянулась и увидела, как с неба ниспадают атмосферные крейсера, а из-за горящего леса выплывает рейдер. Раскаленные нити лазеров протянулись к себумским кораблям и погасли. Еще пару раз лучи прошили воздух, испарывая борт шаровидного крейсера.

— А где же ваши хваленные коллапсары? — ехидно осведомился у Даны пацы.

— Ты что? — удивилась Дана. — Совсем дурак?! Ты хоть понимаешь, что такое коллапс над городом?! Да тут такой гамма-всплеск будет, что лучше тогда не мешать себумам — меньше вреда!

А рейдер долбил и долбил борт малого крейсера Тот огрызался, рейдер лавировал, уходя от ударов, выставлял радужные пленки защитных полей. Но вот попадание! Плазменный шнур с крейсера себумов срезал у МАКа полусферу боевого поста — брызнули огненные фонтаны.

— Попал, скотина!

И тут с небес ударило. Лиловый луч пронзил вражеский крейсер. Низ шаровидного корабля вывалился в клубах радужного пламени, и крейсер грузно рухнул на окраину города.

— Это Виктор! — радостно запрыгала Дана, вытягивая руку в небеса. — Это его корабль!

Сверху, расшвыривая бурлящие тучи, опускался гигантский овал линкора «Максимус».

Еще один колоссальный заряд энергии наколол шар второго корабля себумов, и он лопнул, разбрызгивая огонь, грохнулся на землю, распадаясь на части и взрываясь.

«Максимус» завис над городом и опустил на улицы голубые столбы гравифтопов.

— Нам надо туда, — показала Варя на линкор, — к нему!

— Щас... буркнул волосатый и скрылся в лесу. Вскоре из дымной пелены вынырнул глайдер и снизился над опушкой.

— Садитесь, — буркнул паци.

Варя и Дана ничего не стали говорить, чтобы зря не злить ублюдка, и забрались в кабину.

— Хочу перевоспитаться и занять место в общем строю... — криво усмехнулся паци и включил двигатель. Густо засвистев, глайдер скользнул по-над травой и ринулся к городу и линкору.

Аппарат сел на маленькой площади, прямо под брюхом «Максимуса». Площадь была полна народу — люди в форме космопехоты, в деловых костюмах, а то и вовсе в купальных халатах, носились взад-вперед, таскали носилки, подставляли плечо ходячим раненым, гоняли роботов, успокаивали орущих детей, а в сторонку относили мертвые тела. Крик и ор висели над площадью, отражаясь от нависшего ЛПП^[13] :

— Олечка! Олечка!

— Помогите, доктор! Пожалуйста!

— Мадам, да я рад бы! Но ему снесло полголовы!

— Ну, пожалуйста-а!

— Гриша! Быстро сюда!

— Два робота медслужбы к дому номер пять!

— Выполняется...

— Рахмет, еще коллоиду!

— Я только что запустил синтезатор!

— А запаса нет?

— Весь вышел! Много ожогов!

— Сейчас пойдет! Тебе сколько?

— Литров десять!

— Айн момент!

— Лю-у-уди! Нужно разобрать обломки! Кто со мной?

Варя пометалась по площади, на каждом шагу погружаясь в чужую боль, и вдруг увидела Виктора с обмотанной белым эластиком головой. Верховный координатор шагал, прислушиваясь к бурно жестикулирующему дежурному администратору города, и хмуро кивал.

— Витя! — закричала Кутейщикова и бросилась наперерез. — Витя!

Дана кинулась следом. Середа оглянулся на зов, заметил девушек, но и виду не подал, что удивлен, видя их вместе. Он приветственно улыбнулся, помахал рукой, и тут ему дорогу преградил волосатый паци.

— Здравствуйте, Координатор, — пробормотал он скороговоркой, — я из паци, но больше не хочу, чтобы меня так звали. Мы... — он обернулся и подозвал парочку сотоварищей покрупнее. — Мы будем ждать вашего решения.

— А вы не ждите, — сухо сказал Середа, — помогайте. Под развалинами еще остались люди, надо их вытащить, и поскорее. Вопросы есть? Вопросов нет.

Повеселевший волосатик ввинтился в толпу, выкрикивая имена соратников.

— Витя! — подлетела к Координатору Варя, хоть и чувствовала, что не время. — Не

улетай без меня, ладно?

— Ладно... — выговорил удивленный Середа. — Прости, тут работы — море!

Варя вздохнула, оглянулась и поспешила к раненым — уж чего-чего, а мазать снадобьями и бинтовать она научена...

Поздно вечером городок утих, и только тогда Варя узнала его название — Валдай. Улицы были переполнены атомокарами и глайдерами. «Скорая помощь» понаехала целыми бригадами, аварийщики из ЦАС разобрали все рухнувшие дома, потушили пожары, а космопехота организовала горячее питание бездомным. Профессор Вайнштейн, которого Координатор назначил своим замом в ЭСМ, доставил эмбриомеханические зародыши новых домов, и спецы уже активировали их.

Варя сильно притомилась в роли сестрички милосердия и сейчас еле передвигала ноги. Днище «Максимуса» с землей соединял всего один гравелифт, около него расхаживал важный часовой.

— Вы к кому? — преградил он путь Варе.

— Я к Координатору! — храбро заявила Кутейщикова.

Дозорный подумал-подумал и отошел в сторону: проходи, дескать. Девушка вошла в струящуюся, гудящую голубизну гравелифта и оказалась на нижней палубе.

Дневальный показал ей дорогу, Варя поднялась на лифте, потом пересела в капсулу, добралась до офицерских секторов и постучала в дверь каюты Верховного координатора.

На стук никто не ответил, но дверная перепонка подалась под ее пальцами и лопнула. Варя целую секунду думала, а потом шагнула в каюту. Каюта была невелика — комната и спальня. В комнате стоял стол-пулт с кучей экранов, а за переборкой — откидная кровать. Большая. Двухспальная.

До последней секунды Варя не знала, как ей себя вести, но тут перепонка снова подалась, и в каюту вошла Дана. Кутейщикова выглянула из спального отсека и сказала:

— Привет...

Ситтель. нисколько не удивившись, помахала ей рукой, зарастила перепонку и отправилась в душ.

— Ты уже мылась? — спросила она. — Я прокоптилась, как шашлык!

Она долго плескалась под душем, а Варя все это время сидела на кровати и вздрагивала от корабельных шумов.

Наконец Дана вышла, полотенцем вытирая мокрые волосы. Она была голая, и это Варю почему-то обидело.

— Чего ты ждешь? — удивилась Дана. — Иди мойся! Виктор скоро придет.

— А... как? — растерялась Варя.

— А так! Ладно, ладно, сегодня ты первая!

Ничего окончательно не решив, совершенно запутавшись в переживаниях, Кутейщикова скрылась в душевой кабине. Используя три водных лимита, она вышла со спокойным сердцем, решив перевалить проблему выбора на плечи Виктора.

Дана уже лежала на кровати, одну руку положив на крутой изгиб бедра, другой подперев голову.

— Ложись, — похлопала Дана по постели. — Я только сейчас поняла, до чего ж устала...

Варя отряхнула волосы и легла, закинув руки за голову и чувствуя, как соски набухают и твердеют.

— Я не знаю, как поступить правильно, — призналась она.

— Думаешь, я знаю? — фыркнула Дана. — Тсс!

Чмокнула перепонка — это вернулся хозяин каюты.

— Жизнь моя! — с чувством произнес Середа. — Иль ты приснилась мне, зараза?

Варя, сдерживая дыхание, слушала, как Виктор раздевается, швыряя вещи в утилизатор, потом полилась вода в душе. Она вздохнула. А вдруг он меня выгонит?! Да нет, с чего бы? Ну, вредная была... Но не наказывать же за это!

Вода в душевой стихла, девушка с замиранием прислушивалась — вот Виктор вытирается... Вот он причесывается перед зеркалом... Идет сюда!

Стук сердца заглушал шаги. В спальню вошел Виктор, голый, мускулистый, с мокрыми, гладко прилизанными волосами. Он резко обернулся, почуяв чье-то присутствие, и растерялся, обнаружив сразу двух прелестниц.

— Привет... — прошептала Варя.

— Приве-ет! — пропела Дана.

— Привет, — сказал Виктор.

Он забрался на кровать, наклонился и поцеловал — сначала Варю, потом Дану. Варвара протянула к нему руки, обняла и прижалась к нему.

Что изменилось? Она не понимала. Почему все стало другим? Ответа не было. Но она и не искала его сейчас — и без того ей было хорошо.

— Я... — выговорил Виктор, задыхаясь. — Люблю тебя!

— Я тоже... — прошептала Кутейщикова, с изумлением понимая, что говорит истинную правду.

Глава 26

ОПЕРАЦИЯ «ЗЕРКАЛО»

Кончилась осень. Москву завалило снегом — это было необычно, сугробы лежали на улицах, оттеняя черные развалины. Сверху Москва больше смахивала не на мегаполис, а на систему поселков, но раны постепенно затягивались. Пройдет время, и Теплый Стан сольется с Перово и Люблино, со всеми очажками недобитого города.

Резиденцию Верховного координатора перенесли в здание Всемирного Совета. Сначала все убрали, проветрили, продезинфицировали и перенесли. Середа любил бродить по громадному зданию, заглядывать в огромные залы, где поселилось эхо. Места здесь хватало, чтобы разместить бездомных москвичей, и потихоньку конгресс-холлы на пять тысяч мест заполнялись спальными мешками, киберкухнями, ревом мелюзги и криками детворы постарше. А Координатору в поисках тишины и покоя приходилось возноситься на самый верх, под своды обзорных площадок. Там только ветер свистел, навевая грусть и способствуя плавному течению мыслей. Оттуда, с полуторакилометровой высоты, хорошо была видна Москва. Люди упорно восстанавливали древнюю столицу Евразии. Правда, из Города Совета удавалось рассмотреть лишь тяжелые машины — оранжевыми букашками ползали они по снегу, оставляя за собой гладкие черные полосы. Это были первые следы возрождения.

...В одном из залов Совета смонтировали персональную станцию Д-связи, здесь-то Координатор и находился с самого утра.

Он сидел один в просторном отсеке, за столом-пультом, а перед ним светилось полукружие экранов. Лица флагманов и капитан-командоров, планетарных координаторов и прочих должностных лиц глядели с Д-приемников на Середу и ждали начальственного слова. Копаныгин в это время находился на планете Аврора, в системе Тау Кита, профессор Вайнштейн обретался на Венере, в Венусборге, остальные тоже, кто где. Но всех их соединял сверхсекретный канал связи со Ставкой Главнокомандующего.

— Начнем, — сухо проронил Середа.

Обведя взглядом экраны, он остановился на Михаиле.

— Флагман, вам слово.

Копаныгин солидно откашлялся и начал:

— Силами Второй и Пятой эскадр системы Тау и УВ Кита зачи... освобождены. Два эсминца себумов захвачены, остальные боевые корабли вескусианского флота уничтожены или выведены из строя. Что еще?

— Потери были?

— Были... — нахмурился Михаил. — Мы потеряли эсминец и эскадрилью истребителей.

— Ясно. Профессор Вайнштейн... Я просил вас подготовить что-то вроде небольшого доклада о материнской планете себумов, о Вескусе...

— Да-да! — оживился профессор. — Я готов!

— Слушаем вас.

Вайнштейн торопливо осушил стакан кваса.

— Итак, Вескус, — внушительно произнес он. — Мы допросили более двух тысяч пленных себумов и узнали об их цивилизации больше, чем за все предыдущие годы. Взгляните на карту!

На экране появились полушария планеты Вескус — голубой цвет преобладал, только по экватору тянулась полоса суши, а к северу и югу океаны рябили архипелагами островов.

— Мировой океан Вескуса, — проговорил голос профессора за кадром, — занимает почти девяносто процентов поверхности планеты. Но он мелок, глубина почти нигде не превышает сорока, семидесяти метров. В редких впадинах дно опускается почти на полкилометра. Течения разносят тепло с экватора к приполярным областям, поэтому температура воды повсюду колеблется от плюс двадцати пяти до плюс тридцати.

Предки себумов были морскими... м-м... назвать их пресмыкающимися было бы неверно... Да и вообще, классифицировать их трудновато. Земноводные? Да. Но есть в себумах и нечто от простейших, например, почкование. Обращает на себя внимание дублирование внутренних систем организма. Так, себумы полихордны, у них три позвоночника, как бы оплетенные сферической сеткой хрящей-тяжей. У себумов не один мозг, а два — передний и задний цереброиды, две воздухополости... У нас, впрочем, тоже пара легких... И две сердечно-сосудистых системы.

Себумы полностью терраформировали свою планету. Еще две тысячи лет назад на Вескусе было два больших материка, теперь они рассечены на острова. Можно сказать, что основной вескусианский пейзаж — это бесконечное повторение лагун, озер, протоков, в обрамлении атоллов, песчаных кос и перешейков. Большую часть жизни себумы проводят в воде. Кстати, планету свою они так и называют — Эсс-Усс, что означает «Большая Соленая Вода». К нам это название пришло через кхацкхов, так в нашем языке возникло слово «Вескус».

Многие ксенологи усматривают в цивилизации себумов наличие некой иерархии, где одни касты подчиняются другим, высшим, а сами касты делятся на кланы и классы. Это не совсем так. Кланы — это анахронизм, как и у нас, кстати. А классы... Да, себумы делятся на четыре класса — Окада предложил их называть классами А, Бэ, Цэ и Дэ. Но это всего лишь разграничение уровней ответственности. Класс «Д» — самый низкий, те, кто его имеет, заняты выращиванием пищи в производственных континуумах или вовсе ничего не делают, только спят, едят и полощутся в океане. Класс «А» — это те, кого можно назвать генералами-администраторами. А касты... При рождении каждого себума определяется его биологическая предрасположенность к тому или иному виду деятельности, его потенции и склонности. Так и формируются касты — каста солдат, каста ученых, каста трудовиков и каста массовиков. Трудовики — это по-нашему техники и инженеры, а массовики... Это и социальные работники, и обслуживающий персонал, и... Сложно подобрать соответствие. Массовики обслуживают всем подряд, помогают морально, снимают напряжения в обществе, цементируют расу.

Я здесь говорю очень поверхностно, не вдаваясь в детали и сильно упрощая... Да, вот что надо отметить. У себумов нет ни одного ксенолога, они никогда не шли на контакт с иными цивилизациями. Кстати, слово «цивилизация» в вескусианском генеральном наречии не имеет множественного числа — себумы убеждены, что в Галактике существует лишь одна цивилизация, та, которую создали они — единственные носители разума. Все остальные разумны не более чем муравьи или пчелы. Поэтому себумы не считают, что ведут войну — просто им понадобились новые планеты, и они их обеззараживают. В принципе я закончил. Вопросы будут?

— Скажите, профессор, — поинтересовался Середа, — а кто правит на Вескусе? Кто ведет войну?

— Кто правит? А все правят! Вы не забывайте, себумы бесполоы, поэтому они лишены стремления к превосходству, к доминированию. Само понятие власти для них чуждо. Просто идет объективный процесс развития — прогрессируют технологии, увеличивается количество населения, и возникает необходимость в расширении жизненного пространства. Себумы высказываются — все двадцать миллиардов особей! — их мнения суммируются. Причем наши понятия «за», «против», «воздержался» для себумов непонятны, они не усматривают логики в ненужных спорах. Их мнения касаются не того — быть войне или миру, а того, какую именно планету завоевывать. Решили Землю у нас отнять, к примеру, и начинают распределять обязанности. Поэтому у себумов нет главных, нет владык. Конечно, в данный момент какие-то особи вершат дела в глобальном масштабе, но их уничтожение ничего не решит — себумы деловито перераспределят обязанности, и все.

— Спасибо, профессор, — поблагодарил Верховный координатор. — Перейду к главному пункту повестки дня. Какую стратегию выбрать? Постепенно и последовательно освобождать все планеты нашего Содружества? Тогда эта карусель надолго — нас ждет перманентная тотальная война. Я предлагаю иной путь. Нужно оставить флот прикрытия у наших планет, а основные силы собрать в кулак. И напасть на Вескус!

Офицеры зашумели.

— Вескус окружен мощной орбитальной группировкой боевых станций, — нахмурился Копаныгин.

— Вот пусть линкоры планетарного подавления и займутся ею! Поймите меня правильно. Космос велик, мы не в состоянии вечно гоняться за себумами и постоянно ожидать нашествия. Надо собрать их флот в одном месте и уничтожить! Если мы нападём на Вескус, себумы обязательно стянут все свои силы на защиту метрополии!

И совещание перестало быть чинным — люди кричали, перебивая друг друга, предлагали свои варианты, спорили до посинения. Через час выкристаллизовалось решение — собирать корабли и стартовать к Вескусу. Операцию назвали «Зеркало».

— Я никогда не разделял целей Великой Совокупности, — прогундосил Ис-Су, — и не понимал, зачем столь усердно размножаться...

— Великая Совокупность — это что? — перебил его Середа. — Ваша раса?

— Да, — булькнул себум и продолжил: — Тяга к размножению объяснима для двуполых существ, но мы не есть испытывающие подобную склонность. Просто однажды жизненные процессы в организме приводят к продолжению рода... Я неправильно выразился?

— Я понял, — успокоил вескусианина Верховный координатор.

— Фаза деления не есть приятно, но полезно и естественно. Но замечается дисбаланс: каста солдат учащенно применяла искусственную стимуляцию почкования — миллионы особей выделяли из себя потомство не однажды, а по три-четыре раза за жизненный цикл. Это я считал неправильным, поскольку снижался индекс здоровья. Это — простите за резкость — неоптимально! И объяснение может быть только одно: стимуляция размножения способствует количественному росту Великой Совокупности. Отсюда потребность в расширении... мне нравится ваш термин — в расширении жизненного пространства. Эскалация космической экспансии... Я нарушаю стиль?

— Ученому это позволительно.

— Да... Так вот, космическая экспансия придает касте солдат смысл существования и востребованность. Но это искусственно вызванные данности! Они нарушают баланс

интересов Великой Совокупности, поэтому я положительно расцениваю вероятную победу хомо — она приведет к восстановлению баланса и стабильности.

— А вы не забыли, что победа достанется ценой многих жертв?

— Все во Вселенной связано и находится в противодействии, все стремится к достижению равновесия, и потери в нормализации сути естественны и продуктивны. Ничего не дается даром, нельзя прийти в движение, не затратив сил. А что такое затрата? Это потеря...

Верховный координатор кивнул и спросил:

— А если я предложу вам поучаствовать... как это по-вашему... в балансировке оптимала? Ваша помощь могла бы резко повысить эффективность и ускорила бы стабилизацию.

— Я непременно дам согласие.

— Тогда слушайте задание. Наш рейд будет непродолжительным, но показательным. Для того чтобы быстро и эффективно покончить с флотом се... э-э... Вес-куса, необходимо собрать его в одном месте. Нападение на Эсс-Усс вызовет ответную реакцию — боевые корабли Великой Совокупности устремятся на защиту материнской планеты, но мы не собираемся их дожидаться по трое-четверо суток, а раньше силы флота не сосредоточатся. И я вот что придумал... Мы высадим вас на Вескусе, а вы попытайтесь инициировать Общественное Раздумье по такому вопросу: надо, мол, сосредоточить все силы в системе УВ Кита. Наш флот нагрянет туда же, и у Великой Совокупности появится блестящая возможность разом покончить с угрозой, исходящей от хомо.

— Или с той, — понятливо пробулькал Ис-Су, — что исходит от цивилизации Эсс-Усс. Да, это оптимально и эффективно. Я согласен.

Вескус являлся третьей планетой, которая обращалась вокруг солнцеподобной звезды HD188753A. Данное светило обреталось в созвездии Лебедя, в сорока шести парсеках от Земли. Эту звездную систему астрономы прозвали Татуин — рядом с солнцем Вескуса находились еще две звезды, оранжевая и красная. А посему рассветы и закаты на Вескусе были потрясающи. Сначала вставала звезда «А», распуская розовую зарю, а потом всходили «В» и «С» разом, расцветивая небо во все оттенки теплых тонов — от насыщенного багрянца до размытого апельсинового свечения. Но себумы не обращали внимания на роскошную игру красок, это было неоптимально...

Ударный флот финишировал в системе Татуин тремя волнами: первыми из гипера вышли линкоры планетарного подавления, за ними материализовались суперкрейсера, последними переместились рейдеры, эсминцы и МАКи.

Верховный координатор поднял свой флаг на линкоре «Максимус».

Покинув точку выхода, линкор устремился к Вескусу, с одного борта освещенный вполне земным солнцем, а с другого подсвеченный оранжевым и алым.

— Готовность раз! — разнеслось по палубам «Максимуса». — Все по местам боевого расписания!

Середа, сложив руки на груди, неотрывно смотрел на панорамный экран, в черноте которого круглился Вескус — бледно-голубой водянистый шар с чешуйчатым налетом облачности с одного боку и с белыми шапочками льдов на полюсах. Подумав, что он стоит в позе Наполеона перед Аустерлицем, Координатор опустил руки на пульт.

— Посты УАС! — негромко произнес он.

— Есть посты УАС! — отозвались операторы со всех сторон боевой рубки.

— Готовность ноль!

— Есть готовность ноль!

Чем ближе становился Вескус, тем больше деталей просматривалось около него. Целый рой больших внешних станций окружал планету, сверкая, словно капельки ртути.

— Где корабли охранения?

— Пока не наблюдаются, — озаботился Григорян. — Есть один! Второй! Группа средних крейсеров над плоскостью эклиптики!

— Дистанция?

— Девять мегаметров!

— «Рогволту-2» и «Цезарю» заняться этой группой!

Вскоре и линкору нашлась работенка — себумы активировали все боевые станции. Скоро метрика пойдет в разнос, и пространство затрещит по швам.

— Скоро... — послышался нервный голос, словно повторяя мысли Середы.

Виктор обернулся и увидел Тенина. Генеральный конструктор стоял рядом и нервно потирал руки.

— Волнуетесь? — усмехнулся Координатор.

— Ну а как же? — вздохнул Тенин. — Одно дело полигон, и другое — реальный бой... Но ундуляторы должны выдержать!

— Надеюсь...

Ундуляторами Тенин назвал хитрые агрегаты, которые умели как бы распарывать нормальное пространство и выпускать перед кораблем ундуляцию — выступ пространства сопредельного, лучше всего «Каппы» или «Эпсилона». В них действовала иная физика, и если на корабль воздействовали боевой нелинейностью, то ундуляция гасила ее. Ундулятор весил под две тысячи тонн, и ставили такую «дуру» лишь на большие корабли, но и то хлеб.

— Активируйте, — приказал Координатор.

Внешние станции себумов открыли массированный огонь, пуская в дело лучевое и пучковое оружие, минутой спустя заработали аннигиляционные установки. Но эмиттеры кхацкхов не подвели — они легко отталкивали потоки энергии. И тогда заработали генераторы нелинейности — космос задрожал, заколебался, словно отражение в жидком зеркале.

— Ундуляция! — взвыл Тенин, сжимая кулаки. — Есть!

По ходу линкора пространство вспучилось, поднимая из ничего гору абсолютной тьмы. Ундуляция словно разгладила скомканную метрику, заштопала провалы, вернула размерность. И опала, уходя в свое нигде.

— Носовым ПГН! Пуск!

Настоящий прибой нелинейности накатил на три военные станции себумов. Они колыхнулись и словно растворились в черноте.

С левого и правого флангов, с зенита и надира линкору «Морана», «Таранис», «Велес» и «Нооген» проделали тот же фокус, выедая в орбитальной группировке себумов колоссальную брешь.

— Тотальное уничтожение! — ревел звучатель. — Всем линкорам — атака!

— Я в готовности, — послышался гнусавый говорок Ис-Су, и Координатор обернулся.

— Отлично! Вас мы отправим на десантном боте, скажете, что сами угнали. Точного вам баланса!

— И вам того же...

Дюжие космопехи повели себума-суперагента на десантную палубу. Пятью минутами позже бот отстыковался и пошел на снижение.

— Ты ему веришь? — спросил подошедший Таппи.

Координатор пожал плечами:

— Это шанс, вот и все. Кстати, у меня для тебя тоже важное задание.

— Слушаю, мой Координатор!

— Отправляйся на Альбертину, это в системе УВ Кита. Там есть старая планетологическая станция. Если наш план удастся и себумы явятся на «рандеву», будешь координировать выход нашего флота из подпространства.

— Есть!

— Команду подбери сам, возьми лучших!

— Так точно!

— Топай отсюда...

— Слушаюсь!

Двумя часами позже линкоры взломали орбитальный «укрепрайон», а те боевые станции планетарной защиты, которые располагались на поверхности Вескуса, превратились в глубокие кратеры, озера kloкочущей лавы.

И тогда Координатор объявил о начале второго акта драмы на театре военных действий — тысячи орбитальных бомбардировщиков покинули палубы крейсеров и пошли на спуск.

Под ними невинно голубело ласковое море Вескуса, испещренное зелеными подковками и кружочками островков.

О чем думали себумы, загоравшие на пляжах, когда увидели в небе чужие бомбардировщики, история умалчивает, но паники не было. До вескусиан просто не доходило, что те жалкие существа, которых они звали хомо и не считали носителями разума, вдруг заявятся к ним в гости. Заявятся не как материал для чудовищных опытов, а за штурвалами боевых машин.

Обширную акваторию, расчерченную на рыби садки, бомбовозы пропустили. Оставили они без внимания и плантации водорослей. А вот когда показались клановые дома со множеством внутренних двориков, общежития, дома пищи — вниз полетели мезонные бомбы. Самое первое попадание пришлось на общий склад, стоявший на сваях. Заряд пробил крышу и тут же вспух ослепительным шаром сиреневого огня. Канал, на берегу которого стоял склад, вскипел, горячая и мутная вода ринулась в воронку. Вторая бомба накрыла массажные павильоны, третья скovyрнула двойную башню лабораториума.

Вой падающих бомб был не слышен — слуховые мембраны лопались от чудовищного грохота. Небо бледнело от сиреневых сполохов, а над рощами коралловых деревьев дыбились огненные грибы взрывов. Впрочем, забавные растения, без листьев, с корявыми ветками, облепленными пористой корой, и впрямь смахивавшие на кораллы, продержались считанные секунды, ибо могли воспламениться. И начались пожары. Да что пожары — песок пляжей стекленел и вздувался пузырями от убийственного жара, решетчатые мостики и мачты из алюминия проливались металлическим дождем.

А бомбардировщики все ткали и ткали «ковровую дорожку», выжигая все живое вдоль Берега Красных Зорь. Опустошив отсеки, они уступали место пилотам, ожидавшимся своей очереди, пополняли боеприпас на кораблях-матках и возвращались.

Бомбы ложились густо, превращая в огненный ад всё видимое от горизонта до горизонта — теперь на месте зеленых островков, отороченных белым кружевом прибоя, из

грязных волн поднимались угрюмые груды шлака и пепла, развороченные, дымящиеся, абсолютно безжизненные.

А на третьем часу непрерывной бомбежки Верховный координатор скомандовал отбой — Ис-Су вышел на связь и передал, что Общественное Раздумье продлилось недолго. Себумы, впечатленные мезонным побоищем, решили дать бой в системе УВ Кита — сотни военных кораблей в радиусе двухсот светолет выходили из подпространства. Вескусиане всегда стремились разгромить неприятеля в одной большой битве, чтобы потом не отвлекаться на мелкие стычки. Но впервые в истории враг напал на Вескус, истребил миллионы особей Великой Совокупности, и привычные рассуждения об эффективности и оптимизации сочетались теперь с нервозностью и легкой растерянностью.

Не могли жалкие хомо сокрушить грозную силу Крепостной Сферы, но они свели ее на нет. Не могли напасть на материнскую планету вескусиан, не могли подвергнуть Великую Совокупность грубой биозачистке, но они напали и подвергли.

И в миллиардах cerebroидов впервые закопошилось сомнение в исключительности Эсс-Усс. Мезонная бомбардировка расшатала основу бытия себумов, поползли трещины по устоям их цивилизации...

Глава 27

ДИЕКПЛУС

1. УВ Кита, планета Альбертина, база «Экваториана»

Таппи Нупуру недолюбливал скафандры, хоть жесткие, хоть полужесткие и мягкие — все они скрывали его новенькую форму и главное — погоны капитан-командора.

Но Альбертина не входила в число кислородных миров, ее густая, «бешеная» атмосфера закручивала ураганы из аргона и ксенона, сдобренных аммиаком и капелькой углекислоты. Но больше всего здесь было пыли, тончайшей голубой пыли. Пыль наметала дюны и барханы, в белесом небе клубились пылевые тучи, пыльные бури стонали, кричали и выли по внешней акустике.

Таппи влез в скафандр, нацепил заряженный кислородный синтезатор, проверил батарею и сказал дежурному:

— Я выйду, прогуляюсь...

Дежурный, отъевшийся Токмаков, дослужившийся аж до капитана космопехоты, бодро кивнул.

Таппи опустил лицевой щиток гермошлема и отправился в шлюзовую камеру. Внешний люк поддался не сразу — песку намело по колено. Кое-как протиснувшись, Нупуру первым делом прицепил страховочный фал — здешние штормы вполне могли и унести человека. Сощурившись, он осмотрелся.

После утреннего тайфуна ветер стих, пыль унесло, оголив плавные волны синих песков. Стало светлей, на юге туманились морщинистые складки гор. Из ангара выползли киберы, высвеченные призрачным голубым ореолом, — электризация здесь просто чудовищная!

Капитан-командор обошел купол капонира кругом и выбрался к складам, похожим на прикопанные бочки. Крепкие решетчатые мачты антенн пыль надраила до блеска, а вот серый металлопласт не поддавался истиранию. Таппи дошагал до гладкой посадочной полосы, серебристую рубчатку которой основательно замел синий песок, и остановился. Дальше голубые дюны разглаживались и пропадали за кромкой гигантского провала.

Кому угодно Альбертина могла показаться скучной и унылой, сплошные муть и вихрь, но Таппи полюбил этот странный мир. За что? Объяснить он не мог. Нет, ну правда, что можно сыскать в голубых пустынях, с начала времен пораженных великой сущью? А вот нравилось ему! Таппи часами пялился в иллюминатор, когда по ту сторону купола ревела буря, любовался перепадами вздыбленных песков, зелеными огнями, хороводящими в мятущейся мгле...

Пискнул вызов. Капитан-командор включил прием и сквозь скорбный треск атмосфериков расслышал голос Токмакова:

— Капитан-командор!

— Что? — спросил Таппи, чуя недоброе.

— Тут приборы... Они... того... регистрируют...

— Что регистрируют? — повысил голос капитан-командор.

— На орбите три себумских корабля!

— Ах ты дрянь паршивая!

Таппи, живо сматывая фал, вернулся в шлюз-камеру. Когда он ввалился в отсек, там уже собрался весь персонал базы. Космопехи переговаривались.

— Массу просчитал?

— Да тут мегатонны прут!

— Ганс, что скажешь?

— Финиши распределены по изохоре, векторы дрейфа отсинхронизированы...

— И что дальше?

— Я-то откуда знаю?

Нупуру выбрался из скафандра и прошел к экранам масс-уловителей. Все четыре продолжали отслеживать возмущения в «нормальном» пространстве — себумские корабли продолжали ломиться, кривизна нарастала, финишные сферы, волчки и конусы сложно интерферировали, создавая причудливую картину из пляшущих созвездий. Счетчики инверсного излучения мелодично взреывали, давясь беспорядочными всплесками.

— Сколько уже финишировало? — спросил Таппи.

— Более пяти сотен, — доложил Токмаков, потевя.

— Сколько?! Ганс, живо вызывай Землю!

Ганс Штейнбах метнулся к громоздким агрегатам Д-передатчика и оживил их. Изображение на экране было плохим, рябило и перекашивалось, звук «плыл», но тут уж ничего поделаться нельзя было — когда поблизости финишируют целые флоты, корежит даже подпространство.

— Слушаю вас... «Экваториана»... — донеслось с далекой Земли. — Прием...

Таппи узнал Копаныгина даже в искаженной картинке, расслоенной и прыгающей.

— Здорово, Миха! — закричал он в звукоприемник. — Слушай меня! Приоритет — ноль! Между УВ Кита и Альбертиной концентрируются большие силы себумов! Более пятисот... Стоп, тут меня поправляют — уже более шестисот боевых кораблей вышли из подпространства и перестраиваются в маневровый порядок! Судя по общему дрейфу, вся группа флотов занимает атакующее построение! Давай, докладывай Верховному, и дуйте сюда, пока жабы в куче!

— Дую!

— У вас в распоряжении сутки... нет, двенадцать часов!

— Понял, понял!

Шумно выдохнув, Таппи отвалился от пульта, вскочил и подбежал к сканировщикам.

— Ну, чего тут?

— Все в порядке, капитан-командор! — отчеканил младший командор Тропинкин. — Корабли противника переводятся в стационарное состояние!

— Ага! — удовлетворенно произнес Таппи. — Ну, все, отквакались, жабы! Учиним мы вам Пёрл-Харбор на поле Куликовом!

У Вари, Даны и Виктора закончился первый медовый месяц и пошел второй.

Середа вернулся в эмбриодом в Капотне, и стали они втроем жить-поживать да добра наживать. Одно лишь омрачало их существование — война.

Виктор никогда не ходил в легкой одежде, только в комбезе, чтобы не терять драгоценные секунды на переодевание. Во дворе постоянно дежурил глайдер, а линкор «Максимум» медленно кружил над Подмосковьем, нигде не задерживаясь, дабы не загоразивать солнце.

Пять миллионов человек служили в Доброфлоте, на стационарах ВКС и в космопехоте. Шестьсот восемьдесят пять сигма-Д-звездолетов числилось в реестре боевых кораблей Содружества Земли, еще девяносто единиц пригнали кхацкхи — всё, что осталось, что уцелело после разгрома. Столько же подросло кораблей таоте. Приближалось время большой битвы...

То памятное утро началось для Середы, как обычно, с любовных игр. Потом Варя, ласковая и томная, заказала завтрак и удалилась в ванную, оставив Виктора с Даной принимать готовые блюда из окна Доставки.

Ровно в восемь сели за стол — Середа в мундире, Варя в халатике, Дана в модном костюмчике — черных колготках и длинной блузке. Создавалось впечатление, что девушка забыла надеть юбку — на то и был расчет.

— О чем задумался, детина? — улыбаясь, спросила Варя.

Координатор фыркнул. Помолчал и сказал:

— Зря вы со мною связались...

— Это почему же? — удивилась Дана.

— Война... — коротко ответил Середа.

— Перестань! — отмахнулась Варя. — Мы им вон как всыпали! И у Сириуса, и возле Проксимы! Не зря же они с Алты ушли! И Теллус, говорят, оставили...

— Оставили, — кивнул Середа. — Но не ушли! Нехорошее какое-то затишье...

И тут закурлыкал видеофон. Координатор с маху хлопнул по клавише приема, и в экране нарисовался Копаныгин.

— Таппи передал секретным кодом по сверхсрочному каналу! — протараторил он. — Себумы собирают в системе УВ Кита группу флотов, там их уже более шести сотен! Я имею в виду — кораблей!

— Ясно! — сказал Середа. — Все на борт!

— Есть! — вытянулся флагман, и экран погас.

— Началось... — пробормотал Виктор, в спешке набирая код, и громко заговорил: — Слушайте все! Сигнал «Плюс»! Группам флотов «Ц» и «Д»! Объявляется получасовая готовность! Немедленно приступить к предстартовому тестированию! Повторяю: готовность тридцать минут!

Он выключил аппарат и задвигался стремительно и быстро — подцепил планшетку компьютера, схватил бласт в кобуре, потом замер. Варя сидела, выпрямившись и молитвенно сжав ладони. Дана понурилась и ковыряла пальцем в скатерти.

— Ну, мне пора, — пробормотал Виктор, подходя ближе и обнимая обеих женщин за плечи.

— Я с тобой... — жалобно-просяще выговорила Варя.

Координатор покачал головой.

— Нет, маленькая, — сказал он, — останься. Мне будет спокойнее, если вы останетесь сидеть здесь и лопать манную кашу...

— Я боюсь... — тоненько-тоненько промолвила Дана.

— Не бойся, — сказал Верховный координатор. — Все будет хорошо!

Он наклонился, поцеловал Дану в шею, Варю в плечико и быстро вышел, спеша занять место в глайдере, прежде чем его догонит крик из дома.

— Гони! — бросил он.

Гумм-на-Взат с ходу зашвырнул аппарат в небо и помчал по прямой к «Максу».

Москва, вонзившаяся в синеву высотками-новоделами, сверкающая куполами, расчерченная первыми эстакадами, аркадами и дугами путепроводов, проносилась вниз, показывая себя и молчаливо убеждая: тут есть что защищать!

Оповещенный «Максимус», небрежно раздвинув облака, приблизился и распахнул ближний шлюз. Гумм мягко посадил глайдер на палубу.

— Свободен, — отрывисто сказал Координатор, выбираясь наружу. — Будь при моих, ага?

— Ага! — быстро согласился Гумм и помялся: — Хотя там, на Ильмене, толку от меня было...

— Да? — улыбнулся Середа, ожидая лифта. — А кто поставил на уши всю СОП?

— Ну-у... да! — взбодрился семигуманоид. — Было такое!

Овальная дверца лифта раскрылась, и Координатор вошел внутрь. Не теряя времени, он достал коммуникатор и вызвал рубку:

— Я на борту! Стартуем!

— Есть! — откликнулся капитан.

«Максимус» напоминал улей, в который медведь сунул загребушую лапу — все палубы гудели, члены экипажа не ходили, а бегали, носились, как наскипидаренные. Техники проверяли палубные истребители и готовили гравикатапульта, канониры налаживали свое хозяйство, филдеры заботились о своем. Чувствовалось, что находишься на боевом корабле, не было той гражданской бестолковщины, что царит на пассажирских лайнерах.

Атмосфера в ходовой рубке была наэлектризована, напряжение и пульсация жизни ощущались всей кожей.

— Господа офицеры! — выкрикнул капитан. — Верховный координатор на борту!

Все вскочили, и Середа жестом усадил их обратно.

— Слушайте все! — зычно скомандовал он. — Часовая готовность для всех! Всем выходить из подпространства планарным строем, финиш в системе УВ Кита! Точку выхода скоординировать через базу «Экваториана»! Через два часа — срочное совещание штаба.

Виктор смолк, до его ушей доходили многочисленные «Есть!», а воображение рисовало впечатляющую картину — почти тысяча громадных кораблей одновременно выходит из подпространства, чтобы принять бой в системе красного карлика... До него отсюда почти девять световых лет. Часов семь-восемь пути... «Вот будет фокус, — подумал Середа, — если мы опоздаем... Нет, не должны. Пока себумы соберут все корабли, пока те подтянутся от разных светил... Сутки уйдут, это точно. Успеем... Должны успеть.

Второй час на обзорниках ни свет, ни тьма — серая мгла, то самое «ничто», которое наполняет подпространство или просто видится человеческим глазам. Панорамный экран в

рубке переключили в селекторный режим, теперь Середа видел лица командующих флотами и эскадрами.

— Я буду краток, — начал Координатор. — Себумы собрали громадный флот возле У-Вэ Кита «А», чтобы нас разгромить. Наша задача — разгромить их. Сейчас там скопилось уже шестьсот кораблей, и мы не знаем, сколько их еще прибудет.

Я отдаю себе отчет в том, что многие из нас погибнут, но если мы победим, мы спасем все человечество — наших детей, жен, матерей и отцов, всех! Так что давайте хорошенько подумаем вот над чем — как нам покончить с себумами и уцелеть самим?

Как действуют себумы в космическом бою? Какова тактика эскадренного боя, принятая также и у таоте-рептилоидов, о чем нам любезно поведал адмирал Хаа Леуи? Походным порядком космического флота является цилиндр. Он легко разворачивается в основной боевой порядок — плоскость. Мы, кстати, и стартовали так, чтобы финишировать в плоскостном строю. Как себумы в настоящем или тьеты в прошлом реализовывали численное преимущество? А просто! При превосходстве в силах боевая плоскость изгибается, образуя как бы полуцилиндр и охватывая противника, и тут уже можно сосредоточить огонь на его граничных боевых линиях. Но дело именно в том, что превосходство не у нас, а у них! Поэтому я предлагаю следующий вариант. И мы, и себумы выстроимся в одинаковом порядке — в виде двух фронтальных плоскостей. Как докладывает капитан-командор Нупуру, линейные силы себумов равномерно распределены по плоскости. А я предлагаю мидель-сегмент нашей боевой плоскости сформировать из суперкрейсеров и линкоров! Большие десантные корабли и модульные крейсера располагаются вне боевого порядка в отдельном защитном порядке. Универсальные и средние крейсера атакуют фланги и тыл боевой плоскости себумов, рейдеры прикрывают эти направления. Но вернусь к главному. Почему суперы и линейники должны сосредоточиться по миделю?

Тут надо припомнить стратегию морского боя далеких античных времен. Так вот, во времена Фемистокла или в пору Пунических войн применялись два основных вида морской атаки — «диекплус», то есть прорыв, и «периплус» — обплыв. Применяя периплус, триремы обходили строй врага и таранили корабли противника с тыла, а при диекплусе они прорывались через строй и опять-таки шли на таран. Вот я и предлагаю воспользоваться опытом древних мореходов и применить диекплус! То есть в момент сближения двух фронтальных плоскостей, нашей и себумской, мидель-сегмент, усиленный суперкрейсерами, должен выстроиться клином, прорвать плоскость себумов, выйти им в тыл и поразить как можно больше кораблей противника. Само собой, это очень опасно, и зря рисковать, было бы глупо. Поэтому надо усилить защиту клина — пусть конусные заградители окружат его по кольцу, а энергоботы выстроятся в кильватерные колонны по радиусам.

Что нам даст диекплус? Многое! Прежде всего, мы навяжем себумам бой по нашим правилам! Жабы привыкли воевать по стандартным схемам, вот пускай испытают на своей шкуре хорошо забытое старое!

Начались прения. Командующие флотами и комэски обсуждали план операции, примеривались и так, и этак, рассматривали варианты, думали о последствиях, но Середа был спокоен. Его не покидала уверенность, что с планом «Диекплус» адмиралы согласятся. А куда они денутся?..

За час до финиша Координатор сходил в корабельную баньку, попарился, переоделся в чистое по старинному русскому обычаю и хорошо поел в офицерской столовой. Битва предстояла нешуточная, возможно, это будет вообще последний бой в его жизни... Не

хотелось бы, конечно, но... Короче, там видно будет.

Середа допивал компот, когда к нему за столик подсел Григорян.

— А вот я интересуюсь, — начал он, — что будет потом?

— На том свете? — уточнил Виктор.

— Ты чо! Я имел в виду — после победы!

— После, чьей победы?

— Нашей, конечно!

— А-а... Тогда не знаю.

— Да уж, — ухмыльнулся капитан-командор, — можно подумать! Никогда не поверю, что Верховный координатор не прикидывал, что нам выпадет в перспективе!

Середа подумал и задумчиво произнес:

— А хрен его знает, Анастас, что там нам выпадет... Могу только озвучить «Основные положения галактической стратегии в фазе войны». Если мы сегодня победим, то поставим полную блокаду Вескуса... По Черчиллю это так: «Первый год — никакого эффекта, второй — очень малое воздействие, третий — значительные результаты, четвертый — коллапс экономики». Ну, может, не четыре года, а сорок лет, какая разница? Но это все так, подход к главному. А главное вот в чем: что нам делать с чужой культурой? Проще всего полностью истребить себумов, но уничтожить двадцать миллиардов разумных существ... Это как-то слишком уж по-себумски, верно? Можно культуру ассимилировать, но лучше всего поменять вектор ее развития. Я даже подумываю о генетической революции! Если мы переделаем себумов по нашему образу, но не подобию... Надо сделать их двупольными! Это в корне изменит и культуру, и мировоззрение! По это, Стас, задача на послезавтра, а сегодня...

По кораблю разнесся вой сирены.

— А сегодня, — начал Середа вставать из-за стола, — надо постараться победить! Усек?

— Ага! — кивнул Григорян.

— Внимание! — ревело по громкой связи. — Приготовиться к финишу! Все по местам! Готовность два!

3. Альбертина, база «Экваториана»

— Сканировщики! — рявкнул Таппи. — А ну, живо по местам! Наши финишируют, а вы шляетесь где-то!

— Мы... — начал Ганс внушительно.

— Разговорчики! — рыкнул капитан-командор и склонился над центральным голокубом, будто выпиленным из черноты космоса. Одна из его граней была отмечена красным шариком, изображавшим УВ Кита под литерой «А», а противоположная была словно бисером расшита — это виднелись корабли себумов, зависшие в пустоте или медленно дрейфовавшие.

— До финиша пятнадцать минут! — объявил Иржи Корда, лопухий форт-капитан.

— Так! — весомо проронил Шматко. — Всем приготовиться! Разбиться по группам! Будем ставить строй!

По Д-связи грянули сразу десятки запросов. Еще минута, и их количество перевалило за сотню. Сканировщики затараторили, передавая уточненные координаты. Вихрь из цифр и букв реял под потолком отсека, бубнящие голоса сливались в монотонный гул. Потом напряжение спало, и уже лишь отдельные припоздавшие корабли испрашивали данные.

— ...Четыре, три, два, один... — вел Ганс обратный отсчет. — Финиш!

Вся середина экрана-куба заискрилась сотнями блесков. Таппи на ум пришла аналогия с рамкой в улье, светящейся капельками меда.

— Общая ориентация флота закончена! — доложил Корда. — Коррекция... Так... Проведена коррекция!

— По группе «Ц» идет поиск дрейф-момента, — проговорил Ганс. — Всё! Навели и отсинхронизировали вектор дрейфа!

В кубе экрана Космофлот Земли начал сближение с флотом себумов.

— Сколько у них сейчас? — негромко спросил Таппи.

— У себумов? — уточнил Ганс. — Ровно тысяча сто пятьдесят. наших поменьше...

— Ничего... — протянул Таппи. — Нас мало, но мы в тельняшках!

4. Борт линкора «Максимус»

Рио Брая приписали к линкору. Командир «Максимуса» предложил Браю на выбор: тихую, спокойную службу оператора систем внутреннего транспорта, на которой, в случае чего, легче было уцелеть, или боевой пост. Рио Брай выбрал место оператора контрактора. Трехмерные контракторы стягивали объекты, ужимая километровый крейсер до полстаметровой болванки, и размещались на самой кромке плоского овала «Максика», «на передовой».

Каждый божий день Рио Брай просиживал за пультом контрактора, сминая вражеские корабли в виртуалке, и вот — реал! Первый настоящий бой. И здесь тебе не высветится «Game over», здесь ты в полной мере испытаешь то, что в киберпространстве было уготовано всяким монстрам...

— Кораблям мидель-сегмента! — раздался мужественный голос Координатора. — Перестроение в клин!

Рио Брай затрудненно сглотнул. Атакующий ордер. Хорошо ломает строй противника.

Он прислушался к себе: не страшно ли? Удивительно, но страха не было. Как-то не верилось в собственную смерть. Вон они, вражеские корабли, близко совсем — тусклые огоньки в ночи. Выстроились и прут. А он почти на острие клина...

Модульные крейсеры кхацкхов заняли место по ободу вертикального кольца, направленного между вектором движения и внешним траверзом. Конусные заградители тоже встали по кольцу, окружая клин. Поперек их строя протянулись колонны энергоботов.

— Держать строй! — прозвучало по интеркому.

Брай глянул на монитор. На экранчике рисованная плоскость начала вздвигаться, пучиться, вытягиваться в конус. И сближаться с вражеским «планаром».

— Посты УАС! — прогремело под низким потолком. — Готовность ноль!

— Есть готовность ноль! — четко ответил Рио Брай и положил руки на рычажки, лаская

пальцем красную кнопку-гашетку.

Первыми на клин обрушились истребители — такие сдвоенные шары, похожие на молекулы кислорода, какими их рисуют в детских книжках. Эскадрилья за эскадрильей заходили себумские пилоты, стробоскопическое сверкание вспышек моментально отозвалось радужными переливами на туманистых вздутых энергетических щитов. В полную силу заработали тангенциальные инжекторы энергоботов, в довесок, к защитным полям создавая электронные облака, также неплохо отражавшие потоки энергии.

— Звену — отстрел! — прозвучала команда и отдалась эхом повторений.

На себумские истребители накинудись модули кхацкхов, поддержанные огнем МАКов. Один из модульных крейсеров совершенно исчез, распавшись на тысячу с лишним истребителей и штурмовиков.

Но это еще не было битвой, лишь преамбулой к ней. А потом началось...

Клин приблизился к вражеской «плоскости», и сразу шесть суперкрейсеров испустили полосы сиреневого света, дотянувшиеся до пары себумских линкоров и четырех ударных дестроеров. Но и сами «суперы» оказались в активных фокусах орудий себумов. И закипел бой. Шаровые излучатели извергали антипротоны во всех направлениях, а незримые силовые поля вдруг словно обрели плоть и цвет — они то вздувались, то сжимались слоями бурлящего огня. Космической ночи не стало — экран пылал, вспыхивая ужасной, режущей глаза белизной, дрожал фиолетовыми фантомами, рябил сотнями вспышек, пульсирующими сгустками голубого пламени.

Изжелта-белым лавовым пузырем взбух малый атмосферный крейсер «Гамаюн» и рассеялся сизоватой туманностью. Вспыхивали и переходили в жесткое излучение истребители-пустотники. Оба себумских линкора, скрученные девятью измерениями, коллапсировали одновременно, добрыми порциями гамма-квантов полоснув по обеим плоскостям. А одному из ударных дестроеров каким-то чудом удалось вырваться. Волна аннигиляции лизнула суперкрейсер «Бравлин», и боевой пост с коллапсарным генератором воссиял краешком Солнца. Дестроер пер прямо на «Максимус», паля из лазерных пушек, а дыму и газов уже набралось столько, что лучи когерентного накала прочерчивались в пустоте отдельными, бледненькими и слабенькими точками-тире.

«Он — мой!» — решил Рио Брай и навел перекрестье визира на силуэт дестроера. Мягко подбавив напряжения, он изо всех сил вжал кнопку с надписью «ПУСК». На табло тут же зажглась индикация: «Трехмерная контракция». Дестроер словно скрылся за невидимым занавесом — сложился под направленной гравитацией до размера истребителя и закувыркался, пропадая за нижним углом экрана.

— Готов!.. — прошептал Брай и рукой размял лицо, одеревеневшее от зверской гримасы. — Готов!

А битва переходила в новую фазу — на линии, вернее, на плоскости огня сошлись оба флота. Рио Браю показалось, что взорвался весь космос — сотни пучков антиматерии, плазменных зарядов, лазерных лучей скрестились и пролили грандиозные потоки энергии, окатив близкую Альбертину, обращенную ночной стороной к сражению, ярчайшим светом. Звезды погасли, пространство содрогнулось, раздираемое боевой нелинейностью.

А клин всё ломил, перелопачивая себумские корабли, расширяя прорыв. Линкоры вышли себумам в тыл. Расходясь кольцом, суперкрейсера обрушили на врага лучевые удары, дотягивались сиреневыми щупальцами до кораблей противника и крушили их, комкая в мегатонные пылинки. Звездное небо, то пригасая, то разгораясь между вспышками взрывов,

мерцало и трепетало. Но и себумы расширили области нелинейности, обращая земные корабли в кварки и беспорядочное фоновое излучение.

— Третья эскадра! — гремело по интеркому. — На прорыв! Восьмая эскадра! Перестроение по схеме «канал»!

Доброфлот, эскадра за эскадрой, перетекал через брешь в себумском строю в тыл и там разворачивался, переходя в атаку. План «Диекплус» работал.

Плоскость, сотканная из земных кораблей, словно таяла. Тут бы себумам и пойти в обхват, окружая фронтальную плоскость полуцилиндром, ан нет! Группа «Ц» продолжала бить себумов спереди, а группа «Д» добивала их сзади! Диекплус создал невиданное положение — большую, но прорванную плоскость себумов окружили две малых плоскости землян и били их на поражение. Сжимали тисками и били!

И себумы дрогнули. Боевые линии кораблей, которые окаймляли плоскость, стали вдруг разлетаться по всем направлениям, торопясь уйти в подпространство. А по рубкам их суперкрейсеров разносилось паническое: «Асс-са, асс-са, тессу-аос асс-цетс сса!» Себумы просили пощады и сдавались в плен.

— Слушайте все! — разнеслось по «Максимусу». — Прекратить огонь! Транспортам приказываю обойти все крупные корабли себумов и разместить пленных на палубах! Малейшее неповиновение должно караться уничтожением! Отсеки блокировать! Десантно-штурмовым модулям и большим десантным крейсерам занять планетарные крейсера и линкоры! Не разрушать — это трофейные корабли! Переводить на автомат! Другие боевые единицы уничтожать после того, как пленные будут сняты!

Помолчав, Координатор добавил:

— Друзья, поздравляю вас с победой!

Рис Брай, не помня себя от переполнявших его чувств, заколотил руками по подлокотникам и заорал:

— Ур-ра-а!

5. Альбертина, база «Экваториана»

Середа, прихрамывая, обошел базу и посмотрел вверх. В белесом небе, подкрашенном багрецом, висели десятки дисков — планетарников и суперов. Сверкающим пятнышком казался трофейный ударный линкор, оставленный на орбите.

— Правильно сделал, — сказал Таппи, — что не добил! Пригодятся в хозяйстве!

— Да уж... — хмыкнул Середа. — наших много погубило — шестидесяти двух кораблей недосчитались...

— Ну да... — буркнул Нупуру и тут же воодушевился: — Зато у жаб на тыщу меньше стало! Во как! Теперь. Всё! И точка!

— И не надейся! — усмехнулся Координатор.

— Как это? — недопонял капитан-командор.

— А так это... Ну ты сам подумай, если бы наши предки в Великую Отечественную немцев только до границы прогнали и помахали бы им ручкой, надолго бы миру быть? Они опять бы нагрянули! Верно?

— Это точно... — протянул Таппи и воспрял: — Ну и ладно! Здесь мы их раздолбали? Раздолбали! И на Периферии уделаем!

— Ладно, — махнул рукой Координатор, — пошли на базу! А то ребята всё шампанское выдуют!

— Пошли! — бодро согласился Таппи. — За это дело надо выпить! И наших помянем, вакуум им пухом, и победу спрыснем! Пошли!

В дверях шлюза Середа оглянулся. Обшарил взглядом курящиеся голубые дюны в громадных овальных тенях и вздохнул. Что он скажет, когда поднимет бокал? Какую крылатую фразу родит его ум? Ничего не приходило в голову.

Велика Галактика, а отступить некуда, за ними — Земля!

Виктор отшлюзовался и прошел под своды главного отсека. Сбросил рукавицы, сияющий Копаныгин помог снять шлем. Таппи протянул главнокомандующему бокал с шампанским.

— Тост! Выдайте тост! — заголосила база.

Середа приподнял бокал, улыбнулся и просто сказал:

— Ну, за победу!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

УАС — управление активными средствами

ПМП — противометеоритная пушка, активное средство двойного применения

КМО — Комиссия межпланетных отношений, аналог МИДа в астрополитике

СЖО — система жизнеобеспечения

ПГН — палубный генератор нелинейности

БОП — Большой орбитальный порт

«Пацифик» — след голубя в кольце, эмблема пацифистов

СК — суперкрейсер

МТ — межзвездный транспорт

Стинкер (англ.) — вонючка

Служба Охраны Правопорядка

ЛПП — линкор планетарного подавления